Краснодарский университет МВД России

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
памяти профессора В. Е. Квашиса
(29 сентября 2023 г.)

Краснодар
2023

УДК 343
ББК 67.408
У261

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор (председатель);
В. С. Соловьев, кандидат юридических наук, доцент
(заместитель председателя);
А. С. Ильницкий, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);
П. В. Максимов, кандидат юридических наук;
И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент;
В. В. Яковлев, кандидат юридических наук, доцент

Уголовная политика и культура противодействия
У261 преступности [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В. Е. Квашиса, 29 сент. 2023 г. / редкол.: А. Л. Осипенко, В. С. Соловьев, А. С. Ильницкий и др. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-9266-1981-9

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» памяти профессора В. Е. Квашиса, состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 29 сентября 2023 г.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1981-9

© Краснодарский университет
МВД России, 2023

Содержание

Цоколова О.И. Значение трудов Виталия Ефимовича Квашиса для юридической науки…….. 9

Генрих Н.В., Грибанов Е.В. Об оценке региональной криминологической безопасности и мерах по ее обеспечению……. 13

Готчина Л.В. О некоторых направлениях предупреждения российской преступности в современных реалиях: теория для практики…… 20

Карабанова Е.Н. Повышение доверия граждан к субъектам уголовно-правовой политики……. 23

Карнаушенко Л.В. Правовые стимулы и социальный контроль: взаимодействие и результаты……... 29

Кашкаров А.А. Влияние сезонных миграционных процессов на преступность в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе……. 35

Козаев Н.Ш. Особенности установления места совершения преступления в составах преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием сети Интернет…. 41

Яковлева Л.В. «Преступная неосторожность» в трудах В.Е. Квашиса…… 47

Бахур О.И. О соотношении наказаний при их замене более строгим ввиду уклонения от его отбывания……. 51

Воспякова О.Ф. Отдельные вопросы ответственности за участие в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов…… 57

Вульвач Р.С. Проблемы расследования геноцида белорусского народа и отдельные аспекты совершенствования уголовно-процессуального законодательства……... 61

Грузинский Д.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, военнослужащих и их близких: законодательные, теоретические и прикладные проблемы…….. 66

Евдохова Л.Н. Специфичность субъектов и объектов различных видов товароведческих экспертиз растительного сырья и продукции……. 70

Меерсон В.Р. О некоторых особенностях насильственных посягательств, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы (по уголовному законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации)…. 76

Сулимов М.А. Особенности уголовно-правовой охраны порядка подготовки и проведения спортивных соревнований в зарубежных странах……. 82

Абисова К.С. Реализация основ стратегического планирования в рамках организации противодействия терроризму… 87
Аведян А.А. Характеристика жертвы насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел……. 91
Бархатова Е.Н. Уголовно-правовое воздействие: цели, формы, тенденции…… 96
Василенко В.В., Борисова О.В. Противодействие преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий….. 99
Вакуленко Н.А., Баскаева М.В. Актуальные вопросы современной превенции в отношении рецидивной преступности в России и зарубежных странах……. 103
Васильев А.М. Злоупотребление правом как одна из форм регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве…….. 114
Вертепова Т.А. Проблемные вопросы определения предмета преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 УК РФ.... 119
Вечерникова Д.В., Марина А.А. Правовой статус переводчика в уголовном процессе……... 125
Грибанов Е.В. Перспективы развития антикриминальной пропаганды в деятельности органов внутренних дел…….. 128
Евтушенко И.И. Актуальные вопросы квалификации деяний по статье 205^1 УК РФ…….. 132
Жамкова О.Е. К вопросу о правовом статусе сведений, собираемых защитником при производстве по уголовному делу….. 136
Зинченко Д.С. Преступное использование теневого сегмента Интернета в целях незаконного оборота наркотиков…….. 140
Иванов А.В. Вопросы оформления процессуальных документов на стадии предварительного расследования…… 143
Ивушкина О.В., Жалене Ю.С. Криминологические особенности мошенничества в сфере предпринимательской деятельности……. 147
Игнатенко Е.А. Прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования при выявлении и расследовании преступлений, предусмотренных статьей 207 УК РФ, совершенных с использованием IP-технологий……... 154
Ильницкий А.С., Пестов С.В. Современные тенденции и виды мошеннических действий на рынке интим-услуг в сети Интернет……... 160
Каснова М.С. К вопросу о предупреждении преступности в социальных сетях…….. 165

Колбасин В.В. О проблемах борьбы с насильственными сексуальными преступлениями, совершаемыми в отношении малолетних и несовершеннолетних иностранными гражданами и лицами без гражданства…….. 170
Лещенко В.П. Проблемы пенализации мошенничества, совершенного с использованием средств электронного платежа в системе специальных видов мошенничества……. 174
Любимов Л.В. К вопросу об общей конфискации имущества в современных реалиях…….. 179
Майорова Е.И. В.Е. Квашис как непостижимый объект познания…… 187
Максимов П.В. Этимология термина «банда» и социально-правовая трансформация бандитизма в России…….. 191
Малышев А.Н. Родительская семья как субъект профилактики повторных преступлений несовершеннолетних……. 195
Меретуков А.Г. О некоторых особенностях объективных признаков, связанных с квалификацией организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства…….. 198
Никуленко А.В., Смирнов М.А. Уголовная политика в сфере обеспечения прав граждан на самозащиту…….. 201
Палий Е.С. Новеллы уголовного законодательства как реакция на геополитические вызовы…….. 206
Паршина И.А. Особенности женской преступности в России 210
Петровский А.В. Тенденции российского криминологического (профилактического) законодательства в контексте противодействия преступности……. 217
Родыгин Р.А. О некоторых особенностях конструирования объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 151.2 УК РФ…… 224
Русина Т.С. Криминологическая характеристика молодежи, вовлекаемой в экстремистскую и террористическую деятельность 228
Рясов Д.А. Уголовно-правовая политика России в области противодействия дискредитации деятельности органов внутренних дел…….. 231
Савенко И.А., Бикмашев В.А. Доктринальное толкование преступлений против жизни и здоровья по уголовному законодательству республик Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизской Республики и Российской Федерации…….. 237
Седых Т.В. Неотложные следственные действия: особенности их производства……. 246
Случевская Ю.А. Статистическое измерение экологической преступности…… 250

Снyткин Р.И. О некоторых особенностях исполнения альтернативных видов уголовных наказаний…….. 255
Соловьев В.С., Осипенко А.Л. Формы проявления организованной преступности в информационно-телекоммуникационной среде…… 263
Старостенко О.А. Структура виктимологической характеристики жертв киберхищений…….. 276
Стебенева Е.В. Уголовный закон в механизме противодействия коррупции…….. 280
Табакова Н.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних в условиях информационной глобализации… 284
Туманов Д.О. Эффективные формы профилактики безнадзорности и преступности несовершеннолетних (опыт взаимодействия органов внутренних дел и иных субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних)….. 288
Тумасян А.С. Процессуальный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)……. 294
Тыдыкова Н.В. О дополнительных наказаниях в санкциях норм главы 18 УК РФ……. 299
Факов А.М. Общая характеристика системы противодействия финансированию террористической деятельности 305
Федченко В.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел…… 310
Хомутов М.В. Криминологическая характеристика молодежных движений антиобщественной направленности…….. 316
Чернышев Д.Б. Проблемы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 187 и 273 УК РФ…….. 320
Чуб И.С. Современное состояние и тенденции развития преступлений против собственности в России……. 323
Шарлова М.Н. Побои в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации……. 333
Шевченко А.В. Проблемы оценки состояния детоубийств…. 336
Шишова О.П. Культурное наследие как объект преступных посягательств…… 342
Яковлев В.В. Роль криминологических прогнозов в деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений против собственности……. 347
Блохин Я.А. Классификация преступлений, совершаемых мигрантами…….. 355

Бондарева А.А. Современные формы воздействия на несовершеннолетнего, направленные на побуждение его к совершению самоубийства…….. 361
Бриллиантова В.А. Сравнительно-правовой анализ применения законодательства России и зарубежных стран при привлечении к уголовной ответственности за банкротство……. 366
Гаглоев Л.З. Вооруженные нападения на образовательные организации как объект криминологического исследования…….. 371
Ганжа М.В. Применение нейронных сетей в новых подходах к превенции преступлений……. 375
Диянич В.Ю. Оперативно-розыскная характеристика краж денежных средств с банковских счетов: понятие и содержание…… 380
Капустин Я.М. К вопросу об отдельных видах преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил…… 384
Каранова Д.А. Классификация преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий…… 388
Литовченко А.И. Инструменты противодействия обороту детской порнографии в странах – участниках СНГ……. 394
Лукошина П.А. Теоретико-правовые основы финансирования экстремистской и террористической деятельности 400
Мордовина А.В. Проблемы наказания за неоказание помощи больному……... 405
Олейник О.С. Классификация некоммерческих организаций и иных объединений граждан, посягающих на личность и права граждан……. 410
Пушкова Н.В. Субъективные факторы детерминации вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность…. 413
Семак В.Г. Особенности личности преступников, совершающих хищения в сфере дорожного строительства…… 420
Серова Д.В. О некоторых проблемных аспектах криминологического исследования насилия в семейно-бытовой сфере…… 424
Смольницкая А.А. Безопасность несовершеннолетних в сети Интернет: криминальные угрозы и меры их минимизации…. 428
Тимченко П.А. Проблемы назначения судебных экспертиз на этапе проверки сообщения о преступлении……. 433
Умярова Р.Р. Правила производства предварительного судебного контроля за гласными и конфиденциальными следственными действиями…… 437
Усмонов И.С. Общественная опасность деяния и его элементы……. 443

Хагур Ю.А. Особенности личности преступника, совершившего самоуправство…… 451
Ханджян К.А. Уголовная политика в игорной сфере…….. 456
Хасанов Р.Д. Перспективные направления противодействия террористической угрозе в Республике Таджикистан и отдельные проблемы их реализации……. 460
Шарафиева Г.И. Детерминанты кражи безналичных денежных средств…… 467
Шевчук-Горобец К.Ю., Маслак С.Н. Антикриминальная пропаганда и ее осуществление сотрудниками полиции……. 471
Шуров А.А. Субъективные факторы детерминации заведомо ложного доноса…… 475
Эшонов Д.А. Преступления, посягающие на безопасность государства в законодательстве России в дореволюционный период……... 481
Юрченко Ю.А. К вопросу о правовой природе «Z» и «V» при совершении правонарушений, предусмотренных статьей 203.3 КоАП РФ и статьей 280.3 УК РФ…….. 484

Цоколова Ольга Игоревна,
доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель начальника
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

Значение трудов Виталия Ефимовича Квашиса для юридической науки

В.Е. Квашис прежде всего известен своими достижениями в сфере криминологии, но не будем забывать, что он является автором фундаментальных научных трудов по уголовному праву, по зарубежному праву, по сравнительному правоведению.

Кандидатская диссертация В.Е. Квашиса «Амнистия и помилование по советскому праву» под руководством профессора Николая Дмитриевича Дурманова защищена в МГУ в 1967 году[1]. К своему первому научному руководителю В.Е. Квашис относился с глубоким уважением, гордился тем, что принял участие в качестве редактора его монографии «Советский уголовный закон»[2]. Кандидатская диссертация В.Е. Квашиса отличается глубоким всесторонним охватом проблемы. Выбор темы был определен опытом работы в Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, который рассматривал ходатайства о помиловании. Рассматриваются вопросы уголовного, уголовно-процессуального, административного права. Автор отмечает, что многие вопросы либо не регулировались правом, либо регулировались закрытыми нормативными документами.

По результатам диссертационного исследования в 1969 году В.Е. Квашис опубликовал известную монографию «Гуманизм советского уголовного права»[3]. В этой работе последовательно проводится идея о том, что «наказание в Советском государстве было и остается вспомогательным, а не главным средством борьбы с преступностью»[4] (Монография с. 9 – 10).

Докторская диссертация В.Е. Квашиса «Преступная неосторожность (социально-правовые и криминологические проблемы)» защищена в МГУ в 1981 году. В диссертации рассмотрены как уголовно-правовые аспекты

---

[1] Квашис В.Е. Амнистия и помилование по советскому праву. Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1967.

[2] Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон: Монография. М., изд-во МГУ, 1967. 319 с.

[3] Квашис В.Е. Гуманизм советского уголовного права: Монография. М., Юридическая литература, 1969. 142 с.

[4] Там же. С. 9–10.

преступной неосторожности, так и криминологические. Значительная часть работы относится к дифференциации наказания и его исполнению.

Обосновывая актуальность диссертации, автор указывает: «С начала 70-х годов общая структура преступности заметно меняется, резко возрастает доля неосторожных преступлений, причем в их структуре также происходят неблагоприятные изменения, связанные с тем, что абсолютное большинство неосторожных преступлений составляют преступления в области использования техники»[1].

В 1980 году по данным Росстата, в России в ДТП погибло 27,5 тыс. человек (в 1985 – 22.5 тыс.). В 2022 году, для сравнения, в ДТП погибли 14 тыс. чел[2]. Автопарк и скорости сейчас несопоставимо больше, а количество неосторожных преступлений, основную часть которых составляют ДТП, 40 лет назад было в 2 раза выше, и проблема стояла остро. Причины – отсутствие культуры вождения, пьянство за рулем, которое тогда обществом не критиковалось, низкое качество дорог. Таким образом, докторская диссертация В.Е. Квашиса создала теоретические основы преодоления серьезной общественной проблемы. Были написаны и прикладные работы, в том числе «Ответственность за правонарушения на транспорте»[3] и др.

Несмотря на то, что со времени написания этого труда прошло уже более 40 лет, проблема неосторожной преступности, предупреждения неосторожных преступлений и справедливого наказания за них сохраняет свое значение, и докторская диссертация В.Е. Квашиса по-прежнему актуальна. В последние годы возник и распространился новый вид неосторожных преступлений, связанный с электросамокатами и иными средствами индивидуальной мобильности. И необходимы не только административно-правовые меры, но и криминологические средства предупреждения таких преступлений.

В середине 90-х годов научные интересы В.Е. Квашиса обратились к проблеме защиты прав потерпевших от преступлений. Книга «Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» опубликована в 1999 году[4]. И снова профессор посвящает свой труд наиболее актуальной теме. «Преступность в России в последние годы приобрела изощренные и разрушительные формы и вышла на одно из первых мест среди дестабилизирующих социальных факторов. Ежегодно

---

[1] Квашис В.Е. Преступная неосторожность (социально-правовые и криминологические проблемы // Квашис В.Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967 – 2021). 3-е издание, переработанное и дополненное. СПб., Изд-во Юридический центр, 2021. С. 809. 1164 с.

[2] Запрос через Яндекс.ру, дата обращения 20.09.2023.

[3] Квашис В.Е. Ответственность за правонарушения на транспорте. М.: Изд-во «Знание», 1974. 42 с.

[4] Квашис В.Е. Основы виктимологии. М.: NB, 1999.

последствия преступных посягательств ощущают на себе миллионы людей»[1]. В работе уделено внимание криминологическим, психологическим, уголовно-процессуальным аспектам защиты прав потерпевших. Последовательно проводится идея о том, что необходимо реальное возмещение ущерба, причиненного потерпевшему. «Анализируя законодательство и практику его применения, следует признать, что из-за отсутствия цивилизованного подхода к защите интересов потерпевших возмещение ущерба еще не стало стержнем правосудия, основополагающим принципом российской уголовной политики»[2]. Труды В.Е. Квашиса, посвященные виктимологии, стали теоретической основой целого научного направления.

Далее научный интерес В.Е. Квашиса обратился к иной, даже, пожалуй, противоположной проблеме – к смертной казни. В 2008 году вышла его монография «Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы»[3]. Как известно, смертная казнь перестала применяться в России с 1994 года. Вопрос о смертной казни – вопрос скорее политический, чем вопрос борьбы с преступностью. Количество приговоров к исключительной мере наказания всегда было незначительно по отношению к общему количеству осужденных. Однако, как раз в те времена вопрос о смертной казни активно обсуждался в обществе. И труд криминолога оказался как всегда своевременным. В.Е. Квашис в своих работах отмечал, что вопрос о смертной казни очень зависим от общественного мнения и периодически возникает после тяжелых преступлений, вызвавших большой общественный резонанс и возмущение граждан.

Его научные труды, посвященные проблемам уголовного наказания в виде смертной казни переведены на многие языки. Надо сказать, что если в начале исследования данной темы ученый доказывал, что отмена смертной казни в России политически предрешена[4], то в последние годы он неоднократно говорил о том, что поменял свое мнение по вопросу смертной казни.

Еще одно направление научных интересов В.Е. Квашиса широко известно и уникально. Это его исследования преступности в разных странах мира. Особенно ценно, что результаты своих наблюдений

---

[1] Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений // Квашис В.Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967 – 2021). 3-е издание, переработанное и дополненное. СПб., Изд-во Юридический центр, 2021. С. 725. 1164 с.

[2] Там же. С. 836–837.

[3] Квашис В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М., Юрайт, 2008. 275 с.

[4] Квашис В.Е. Указ. соч. // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967 – 2014). СПб: Изд-во Юридический центр, 2015. С. 995.

публикует профессиональный криминолог, имеющий большой стаж работы в органах внутренних дел и патриот своей страны. Его труды в этой части объективны, выводы представляют теоретическое и практическое значение для российской юридической науки. Большинство работ посвящены преступности в США и в Японии. Япония вообще была его любимой страной, особенно когда цветет сакура, его рассказы про эту страну были необычны и увлекательны. Исследовал он преступность и в европейских странах: Испании, Италии, Франции, и в ЮАР. Знаменитая карта мира, расчерченная маршрутами его путешествий по миру, висела на стене в его кабинете 417 в здании ВНИИ МВД России на ул. Поварской, 25 с. 1.

Зарубежный опыт используется в диссертациях и иных трудах по многим юридическим направлениям, но как правило, это страны ближнего зарубежья. Что касается других стран, то часто тексты переписываются из других работ. В отличие от этого, В.Е. Квашис пишет о том, что сам наблюдал и изучал.

Его круг научных интересов очень широк. Он исследовал вопросы уголовной ответственности юридических лиц, экологические преступления. Очень много он размышлял о судьбе криминологии и путях развития этой отрасли юридической науки. Научное наследие В.Е. Квашиса неисчерпаемо, актуально и останется в истории юриспруденции как значимый этап развития российской криминологической науки.

Генрих Наталья Викторовна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия

Грибанов Евгений Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Об оценке региональной криминологической безопасности и мерах по ее обеспечению

Новые социально-политические реалии, с которыми в последнее время столкнулось наше государство и общество, существенно актуализировали ряд положений криминологической науки. Среди них центральное место занимает теория криминологической безопасности[1], призванная создать научно обоснованную базу устранения разрыва ориентиров правоохранительной деятельности с интересами населения.

Криминологическая безопасность, являя собой объективное состояние защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств[2], имеет свой не только социальный и отраслевой объект приложения, но и территориальный.

Разработка теории криминологической безопасности применительно к проблемам географии преступности является научным ответом на массовые вызовы, обусловленные бурным развитием криминального феномена и традиционной пассивностью правоохранительной системы.

В первую очередь следует сказать об *изучении состояния криминологической безопасности*, криминальной ситуации или показателей преступности и связанных с ней фоновых явлений, которые в

[1] См.: Бабаев М.М., Плешаков В.А. Понятие и содержание криминологической безопасности // Преступность и общество. Сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 11–18; Лебедев С.Я. Развитие теории и практики криминологической безопасности как основной ориентир правоохранительной деятельности // Актуальные проблемы формирования профессиональной компетентности и культуры сотрудников правоохранительных органов: материалы международной научно-практической конференции. Брянск: БФ МосУ МВД России, 2006. С. 4–10; Лебедев С.Я., Лапин А.А. Стратегические направления деятельности органов внутренних дел по обеспечению криминологической безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4. С.142–147.

[2] См.: Симоненко Д.А. Криминологическая безопасность и учет ее состояния в оценке правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 5. С. 57–58.

совокупности позволяют говорить об уровне криминологической безопасности региона или конкретной территории. Без объективного изучения реального положения дел в рассматриваемой сфере невозможно продвинуться в вопросах обеспечения криминологической безопасности. Фиксация и правильная интерпретация имеющих место в регионе криминологических показателей является отправной точкой для выработки мер воздействия на криминальный феномен, осуществления эффективного криминологического прогнозирования и планирования, принятия управленческих решений в рассматриваемой сфере. Сделать это представляется достаточно сложно как в стране, так и в отдельных регионах. Сегодня мы точно не знаем реального обобщенного объема преступности, ее полных социальных и экономических последствий, не имеем адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в стране и мире[1].

Каковы же сегодня источники получения значимой криминологической информации, которая может стать основой для оценки криминологической безопасности в регионах России?

Первым источником такого рода информации служат данные правовой, а в нашем случае уголовно-правовой статистики, которая отражает информацию о количестве и качестве зарегистрированных преступлений, лицах их совершивших, потерпевших от зарегистрированных преступных посягательств, ущербе от зарегистрированных преступлений, судимости и некоторые иные сведения. Эта информация может быть получена из открытых официальных источников. Вместе с тем, по данным специальных криминологических исследований, число латентных преступлений превышает количество зарегистрированных в несколько десятков раз[2]. По этой причине избегают уголовной ответственности 90 и более процентов правонарушителей. Безнаказанности преступников способствует и низкий уровень раскрываемости преступлений, балансирующий на уровне 50%. Реальная же «пропускная способность» репрессивной компоненты правоохранительной системы ограничивается возможностью относительно эффективно реагировать не более чем на 1 миллион из нескольких десятков миллионов совершенных преступлений[3]. Ситуация значительно

---

[1] См.: Лунеев В.В. Проблемы российского уголовно-правового законотворчества (часть I) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2. С. 54.

[2] См.: Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. URL: http://www.msal.ru/common/upload/Kriventsov_P.A._Disertatsiya.pdf (дата обращения: 16.08.2017).

[3] См.: Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2016 год. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_file/godovoy_otchet_2016.pdf (дата обращения: 16.08.2017).

усугубляется на региональном и особенно местном уровнях в связи с отсутствием обоснованных официальных данных о численности населения территорий (особенно крупных городов) в силу значительной миграции населения и стремительной урбанизации. Если такие данные и имеются, то часто они носят оперативный характер и не являются предметом научного и управленческого анализа.

Однако официальная статистическая информация представляет определенную ценность. В целом она отражает не столько состояние преступности в конкретном регионе и ее тенденции, сколько позволяет говорить о характере реакции правоохранительной системы на преступность, т. е. определяет ее «пропускную способность». Кроме этого, анализ официальных данных позволяет достаточно объективно проанализировать тенденции низколатентных видов преступности (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, разбои и т.п.), а также отдельные компоненты структуры и характера преступности (например, доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, доля рецидивной преступности, доля тяжких и особо тяжких преступлений и др.), личности преступника, характеристики жертв и ущерба от преступлений.

Таким образом, лишь часть специальным образом отобранной официальной статистической информации о преступности применима для оценки характеристик криминологической безопасности в конкретном регионе или территории.

Помимо тенденций, имеющих исключительно криминологические свойства, криминологическую безопасность не в меньшей степени определяют следующие особенности регионов России: социально-экономические, политические, духовно-культурные, демографические, миграционные, этно-конфессиональные и другие, в совокупности оказывающие решающие влияние на преступность и ее характеристики. Именно здесь заключены основные источники социальных противоречий, выступающие ведущими факторами преступности. Для изучения может быть использована официальная статистическая информация, отражающая ситуацию в указанных сферах, а также данные эмпирических исследований в соответствующих отраслях. Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере. Демографическая и миграционная ситуации в отдельных регионах Юга России последние годы характеризуется значительным ростом рождаемости, усложнением миграционных процессов и, как следствие, значительным ростом количества малолетних и несовершеннолетних в общей структуре населения отдельных муниципальных образований. Так в отдельных школах Краснодарского края параллель состоит из 15 и более классов. Казалось бы, на первый взгляд, речь идет о вещах, не имеющих ничего общего с проблемами безопасности. Однако, своевременный анализ ситуации позволит определить ряд насущных и перспективных проблем обеспечения

криминологической безопасности в этой сфере. Значительный рост в муниципальном образовании числа подростков неминуемо обострит проблемы детской безнадзорности и беспризорности, алкоголизма и наркомании, преступности несовершеннолетних и противоправных посягательств в отношении несовершеннолетних. С учетом слабо развитой инфраструктуры по организации досуга несовершеннолетних, пассивности и ограниченных возможностей субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних на местном уровне указанные противоречия будут проявляться особенно остро.

Важнейшим источником значимой криминологической информации являются эмпирические данные, полученные специалистами в ходе проведения специальных криминологических исследований. Их могут проводить научные работники и имеющие соответствующую подготовку специалисты правоохранительных органов. Источниками эмпирической информации могут быть специальные опросы различных категорий граждан, экспертные опросы и другие доступные методы эмпирических исследований. Здесь следует сказать о наибольшей эффективности экспертных опросов, позволяющих быстро и с минимальными затратами получить важную и объективную информацию в рассматриваемой сфере, в т. ч. о латентных процессах, не находящих отражение в официальных данных.

С целью сбора эмпирической информации эффективно использовать возможности социальных сетей интернета. Здесь возможно не только проведение контент-анализа, но и специальных удаленных опросов различных категорий граждан[1].

Отдельным направлением сбора эмпирической информации является проведение диагностических и мониторинговых исследований уровня криминологической безопасности в целом или ее отдельных компонентов в регионе, муниципальном образовании, учреждении.

В этой связи представляется целесообразным проведение последовательной ежегодной диагностики состояния криминологической безопасности регионов и территорий России. Диагностика позволяет решить ряд задач:

– выявить остроту криминальной ситуации на территории, т. е. степень включенности различных категорий населения в антиобщественную и преступную деятельность;

– определить механизм (субъекты, объекты, факторы, пути) втягивания населения в преступную и антиобщественную деятельность;

[1] См.: Соловьев В.С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 43.

– типологизировать население в зависимости от их приобщенности к криминальной субкультуре, выявить их группы для дальнейшей адресной работы;

– установить отношение населения к различным проявлениям криминала, правоохранительным органам;

– выявить количественные и качественные параметры информированности о методах и формах обеспечения личной, имущественной безопасности, безопасности жилища, детей и т.п.;

– определить уровень оценки населением основных характеристик криминологической безопасности.

Диагностика предполагает реализацию следующих форм изучения и фиксации информации:

– учет информации в специальной криминологической карте территории (география, демографический и этнический состав населения, показатели административной и уголовной деликтности, распространение фоновых явления и т.п.);

– учет реального соотношения между гражданами, приобщенными к криминальным явлениям и исключенными из них, как один из основных показателей криминальной ситуации территории.

Эти преимущества криминологической диагностики рекомендуется использовать для анализа текущей ситуации и ее прогнозе на ближайшую перспективу. Диагностика и прогноз, в свою очередь, выступают в качестве основы выработки адекватных ситуации путей ее изменения в позитивную сторону, основой планирования официальных профилактических мероприятий по корректировке ситуации, а также обоснованной оценки эффективности профилактических мер. Криминологическая диагностика и мониторинг позволяют не упустить момент появления новых криминальных тенденций и опередить их разрастание до стадии необратимости процесса.

Диагностика должна производиться непрерывно, посредством ежегодных комплексных исследований криминологической безопасности в муниципальных образованиях, опираясь на наиболее простые социологические методы замера ситуации. Динамика соотношения полученных количественных и качественных показателей будет свидетельствовать об оздоровлении либо ухудшении состояния исследуемой проблемы.

Полученная таким образом и изученная специалистами информация позволит выявить проблемы в обеспечении криминологической безопасности, определить основные факторы, оказывающие влияние на ее модальность на конкретной территории и в конечном итоге осуществить эффективное краткосрочное и среднесрочное *прогнозирование,* а также *планирование* мер воздействия на криминогенные факторы.

Определение криминогенных факторов должно носить максимально точный, предметный характер применительно к специфике региона или муниципального образования. Конкретизация действия криминогенных факторов во многом предопределяет успех выработки профилактических мер.

Выработка и реализация мер, направленных на обеспечение криминологической безопасности должны носить плановый характер, что может быть воплощено в планах или программах, направленных на обеспечение криминологической безопасности. Разработке плана или программы наряду с анализом ситуации должно предшествовать *криминологическое прогнозирование.*

Помимо достаточно хорошо разработанных в юридической литературе, но вместе с тем сложно применимых в правоохранительной практике методов криминологического прогнозирования, таких как экстраполяция и моделирование, следует более широко использовать возможности метода экспертных оценок. Этот метод позволяет достаточно оперативно, с использованием наименьших затрат получить ценную информацию, которая будет положена в основу обоснованного криминологического прогноза.

Единственным значимым препятствием в реализации данного метода прогнозирования видится проблема отбора экспертов. От качества проведенного отбора во многом зависит достоверность прогноза. Основным критерием отбора экспертов является глубокая степень погруженности в исследуемую проблему, их максимальная приближенность по роду профессиональной деятельности к проблемам обеспечения безопасности населения. Например, на уровне муниципальных образований по широкому спектру проблем обеспечения криминологической безопасности граждан в местах их проживания в качестве экспертов могут выступать участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, сотрудники оперативных подразделений полиции. Это должны быть специалисты, имеющие значительный стаж службы в указанных должностях, и способные к профессиональной оценке оперативной ситуации и ее возможного развития в будущем.

Результаты анализа ситуации и прогнозирование ее развития являются исходными положениями *планов и программ обеспечения криминологической безопасности.* Данные разделы планов и программ должны венчаться перечнем конкретных проблем и криминогенных факторов на которые необходимо оказать воздействие с помощью общесоциальных или специальных мер. Здесь следует отметить, что основная масса криминогенных факторов формируется на общесоциальном уровне, а потому воздействие на них лежит в области реализации общесоциальных мер, ведущими субъектами реализации

которых являются органы региональной и местной власти, а также субъекты профилактики не относящиеся к правоохранительным органам (органы социальной защиты населения, органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления образованием и др.).

Каждому выявленному фактору (проблеме обеспечения криминологической безопасности) должен соответствовать перечень максимально конкретных мероприятий, позволяющих в совокупности оказать на него необходимое воздействие.

Заключительная часть программы должна быть посвящена анализу эффективности реализованных мероприятий. Эффективность каждого проведенного мероприятия должна быть оценена путем применения разнообразных методов замера и оценки ситуации.

Готчина Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

О некоторых направлениях предупреждения российской преступности в современных реалиях: теория для практики

В настоящее время существенно усилилось опасное состояние организованных преступных групп, к ним отнесем и неформальные объединения некоторых государств с целью распространения экстремизма и терроризма на территории России.

Доктор юридических наук, профессор Д. А. Шестакова оценивает «… разгоревшуюся ныне у края России схватку как преступную»[1]. В научную полемику вступает и доктор юридических наук, профессор В.Н. Бурлаков, отмечая, что «такую деятельность иначе как террористической назвать нельзя»[2].

Террористические атаки в России направлены, прежде всего, «на идею сплочения и единение народа; навязывание либеральных подходов; переход от национальных ценностей к европейским; распространение заведомо ложной информации (фейков)»[3].

Сегодня мы «наблюдаем кризис западной цивилизации, который проявляется и в ее сверхагрессивности, самоуничтожении»[4]. Первая направлена, в том числе, на российское общество.

Западная цивилизация сегодня несет нам массу разрушительного: переориентацию с традиционных семейных ценностей на их отрицание, вымещение приоритета двуполых браков на однополые, потребительское отношение к природным ресурсам, материальным ценностям, обезличивание человека и отношение к нему как к продукту. Последнее

---

[1] Шестаков Д. А. Опасное состояние глобальной олигархической власти (Отблеск давнего учения). URL: https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/452-17-fevralya-2023-g-beseda-politicheskaya-kriminologiya (дата обращения: 31.01.2023).

[2] Бурлаков В.Н. Идеологический терроризм и ответственность за него URL: https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/452-17-fevralya-2023-g-beseda-politicheskaya-kriminologiya (дата обращения: 31.01.2023).

[3] Готчина Л.В. Современные проявления международного терроризма в России // Актуальные проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Белгород, 23 марта 2023 г./ сост.В. И. Борисовский; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С. Н. Глаголева; Белгор. гос. технол. ун-т. Белгород: Изд-во БГТУ, 2023. С. 46.

[4] Там же.

имеет реализацию в следующих преступных формах, таких как: педофилия, рабский труд, сексуальная эксплуатация, криминальная трансплантация органов.

В условиях проводимой специальной военной операции (СВО) дети с территории Украины противоправно вывозятся за границу, подвергаются физическому, сексуальному насилию; с поля боя забирают раненые с последующей передачей их на преступную трансплантацию органов.

Против славянского народа сегодня развернута преступная организованная деятельность, финансируемая и руководимая западом.

Для спасения русского народа необходимо проводить исследования особой виктимной группы населения – русских. При этом использовать следует и «словесную, и физическую формы защиты всемирного статуса русских. Первая форма реализуется представителями словесности, интеллигенции, учеными; вторая – людьми, задействованными в специальной военной операции (далее – СВО) в Украине. Наивысший уровень виктимности наблюдается у граждан приграничных с Украиной регионов»[1].

Сегодня говорить о специальной военной операции, писать о ней – значит порождать опасность стать жертвой террора, осуществляемого Украиной и ее союзниками. Чем авторитетнее говорящий, тем выше его виктимность. Перечень примеров тому пополняется – убийство в 2022 г. Д. Дугиной. Правоохранительными органами установлено: преступление подготовлено и совершено украинскими силовыми службами. Его исполнитель – гражданка Украины Наталья Вовк. Ее дочь в период подготовки и совершения преступления находилась также в России. В данном случае семейный фактор выступает фактором, облегчающим конспирацию подготавливаемого преступления и уход от уголовной ответственности виновных лиц.

Полностью согласна с мнением Д. А. Шестакова, полагающего, что «сегодняшнее преступностиведение должно сосредоточить внимание на опасном для окружающего мира состоянии глобальной олигархической власти (ГОВ), которая направила западные страны на развертывание и материальное обеспечение (вооружением, деньгами и др.) войны, ведущейся против России пока силами украинцев»[2]. И ключевое слово

[1] Готчина Л.В. Современные проявления международного терроризма в России // Актуальные проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Белгород, 23 марта 2023 г./ сост.В. И. Борисовский; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. С. Н. Глаголева; Белгор. гос. технол. ун-т. — Белгород: Изд-во БГТУ, 2023. С. 48.

[2] Шестаков Д. А. Опасное состояние глобальной олигархической власти (Отблеск давнего учения). URL: https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/452-17-fevralya-2023-g-beseda-politicheskaya-kriminologiya (дата обращения: 31.01.2023).

здесь – «пока». Сегодня констатируются факты проникновения на территорию России межнациональных диверсионных групп, специально подготовленных в вопросах ведения боя, минирования стратегически жизненно важных мест, состоящих из граждан не только Украины, но и Польши, стран Прибалтики и европейских представителей. Так, в августе 2023 г. была пресечена попытка прорыва на территорию Белгородской области женской вооруженной диверсионной группы, состоящей из представительниц вышеуказанных государств в количестве 25 человек. Страшно представить, какой вред они могли причинить жителям приграничного региона России в случае успешной реализации их замыслов. Криминологически представляет интерес такие организованные группы, сформированные по гендерному принципу и характеризующиеся, к сожалению, особой жестокостью, беспринципностью, потерей семейных ценностей. И возникает вопрос, как их деятельность совмещается с наличием у самих семей.

На основании анализа международной риторики можно констатировать увеличение в недалеком будущем количества национальностей-жертв сверхагрессивности западной цивилизации, расширение территориального пространства идущего противостояния России и НАТО. Как следствие, в кратчайшие сроки необходимо поспособствовать осознанию гражданами России личной безопасности как частного случая национальной безопасности. А это невозможно осуществить без реализации словесной и физической форм защиты всемирного статуса русских.

Как мне видится, сегодня первовостребуемы следующие направления предупреждения российской преступности в современных реалиях:

- возврат к консервативному подходу к ценностям семьи;
- идеология победы;
- историческая стабильность (реализуется через единые учебники истории);
- актуализация патриотического преклонения перед героизмом русского народа, проявленным в годы Великой отечественной войны и в период специальной военной операции;
- кадровое соответствие преподавательского состава в вузах, ссузах и школах (программы переподготовки и повышения квалификации);
- сохранение и социальная поддержка молодежи.

Карабанова Елена Николаевна,
доктор юридических наук,
заведующий отделом Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации

Повышение доверия граждан к субъектам уголовно-правовой политики

В настоящий момент Министерством юстиции Российской Федерации совместно с другими ведомствами (Верховный Суд Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации, Следственный комитет Российской Федерации, МВД России и др.) и ведущими юридическими вузами страны проводится полномасштабная работа над проектом концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации.

На первом этапе было принято решение остановиться на уголовно-правовой политике, поскольку именно уголовное законодательство выступает базовой отраслью российского законодательства криминального цикла. После утверждения концепции уголовно-правовой политики предполагается формирование концепций и по иным направлениям с тем, чтобы в дальнейшем появилась возможность проработать вопрос об общей стратегии уголовной политики (по всем ее направлениям) на основе выработанных документов.

Одним из основных вызовов, послуживших причиной разработки этого важнейшего политико-правового документа, является снижение доверия граждан к органам власти и к их способности противостоять преступности. В связи с этим повышение авторитетности и компетентности субъектов уголовно-правовой политики и доверия граждан к ним заявлено в качестве одной из целей уголовно-правовой политики.

К сожалению, современное уголовное законодательство выступает объектом постоянной и, что самое печальное, обоснованной критики. Критические замечания касаются не только качества вводимых нормативно-правовых конструкций – его способны оценить только в профессиональном сообществе ученых и практиков, но и существа принимаемых норм – и здесь необходимо считаться (в разумных, конечно, пределах) с общественным мнением, ведь уголовная политика – это часть социальной политики государства, а без обратной связи социальная политика не может эффективно реализовываться.

В юридической литературе многократно и справедливо отмечаются избыточная криминализация и одновременно пробельность уголовного закона; бессистемность пенализации; трудности разграничения уголовно- и административно-правовых запретов; трудности понимания бланкетных

признаков преступлений в виду их различного содержания в уголовном праве и в праве иной отраслевой принадлежности; широкие возможности для разнообразного толкования уголовно-правовых норм, что противоречит принципу законности и развивает правовой нигилизм. И хотя эти недостатки подмечены профессиональными юристами, они интуитивно ощущаются и в обществе в целом.

Полагаю, что будущая концепция уголовно-правовой политики внесет посильную лепту в исправление ситуации, сложившейся в современном правовом пространстве.

Итак, что же влияет на степень доверия граждан к субъектам уголовной политики? Для ответа на этот вопрос необходимо понять ее социальную сущность. Традиционно уголовную политику связывают с минимизацией преступности. Хорошо известно, что для этого есть разные пути, самый простой и действенный – это декриминализация деяний (полная или частичная) и введение института уголовного проступка. Сразу оговорюсь, что если к первому отношусь взвешенно и избирательно, то ко второму – резко отрицательно. Есть большие сомнение, что эта глобальная для всей системы деликтного права новелла повысит доверие граждан к субъектам уголовной политики.

Почему? Обратимся к результатам опроса по декриминализации побоев. Одобрили это изменение в законе 26% участников опроса (среди мужчин – 33%). Не одобряют новый порядок 57% наших сограждан (среди женщин – 67%). При этом большинство противников декриминализации побоев (17% от общего числа опрошенных) апеллируют к принципу справедливости и частной превенции (формулировки: «наказание должно быть жестким», «должно быть уголовное наказание, чтобы помнил», «за рукоприкладство надо наказывать не штрафом, а суровее», «кухонный боксер должен сидеть».) Лишь 1% опрошенных, выступая против декриминализации побоев, сослались на общую превентивную роль уголовно-правового запрета (формулировки: «больше дисциплинирует», «другие пусть боятся», «чтобы был страх перед законом»)[1].

Таким образом, в массовом сознании восстановление социальной справедливости – это основная цель уголовной ответственности, устанавливаемой через запрет, а частнопревентивный эффект уголовно-правового запрета превосходит его общепревентивное значение.

Становится очевидным, что укреплению доверия граждан к субъектам уголовной политики способствует не минимизация преступности сама по себе, а ощущение безопасности и справедливости (если безопасность кем-то нарушена). Таким образом, поставить знак равенства между минимизацией преступности и обеспечением безопасности личности, общества и государства никак нельзя.

[1] Опрос проводился в 2019 году. URL: https://fom.ru/Rabota-i-dom/14236 (дата обращения: 13.08.2023).

Ощущение безопасности граждан определяется уровнем вредоносности общественно опасных деяний. Причем этот уровень складывается как из качественных, так и количественных показателей. В криминологии давно ведутся споры о том, какие методы борьбы с преступностью эффективнее: профилактика или уголовно-правовые меры. Рядовой гражданин решил этот вопрос в пользу последних. Так, среди опрошенных людей, полагающих, что уровень наркопреступности в стране за последние годы снизился, доля тех, кто увидел в этом заслугу правоохранительных органов (формулировки: «гоняют за это, сажают», «закрывают притоны часто», «наверно, полиция стала работать лучше») в два раза превысила долю апологетов пропаганды здорового образа жизни («идет большая пропаганда здорового образа жизни», «информация идет про наркотики», «пропаганда последствий») и появления здоровых развлечений («уровень жизни растет, и у людей появляются нормальные духовные потребности», «спортом занимаются», «у детей интерес появился, кружки, к спорту тянутся»)[1]. О чем это говорит? О том, что в менталитете россиян главная роль в сфере борьбы с общественно опасными деяниями отводится уголовно-правовым средствам.

Примечательно, что население не просто считает их основным орудием в борьбе с преступностью, но и в целом оптимистично оценивает превентивную эффективность уголовно-правовых запретов. Так, при изучении общественного мнения о введении уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих, проводимом в 2013 г., половина респондентов (48%) полагали, что благодаря этому запрету случаев оскорбления религиозных чувств станет меньше, 28% скептически отнеслись к законодательным новеллам, 20% затруднились ответить[2].

Перейдем к вопросу о справедливости – второму столпу доверия граждан к субъектам уголовно-правовой политики. Мы проанализировали реакцию общества на конкретный случай назначения наказания участницам группы «Pussy Riot», устроившим скандальную акцию в Храме Христа Спасителя (они были приговорены к двум годам лишения свободы). Не увидели за приговором скрытых целей и подтекстов лишь 32% опрошенных, в то время как 45% были уверены, что это не просто решение суда, а сигнал обществу. Среди возможных целей, которых власть пытается добиться вынесенным приговором, наиболее правдоподобными респондентам казались укрепление статуса православия и православных ценностей в российском обществе (37%) и попытка отвлечь внимание от актуальных социально-экономических проблем (36%). По 30% респондентов не исключили, что таким образом власти пытаются запугать

[1] Опрос проводился в 2014 году. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/11685 (дата обращения: 13.08.2023).

[2] Опрос проводился в 2013 году. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10782 (дата обращения: 13.08.2023).

оппозицию и повысить авторитет государства среди верующих. Наименее реальной респондентам показалась конспирологическая версия о том, что приговор призван ослабить авторитет Православной церкви и Патриарха, оттолкнуть верующих (18%).

При этом более половины россиян (53%) были готовы проявить свою гражданскую позицию относительно назначенного девушкам наказания. Из них 22% в случае необходимости могли принять участие в акции по сбору подписей в поддержку действующего решения суда. Еще 17% заявляли о готовности мирными способами добиваться смягчения приговора, 14% – напротив, ужесточения[1]. Как видно из приведенных данных, лишь 42% респондентов, готовых добиваться справедливого наказания для участниц «Pussy Riot», сочли таковым наказание, назначенное судом. Однако больше половины опрошенных посчитали наказание либо излишне строгим, либо излишне мягким, причем диаметрально противоположных взглядов было почти поровну. Это многое объясняет в вопросе восстановления социальной справедливости. Получается, что эта цель наказания труднореализуема.

Главный вопрос – как оценить степень доверия граждан к субъектам уголовно-правовой политики? Ведь если одной из целей этого направления политики заявляется повышения степени доверия граждан к ее субъектам, значит искомая степень доверия должна регулярно замеряться. Наиболее точные результаты дало бы масштабное исследование общественного мнения с большим количеством вопросов и с использованием специальных методик социологического опроса. Разумеется, такое исследование ресурсозатратно, поэтому было бы разумно использовать некие скрининговые исследования для получения первичных, пусть и недостаточно точных, данных. В качестве такого «скрининг-теста» можно применять анализ мнения населения по вопросу смертной казни. Безусловно, это сложная социально-философская материя, принятие или неприятие которой в обществе обусловлено множеством факторов (криминологических, психологических, культурных и даже экономических), но очевидно одно – население страны, где отсутствует доверие к судебной системе и правоохранительным органам, никогда не будет выступать за применение смертной казни, руководствуясь вековой мудростью «не зарекаться от тюрьмы». Положительное отношение к смертной казни как к феномену возможно только при убежденности людей в справедливости уголовного закона и в честности уголовного судопроизводства. В то же время, и это подтверждено зарубежными исследованиями, существует зависимость между благосостоянием

[1] Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 1-2 сентября 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4% URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kto-stoit-za-pussy-riot (дата обращения: 07.08.2023).

общества и отношением к уголовному наказанию, которое развивается циклично и колеблется между двумя разными социальными установками. «Сочувственное» отношение к преступникам возникает, когда в обществе складываются хорошие экономические условия, царит оптимизм, склонность к либерализму. В такие периоды отмечается низкий карательный потенциал уголовного закона, наказанию отводится реабилитационная роль. В эпоху социально-экономического кризиса, который всегда сопровождается всплеском преступности, она воспринимается обществом как «зло», посягающее на основы социальной жизни и морально-нравственный порядок, которые нужно защищать любой ценой. Данные периоды характеризуются высоким уровнем антипатии к преступникам и наиболее суровыми уголовными наказаниями[1].

Таким образом, отношение общества к смертной казни – это одновременный индикатор ощущения и справедливости, и безопасности, как раз того, из чего складывается ощущение доверия к субъектам уголовно-правовой политики, о чем было сказано выше.

В нашей стране подобные социологические исследования проводятся давно и на регулярной основе. Вопрос применения смертной казни в России волнует большинство наших сограждан (73%). Впрочем, каждый пятый респондент не придает значения этой проблеме (20%).

Отношение населения России к этому важнейшему уголовно-политическому решению менялось на протяжении последних десятилетий. В 2002 г абсолютное большинство (78,7%) респондентов считало, что смертная казнь должна применяться в нашей стране[2].

В 2010 г. только относительное большинство опрошенных выступали за разрешение и применение смертной казни (44%). Вторым по популярности вариантом решения этой проблемы было сохранение нынешнего положения, т. е. наложение моратория на смертную казнь (29%). В меньшинстве оказались россияне, выступающие за полную отмену смертной казни на законодательном уровне - 18%[3].

Ситуация резко изменилась к началу третьего десятилетия. В 2021 г. лишь 2% опрошенных россиян высказались за отмену моратория на

[1] Melossi D. Changing Representations of the Criminal // The British Journal of Criminology. 2000. Vol. 40. № 2. P. 296–320.

[2] Проблема безопасности, качество работы полиции (милиции) и отношение к смертной казни в Болгарии, Чехии, Венгрии, Литве Польше и России URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/massovye-chuvstva-k-sverkhbogatym-rossiyanam-spokojstvie-i-nenavist- (дата обращения: 20.09.2023).

[3] Казнить нельзя помиловать: где поставить запятую? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kaznit-nelzya-pomilovat-gde-postavit-zapyatuyu (дата обращения: 20.09.2023).

смертную казнь[1]. Причины такой перемены в общественном мнении необходимо устанавливать в ходе дополнительного криминологического исследований. В качестве гипотезы можно предположить снижение уровня доверия граждан к правоохранительным органам, потому что другие триггеры гуманизации общественного сознания – экономическое благополучие, ощущение безопасности – сегодня вряд ли можно признать превалирующими.

[1] Данные ВЦИОМ https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10729 (дата обращения: 20.09.2023).

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории и истории
права и государства
Краснодарского университета МВД России

Правовые стимулы и социальный контроль: взаимодействие и результаты

Регулятивные механизмы общества и института государства опираются на различные приемы и подходы, позволяющие достигать социального порядка, стабильности, равновесного состояния основных элементов социальной системы. Одну из ключевых ролей в данном аспекте играет право и связанные с ним регулятивные инструменты. Право, основанное на консолидированном «репрезентативном» общественном мнении относительно ключевых целей и ценностей общественной жизни, воплощает в себе как принцип справедливости, так и принудительный потенциал государства. Посредством права регулятивные инструменты социума стремятся найти баланс между добровольным и осознанным следованием нормам права и принуждением со стороны государственной власти. В этом аспекте целесообразно обратить внимание на правовой стимул и связанные с ним социальные конструкты.

В общетеоретическом аспекте под правовым стимулом обычно понимают «правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования. Правовые стимулы основываются на свободе выбора, взаимной выгоде (личности и общества) и позитивно-созидательных началах»[1].

В то же время с точки зрения функционального подхода правовой стимул – это «комплексный юридический институт, который становится правовым только в том случае, если он получает соответствующее нормативное закрепление, влекущее появление у него новых правовых качеств»[2]. Исследователями в этой связи подчеркивается, что правовой стимул – это «закрепленная в норме права публичная возможность лица удовлетворить потребности и интересы путем использования своего субъективного права и (или) исполнения юридических обязанностей, а также получить награду в виде различных материальных и иных благ»[3].

---

[1] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. С. 4.

[2] Мирошник С.В. Правовой стимул: понятие, структура // Проблемы экономики и юридической практики. 2013.№5. С. 12–14.

[3] Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 72.

В приведенных двух вариантах определения понятия «правовой стимул» наблюдаются существенные различия, которые в научной литературе актуализированы на протяжении длительного периода времени и приняли системный характер системного противоречия. Здесь одним из ключевых вопросов становится ключевое позиционирование данной категории: с акцентом на личность, социального актора, гражданина или на институт государства и его правоохранительную систему. Данная дилемма проходит «красной нитью» через многие теоретические построения исследователей в сфере права и правового стимулирования. Как представляется, во многих теоретических конструктах присутствуют две крайности: с одной стороны, гражданина нередко отождествляют с неким пассивным объектом государственно-правового воздействия, который подвергается определенному «позитивному» влиянию и, соответственно, строит стратегии правомерного поведения. Данные идеи во многом сродни убежденности государственных управленцев во «всесильности» агитации, пропаганды и т.п. инструментов воздействия на людей. С другой стороны, человек рассматривается как носитель широкого круга прав и свобод, как субъект удовлетворения социальных потребностей, который с точки зрения сформированной у него личностной системы духовно-нравственных координат решает, какие стратегии поведения (правомерного или отклоняющегося) ему принять. В данном случае права и свободы личности выдвигаются на первый план по отношению к государственной власти, что также является достаточно спорным. Однако ключевая роль правовых стимулов в обществе не подвергается сомнению.

Правовое стимулирование как процесс вполне закономерно рассматривается как информационно-психологическое воздействие, т. е. как разновидность акта социальной коммуникации, где в качестве реципиента выступает гражданин. В частности, по мнению А.В. Дорофеева, влияние на поведение человека происходит «с помощью правовых стимулов на мотивацию субъектов права для корректировки их поведения. Правовое стимулирование имеет внешний характер по отношению к внутренним побудительным мотивам и личностным стимулам поведения человека»[1].

Часть исследователей убеждена в том, что право в силу особого статуса в государстве и обществе обладает признаками стимула человеческого поведения. Как отмечает Д.И. Провалинский, «право само по себе уже есть стимул определенного рода поведения – для этого оно и устанавливается. Однако если право в каких-то моментах теряет свою

[1] Дорофеев А.В. Общетеоретическая характеристика института правового стимулирования // Ex jure. 2020. № 4. С. 7–22.

эффективность, возникает проблема дополнительных мер стимулирования законопослушного поведения»[1].

Вместе с тем, наиболее сильной стороной правового стимулирования выступает мягкое, сбалансированное воздействие на социального актора с целью добиться от него добровольного, сознательного, инициативного следования нормам права. Исследователи в этой связи обращают внимание на роль правовых стимулов в генезисе «особо полезного правомерного поведения, особенностью которого, отличающей его от иных видов правомерных действий личности, является уважение к закону, убежденности в социальной значимости права»[2].

Правовой стимул выполняет ключевую роль в процессе социализации подрастающих поколений, так как, по мнению исследователей, служит важным инструментом формирования «механизма саморегуляции поведения. Правовой стимул содержит положительные предписания, выполнение которых поощряется государством. Но только от самого субъекта зависит, использовать правовой стимул или нет, стать участником данных правоотношений или остаться пассивным наблюдателем»[3]. Таким образом, познание и усвоение правовых стимулов расширяет не только правовой, но и, в целом, социальный кругозор личности, способствует осуществлению социализационного процесса.

Ключевое значение в процессе правового стимулирования имеет преодоление иррациональных, эмоционально-чувственных, аффективных и т.п. социальных установок, которые в большей мере свойственны подрастающему поколению, однако могут вполне проявляться и во взрослом возрасте. Очевидно, что правовой стимул становится действенным лишь благодаря подготовленным социальным условиях – рационализации действий людей. Здесь важное значение имеет именно роль правовых стимулов в удовлетворении потребностей людей.

С.В. Мирошник в этой связи указывает, что действие права «состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям, во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, Л.И. Петражицкий был уверен, что стимулирующая правовая мотивация – это фактически единственно действенное средство рационализации индивидуального и массового поведения»[4].

---

[1] Провалинский Д.И. Правовое стимулирование в свете государственной политики современной России: сб. статей междунар. науч.-практич. конф.. Красноярск, 2015. С. 7.

[2] Там же. С.8.

[3] Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 55.

[4] Мирошник С.В. Правовой стимул как элемент правой культуры // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. С. 153–161.

Вместе с тем, процесс правового стимулирования как отражение стремления субъектов коммуникативного процесса к появлению определенных мотивов у граждан в аспекте правомерного поведения, предполагает и наличие противоположного процесса – ограничения, «торможения» других мотивов, желаний, стремлений, которые способны привести к неправомерному поведению, к различного рода девиациям и деликтам.

В этой связи А.В. Малько, «правовое ограничение – установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать. Правовые ограничения связаны с государственным принуждением, силой, давлением, угрозой лишения ценностей» [1] . Относительно правовых ограничений остается актуальным тот же вопрос, как и по отношению к правовым стимулам: насколько серьезна внегосударственная система в данном аспекте? Стоит отметить, что правовые ограничения целесообразно рассматривать в контексте более широкой регулятивной системы – социального контроля, который, как известно, может принимать как формальный (государственно-властный), так и неформальный характер (который может принимать разнообразные формы, в том числе и самоконтроля личности). Поэтому сводить правовые ограничения, как и правовые стимулы, в большей мере к социальному институту государств означало бы, как представляется, серьезное упрощение проблемной ситуации, так как действие юридических (правовых) норм необходимо рассматривать лишь как элемент соционормативной системы общества в целом.

А.В. Новиков в этой связи обращает внимание на то, что социальный контроль представляет собой «сложное многофункциональное явление; синтез государственного и общественного (гражданского) контроля, совокупность политических, экономических, идеологических процессов и методов, призванных обеспечить стабильность общества, государственного строя, соблюдение социального порядка»[2].

Помимо отмеченных аспектов функционирования социального контроля в обществе, следует обратить внимание на роль элитарных слоев в организации социального контроля. В частности, как полагает Е.М. Кузнецова, «социальный контроль осуществляется только в рамках социальных отношений между социальной элитой и обществом по поводу социального управления». [3] Многообразные формы, способы. Методы

---

[1] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. С. 91.

[2] Новиков А.В. Социальный контроль в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра соц. Наук. М., 2000. С. 12.

[3] Кузнецова Е.М. Социальный контроль как элемент социального управления: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. С. 52.

социального контроля предполагают наличие разветвленной, сложной системы, в которой правовые инструменты пересекаются с неправовыми (мораль, религия, традиции и т. д.).

В этой связи одним из наиболее сложных вопросов представляется взаимодействие правовых стимулов и социального контроля, особенно в условиях современного трансформирующегося общества, где многие институты и подсистемы претерпели значительны изменения за прошедшие несколько десятилетий. Например, по сравнению с индустриальным обществом существенно выросла роль коммуникативной составлявшей как в правовом стимулировании, так и в социальном контроле. Различные формы манипуляции, пропаганды, информационно-психологического воздействия, проникнув в системы массовых коммуникаций (Интернет, телевидение и т. д.) активно используются как в правовом стимулировании, так и социальном контроле. Одновременно продолжают действовать и традиционные нормативные инструменты, прежде всего, нормы права. Этот симбиоз, свойственный современному обществу, существенно осложняет именно взаимодействие правовых стимулов и социального контроля. На ранних стадиях исторического развития социума эта «связка» была весьма простой и эффективной. Однако по мере усложнения социальной системы ее эффективность стала снижаться, а «мультивариативность» взаимодействия породила ряд гносеологических научных проблем, одной из которых выступает оценка результатов взаимодействия правовых стимулов и социального контроля. Следует отметить, что на общетеоретическом уровне такая оценка оказывается затруднена междисциплинарностью, вследствие чего различные методологические подходы нередко оказывается слабо совместимыми друг с другом. В свою очередь, на эмпирическом уровне анализа сказывается недостаток общетеоретического консенсуса, вследствие чего эмпирически наблюдаемые индикаторы взаимодействия правовых стимулов и социального контроля не получают должной систематизации. Это осложняет взаимодействие науки и практики социального управления.

Подводя итоги, следует заметить, что правовое стимулирование, как и социальный контроль играют ключевую роль в регуляции поведения людей и, следовательно, в обеспечении социального порядка и стабильности в социуме. По мере усложнения социальной системы как правовое стимулирование, таки социальный контроль существенно расширили формы своего присутствия в социуме, в том числе и посредством симбиоза с другими явлениями, процессами, элементами общества. Глубокие трансформации социума на протяжении последних десятилетий актуализировали ряд гносеологических научно-практических проблем, связанных с оценкой взаимодействия правового стимулирования и социального контроля. Однако до настоящего времени

междисциплинарная сфера общественных наук не представила консенсусной объяснительной модели, вследствие чего снижается эффективность социального управления в данной сфере. При этом продолжающиеся трансформации общества формируют нестабильную, постоянно изменяющуюся социальную систему, подверженную различным рискам, что приводит к хроническому отставанию науки и практики от развития проблем в данной сфере.

Кашкаров Алексей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Влияние сезонных миграционных процессов на преступность в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе

Многие социальные процессы имеют положительные и отрицательные проявления, миграционные процессы не являются исключением. Не расписывая положительные проявления миграции, отметим, что одним из негативных является то, что миграцию следует признавать одним из фоновых процессов, который существенным образом влияет на преступность.

Миграция является сложным социальным процессом, исследователи отмечают, что одной из разновидностей является сезонная миграции. Это перемещения, главным образом, трудоспособного населения к местам временной работы и жительства на срок обычно в несколько месяцев, с сохранением возможности возвращения в места постоянного жительства. Также существует сезонная рекреационная, туристская миграция, связанная с притоком отдыхающих в курортный регион.

Такие факторы как географическое положение, климат и имеющийся курортно-рекреационный потенциал и сельскохозяйственные возможности обуславливают комбинированную природу сезонной миграции в Крыму. При этом в силу объективных, прежде всего природно-климатических, факторов туристский и рекреационный бизнес в Крыму стабильно имеет четко выраженный сезонный характер. Приток отдыхающих в курортный период объективно приводит к потребности увеличения количества рабочих мест для их обслуживания.

Также сезонность миграционных процессов в Крыму обусловлена оттоком местного населения из региона в осенне-зимний период, когда местное население убывает в иные регионы для получения работы в связи с объективным сокращением рабочих мест после окончания курортного либо сельскохозяйственного сезонов. Отток местного населения в осенний период обусловлен выездом обучающихся крымчан за пределы полуострова. Высшие образовательные организации Крыма и города Севастополь в силу объективных и субъективных причин не пользуются особой популярностью у абитуриентов, проживающих за пределами крымского полуострова.

Кроме того, следует указать, что сезонная миграция как социальный феномен исторически изменчив. Это обусловлено политическими, экономическими, социальными и иными факторами. Например, черноморские курорты были особо популярны среди населения до

изменения социально-политической обстановки в 90-е годы XX столетия, изменились курортные и рекреационные предпочтения граждан, выезд на рубеж стал доступнее и, как следствие, представители криминального сообщества (за исключением местных) стали реже проводить время на черноморских курортах, снизился приток профессиональных игроков в азартные игры.

Криминологической характеристике вопросов миграции в последнее время уделяется достаточно внимания, исследовали критикуют непоследовательную государственную политику в данной сфере [1], раскрывают проблемы миграционной безопасности[2], а также предлагают меры по разрешению проблем в сфере адаптации мигрантов[3]. Однако вопросы, связанные с криминологической характеристикой сезонных процессов в сфере миграции детально не рассматривались. Крым и город федерального значения Севастополь, как исследовательская площадка, является уникальным регионом, в котором можно провести изучение сезонных тенденций, влияющих на состояние и уровень преступности в курортной сфере.

Сезонная трудовая (преимущественно нелегальная) миграция, а также сезонная туристическая миграция в Республике Крым и городе Севастополе обуславливают сезонную миграцию криминального элемента, а также сезонные колебания уровня регистрируемой на территории полуострова преступности, отражающие уровень криминализации и виктимизации полуострова.

Существенное влияние на криминализацию региона оказывают процессы нелегальной трудовой миграции, которую условно можно разделить на два вида. Первый вид – традиционная для Крыма трудовая миграция (на сезонные курортно-туристические и сельскохозяйственные работы в Крым прибывают граждане из Украины и Молдавии); второй вид – трудовая миграция рабочих ресурсов (преобладают выходцы из Средней Азии: Узбекистан, Таджикистан и Киргизская Республика), связанных с активизацией строительных работ. При привлечении сезонных рабочих не

---

[1] Урда М.Н. Криминогенный потенциал Государственной Программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 131–137

[2] Буткевич С.А. Современные риски и угрозы протестной активности мигрантов: оценка, прогноз и превенция // Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений. Симферополь: Полипринт, 2022. С. 58–70.; Климова Д. В. Миграционная безопасность: угрозы и вызовы современности (на примере Республики Крым) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-1. С. 135–137

[3] Климова Д.В. Социально-культурная адаптация мигрантов в Российской Федерации (на примере Республики Крым) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 210–212.

оформляются соответствующие разрешительные документы, отсутствует контроль за перемещением сезонных работников и их трудовой деятельностью и т. д.[1] Как результат – системные преступные нарушения в трудовой сфере и в сфере налогообложения, а также сопутствующие им коррупционные и должностные преступления[2].

Курортная зона Крыма представлена такими регионами как: Южный (Ялта, Алушта, Алупка, Гурзуф, Партенит, Симеиз, Форос); Западный (Севастополь, Любимовка, Саки, Евпатория, Мирное, Прибрежное, Новофедоровка, Николаевка); Восточный (Керчь, Судак, Феодосия); Приазовская (Ленинский район). Прибрежные регионы Крыма не относятся к так называемым «депрессивным регионам», их можно отнести к инвестиционно привлекательным, что как отмечается в исследованиях может свидетельствовать о наличии коррупционных рисков в сфере публичного управления[3].

Описывая состояние преступности в курортных зонах Крыма следует исходить из того, что в малых населенных пунктах она имеет большую сезонную выраженность, что связано с увеличением населения в курортный сезон.

Лидерами по коэффициенту преступных проявлений ежегодно становятся крупные города, находящиеся в Черноморской зоне. Возглавляют рейтинг Ялта с результатом 138, преступлений на 10 тыс. и Судак – 134,7. Несколько ниже интенсивность преступности в Феодосии (130,9) и Алуште (130,6). Таким образом, наибольший показатель практически в полтора раза превышает среднее значение по республике

---

[1] Кашкаров А.А. Игнатов А.Н. Основные причины совершения преступлений экстремистского характера в Крыму в современных условиях // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей ред. С.А. Буткевича. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. С. 95–104, С. 98–102

[2] Игнатов А.Н., Кашкаров А.А., Заброда Д.Г. Факторы криминализации экономики Крыма в транзитивный период // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 73–81

[3] Кулагин А.В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области. Автореферат дис. ... кандидата географических наук. Воронежский государственный университет, 2009. С. 20; Кашкаров А.А. Географические показатели интервальной методологии криминологического исследования должностной преступности в органах публичной власти Крыма // Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность: сборник материалов научно-практической конференции, Симферополь, 8 июня 2017 года. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2017. С. 182–184.; Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти в контексте географического интервала // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. в 2-х томах, Симферополь, 23 июня 2017 года. Том 1. Симферополь: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 52–55.

(89,9). Объясняется эта ситуация спецификой преступности в курортной зоне.

Одним из наиболее типичных явлений для региона выступает сезонность. Она значительно затрудняет работу органов внутренних дел по противодействию преступным проявлениям, в первую очередь по их профилактике. По указанной причине весьма усложняется и аналитическая работа, целью которой является получение репрезентативной информации о состоянии преступности, тенденциях ее развития и результативности деятельности правоохранительных органов.

Еще один фактор, объясняющий представленные выше показатели интенсивности преступности – это туристический поток, существенно влияющий на численность населения обслуживаемых территорий в курортный сезон. В качестве примера приведем информацию, представленную министерством курортов и туризма Республики Крым, туристический поток за 9 месяцев 2023 год составил 4 млн. туристов. По оперативным данным муниципальных образований и туроператорских компаний больше всего туристов с начала 2023 года отдохнуло на Южном берегу Крыма – 44% от общего количества туристов, отдохнувших с начала года в Крыму в целом, на Западном побережье – 30%, на Восточном побережье – 17,7%[1]. Показатели 2023 года несколько ниже предыдущих лет, что объясняется проведением СВО. Тем не менее, распределение плотности туристов по прибрежным зонам подтверждает полученные показатели рейтинга интенсивности преступности на территориях курортов полуострова. Отсутствие авиасообщения значительно усложняет туристическую логистику, что отражается на снижении туристического потока. Усложнение транспортно-логистических показателей существенным образом отражается также и на показателях сезонной преступности.

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство, характеризующее интенсивность преступности в населенных пунктах Республики Крым, находящихся на побережье Черного и Азовского морей. Как видно из представленных статистических данных, коэффициент преступности в Ялте и Феодосии значительно превышает аналогичные показатели в Керчи, а также Черноморском и Ленинском районах. По нашему мнению, главную роль в данном случае играет то обстоятельство, что два указанных района нельзя в полной мере назвать курортными, так как на их территории еще недостаточно развита туристическая инфраструктура. А что касается города Керчи, то он хотя и является первым после пересечения туристами Крымского моста, тем не менее, в большей степени представляет из себя промышленный город с

[1] URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments (дата обращения: 13.04.2023).

предприятиями судостроения, судоремонта, металлообработки. Так, например, судостроительный завод «Залив» является одним из крупнейших промышленных предприятий Крыма. Данные факты несколько тормозят развитие туристической инфраструктуры непосредственно в городской среде. В свою очередь Ялта – это своеобразная визитная карточка Крыма еще со времен СССР.

Раскрываемость преступлений в курортной зоне повторяет тенденции динамики раскрываемости по республике. Это объясняется тем, что данный показатель напрямую зависит от состояния регистрируемой преступности, соответственно, чем больше регистрируется преступлений, тем ниже процент раскрываемости. Средняя раскрываемость преступлений по Республике Крым составляет около 62%, в курортной зоне он составляет около 57%.

Лидерами по раскрываемости в Черноморской зоне являются Евпатория – 69,1% и Керчь – 59,1%, аутсайдерами традиционно выступают Алушта – 40,3% и Судак – 40,8%. Приазовская зона представлена лидером – Ленинским районом с раскрываемостью преступлений – 71,5%.

Изучение статистических показателей уровня и состояния преступности в Республике Крым с 2015 по 2022 годы свидетельствуют, что сезонность в большей степени присуща преступлениям: против собственности (кражи, мошенничества, грабежи); против здоровья; в сфере незаконного обращения наркотических средств.

Прогнозируя изменения преступности в Крыму, следует отметить, что на эффективность деятельности территориальных органов внутренних дел в Крыму существенным образом влияет штатная укомплектованность органов и подразделений МВД по Республике Крым, особенно в курортных регионах полуострова. Частичная, неполная укомплектованность оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов Крыма и Севастополя приводит к увеличению нагрузки на сотрудников, в обязанности которых входят выявление и документирование преступлений, что объективно снижает качество их служебной деятельности и, как следствие, приводит к увеличению уровня преступности в Республике Крым. Отмечается системная неполная укомплектованность следственных и оперативных подразделений в городах Ялте, Керчи и Симферополе, чего нельзя сказать про аналогичные подразделения в городе Феодосия.

Характеризуя сезонность как фактор преступности в Крыму и городе Севастополь необходимо учесть и виктимологические признаки. Отметим, что большинство преступлений против собственности в курортных регионах Крыма и города Севастополь совершаются в отношении лиц, прибывших на полуостров с целью отдыха и оздоровления. Это обусловлено психологическим особенностями лиц, прибывших на отдых и

санаторно-курортное лечение. Отдыхающие часто являются беспечными по отношению к собственному имуществу, а также употребляю алкогольные напитки, иным образом «снимают предохранители», что приводит к утрате контроля, как за имуществом, так и за собственным поведением. Они демонстрируют наличие внушительных сумм денежных средств (как в наличной, так и без наличной формах), оставляют без должного внимания и присмотра личные вещи (кошельки, сумки, платежные карты, средства связи и телекоммуникации, ювелирные украшения и т.п.), кроме того отдыхающие, в большинстве своем, являются доверчивыми по отношению к местным жителям. Зная общую психологию отдыхающих, рассчитывая на их беззаботность преступники разрабатывают специфические, присущие исключительно курортным регионам, способы совершения преступления.

Раскрывая сезонность как фактор, влияющий на состояние преступности в курортных регионах Крыма и города Севастополя, следует также учитывать существенное влияние в особенности рецидивной преступности Республики Крым и города Севастополь профессиональных преступников, так называемых «гастролеров», мигрирующих по территории страны и ближнего зарубежья с целью осуществления преступной деятельности.

Таким образом, сезонная трудовая миграция, а также сезонная туристская миграция в Республике Крым обуславливают количественные изменения населения на территории полуострова в пред курортный, курортный и пост курортный периоды. Миграционные сезонные колебания сопровождаются миграцией криминального элемента, что находит свое выражение также в сезонных колебаних уровня регистрируемой на территории полуострова преступности и обуславливают, что Крым и город Севастополь стабильно находятся в числе «лидеров» по наименьшему удельному весу преступлений (от числа расследованных и направленных в суд), ранее судимыми лицами.

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника Ставропольского филиала
Краснодарского университета по учебной и научной работе

Особенности установления места совершения преступления в составах преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием сети Интернет

В современном мире стало довольно распространенным явлением использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, для осуществления противоправной деятельности, в том числе преступной.

Сегодня, использование сети Интернет не ограничивается совершением краж и мошенничеств. Все чаще приходится слышать о кибератаках на объекты критической инфраструктуры, террористических угрозах и иных посягательствах на общественную безопасность.

С начала 2022 года Федеральной службой безопасности Российской Федерации было зафиксировано более пяти тысяч хакерских атак на критическую инфраструктуру России. Благодаря своевременно принятым мерам удалось предотвратить негативные последствия таких действий для страны.

В ходе анализа выявленных компьютерных угроз были получены данные, указывающие на использование США и странами НАТО украинской территории для осуществления массированных компьютерных атак на гражданские объекты в России.

На данный момент сетевая инфраструктура Украины используется для проведения наступательных кибероперациий стран Запада, что позволяет им скрытно применять новые виды кибероружия[1].

Также, со времени проведения специальной военной операции, МВД России был зафиксирован небывалый рост ложных сообщений о готовящихся террористических актах. Количество таких сообщений только в истекшем 2022 году выросло в восемь раз и достигло отметки в 23 247 случаев[2].

По данным исследовательских центров, за 9 месяцев 2023 года количество кибератак на российские организации увеличилось на 50% по

[1] См.: Каждое четвертое преступление в России происходит с использованием интернета URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/01/30/961008-kazhdoe-chetvertoe (дата обращение: 28.08.2023).

[2] В МВД сообщили о росте в восемь раз в 2022 году числа ложных сообщений об актах терроризма URL: https://tass.ru/obschestvo/16094089 (дата обращение: 12.08.2023).

сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1]. Этот рост обусловлен несколькими факторами. Во-первых, атаки становятся лучше организованными и в них участвуют как группировки, так и отдельные хакеры. Во-вторых, для совершения киберпреступлений все чаще используются передовые технологии, такие как искусственный интеллект, машинное обучение и средства автоматизации атак и т. д. И, наконец, хакерство превратилось в настоящий бизнес с многомиллиардным оборотом, имеющий свою институциональную иерархию и выделенный бюджет на исследования и разработку. Эти тенденции требуют от государства разработку и интеграцию системы мер обеспечивающих защиту общественной безопасности от террористических киберугроз.

Распространение незаконных действий в сфере цифровых технологий представляет новые вызовы для теории и практики применения уголовного законодательства. При взгляде на ситуацию, возникающую при совершении преступления в цифровом пространстве, которое охватывает множество государств и безграничное количество людей, мы сталкиваемся с весьма сложной проблемой. В таких случаях место преступления и его последствия могут находиться на значительном удалении друг от друга, пересекая границы суверенных государств. Это ставит под сомнение применимость уголовного закона в цифровой среде. Чтобы разрешить этот вопрос, необходимо правильно определить цифровое пространство как место совершения преступления, исходя из существующего законодательства и научных определений.

Цифровое пространство уже давно стало неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Благодаря информационным технологиям мы решаем разнообразные задачи, но несем и определенные риски для нашей безопасности. Изменения в преступной деятельности, связанной с использованием интернета, постоянно возрастают, что требует признания цифрового пространства особенной «территорией», ставящей в опасность наше общество.

Для достижения поставленной цели следует обратиться к концепции цифрового пространства и рассмотреть понятие «место совершения преступления» в контексте уголовного права, особенно в его применении в цифровой среде. Вопрос о понятии «место совершения преступления» в контексте изучения цифрового пространства остается предметом споров в юридической литературе. В то время как ученые обсуждают противоположные и несвязанные понятия, зачастую от их внимания ускользает вопрос об определении пространственных ограничениям, установленным в уголовном законодательстве. Традиционно, место совершения преступления рассматривается как физическая территория,

[1] В России спрогнозировали рост числа кибератак URL: https://lenta.ru/news/2022/10/13/cyber/?ysclid=ln1t5odepf771873964 (дата обращение: 15.08.2023).

подпадающая под действие законодательства конкретного государства. Однако существует и более узкое понимание, которое определяет место совершения преступления на основе пространственных характеристик, предусмотренных в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ)[1].

На наиболее значимые признаки, определяющие место совершения преступления в системе признаков объективной стороны состава преступления, обращал внимание К.Л. Акоев. По его мнению, признаки места совершения преступления характеризуют общественную опасность и видовое отличие преступлений[2].

Таким образом, понимание места совершения преступления имеет различные подходы и зависит от конкретного вида преступления. Так, например, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, осуществленные с использованием сети Интернет (ч. 2 ст. 205^2 УК РФ) обращены к неопределенному кругу лиц находящихся в различных, по географической локации, местах и одномоментно получающих доступ к данной информации, в то время как, заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) предполагает адресное доведение такой информации до сведения лиц, обязанных предпринимать действия по нейтрализации террористических угроз.

Понятие «место совершения преступления» имеет большое значение в уголовном праве, так как позволяет определить точное место, где произошло преступное деяние или где наступили его последствия. Это важно для правильного определения состава преступления и дифференциации уголовной ответственности.

В связи с особенностями цифровой среды, где действуют иные правила и ограничения, понятие «место совершения преступления» следует рассмотреть с разных точек зрения. Во-первых, пространственные ограничения в цифровой среде отличаются от традиционных представлений о месте совершения преступления. Во-вторых, это важно для определения факультативного признака состава преступления в цифровой среде. Кроме того, понимание места совершения преступления имеет большое значение в случаях продолжающегося преступления. Таким образом, в контексте цифрового информационного пространства необходимо пересмотреть классическое представление о месте совершения преступления и разработать новые подходы к его пониманию.

Одним из определяющих аспектов в установлении места совершения преступления являются критерии пространственного действия уголовного

---

[1] См.: Акоев К., Наумов А. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советская юстиция. 1988. № 7. С. 11–14.

[2] Акоев К.Л. Место совершения преступления и его уголовно-правовое значение: учебное пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2000. С. 136.

закона. В контексте пространственно-временного определения места совершения преступления, представляется возможным установить его основные признаки: 1) географически определенное место где выполняется деяние, составляющее объективную сторону преступления; 2) место, в котором наступают общественно опасные последствия (преступный результат); 3) место физической локации исполнителя преступления в момент его совершения.

Устоявшееся в уголовно-правовой доктрине мнение относительно признания местом совершения преступления ту часть территории, где было совершено преступление и где наступили общественно опасные последствия, не в полной мере обеспечивает возможность применения норм уголовного закона в отношении преступлений, совершаемых в цифровом (виртуальном) пространстве, где отсутствуют физические границы между местом совершения деяния и местом его последствий.

Однако, хронологическая концепция, обусловленная временем совершения преступления, требует прямой непосредственной пространственно-временной зависимости между местом и временем совершения преступления. Это применимо как к преступлениям с формальным, так и с материальным составами.

Вопрос о месте совершения преступления в цифровом пространстве остается неопределенным и вызывает определенные сложности. Что именно следует рассматривать как место совершения преступления: местонахождение преступника, сервера или место возникновения последствий? Применение цифрового пространства для совершения преступления является привлекательным по ряду причин. В первую очередь, потому что позволяет достигать широкой аудитории в любом уголке мира, сохраняя при этом анонимность. Кроме того, трудно обнаружить следы преступной деятельности и идентифицировать преступника.

На сегодняшний день имеются все основания для признания «киберправа», как состоявшейся новой научной отрасли, сочетающей элементы частного и публичного права, одним из предметов которой являются общественные отношения между различными субъектами в киберпространстве[1].

Современное понимание цифрового пространства, разработанное в уголовно-правовой доктрине, определяет его как место совершения преступлений в нашем времени. Вместо привязки к конкретным государствам, здесь должны действовать собственные законы и специализированные судебные органы. Некоторые страны уже движутся в этом направлении, например, Китай имеет специализированный онлайн-

[1] См.: Леонтьев А.Н. Киберправо: учебное пособие; ВолгГТУ. Волгоград, 2021. 80 с.

суд, который занимается рассмотрением преступлений, совершаемых в интернете[1]. Для эффективной борьбы с киберпреступностью и обеспечения безопасности онлайн необходимо продолжать развивать и унифицировать законодательство. Однако, чтобы признать цифровое пространство автономной территорией, необходимо создать эффективные международно-правовые инструменты, которые регулировали бы и защищали общественные отношения. Часто возникают ситуации, когда киберпреступления затрагивают территории разных государств. Например, сервер, с которого распространяется информация о террористическом акте, может находиться в одной стране, а объекты атаки – в другой. Поэтому важно развивать международные правовые инструменты для эффективного регулирования цифрового пространства и обеспечения онлайн-безопасности.

В литературе существуют разные точки зрения на этот вопрос. Согласно мнению О.Р. Догузовой, место совершения преступления в цифровом пространстве определяется национальным уголовным законом, основываясь на доменном имени или адресе интернет-страницы [2]. Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой место совершения преступления определяется расположением компьютерного оборудования, используемого для него[3]. Однако, это положение также имеет слабости, так как оборудование может находиться в разных странах. Если преступление затрагивает несколько стран, возникают сложности с выбором юрисдикции. В таких случаях следует опираться на то, где было совершено наиболее опасное действие.

Например, если преступление было совершено в России, а его опасные последствия произошли в другой стране, то Россия имеет юрисдикцию над этим преступлением. Таким образом, необходимо совершенствовать международные правовые инструменты для регулирования цифрового пространства и обеспечения онлайн-безопасности, учитывая различные точки зрения на определение места совершения преступления в цифровом пространстве.

Важным вопросом, в затронутом контексте является проблема определения места совершения преступления, совершенного в соучастии. При котором, каждый из соучастников находится на значительном

---

[1] Онлайн-суд Китая сегодня рассмотрел свое первое дело URL: https://www.engadget.com/2017-08-18-chinas-online-court-first-case.html (дата обращение: 01.08.2023).

[2] Догузова О.Р. Проблемы определения места совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Государственная служба и кадры. 2023. № 3. С. 219.

[3] Иванова Л.В, Пережогина Г.В. Цифровое пространство как место совершения преступления в условиях глобальных ограничений. Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 159.

расстоянии друг от друга в момент совершения преступления, но все действия направлены на достижение общего преступного результата. При данных обстоятельствах уголовное законодательство России распространяет свое действие если хотя бы один из исполнителей действовал на территории страны либо их действия направлены против ее интересов[1].

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что в контексте унификации права и судебной практики, важно точно определить место совершения противоправных действий, особенно при рассмотрении совместных преступлений, совершенных международными группами преступников.

Для определения юрисдикции при совершении преступления на территории нескольких государств следует учитывать место совершения деяния, а не место возникновения последствий. Это принцип, применяемый в уголовном праве.

В уголовном праве предусмотрена уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Это деяние состоит в распространении информации о готовящемся взрыве или поджоге. Такие сообщения представляют серьезную угрозу для общества. При этом, если гражданин России совершает преступление в цифровом пространстве на территории другого государства, то такое деяние должно рассматриваться согласно законодательству этого государства.

Цифровое пространство включает в себя информационные ресурсы, средства взаимодействия и информационные системы в сети Интернет и сети связи. Такое определение позволяет охватить преступления террористической направленности, совершаемые при помощи компьютеров и информационных технологий.

Учитывая, что цифровое пространство не имеет географических границ и физических ограничений, преступные деяния и их общественно опасные последствия, могут быть значительно удалены в пространственном измерении. При рассмотрении преступлений, совершенных через Интернет, необходимо учитывать место фактического совершения преступления, независимо от места возникновения последствий. Также, цифровое пространство можно рассматривать как один из признаков, определяющих объективную сторону состава преступления - как способ или обстановку совершения преступления.

[1] Летелкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: включая сеть «Интернет»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2018. С. 16.

Яковлева Лариса Владимировна,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра по исследованию
проблем расследования преступлений
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

«Преступная неосторожность» в трудах В.Е. Квашиса

Виталий Ефимович Квашис занимался научными изысканиями почти полвека. Как человек талантливый, он не мог остановиться на разработке какого-либо одного вопроса или на разработке узкого направления исследований. Ему всегда была присуща масштабность и в постановке проблемы, и в путях ее разрешения.

В нескольких работах В.Е. Квашиса отражены результаты изучения им такого феномена, как «преступная неосторожность». Рамки исследования были определены в одноименной монографии, в начале которой он написал: «В понятийном арсенале уголовного права понятие “преступная неосторожность”, как известно, отсутствует. Уголовный закон оперирует понятием “преступления, совершенные по неосторожности”. … В криминологической литературе, а также в многочисленных работах по социологии уголовного права довольно широко используются и два других понятия – “неосторожные преступления” и “неосторожная преступность”»[1]. С точки зрения Виталия Ефимовича, содержание этих понятий не соответствовало тому, которое он вкладывал в понятие «преступной неосторожности».

Он не хотел ограничиваться юридической оценкой преступлений, совершаемых по неосторожности, что было неизбежно, если оперировать с дефиницией «неосторожные преступления». Не устраивала его и невозможность в полной мере использовать методы социологического анализа, что, по его мнению, неотвратимо бы сопутствовало исследованиям, предметом которых стала бы неосторожная преступность.

Использование нового понятие открывало для В.Е. Квашиса возможность рассмотреть проблему неосторожности как социального феномена, отнеся ее к проблемам социологическим.

Вместе с тем исследование «преступной неосторожности» не предполагалось проводить в отрыве от сложившихся в уголовном праве и в криминологии традиций. Не случайно В.Е. Квашис выделяет в данном феномене два уровня, один из которых близок неосторожной

[1] Квашис В.Е. Преступная неосторожность. Социально-правовые и криминологические проблемы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.1986. С. 9.

преступности. На другом уровне, предполагающем более широкое понимание «преступной неосторожности», ею охватывались все проявления неосторожного противоправного поведения. «В конечном итоге, использование этого понятия позволяет увязать анализ социологических, криминологических, психологических и правовых аспектов, характеризующих проблему как на уровне отдельных неосторожных преступлений, так и на макроуровне неосторожного поведения в целом»[1].

Такой подход, по мнению В.Е. Квашиса, позволял рассматривать «преступную неосторожность» в качестве одного из «показателей “социального неблагополучия», как социальный феномен безответственного и опасного поведения»[2].

С суждениями В.Е. Квашиса нельзя не согласиться. В 70-80-х годах прошлого века «преступная неосторожность» действительно отождествлялась с неосторожными преступлениями. Так, коллективом ученых в 1977 г. была опубликована работа «Проблема преступной неосторожности в советской криминологии», в которой, несмотря на использование в названии термина «преступная неосторожность», рассматривались исключительно преступления, совершаемые по неосторожности: выявлялись детерминирующие их явления, проводилось отграничение от умышленных преступлений, определялась их специфика[3], т. е. понятия «преступная неосторожность» и «неосторожные преступления» рассматривались как равнозначные.

Восприятие учеными этих двух понятий, а также «неосторожной преступности» как синонимов объяснимо. Основой для них является понятие неосторожных преступлений, т. е. преступлений, совершенных по неосторожности. Совокупность таких преступлений представляет собой неосторожную преступность – составную часть общей преступности. При этом П.С. Дагель подчеркивал, что это не сумма преступлений, «а именно совокупность, определенное единство, обладающее своей структурой и развивающееся в соответствии с определенными социальными закономерностями»[4].

Единая первооснова обусловила направления исследования преступной неосторожности в трудах В.Е. Квашиса. Он изучал неосторожные преступления, анализировал виды и размеры наказаний, предусматривавшихся за такие деяния в Уголовном кодексе Российской

---

[1] Там же. С. 11.

[2] Там же. С. 10.

[3] Клочков В.В., Серебрякова В.А., Ястребов В.Б., Эминов В.Е. Проблема преступной неосторожности в советской криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 27. М.: Юрид. лит., 1977. С. 3–17.

[4] Дагель П.С. Избранные труды. Владивосток. 2009. С. 194.

Советской Федеративной Социалистической Республики [1] (далее – УК РСФСР).

Особую тревогу у Виталия Ефимовича вызывала неадекватная правовая оценка неосторожных преступлений. В работах конца 70-х годов XX в. он отмечал, что в структуре преступности число неосторожных преступлений увеличивается, и подавляющее их большинство связано с использованием техники, в частности автотранспорта. При этом за отдельные неосторожные преступления, приводящие к одинаковым последствиям, санкции существенно различаются. Так, за причинение смерти человеку или нескольким лицам размер наказания мог колебаться от 1-2 лет лишения свободы (ст. 219 «Небрежное хранение огнестрельного оружия» УК РСФСР) до 15 лет (ч. 3 ст. 211 «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами» УК РСФСР).

Неверным ему представлялась и отсутствие в санкциях наказаний, альтернативных лишению свободы; неотнесение неосторожных преступлений к числу тяжких; превышение размера санкций за отдельные неосторожные преступления над санкциями за соответствующие умышленные деяния [2] (например, за причинение тяжких телесных повреждений в результате нарушения правил безопасности движения транспортных средств по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР лицу могло быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет, а за аналогичное умышленное деяние по ст. 108 УК РСФСР «Умышленное тяжкое телесное повреждение» лицу «грозило» лишь 8 лет лишения свободы[3]).

Вместе с тем Виталий Ефимович последовательно выступал против усиления репрессии за неосторожные преступления, полагая, что ее возможности в борьбе с такими преступлениями ограничены[4], и главным должна стать предупредительная и профилактическая работа, в которой основное внимание уделялось бы повышение общей и технической

[1] Принят третьей сессией Верховного Совета РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Утратил силу в связи с принятием УК РФ на основании Федерального закона Российской Федерации от 13.06.96 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2955.

[2] Квашис В.Е. Правовые и социально-психологические аспекты наказания за неосторожность // Советское государство и право. 1977. № 4. С. 59, 60–61.

[3] Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его виды. М.: Юрид. лит. 1972. С. 136.

[4] Квашис В.Е. Преступная неосторожность (проблемы уголовной политики) // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. Тематический сборник. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 1976. Т. 175. С. 39–40.

культуре работников[1]. Разделяя это мнение, другие авторы указывали на более широкое использование иных видов ответственности (административной и дисциплинарной), если нарушение специальных правил не повлекло «вредных последствий»[2], хотя сторонниками идеи усиления репрессии выступали отдельные известные ученые того времени[3].

Рассмотренным в настоящей статье аспектом не ограничивались все направления исследований В.Е. Квашисом феномена «преступной неосторожности». В своих трудах он уделял много внимания и мерам предупреждения неосторожных преступлений, и личности совершающих их лиц. Отметим лишь, что многое из рекомендованного Виталием Ефимовичем в части ответственности и наказания за неосторожные преступления воплотилось в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации[4]: преступления, совершенные по неосторожности, относятся к тяжким; в санкциях предусмотрены альтернативные виды наказания; размер максимального вида наказания за умышленные и неосторожные деяния, влекущие одинаковые последствия, отличаются. Это еще раз подтверждает неординарность Виталия Ефимовича, который, как и другие выдающиеся ученые, опередил время, высказывая идеи, воплотившиеся в жизнь спустя годы.

---

[1] Квашис В.Е. Криминологические проблемы борьбы с преступлениями в области использования техники // Труды ВНИИ МВД СССР (Материалы науч. конф. по актуальным проблемам советской криминологии, состоявшейся 1-2 марта 1973 г. в г. Москве). М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР. 1974. № 29. С. 77.

[2] Силков В.Е. К проблеме общественной опасности неосторожных преступлений // Конституция СССР и дальнейшее повышение эффективности норм уголовного права. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та. 1980. С. 150.

[3] Шаргородский М.Д. Уголовная политика в эпоху научно-технической революции // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 98.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Бахур Олег Иванович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь

О соотношении наказаний при их замене более строгим ввиду уклонения от его отбывания

Проблема ответственности за злостное уклонение от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, приобрела особую остроту в связи с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам об уголовной ответственности». В результате указанных корректировок ряд статей, предусматривавших уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ст. 415 УК), исправительных работ (ст. 416 УК), неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 417 УК), а также за уклонение от уплаты штрафа (ст. 418 УК), были исключены из УК. При этом злостное уклонение от отбывания указанных наказаний влечет применение более строгого наказания в соответствии с ч. 6 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 51, ч. 7 ст. 52, ч. 8 ст. 55 УК.

Указанный подход, сводится к отказу от уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания и замене постановлением суда неотбытой части назначенного по приговору наказания на более строгий вид наказания в рамках уголовно-исполнительной деятельности, основан на советском и российском законодательном опыте.

Замена наказания на более строгое в случае злостного уклонения от его отбывания предусмотрена для общественных работ, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ и ограничения свободы. При этом вопрос о замене штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенных в качестве дополнительных наказаний, рассматривается судом после отбытия осужденным основного наказания. Вместе с тем, в УК Республики Беларуси сохранена уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста (ст. 414 УК), побег из-под стражи (ст. 413 УК), уклонение от превентивного надзора (ст. 422 УК).

Уголовный закон предусмотрел следующее соотношение наказаний при замене в случае уклонения от их отбывания:

общественных работ – арестом (1 день за 24 часа) или ограничением свободы (1 день за 12 часов);

штрафа – арестом (1 день за 10 базовых величин) или ограничением свободы (1 день за 5 базовых величин);

лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – ограничением свободы (1 день за 1 день);

исправительных работ – арестом (1 день за 3 дня) или ограничением свободы (1 день за 1,5 дня);

ограничения свободы – лишением свободы (1 день за 2 дня).

Институт замены назначенного судом наказания более строгим в процессе его отбывания задумывался, как один из вариантов совершенствования механизма уголовно-правового обеспечения исполнения назначенных приговором суда наказаний, не связанных с лишением или ограничением свободы. Вместе с тем в доктрине уголовного права в настоящее время отсутствует единство мнений по ряду ключевых вопросов, связанных с указанным уголовно-правовым институтом, например, таким, как:

1) уголовно-правовая природа и цель замены наказания более строгим;

2) может ли поведение осужденного после вступления приговора в законную силу оказывать влияние на меру наказания, назначенную ему за совершенное преступление, т. е. допустимо ли изменение тяжести назначенного приговором суда наказания;

3) допустим ли выход за пределы санкции статьи Особенной части, по которой лицо было осуждено (замена на наказание, не предусмотренное санкцией).

В белорусском уголовном законе отсутствует определение замены наказания более строгим, не закреплены и цели данного института.

В доктрине уголовного права один из подходов к определению правовой природы замены наказания более строгим основывается на том, что злостное уклонение от отбывания указанных видов наказаний не признается преступлением, а является дисциплинарным проступком или даже неким «уголовным правонарушением».

Отдельные ученые придерживаются мнения о том, что в злостном уклонении от отбывания наказаний, не связанных с лишением или ограничением свободы, отсутствуют признаки общественно опасного деяния, присущие самостоятельному преступлению[1].

[1] Грунтов И.О. Принцип справедливости как метод оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм // Юстиция Беларуси. 2021. № 5. С. 30–36; Казак С.В. О декриминализации преступлений, предусмотренных статьями 415–419 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Уголовная ответственность: научная школа В. М. Хомича: сб. материалов круглого стола, посвящ. 70-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Респ. Беларусь В.М. Хомича, Минск, 28–29 янв. 2021 г. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В.В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2021. С. 111; Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России = Modern criminal law of Russia: Понятие, принципы, политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 46.

Вместе с тем, по справедливому суждению А.В. Баркова, если злостное уклонение от отбывания назначенного приговором наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества, является правонарушением, то и его правовые последствия должны иметь характер дисциплинарного взыскания[1]. Однако в УК Беларуси предусмотрена замена на такие виды уголовного наказания: арест, ограничение свободы, лишение свободы.

Общественные работы в белорусском уголовном законодательстве является наиболее мягким видом наказания (п.1 ч.1 ст.48 УК). УИК Республики Беларусь в 1 ст. 27 регламентирует нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде общественных работ: невыполнение общественных работ без уважительных причин; отказ от выполнения определенного для осужденного вида общественных работ или неявка в установленный срок для выполнения общественных работ по направлению уголовно исполнительной инспекции (далее – УИИ) без уважительных причин; иное нарушение трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ; неявка в УИИ без уважительных причин.

В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде общественных работ после вынесения официального предупреждения УИИ направляет в суд представление для решения вопроса о замене общественных работ более строгим наказанием в соответствии со ст.49 УК. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 28 УИК злостно уклоняющимся от общественных работ признается осужденный: не вышедший на общественные работы без уважительных причин более 2 раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания; совершивший более 2 раз после официального предупреждения в течение отбывания данного наказания иные нарушения трудовой дисциплины во время выполнения общественных работ; скрывшийся с целью уклонения от отбывания наказания.

Штраф как вид уголовного наказания регламентирован ст. ст. 50, 111 УК, а порядок его исполнения – ст. ст. 29, 30 УИК, Законом Республики Беларусь от 24.10.2016 № 439-З «Об исполнительном производстве». В соответствии с ч. 2 ст. 30 УИК при неуплате осужденным штрафа в установленный срок без уважительных причин и уклонении от его уплаты при наличии реальной возможности исполнения данного наказания судебный исполнитель официально предупреждает осужденного о замене штрафа более строгим наказанием, о чем делается отметка в исполнительных документах. Злостным уклонением является уклонение от

[1] Барков А.В. Замена исполняемого наказания более тяжким: Проблема юридической природы // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение: сб. науч. тр. Работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции. Минск: РИВШ, 2021. С. 130.

уплаты штрафа после вынесения официального предупреждения (ч. 3 ст. 30 УИК).

Особенностью отбывания лишения специального права, назначенного в качестве дополнительного наказания к исправительным работам и ограничению свободы, является то, что неисполнение осужденным установленного приговором суда запрета относится к нарушению порядка и условий отбывания основных наказаний. При этом замена указанных видов основных наказаний более строгим не освобождает лицо от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения специального права (ч. 5 ст. 51 УК).

Следует отметить, что УИК не определяет конкретные виды нарушений, при совершении которых лицо может быть признано злостно уклоняющимся от отбывания наказания, с последующей заменой указанного наказания более строгим. Указанный пробел требует законодательного устранения.

Исполнение наказания в виде исправительных работ регламентируется ст. 52, 113 УК, гл. 7 УИК (ст. 37–43). Осужденный к исправительным работам отбывает наказание по месту работы с удержанием определенного судом размера заработка в доход государства.

Часть 1 ст. 43 УИК Беларуси предусматривает нарушения порядка и условий отбывания осужденным исправительных работ, среди них: непоступление без уважительных причин на работу в течение 15 дней со дня увольнения с прежнего места работы либо уклонение от постановки на учет в качестве безработного в течение 15 дней, а также отказ от предложенной ему работы без уважительных причин; неявка в УИИ без уважительных причин; прогул (в том числе отсутствие на работе более 3 часов в течение рабочего дня) без уважительных причин; появление на работе в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а также распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков, пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических либо других одурманивающих веществ на рабочем месте или в рабочее время; прекращение трудового договора по соглашению сторон или расторжение его по желанию осужденного без письменного разрешения УИИ; неисполнение запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде исправительных работ признается осужденный, продолжающий нарушать порядок и условия отбывания наказания после объявления ему официального предупреждения, а также осужденный, скрывшийся с места жительства с целью уклонения от отбывания наказания (ч. 4 ст. 43 УИК).

Наказание в виде ограничения свободы состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями,

ведающими исполнением наказания (ч. 1 ст. 55 УК). Наказание в виде ограничения свободы может быть назначено с направлением в исправительное учреждение открытого типа (далее – ИУОТ) или без направления в ИУОТ.

Осужденный считается злостно нарушающим порядок и условия отбывания наказания, если он имеет не менее 3 взысканий за нарушение порядка и условий отбывания наказания. Лицу, допустившему злостное нарушение порядка и условий отбывания наказания, выносится официальное предупреждение о замене ограничения свободы более строгим наказанием в соответствии со ст. 55 УК.

Уклонением от отбывания наказания в виде ограничения свободы (с направлением в ИУОТ) признаются (ч. 6 ст. 55 УИК): неприбытие или невозвращение в установленный срок к месту отбывания наказания без уважительных причин или его самовольное оставление с целью уклонения от отбывания наказания; нарушение порядка и условий отбывания данного наказания после вынесения официального предупреждения; отказ от ношения электронных средств контроля своего места нахождения либо их умышленное повреждение или уничтожение в целях уклонения от отбывания наказания.

Отметим, что в настоящее время правоприменительная практика замены наказаний более строгим не отличается однозначностью и единообразием разрешения правовых ситуаций. Недостатки установления законодателем соотношения наказаний при их замене привели к ряду негативных последствий на практике. Так, были созданы предпосылки для роста числа уклонений от отбывания наказаний, ввиду того, что осужденному стала выгоднее ситуация замены наказания, поскольку его положение в ряде ситуаций фактически смягчается. Так, максимальный срок общественных работ (360 часов) может быть заменен 15 сутками ареста, а на практике имели место случаи замены на два дня ареста. Число замен ограничения свободы на лишение свободы в 2022 году увеличилось, в сравнении с осуждением по ст. 415 УК за уклонение от отбывания указанного вида наказания, на 103%. Это, безусловно, не способствует достижению целей наказания.

Таким образом, для совершенствования института замены назначенного наказания более строгим необходимо устранить имеющиеся законодательные пробелы, внести научно обоснованные корректировки в нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законов.

Наиболее важным аспектом процесса совершенствования института замены наказания более строгим является выработка критериев замены наказаний, а также установления запрета замены на более строгое наказание, не предусмотренное санкцией статьи Особенной части, по которой лицо было осуждено. Также должна быть законодательно

разрешена ситуация возможности неоднократной замены наказания на более строгое, когда возникает вопрос о замене наказания, которое уже было заменено в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 6 ст. 51, ч. 7 ст. 52 УК. Особенность такой замены состоит в том, что первоначальная замена была осуществлена по постановлению суда, а уголовный закон регламентирует лишь замену наказания, назначенного по приговору суда. При этом необходимо учитывать, что многократная замена наказания более строгим может привести к применению в конечном итоге наказания, которое по своей тяжести значительно превышает пределы санкции статьи, по которой лицо было осуждено за совершенное преступление. Усиления требуют и уголовно-процессуальные гарантии соблюдения права осужденного на защиту.

Совершенствование уголовно-исполнительных аспектов замены назначенного наказания более строгим видится в разработке более четкой законодательной регламентации вопросов вынесения официального предупреждения о замене наказания более строгим, определения круга действий, образующих злостное уклонение от отбывания соответствующего наказания, обеспечения реальной возможности их обжалования, а также направления органом, исполняющим приговор, в суд представления для решения вопроса о замене наказания более строгим.

Воспякова Ольга Федоровна,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь

Отдельные вопросы ответственности за участие в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов

Противодействие наркотизация населения является актуальной проблемой любого современного государства. По данным Организации Объединенных Наций за последнее десятилетие число потребителей наркотиков в мире выросло на 23%, а их количество продолжает увеличиваться[1].

Наркомания и незаконный оборот наркотиков вызывает серьезную озабоченность и в Республике Беларусь. Так, за 6 месяцев 2023 г. зарегистрировано 270 фактов передозировки запрещенными веществами, погибло 34 человека, в том числе несовершеннолетние. Следует учитывать, что по подсчетам экспертов, потребитель наркотиков в течение своей жизни вовлекает в употребление наркотических средств и психотропных веществ от 5 до 17 человек[2]. Особую озабоченность вызывает рост числа потребителей наркотиков еще в подростковом возрасте.

Решение проблем наркомании в современных условиях невозможно без совершенствования уголовно-правовых средств, которые призваны противодействовать этому злу. По данным Верховного Суда Республики Беларусь в первом полугодии 2023г. судами рассмотрено свыше 1000 уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов[3].

Следует признать, что действующее уголовное законодательство Республики Беларусь в сфере незаконного оборота наркотиков и иных запрещенных средств не в полной мере отвечает современным требованиям, о чем свидетельствует наличии проблем, препятствующих

[1] Число наркозависимых в мире за 10 лет выросло на 23 процента URL: https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442332 (дата обращения: 21.10.2023).

[2] Социальная безопасность: основные принципы и приоритеты URL: https://minsk.gov.by/ru/actual/view/209/2023/inf_material_2023_10.shtml (дата обращения: 21.10.2023).

[3] Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 1 полугодие 2023 года URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/7eb166bc06c4498c.html (дата обращения: 21.10.2023).

единообразному применению закона в практической деятельности. Обозначим некоторые из них.

Ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов» (далее – УК) предусматривает ряд альтернативных действий, образующих объективную сторону этого преступления. Их содержание этих достаточно подробно раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами» (далее – постановление). Вместе с тем, момент окончания незаконных действий в постановлении указан только применительно к изготовлению и переработке. Так, в п.8 постановления предусмотрено, что эти деяния рассматриваются как оконченное преступление с начала совершения действий, направленных на получение готовых к использованию и потреблению вышеуказанных средств или веществ, либо на рафинирование или повышение в препарате концентрации наркотических средств и психотропных веществ[1].

Между тем правильное установление момента окончания преступления необходимо для правильной квалификации содеянного. Это особенно это актуально для правовой оценки окончания сбыта запрещенных веществ. В настоящее время все чаще незаконный сбыт осуществляется дистанционным способом с использованием различных средств коммуникации (в первую очередь Интернета), что позволяет исключить непосредственный контакт между сбытчиком и приобретателем. Предмет сбыта закладывается в тайник и после оплаты лицо получает сообщение о его местонахождении. В правоприменительной практике Республики Беларусь сложилась два подхода к правовой оценке подобных ситуаций. В одних случаях сбыт признается оконченным с момента передачи приобретателю информации о месте хранения веществ, а соответственно приобретение – с момента получения указанных сведений приобретателем. В других аналогичных ситуациях и действия лица, сбывающего наркотики, и действия приобретателя расцениваются как покушение на преступление, если закладка с запрещенным веществом не извлечена из тайника. В этой связи мнению автора заслуживают внимания разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащиеся в п. 13-1 постановления от

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

15 июня 2006 года № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в соответствии с которыми сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем[1]. В дополнение к этому вполне логичны разъяснения, содержащиеся в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которыми сбыт нельзя признать оконченным, если информация о месте произведенной лицом закладки по причинам, не зависящим от него, не была доведена до приобретателя[2].

Что касается момента окончания приобретения указанных веществ, представляется обоснованной позиция, в соответствии с которой его следует увязывать с моментом фактического приобретения веществ, так как именно тогда лицо получает реальную возможность их употребить.

Также следует отменить, что в белорусской правоприменительной практике не всегда однозначно толкуется содержание самого понятия сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Согласно п.7 постановления сбыт может выражаться как возмездной, так и безвозмездной передаче другим лицам запрещенных веществ (например, продаже, дарении, обмене, уплате долга, даче взаймы и т.п.). Но сам факт передачи не всегда свидетельствует о сбыте. Вместе с тем это не всегда учитывается на практике. Так, по одному из уголовных дел как сбыт психотропных веществ оценены действия Т., совершенные при следующих обстоятельствах. Т. договорился со своим приятелем Д. приобрести психотропное вещество для собственного потребления. За совместные с Д. средства Т. приобрел психотропное вещество, которое было расфасовано в два пакета. Один из пакетов Т. передал Д. Очевидно, что формальные действия по передаче запрещенного вещества при данных обстоятельствах нельзя признать сбытом.

Напротив, по другому уголовному делу действия С. были квалифицированы по ч.1 ст.328 УК как незаконные без цели сбыта приобретение, хранение и перевозка психотропного вещества. Было установлено, что С. самостоятельно заказал и оплатил запрещенное вещество, после чего предложил своему знакомому Г. совместно его употребить. С. забрал из тайника сверток с веществом. Впоследствии он

---

[1] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

поделился этим веществом с Г. Представляется, что в данном случае в действиях С. усматривается сбыт.

Как уже отмечалось, особую тревогу вызывает распространение «моды» на наркотики в молодежной среде. В значительной мере этому способствует пропаганда и реклама наркотических и иных психоактивных веществ, с которой нередко сталкиваемся в различных источниках, включая глобальную сеть Интернет. Пропаганда и реклама могут быть в различной форме, как открытой, так и завуалированной. Очевидно, что эти действия способствуют распространению наркопреступности, росту числа наркопотребителей.

В белорусском законодательстве не предусмотрено ни административной, ни уголовной ответственности за подобные действия. Между тем, в ряде государств на постсоветском пространстве ответственность за подобные действия предусмотрена.

Так, в январе 2020 г. Уголовный кодекс Республики Казахстан дополнен ст. 299-1, предусматривающей ответственность за пропаганду или незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров.

В Киргизии призывы к потреблению наркотических и иных психоактивных веществ, а также их реклама рассматриваются как административное правонарушение (ст. 101 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях).

В Таджикистане пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или их прекурсоров также влечет административную ответственность (ст. 131 Кодекса Республики Таджикистан «Об административных правонарушениях).

В российском законодательстве за пропаганду, незаконное рекламирование наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, наркосодержащих растений и т.п. средств и веществ предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 6.13 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. В марте 2023 г. Правительством Российской Федерации в Государственную Думу внесен законопроект об установлении уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота, потребление наркотиков.

Таким образом, представляется актуальным криминализация пропаганды или незаконной рекламы наркотических и других психоактивных средств и веществ в Беларуси путем дополнения Уголовного кодекса соответствующей новеллой.

Вульвач Регина Станиславовна,
преподаватель кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь

Проблемы расследования геноцида белорусского народа и отдельные аспекты совершенствования уголовно-процессуального законодательства

Принятое в апреле 2021 года Генеральной прокуратурой Республики Беларусь решение о возбуждении уголовного дела по факту геноцида населения, проживавшего на территории современной Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период стало отправной точкой не только масштабного расследования злодеяний нацистских преступников и их пособников, но и послужило началом дискуссии в юридическом сообществе белорусского государства по вопросу совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части необходимости расширения полномочий должностных лиц органов уголовного преследования в рамках уголовного процесса по делам против мира и безопасности человечества.

Поддерживая позицию о целесообразности реформирования института предварительного расследования по делам данной категории дел, автором статьи ранее в своих работах было отмечено, что современное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь в достаточной мере обладает теми правовыми механизмами, которые позволяют, несмотря на истечение столь длительного промежутка времени и защиту иностранных государств, на территории которых скрываются от правосудия нацистские преступники, привлечь к уголовной ответственности каждого из ныне живущих лиц, совершавших свои зверства против мирного населения Беларуси во времена фашистской оккупации и после освобождения оккупированных территорий. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в ходе расследования уголовного дела на данный момент установлено уже около 1170 немецких преступников и их сообщников, подлежащих привлечению к уголовной ответственности за уничтожение белорусского народа во время Великой Отечественной войны и послевоенный период[1].

Уголовно-правовой основой для возбуждения и расследования уголовного дела в отношении ныне живущих лиц, из числа установленных, выступает норма, закрепленная в п. 3 ст. 85 Уголовного кодекса

[1] Список предполагаемых нацистских преступников и совершенных ими деяний URL: https://www.prokuratura.gov.by/ru/activity/rassledovanie-ugolovnogo-dela-o-genotside/iz-materialov-ugolovnogo-dela/spisok-predpolagaemykh-natsistskikh-prestupnikov-i-sovershennykh-imi-deyaniyami (дата обращения: 10.09.2023).

Республики Беларусь (далее – УК), согласно которой геноцид (ст. 127 УК) является преступлением, к которому не применяются положения об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности[1].

По мнению автора, не вызывает сомнения наличие также и уголовно-процессуального повода для принятия решения о возбуждении данного уголовного дела. Как следует из заявлений Генерального прокурора Республики Беларусь, в соответствии со ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) поводом к возбуждению данного уголовного дела послужили неоднократные сообщения и обращения граждан, чьи близкие и родные пострадали от рук нацистов и их пособников[2]. Указанные заявления содержали в себе многочисленные просьбы об организации расследования фактов массовых убийств мирных граждан: женщин, стариков, детей в годы Великой Отечественной войны на территории бывшей БССР и в целом зверского отношения фашистов и их приспешников к белорусском народу в период оккупации и в послевоенное время.

В свою очередь основанием для возбуждения уголовного дела по факту геноцида белорусского народа во время Великой Отечественной войны и послевоенный период были признаны ранее не известные сведения о гибели огромного количества (сотен тысяч) ни в чем не повинных людей, полученные в ходе проведенных первичных проверочных мероприятий, что в соответствии с ч. 1 ст. 167 УПК свидетельствует о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Полемика по рассматриваемому вопросу, по мнению автора, охватывает те эпизоды преступной деятельности связанные с геноцидом белорусского народа, которые были совершены лицами, умершими на момент, когда в ходе расследования были получены неопровержимые доказательства их вины в совершенных преступлениях, поскольку положения п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК устанавливают, что уголовное дело не подлежит возбуждению, а по уже возбужденному делу производство должно быть прекращено в отношении умершего лица. Исключение составляет только производство, необходимое для возможной реабилитации умершего.

В отличие от уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации законодательство Республики Беларусь содержит

---

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. (с изм. и доп.) // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

целый ряд норм, регламентирующих порядок производства по материалам и уголовным делам в случае смерти как подозреваемого либо обвиняемого, так и лиц, подлежащих привлечению в качестве таковых, которые закреплены в главе 49^2 УПК Республики Беларусь.

В связи с чем, на законодательном уровне был определен точный перечень лиц, имеющих право инициировать уголовное производство в отношении умерших. Согласно ч. 1 ст. 468^{14} УПК, несогласие с отказом в возбуждении уголовного дела или с прекращением производства по уже возбужденному уголовному делу в связи со смертью лица, совершившего преступление, может быть подано близкими родственниками указанных лиц самостоятельно. Близкими родственниками при производстве по уголовным делам являются: родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабка, внуки, кроме того супруги, которые при подаче заявления о несогласии с отказом в возбуждении уголовного дела либо с прекращением производства по уголовному делу обязаны предоставить документы, подтверждающие их родство с умершим. Помимо перечисленных лиц, таким правом обладают также и члены семьи умершего либо их законные представители. При этом, в соответствии с ч. 3 ст. 468^{14} УПК к заявлению, которое подается в орган, осуществляющий уголовное преследование, члены семьи обязаны приложить документы или предоставить иные сведения, подтверждающие факт совместного проживания с умершим и ведение с ним общего хозяйства. В случае подачи заявления законным представителем члена семьи умершего обязательным является наличие подтверждения полномочий законного представителя[1].

Более того, на процессуальном уровне закрепляется не только право лиц не согласных с отказом в возбуждении уголовного дела или с прекращением производства по уже возбужденному уголовному делу в связи со смертью лица, совершившего преступление подать соответствующее заявление, но устанавливается и обязанность для органа, ведущего уголовный процесс, в случае отсутствия самостоятельно поданного заявления до момента принятия решения в порядке п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК предпринять меры по установлению близких родственников умершего лица, в отношении которого должно быть принято решение о его допуске либо допуске их законных представителей. А в случае отыскания таких лиц, орган, осуществляющий уголовное преследование, обязан письменно уведомить их о праве представлять интересы умершего с целью его возможной реабилитации. В направляемом уведомлении в обязательном порядке указываются обстоятельства совершенного

[1] Вульвач Р.С. Геноцид белорусского народа: уголовно-процессуальный аспект // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: сборник научных статей под ред.: Ю.П. Шкаплерова (председ.) [и др.]. Могилев: Могилев. институт МВД, 2023. С. 36-40.

преступления, нормы уголовного закона, устанавливающие ответственность за вменяемые умершему деяния, а также разъясняются порядок и последствия подачи заявления данным лицом.

При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает условие, при котором орган, ведущий уголовный процесс, принимает окончательное решение в соответствии с ч. 1 ст. 468^{16} УПК, а именно выносит постановление (определение) об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении производства по уголовному делу на основании п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК в отношении умершего. Таким условием может выступать целый ряд факторов, к которым относятся: отсутствие у умершего тех лиц, которые могли бы быть признаны его представителем, либо если такие лица и установлены, но они не подали заявления о несогласии с отказом в возбуждении уголовного дела или прекращением производства по уголовному делу, а также в случае отказа уже определенного представителя от дальнейшего участия в уголовном производстве либо неявки без уважительных причин такого лица по вызову органа, ведущего уголовный процесс.

Представляется необходимым отметить, что нормы, изложенные в ст. 468-16 УПК, являются императивными и констатируют неукоснительное требование к органу, осуществляющему уголовное преследование, о принятии в обязательном порядке при установлении вышеперечисленных обстоятельств именно такого решения, что, в свою очередь, лишает следственные группы прокуратуры Республики Беларусь возможности в полной мере выполнить задачи о привлечении к уголовной ответственности каждого, кто совершил преступление, связанное с геноцидом белорусского народа, так как на основании положений ст. 44 УК, лицо признается привлеченным к уголовной ответственности только при наличии осуждения виновного лица по приговору суда от имени Республики Беларусь.

Анализ отдельных норм УПК в части производства по материалам и уголовным делам в случае смерти лиц, в отношении которых ведется уголовный процесс, позволил сформировать мнение о возможности совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь путем внесения дополнений в ст. 468^{14} УПК, включив в данную статью часть четвертую. В данной норме предлагается закрепить положения о праве прокурора в рамках предоставленных полномочий в случае не установления близких родственников умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого либо их законных представителей, а также при наличии обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 468^{16} УПК, принимать решение самостоятельно о возбуждении уголовного дела в отношении умерших лиц, совершивших преступления, указанные в ст. 85 УК.

В случае если законодателем будет поддержана заявленная позиция по расширению полномочий прокурора в рамках производства по материалам и уголовным делам в случае смерти как подозреваемого либо обвиняемого, так и лиц, подлежащих привлечению в качестве таковых, не менее важное значение имеет и вопрос об обеспечении законных прав и интересов в уголовном процессе таких лиц, с целью неукоснительной реализации принципа состязательности как одного из основополагающих принципов уголовного процесса. В связи с чем, положения ст. 57^1 УПК Республики Беларусь, определяющие круг лиц, которые могут быть признаны представителем умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, по мнению автора, целесообразно дополнить частью 3^1, в которой предусмотреть возможность признания в качестве представителя умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого адвоката территориальной коллегии адвокатов по месту ведения уголовного процесса в случае, когда решение о производстве в отношении данных лиц будет приниматься прокурором самостоятельно.

Таким образом, автор полагает необходимым продолжение дискуссии относительно выработки наиболее эффективных подходов совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, регламентирующего порядок производства по материалам и уголовным делам в случае смерти как подозреваемого либо обвиняемого, так и лиц, подлежащих привлечению в качестве таковых, исходя из особенностей уголовного преследования всех военных преступников, в том числе и умерших, виновных в геноциде мирного населения на территории Республики Беларусь в годы Великой Отечественной Войны и в послевоенный период. При этом предлагаемые новации, направленные на расширение полномочий органа уголовного преследования, должны сочетаться со строжайшим соблюдением законных прав и интересов все участников уголовного процесса, в том числе и умерших, что обеспечит не только наиболее результативное, но исключительно процессуально регламентированное установление фактов геноцида и обстоятельств их совершения с целью привлечения каждого виновного к уголовной ответственности.

Грузинский Дмитрий Владимирович,
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Уголовно-правовая охрана сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, военнослужащих и их близких: законодательные, теоретические и прикладные проблемы

На современном этапе развития Республики Беларусь изменились основные угрозы функционирования личности, общества и государства. Целью государства является обеспечение правопорядка, и ее достижение ставится в зависимость от возможности свободного осуществления своей законной деятельности представителями правоохранительных органов, в первую очередь, сотрудниками органов внутренних дел, а также военнослужащими, находящимися на переднем крае борьбы с преступностью. Указанные субъекты наиболее часто подвергаются активному противодействию со стороны деструктивно настроенных лиц. Незамедлительное пресечение посягательств на законную деятельность сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих правовыми средствами – безусловная необходимость. При этом большую предупредительную роль выполняют нормы уголовного законодательства, осуществляющие уголовно-правовую охрану указанных лиц.

Вместе с тем нормы, обеспечивающие защиту личности представителей власти и их близких, а также практика их применения, нуждаются в анализе и корректировке. Это связано с наличием ряда законодательных, правоприменительных и научных проблем, влияющих на эффективность их уголовно-правовой защиты.

Так, в 2021 г. в нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), обеспечивающие уголовно-правовую охрану представителей власти, внесены существенные изменения и дополнения, которые, восполнив определенные пробелы УК, тем не менее, не внесли ясность в практику их применения. В результате в следственной и судебной практике возникает все больше проблем, связанных с оценкой действий, предусмотренных новой нормой, введенной в УК в 2021 г. – ч. 3 ст. 203^1 УК об ответственности за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных лиц в связи с осуществлением им служебной деятельности. Так, не ясно как отграничиваются друг от друга такие признаки данного вида преступления как предоставление и распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных потерпевшего; актуален вопрос что следует понимать под существенным вредом правам, свободам и законным интересам гражданина, если таковой носит нематериальный характер.

Имеются проблемы регламентации категории потерпевших от преступлений против представителей власти и их близких: в одних нормах таковыми являются сотрудник органов внутренних дел, военнослужащий (ст. 362 УК), сотрудник органов внутренних дел или его близкие (ст. 364 УК), сотрудник органов внутренних дел (ст. 365 УК), а в других – представитель власти или его близкие (ст. 369 УК), лицо или его близкие в связи с осуществлением служебной деятельности (ст. 203^1 УК). С учетом новелл, внесенных в закон Республики Беларусь «О вооруженных силах», в части возложения на военнослужащих обязанностей по охране общественного порядка, распространения фактов посягательств на близких вышеназванных лиц, полагаем категория потерпевших от данных видов преступлений нуждается в анализе и корректировке в части унификации терминологии, используемой законодателем.

Кроме того, в санкциях уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 2 ст. 363 УК и ст. 364 УК, исключается дифференциация уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности данных видов преступлений: то и другое преступление влечет максимальное наказание в виде лишения свободы до семи лет. Вместе с тем полагаем общественная опасности насильственного сопротивления (ч. 2 ст. 363 УК) гораздо выше нежели насилия не сопряженного с сопротивлением (ст. 364 УК). Есть необходимость реализации более точной дифференциации уголовной ответственности за указанные виды преступлений в зависимости от степени интенсивности примененного насилия либо его угрозы (применения опасного, либо не опасного для жизни или здоровья потерпевшего). В настоящий момент такая дифференциация законодателем не производится.

В теоретических источниках учеными (Духовником Ю.Е., Реутской Е.А. и др.) неоднократно обращалось внимание еще на одну законодательную неточность – проблему минимального и максимального порога санкции ст. 362 УК. В случае, если несовершеннолетний совершит деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 362 УК, у суда не остается иного выбора, кроме как назначить виновному несовершеннолетнему 12 лет лишения свободы, поскольку меньшего срока санкцией данной статьи УК не предусмотрено, а установить меньший срок в виде лишения свободы не позволяют положения, закрепленные в п. 4 ч. 2 ст. 115 УК. Данная проблема, как верно отмечено учеными, создает абсолютно-определенную санкцию, что недопустимо с точки зрения теории уголовного права и реализации принципа справедливости уголовной ответственности.

Еще большую озабоченность вызывает прекращение действия в сентябре 2021 года постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 сентября 1993 г. № 7 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции,

народных дружинников, военнослужащих или иных лиц», закрепившее правовую позицию судов по вопросам квалификации преступлений против порядка управления, что не могло не повлиять на анализ судебной практики применения норм об ответственности за эти преступления. Так, с учетом современных реалий на практике возникают вопросы с установлением момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 364, 369 УК, в части угроз применения насилия либо оскорблений, совершенных посредством глобальной сети Интернет. Вместе с тем анализ приговоров судов по делам о посягательстве на сотрудников органов внутренних дел, дает основание полагать, что практика нуждается в подобных разъяснениях. В таких условиях не может идти и речи о единообразном применении закона, что недопустимо в правоприменительной деятельности и не способствует реализации, во-первых, эффективной уголовно-правовой охраны личности сотрудника органов внутренних дел, иного лица и их управленческой деятельности в правоохранительной сфере, а во-вторых, – принципов справедливости, личной виновной ответственности и гуманизма.

В науке еще не ставился вопрос о формировании в УК единого уголовно-правового института защиты сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, нормы которого не унифицированы по сходным признакам, имеют различную терминологию и расположены в различных главах УК. Вопрос ответственности за преступления, посягающие на общественные отношения, складывающиеся в связи с уголовно-правовой охраной сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, еще не в полной мере разработан на теоретическом уровне, как и вопрос ответственности за совершение посягательств на указанных лиц.

Существование названных проблем свидетельствуют об отсутствии единых теоретических взглядов в уголовно-правовой охране представителей власти. Решение вышеуказанных задач представляется посредством планомерной, комплексной реализации следующих мероприятий:

1. Обосновать существование самостоятельного института уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, а также унифицировать законодательную терминологию, влияющую на регулирование сходных правоотношений;

2. В целях устранения проблем правоприменения раскрыть содержание отдельных признаков уголовно-правовых норм – новелл, обобщающих институт уголовно-правовой охраны сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких.

3. Внедрить эффективную и наиболее точную систему дифференциации уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений в отношении сотрудников органов

внутренних дел, военнослужащих и их близких в зависимости от интенсивности применения насилия;

4. Пересмотреть санкции статей, предусматривающих ответственность за преступления в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких с последующей корректировкой минимальных и максимальных порогов наказаний в зависимости от реальной общественной опасности деяний;

5. Разработать вопросы квалификации преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих и их близких, обобщив их в новом постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, способном внести ясность в квалификацию данных видов преступлений с учетом современных реалий.

Евдохова Людмила Николаевна,
кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Могилевского института МВД Республики Беларусь

Специфичность субъектов и объектов различных видов товароведческих экспертиз растительного сырья и продукции

Использование специальных знаний в рамках расследования и раскрытия уголовного дела в настоящее время имеет бесспорное значение, поскольку, это, обусловлено интенсивным развитием науки и техники, что приводит к появлению новых высокотехнологичных способов совершения преступлений, и кроме того, в процесс расследования внедряются передовые технологии и методики, применяемые обладающими специальными знаниями лицами, выступающими в процессуальном статусе «специалист» или «эксперт».

Специальными являются знания, приобретенные субъектом в результате профессиональной подготовки, научной деятельности или опыта практической работы и используемые в процессе раскрытия и расследования преступлений[1].

Специалистов-товароведов к производству отдельных следственных действий привлекают редко. Однако в ходе расследования и раскрытия преступлений таких как, хищения, совершаемые путем злоупотребления служебными полномочиями, мошенничество в сфере государственных закупок на предприятиях пищевой промышленности и т. д. предполагают привлечение специалистов-товароведов. Именно в отношении материальных ценностей (сырья и готовой продукции) и возникает необходимость использования специальных товароведческих знаний. Специальные товароведческие знания включают в себя ряд знаний и учений в области технологии производства и основополагающих характеристик конкретных товаров[2].

Так, например, при расследовании преступлений в сфере государственных закупок на предприятиях пищевой промышленности, специалисты-товароведы, с нашей точки зрения, окажут помощь при производстве осмотров места происшествия, обысков, выемок и допросов.

---

[1] Данько И.В. и др. Уголовный процесс. Особенная часть: учеб. пос.: в 2 т. // Учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Т. 1: Досудебное производство. Минск: Академия МВД, 2017. 265 с.

[2] Евдохова, Л.Н., Пинчукова Ю.М., Болотько А.Ю. Теоретические основы товароведения: учеб. пособие для студ. учреждений высшего образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров». Минск: Вышэйшая школа, 2016. 262 с.

Все указанные следственные действия характерны для первоначального этапа расследования и преследуют цель получения максимальной информации для выдвижения общих и частных версий. Это предопределяет полный и объективный осмотр места происшествия (при необходимости), проведение возможно отбора образцов для сравнительного исследования при обыске и изъятие необходимой документации при выемке. Указанные следственные действия проводятся в основной своей массе на предприятиях занимающихся производством пищевой продукции. Так, при проведении осмотров непосредственно на производственных площадях (цехах и складских помещениях) специалист-товаровед окажет необходимую помощь в осмотре специфического оборудования и вспомогательных помещений, поможет осмотреть технологическую документацию и вычленить необходимую информацию из общего массива данных, как технологических, так и бухгалтерских. При производстве пищевой продукции отделами контроля качества осуществляется входной, оперативный и выходной контроль качества производимой продукции. Нередко номенклатура дел в отделах контроля качества составляет около ста единиц различных лабораторных журналов. Разобраться во всем этом многообразии контролируемых показателей качества и вычленить те, которые позволят идентифицировать нужную партию сырья или готовой продукции сможет только специалист товаровед в данной области.

В ходе осмотра технологического оборудования специалист пояснит какое оборудование является основным оборудованием, а какое вспомогательным. Кроме того, проверит наличие, целостность и подлинность повелительных клейм на весоизмерительном оборудовании.

В ходе расследования уголовных дел по ст. 210 УК Республики Беларусь (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями) зачастую приходится назначать товароведческие экспертизы касающиеся установления качества и количества товарных партий сырья и готовой продукции растительного происхождения. Ели в ходе поведения первоначальных следственных действий интересующие нас товарные партии были обнаружены в складских или производственных помещениях, то установление основополагающих характеристик не проставляет затруднения. Осуществляется отбор образцов для сравнительного исследования и затем проводится стандартное идентификационное или квалиметрическое товароведческое исследование образца. Результаты экспертизы распространяются на всю товарную партию сырья или продукции растительного происхождения[1].

Однако специфика пищевой перерабатывающей отрасли такова, что порой поступающие партии сырья направляются в переработку в

[1] Евдохова, Л.Н., Пинчукова Ю.М., Болотько А.Ю. Указ. соч.

кратчайшие сроки, т. е. после прохождения входного контроля качества и конкретизации технологических показателей качества. Или же интересующая нас партия готовой продукции уже была реализована потребителям частями или целиком. В таких случаях, рекомендуется производство товароведческой документальной экспертизы.

Документальная товароведческая экспертиза – оценка экспертом товароведных характеристик товаров, основанная на информации товарно-сопроводительных, технологических и иных документов. В качестве объектов документальной товароведческой экспертизы являются следующие документы – товаросопроводительные, технические, технологические, эксплуатационные и т. д.[1]

Среди множества документов, отражающих товароведные характеристики товарных партий сырья и готовой продукции растительного происхождения остановимся на технических записях производимых в производственно-технологических лабораториях перерабатывающих предприятий.

Согласно ГОСТ ISO/IEC 17025-2019, каждая производственно-технологическая лаборатория (испытательная) в ходе своей деятельности должна осуществлять технические записи [2] . Технические записи в испытательных лабораториях должны производится для обеспечения соответствия качества исследований (испытаний), измерений и процессов установленным требованиям, эффективного функционирования системы качества, а также для предоставления подтверждения фактов и решений по результатам проведенных испытаний. Основными требованиями к данному виду документации являются сохранение ее в первоначальном виде и обеспечение доступа для систематизации, обработки и последующего анализа. Регистрации подлежат абсолютно все данные, прямо или косвенно связанные с организацией и проведением испытаний.

Технические записи испытательных лабораторий включают первичные записи наблюдений и производные записи (вторичные данные). К массиву технический записей производственно-технологических лабораторий можно отнести:

рабочие журналы, включая журналы, содержащие расчеты по определяемым показателям качества;

журналы регистрации условий проведения испытаний;

результаты первичных наблюдений;

данные о градуировках и технических калибровках;

---

[1] Евдохова Л.Н.., Масанский С.Л. Товарная экспертиза: учеб. пособие для студ. учреждений высшего образования по специальности «Товароведение и экспертиза товаров». Минск: Вышэйшая школа, 2013. 332 с.

[2] Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий: ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Введ. 01.07.2019. Минск: Государственный комитет по стандартизации Респ. Беларусь, 2019. 32 с.

протоколы исследований;

информация, фиксируемая техническими средствами (средствами измерения, испытательным и вспомогательным оборудованием) в электронном виде;

другие записи, необходимые для выполнения требований различных испытаний, включая первичные наблюдения и расчетные записи.

Для технических записей предусмотрены требования по их оформлению. Технические записи ведутся как на бумажных носителях, так и в электронном виде.

Записи в журналах должны быть написаны от руки чернилами непосредственно на месте проведения испытаний (отбора образцов). Неправильные (ошибочные) записи должны быть зачеркнуты (одной чертой), а рядом должно быть написано правильное значение, заверенное идентифицированной подписью лица, вносящего изменения. При внесении технических записей не допускается использование карандашей или корректирующих средств, а также стирание или изменение таких записей. Листы рабочего журнала нумеруются, а последняя страница идентифицируется, путем опечатывания и указания количества листов в журнале. В названии рабочего журнала указывается вид выполняемого испытания, лицо, ответственное за его ведение, даты начала и окончания. Рабочие журналы хранятся в лаборатории до использования всех листов, после чего передаются в архив лаборатории.

Другие технические записи о результатах испытаний должны подшиваться в отдельные папки в соответствующих номенклатурных делах.

Технические записи в электронном виде должны вестись в соответствии с требованиями для конкретных технических средств (средств измерения, испытательное и вспомогательное оборудование) и их встроенных устройств хранения. При ведении записей в электронном виде с использованием различного программного обеспечения должны выполняться требования, установленные в «Руководстве по качеству» действующим в конкретной лаборатории.

Ведение технических записей должно обеспечивать наличие результата и отчета о каждом виде лабораторной деятельности (отбор проб, исследование проб, изготовление и градуировка химических реактивов, контроль за хранением сырья и готовой продукции, определение качества отгружаемой продукции и т. д.). Основная функция технических записей – они должны содержать достаточную информацию для идентификации факторов, влияющих на результат измерения и связанную с ним неопределенность измерений, а также обеспечивать возможность повторного проведения данной лабораторной деятельности в условиях, максимально близких к исходным. Технические записи должны включать даты и сведения о персонале лаборатории, ответственном за

каждое лабораторное исследование и проверку данных и результатов. Первичные наблюдения, данные и расчеты должны регистрироваться по мере их получения и идентифицироваться с конкретным видом деятельности.

Ведение технических записей должно обеспечивать прослеживаемость товарных партий сырья и готовой продукции, а так же идентификацию изменений, внесенных в указанные записи. Как первичные, так и измененные данные и файлы должны сохраняться с указанием даты изменения, аспекта, подвергшегося изменению, и ответственного лица за эти изменения.

Сложность документальной товароведческой экспертизы заключается в том, что в отсутствие товарной партии экспертам приходится полагаться на достоверность информации в технических записях и товаросопроводительной документации. Однако иногда и в такие записи и документы могут быть внесены изменения, с целью сокрытия следов преступления. В этом случае результат экспертизы зависит от компетентности эксперта и его способности сопоставить данные из различных товаросопроводительных документов и результатов испытаний основополагающих товароведных характеристик партии сырья указанных в технических записях лаборатории. Так, например, при помоле партии пшеницы 3 класса показатель качества «Число падения» для муки высшего сорта должен составлять не менее 150 единиц прибора. В журнале оперативного контроля качества промежуточных продуктов помола и готовой продукции в производственно-технологической лаборатории для муки высшего сорта данной помольной данный показатель определяется как 156. Однако в ходе проведения экспертного исследования образца муки высшего сорта произведенной из партии зерна вышеуказанного качества, установлено, что показатель качества «Число падения» составляет 120 единиц прибора, при сохранении всех остальных показателей качества на уровне требований к муке высшего сорта. Это говорит о том, что при составлении помольной партии была осуществлена подсортировка зерна более низкого класса качества (4 или 5 класс) и сфальсифицированы результаты испытаний готовой продукции. Воспользовавшись правилами составления помольной партии устанавливаем, что процент подсортировки составит в среднем 15% пшеницы 4 класса или 20% пшеницы 5 класса [1]. Прослеживаемость составления помольных партий и ее идентификацию можно отследить по журналам распоряжения движения зерна на зернохранилищах, рабочем журнале составления помольных партий, программном обеспечении в лаборатории, позволяющем составлять помольные партии для

[1] Юсупова Г.Г., Бердышникова О.Н. Технология мукомольного производства: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2019. 178 с.

мукомольного завода, рабочем журнале определения качества помольной партии, журнале оперативного контроля качества промежуточных продуктов помола и готовой продукции.

Таким образом, привлечение к расследованию преступлений носителей специальных товароведческих знаний позволяют следователям (лицам, производящим дознание) конкретизировать основополагающие товароведческие характеристики сырья и готовой продукции, которые являлись предметом преступного посягательства. Кроме того, грамотный и глубокий анализ товаросопроводительных документов, документов о качестве товара и товарных партий могут помочь следователям в определении механизма преступления. Специалисты-товароведы смогут объективно и качественно провести экспертное исследование технических записей в производственно-технологической лаборатории и соотнести их с технологической документацией, осуществляемой непосредственно в производственных цехах. При проведении документальной товароведческой экспертизы товарных партий сырья и готовой продукции растительного происхождения важно привлекать экспертов в конкретной перерабатывающей отрасли. Только глубокое знание и владение особенностями технологии переработки сырья, его технологических показателей качества и показателей качества готовой продукции позволит провести данный вид экспертизы объективно, с высоким воспроизводимым результатом.

Меерсон Владислав Романович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Академии МВД Республики Беларусь

О некоторых особенностях насильственных посягательств, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы (по уголовному законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации)

Качество реализации назначенного судом наказания прямо коррелирует с происходящими процессами, и, соответственно, развивающимися правоотношениями в уголовно-исполнительной (пенитенциарной) сфере. На территории стран Союзного государства специфика описываемых процессов имеет много общего, тем самым обуславливая достаточно благодатную почву для обобщения передового опыта и внедрения новых (в частности нормативно-правовых) решений, касающихся повышения эффективности функционирования указанных составных частей правоохранительных органов. Вместе с тем, существующие различия побуждают к необходимости переосмысления отдельных вопросов уголовно-правовой защиты лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (мест содержания под стражей), вне зависимости от их статуса – сотрудников администрации, гражданского персонала, посетителей, либо лиц, содержащихся в указанных учреждениях.

Насилие, как соответствующий признак состава преступления, характерен для значительного числа преступлений, предусмотренных в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. Осуществляя уголовно-правовую оценку совершенных преступных посягательств, судом указывается в приговоре, в каком именно виде выражались насильственные действия. Следует четко установить, какова органическая связь примененного конкретизированного насилия с иными признаками, образующими состав усматриваемого преступления, что в результате оказывает влияние на точность итоговой квалификации. Учитывая указанное, целесообразно обратить внимание на некоторые особенности наиболее характерного совершаемого в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, преступления – дезорганизацию функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы (ст. 410 УК Республики Беларусь и ст. 321 УК Российской Федерации[1]).

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023; Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

В контексте насильственного характера обозначенных преступлений в Уголовных кодексах двух стран важно отметить межотраслевую взаимосвязь, присущую для преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях. Вопросы соотношения уголовной и уголовно-исполнительной отраслей права с давних пор являются предметом дискуссий[1] и не теряют своей актуальности и по сей день. С позиций белорусского уголовно-исполнительного законодательства ярко выраженной проблематики межотраслевой конкуренции при квалификации преступлений, совершаемых осужденными, как правило, не усматривается по ряду причин. Актуальные белорусские нормативные правовые акты, регламентирующие сферу уголовно-исполнительных отношений, содержательно не несут в себе признаков, перекликающихся с признаками составов преступления, предусмотренных в ст. 410 УК Республики Беларусь. Данное обстоятельство вытекает из анализа дисциплинарных проступков, которые перечисляются в виде установленных запретов в действующих подзаконных нормативных актах, регламентирующих правила внутреннего распорядка исправительных учреждений различных видов. Также, в ст. 117 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [2] приводится дефиниция злостного нарушения осужденным к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания. Для признания таковым осужденного обязательно наличие у него определенного числа различных дисциплинарных взысканий, наложенных в соответствии с действующим законодательством. Также, злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания признается лицо, совершившее во время нахождения в исправительном учреждении умышленное преступление, за которое назначено наказание в виде лишения свободы. Какие-либо иные, конкретно указываемые правонарушения (проступки), несущие значительный вред для уголовно-исполнительных правоотношений и достаточные для отнесения осужденного к категории злостных нарушителей за единичный факт нарушения, отсутствуют. Описываемая регламентация является приемлемой с точки зрения нивелирования спорных моментов при квалификации действий, дезорганизующих функционирование учреждения уголовно-исполнительной системы, обуславливаемая отсутствием условий, порождающих сложность в отграничении данного деяния от дисциплинарных проступков у правоприменителя.

---

[1] См.: Михлин А.С. Конкуренция норм и институтов в уголовном и исправительно-трудовом праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 3. С. 53–57.

[2] Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

Рассматривая действующее уголовно-исполнительного законодательство Российской Федерации следует обратить внимание, что ряд его отдельных положений близки по своему содержанию положениям белорусского законодательства. В подзаконных нормативных актах Российской Федерации, регулирующих правила внутреннего распорядка мест изоляции, также отсутствуют положения, явно обуславливающие сложности в процессе расследования рассматриваемого преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ. Вместе с тем, в российском уголовно-исполнительном законодательстве присутствуют отдельные нормы, представляющие интерес в рамках описываемого вопроса. Так, в ст. 36 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [1] содержится перечень обязанностей для лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Среди данных требований присутствует обязанность «не совершать умышленных действий, угрожающих собственной жизни и здоровью, а также жизни и здоровью других лиц». И если в отношении действий, угрожающих собственной жизни и здоровью все предельно очевидно (имеет отношение к такому явлению, как членовредительство), то умышленные действия угрожающие жизни и здоровью других лиц можно истолковать как угрозу применения насилия в отношении иных содержащихся лиц, либо персонала следственного изолятора (изолятора временного содержания), что по своей сущности (насильственному характеру) соответствует объективной стороне состава преступления, предусмотренного в ст. 321 УК РФ. Также, наряду с этим, в ст. 40 указанного закона регламентирован перечень запрещенных действий, за совершение которых содержащееся под стражей лицо может быть подвергнуто взысканию в виде водворение в карцер или в одиночную камеру (наиболее строгое взыскание). Таким образом, перечисляемые проступки отнесены законодателем к наиболее серьезным нарушениям установленного порядка содержания под стражей. Стоит отметить, что в данном перечне, наряду с участием в азартных играх, хранением запрещенных предметов и т. п., присутствуют такие «проступки» как: притеснение других подозреваемых и обвиняемых, а также нападение на сотрудников мест содержания под стражей или иных лиц, т. е. действия, явно сопряженные с насилием. Повторяется ситуация, когда «проступки» (учитывая их буквальное толкование и отсутствие каких-то иных широко известных официальных разъяснений, раскрывающих их содержание) перекликаются (конкурируют) с содержанием диспозиции ст. 321 УК РФ. При рассмотрении сущности понятий «притеснение», «нападение», возникает вопрос о целесообразности нахождения подобных форм

[1] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. Закон от 15 июля. 1995 г. № 103-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

насильственных действий, тождественных положениям УК РФ, в уголовно-исполнительном законодательстве.

Близкая к описываемой ситуация усматривается при анализе ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, определяющей сущность злостного нарушения осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания. Исходя из положений данной статьи наиболее общественно вредными уголовно-исполнительными проступками являются: употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ; изготовление, хранение или передача запрещенных предметов и т. д., а также, что немаловажно в аспекте рассматриваемого вопроса, злостным нарушением признается угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения. Обращая внимание на категорию «неповиновение» следует отметить, что в данном случае его достаточно просто отграничивать от насилия исходя из сущности данного противоправного действия. Под неповиновением персоналу учреждения уголовно-исполнительной системы следует понимать открытый отказ от выполнения законных требований данных лиц, о чем можно судить из устоявшихся подходов к определению содержания данного понятия, а также положений действующего административного законодательства, содержащего аналогичное понятие. Для неповиновения характерен признак пассивности, а также отсутствие определенных действий, направленных непосредственно на субъекта уголовно-исполнительных правоотношений (работника учреждения уголовно-исполнительной системы). Необходимо отметить, что угроза в отношении осужденных не является в соответствии со ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса РФ[1] злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, в отличие от угрозы работникам пенитенциарного учреждения, что видится не совсем правильным. С другой стороны, отнесение к злостным нарушениям угрозы представителям администрации, без конкретизации ее признаков, может создавать определенную сложность в процессе отграничения данного проступка от преступления.

Следует отметить, что криминализация психического насилия (угрозы) в ст. 321 УК РФ аргументируется с позиций законодателя необходимостью уголовно-правового предупреждения совершения более тяжких преступлений в перспективе высказавшим угрозу осужденным (содержащимся под стражей лицом). Характерная для мест изоляции от общества, объективно большей совокупностью причин для восприятия угроз как реальных для адресатов, чем за пределами мест отбывания наказания, совершенно иным, более высоким уровнем мотивации для

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

воплощения угрозы в силу субкультурных особенностей содержащихся лиц. Вместе с тем, исходя из анализа содержания исследуемой ст. 321 УК РФ, можно сделать вывод, что угроза охватывает весь спектр форм возможного насилия. Обоснована квалификация по данной статье как при угрозе применения насилия не опасного для жизни и здоровья, так и при угрозе убийством в отношении охраняемых уголовным законом категорий лиц, с соответствующим мотивом (целью). Уголовно наказуемая угроза в данном случае должна быть реальной, когда у потерпевшего (потерпевших) есть все основания опасаться ее осуществления. Следует отметить, что первостепенное значение для установления наличия, либо отсутствия в действиях лица признаков исследуемого преступления имеет направленность и интенсивность угрозы насилием, ее выраженность вовне и реальность. Вместе с тем, круг адресатов угрозы не имеет для правовой оценки подобного значения. Представляется достаточно логичным, что если угроза насилием адресована определенной группе сотрудников (например, определенному отделу), либо вообще всем сотрудникам учреждения уголовно-исполнительной системы, связана с осуществлением служебных обязанностей, была четко выражена и реальность ее осуществления не вызывает сомнений, то содеянное необходимо квалифицировать по ст. 321 УК РФ. Также необходимо подчеркнуть, что угроза от осужденного представителю администрации пенитенциарного учреждения является одной из наиболее опасных и негативных для внутренней дисциплины форм поведения в местах отбывания наказания. Поэтому не совсем верно будет подходить к оценке угрозы, предусматриваемой ст. 321 УК РФ, с позиций правоприменительной практики по ст. 119 УК РФ. Это детерминировано как отсутствием влияния на квалификацию конкретизации формы насилия, содержащейся в угрозе, так и специфическими обстоятельствами (характерными чертами) совершения преступления.

С учетом объективной стороны, уголовно-исполнительный проступок следует отграничить от преступления по содержанию угрозы, которая не должна охватывать применение физического насилия. К уголовно-исполнительному проступку следует относить также угрозы, в которых отсутствуют указанные выше для преступления, предусмотренного ст. 321 УК, обязательные признаки (например, угрозы причинить тяжкий вред здоровью или лишить жизни) из личных неприязненных отношений, не связанных со служебной деятельностью персонала.

Необходимо указать, что проступок посягает только на уголовно-исполнительные правоотношения, в то же время как объект преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ выходит за рамки данных правоотношений, ущерб наносится общественным отношениям, возникающим в процессе упорядоченного, направленного на реализацию

судебного акта и исполнения наказания функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы. Поэтому стоит сделать вывод, что законодателем при формулировке положений отрасли уголовно-исполнительного права не были учтены границы охранительного потенциала действующего уголовного закона. Разумеется, исключение «угрозы» из перечня наиболее серьезных проступков, не является верным решением в данном случае. Однако обосновано необходимы разъяснения либо замена данного понятия более конкретным и отражающим характер совершаемых противоправных действий. Разумеется, следует с положительной стороны отметить содержание в ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса РФ формулировки «при отсутствии признаков преступления», что подразумевает необходимость проведения проверки проступка на наличие признаков состава преступления.

В контексте законодательной оптимизации целесообразной видится редакция Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», выражающаяся в исключении из ст. 40 указания на такой вид злостного дисциплинарного проступка как «нападение на сотрудников мест содержания под стражей», в связи с явным наличием общественной опасности и необходимости оценки подобного деяния как преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ. Наряду с этим, необходимо детализировать содержание угрозы в ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, также дополнительно расширив круг лиц, подлежащих охране в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством: «Злостным нарушением осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания являются: … угроза (за исключением угрозы применения насилия) в отношении представителя администрации исправительного учреждения, осужденного, либо иного лица». Содержание угрозы в ст. 116 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в данном случае будет подразумевать угрозу уничтожения либо повреждения имущества, распространение нежелательных для лица сведений, а также угрозу совершения правонарушений (например, угроза совершить побег, либо некоторые иные преступления). Подобная формулировка позволяет отграничить угрозу – уголовно-исполнительный проступок, от угрозы применения насилия, которая является преступлением в соответствии со ст. 321 УК РФ, а также позволяет учесть факты угроз ненасильственного характера не только в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений. Вместе с тем психическое насилие, совершаемое спецконтингентом, необходимо рассматривать и оценивать с позиций уголовного законодательства.

Сулимов Михаил Андреевич,
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Особенности уголовно-правовой охраны порядка подготовки и проведения спортивных соревнований в зарубежных странах

Порядок подготовки и проведения спортивных соревнований, как объект уголовно-правовой охраны в зарубежных странах формировался не одномоментно. Разные правовые системы демонстрируют отличные друг от друга подходы к определению преступлений и правонарушений в сфере проведения спортивных соревнований, что определяет наличие специфики и особенностей противодействия противоправным явлениям в сфере спорта.

В европейских государствах предусмотрена ответственность за преступления в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований. Например, в уголовном уложении Германии имеются нормы предусматривающие ответственность за «Мошенничество в ставках на спорт» и «Манипуляция профессиональных спортивных соревнований». При закреплении этих норм законодатель провел разграничение между видами соревнований, а именно мошенничество в ставках на спорт затрагивает только организованные спортивные соревнования, а манипуляция профессиональных спортивных соревнований затрагивает только профессиональные. В первом случае ответственность наступает за требование получения выгоды для себя или третьего лица, получение соответствующего обещания или принятие этой выгоды за оказание влияния на ход или результаты спортивного соревнования, вследствие чего будет получена неправомерная имущественная выгода посредством связанной с данным соревнованием публичной ставки на спорт[1], а во втором за то, что лицо в нарушение добросовестной конкуренции, а в случае с судьей или арбитром противоречащим правилам образом окажет влияние на ход или результат профессионального спортивного соревнования в пользу соперника. Содержание данных норм показывает нам, что законодатель разделяет объекты уголовно-правовой охраны на неправомерную имущественную выгоду и на результат спортивного соревнования достигнутый в результате добросовестной конкуренции. На наш взгляд данный поход не использует весь спектр уголовно-правовых средств, осуществляющих борьбу с коррупцией в спорте. Также следует отметить субъективный состав данных норм, который по сравнению с другими рассматриваемыми странами менее конкретизирован и не

[1] Golovnenkov P. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия // Научные труды в области немецкого и российского уголовного права. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. P. 374-376.

учитывает некоторых участников, которые могут оказать реальное влияния на результат спортивного соревнования.

Антидопинговое законодательство в ФРГ представлено в виде Антидопингового акта в спорте[1]. Согласно данного акта запрещено:

изготовление допинговой субстанции, торговлю ей, ее сбыт, передачу или иное размещениена рынке, а также ее врачебное назначение;

использование допинговой субстанции или метода;

приобретение допинговой субстанции, предназначенной

для использования спортсменом, в значительных количествах, владение ею или ее передачу;

самостоятельное использование или дача согласия на применение в отношении себя допинговой субстанции или метода;

участие в соревнованиях после использования допинговой субстанции или метода;

приобретение или хранение допинговой субстанции для целей использования или обращения. Все ограничения распространяются только на случаи отсутствия медицинских показаний, когда применение допинга основано лишь на намерении получить незаконное преимущество в ходе организованных спортивных соревнований. Из особенностей можно отметить, что данный акт исчерпывающе охватывает круг запрещенных деяний. Кроме того, субъектный состав однороден, что по нашему мнению упрощает применение данной нормы.

Уголовное законодательство Италии в сфере спорта представлено в виде закона «Вмешательство в области азартных игр и нелегальных ставок и защита справедливости в спортивных мероприятиях»[2] Согласно статье 1 данного закона уголовная ответственность наступает за «Мошенничество в спортивных соревнованиях» в случае если любой, кто предлагает или обещает деньги или другие выгоды или преимущества некоторым из участников спортивных соревнований, организованных федерациями, признанными Итальянским национальным олимпийским комитетом (CONI), Итальянским союзом по разведению лошадей (UNIRE) или другими Спортивными организациями, признанными государством и их ассоциациями-членами, для достижения результата, отличного от результата, полученного в результате правильного и справедливого проведения соревнования, или для совершения других мошеннических действий, направленных на достижение этой же цели. Из содержания

[1] Anti-Doping Act of 10 December 2015 (Federal Law Gazette I, p. 2210) URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_antidopg/englisch_antidopg.html (дата обращения: 04.09.2023).

[2] Interventi nel settore del giuoco e delle scommesse clandestini e tutela della correttezza nello svolgimento di manifestazioni sportive, Legge 13 dicembre 1989, n. 401. URL: http://www.edizionieuropee.it/LAW/HTML/23/zn48_01_050.html#_ART1 (дата обращения: 04.09.2023).

данной статьи мы видим, что норма распространяется на соревнования имеющие официальный и профессиональный статус. При этом формулировка объективной стороны и субъектного состава выглядит спорно и размыто, что подразумевает по нашему мнению неоднозначность оценки при ее применении.

Борьба с допингом в Италии не оставлена без внимания со стороны государства и регулируется Законом от 14 декабря 2000 года устанавливающим правила, санитарную защиту спортивных соревнований и борьбу с допингом № 294[1]. В данном законе в первую очередь уделено внимание вопросам покупки, распространения, хранения и транспортировки запрещенных препаратов. Как и в ФРГ данный закон в полном объеме охватывает перечень запрещенных манипуляций с допингом, устанавливает суровые наказания. Также в данном законе закреплены положения ужесточающие ответственность для специальных субъектов в лице медицинского персонала или работника национального олимпийского комитета.

Уголовный кодекс Франции, а именно ст. 445-1-1 устанавливает ответственность для тех, кто без юридических оснований в любое время, прямо или косвенно делал предложения, обещания, подарки, пожертвования или обещал какие-либо преимущества, участнику спортивного мероприятия, на которое принимаются ставки для него самого или для других лиц, так что этот субъект посредством действия или воздержания от определенных действий, должен был изменить нормальный и справедливый ход этого события». В первую очередь следует отметить, что действия нормы распространяются только на спортивное мероприятие, на которое принимаются ставки. Большой перечень действий закрепленных в объективной стороне сформулирован достаточно убедительно. Субъект в лице участника спортивного мероприятия охватывает большое количество лиц, однако не учитывает лиц, не являющимися участниками спортивного мероприятия, но имеющие к ним отношения и заинтересованы в их результате.

Антидопинговое законодательство Франции представлено законом «О борьбе с незаконным оборотом допинговых препаратов» Положения закона сформулированы полно и конкретно и соответствуют требованиям Всемирного антидопингового кодекса. При этом субъектный состав не конкретизирован.

На примере США мы можем наблюдать, что со стороны государства уделяется большое внимание противодействию коррупционным преступлениям в сфере спорта. По мнению американских исследователей, таких как Р. Перкинс это обусловлено тем, что «область спорта, как

[1] Disciplina della tutela sanitaria delle attività sportive e della lotta contro il doping, URL: https://antidroga.interno.gov.it/wp-content/uploads/2019/05/L.-14-dicembre-2000-n.-376-.pdf (дата обращения: 04.09.2023).

профессионального, так и любительского, настолько поглощает внимание американского народа, что это неизбежно потребовало установить наказания за попытки оказать влияние на результаты спортивных состязаний»[1]. Общим и распространяющим действие на всю территорию США нормативно-правовым актом является Свод законов США и примерный уголовный кодекс США. Параграф 224 раздела 18 Свода законов США устанавливает ответственность за осуществление, попытку осуществления или вступление в сговор с любым другим лицом для осуществления какой-либо коммерческой схемы с целью повлиять каким-либо образом путем подкупа на любое спортивное соревнование, зная, что цель такой схемы состоит в том, чтобы оказать влияние с помощью подкупа на конкурс. Наказывается за это лицо штрафом в соответствии с этим разделом или лишением свободы на срок до пяти лет либо и тем, и другим (п. «а») [2] . Первой особенностью является то, что объектом уголовно-правовой охраны является любое спортивное соревнование, а не только наделенные профессиональными или официальным статусом. Следующее, что следует отметить это то, что в данной норме субъект не наделен специальными признаками. Также следует указать, что если буквально толковать норму, что ответственность наступает только у лица дающего вознаграждение, а лицо получающее вознаграждение ответственности не несет.

Примерный уголовный кодекс США содержит статью 224.9 (Жульничество на публичных соревнованиях), которая гласит: “лицо совершает мисдиминор (в уголовном праве США и Великобритании категория наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями), если с целью воспрепятствования проведению публичных соревновании в соответствии с регулирующими их правилами и обычаями оно: a) предоставляет или предлагает или соглашается предоставить какое-либо благо или угрожает причинением какого-либо вреда участнику соревнования или выставки или связанному с ними должностному лицу; b) причиняет вред какому-либо лицу, животному или предмету. 2) Попытка получить благо за жульничество или принятие такого блага, лицо совершает мисдиминор, если оно заведомо пытается получить какое-либо благо или принимает или соглашается принять какое-либо благо, предоставление которого было бы преступным в соответствии с пунктом 1.3. Участие в жульнических соревнованиях. Лицо совершает мисдиминор, если оно заведомо выступает в публичных соревнованиях в качестве участника, организатора, постановщика, судьи или в ином качестве, зная, что по причине поведения,

[1] Perkins R. Criminal Law. 2nd ed. Mineola, N. Y.: Foundation Press, 1969. P. 474.

[2] The Code of Laws of the United States of America URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/uscode-2020-title18/pdf/uscode-2020-title18-partI-chap11-sec224.pdf (дата обращения: 10.09.2023).

которое было бы преступным в соответствии с настоящей статьей, соревнования проводятся не в соответствии с регулирующими их правилами и обычаями”[1]. Анализирую данную норму, мы видим, что законодатель подошел более дифференцировано к определению круга субъектов и содержанию объективной стороны. В данном случае наказуема не только дача, но и получение выгоды за жульничество. Особенностью также является то, что объектом уголовно-правовой охраны являются публичные соревнования. Заслуживает внимание такая особенность в виде предмета преступления, а именно благо, как абстрактная не имеющая эквивалента единица, что по нашему мнению не способствует правильному ее применению.

Антидопинговое законодательство в США на национальном уровне не представлено. Единственным нормативно-правовым актом устанавливающим уголовную ответственность за применение допинга является «Rodchenkov Anti-Doping Act of 2019» (акт Родченкова) который устанавливает ответственность за сознательное осуществление или попытка осуществления или вступление в сговор с любым другим лицом с целью осуществления коммерческих манипуляций, направленных на оказание влияния путем использования запрещенных субстанций или запрещенных методов на любое крупное международное спортивное соревнование любым лицом, кроме спортсмена. Особенность данного документа заключается в его трансграничном действии и распространяется только на международные соревнования. Согласно данного акта международными соревнованиями признаются соревнования, в которых участвует как минимум один американский и три иностранных спортсмена, и которые проводятся в соответствии с правилами Всемирного антидопингового агентства.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что подходы зарубежных стран в борьбе с преступлениями в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований разнообразны и имеют свои достоинства и недостатки. Проведение анализа зарубежного законодательства позволяет выявить наиболее проблемные аспекты, оригинальные законодательные подходы к формированию уголовно-правовых норм в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований, которые могут быть учтены национальным законодателем и научным сообществом.

[1] Примерный уголовный кодекс США URL: https://constitutions.ru/?p=5849 (дата обращения: 10.09.2023).

Абисова Кристина Сергеевна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Реализация основ стратегического планирования в рамках организации противодействия терроризму

Деятельность, осуществляемая на государственном уровне (например, направленная на обеспечение безопасности и противодействие преступности) основывается на системном и плановом подходах, что обусловлено структурными, системными, функциональными особенностями самого субъекта деятельности, а также сложностью объекта ее воздействия. В свою очередь, комплексность и многоэтапность деятельности, обуславливает необходимость ее стратегического планирования. Сама институциональная и деятельностная природа терроризма обуславливает необходимость комплексного подхода (синергия системного и планового) к противодействию ему, основанному на стратегическом планировании. В данном контексте А.Н. Игнатов справедливо отмечает, что противодействие должно приобретать формы научно взвешенной стратегии[1].

Необходимость стратегического планирования определена на государственном уровне Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2], который выделяет виды документов стратегического планирования, порядок создания документов стратегического планирования и прогнозирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, полномочия участников стратегического планирования, а также принципы деятельности по стратегическому планированию. Согласно вышеуказанному федеральному закону, деятельность по стратегическому планированию включает в себя: целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Признание на законодательном уровне в Российской Федерации квазигосударственного статуса террористических организаций, масштабности, многоуровневости, системности террористической деятельности, новых форм и видов ее реализации, требует принятия

[1] Игнатов А.Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе // Библиотека криминалиста. 2015. № 6. С. 158.

[2] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

аналогичных, системных, концептуальных, основанных на стратегическом планировании мер противодействия, которые по своему содержанию уже не предполагают под собой победы лишь в локальном смысле, на «поле боя». В вопросе организации системы противодействия терроризму необходимо избегать фрагментарности в документах, ее составляющих. Архитектура современной системы мер противодействия должна являться результатом инкрементного процесса деятельности государства.

Одним из видов документов стратегического планирования долгосрочного характера является стратегия, которая содержит систему приоритетных направлений деятельности, а также цели, задачи и принципы реализации таковой. Базовым документом стратегического планирования в области обеспечения безопасности в Российской Федерации является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] (далее – Стратегия), которая определяет стратегические национальные приоритеты страны, устанавливает и дает оценку угрозам национальной безопасности, определяет цели и задачи в области обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу.

Особое место среди перечня угроз национальной безопасности Стратегия отводит проявлениям терроризма и экстремизма, условия, для распространения которых создают ослабленные системы глобальной и региональной безопасности. Стратегия, безусловно, отражает общие аспекты, касающиеся угроз национальной безопасности, ввиду чего в рамках общей Стратегии не представляется возможным полномасштабно, всеобъемлюще и прописать стратегические основы противодействия отдельным ключевым угрозам, среди которых особое место занимают экстремизм и терроризм. Теория стратегирования оперирует понятием «спусковой крючок» при разработке новой стратегии. Например, если появились принципиально новые внешние условия, обострилась какая-то проблема [2]. Указанный тезис напрямую относится к противодействию экстремизму и терроризму, стремительно меняющих свои формы и способы осуществления.

Следуя данной логике, руководством страны было принято решение о выработке с учетом положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, стратегических основ противодействия экстремизму и терроризму в виде документов под названием «Стратегия

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27, ч. II. Ст. 5351.

[2] Квинт В.Л. Стратегирование в России и мире: ставка на человека // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 15-17.

противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»[1] и «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации»[2].

В свою очередь, исходя из основ стратегического планирования, стратегические основы противодействия экстремизму и терроризму должны находить свое отражение и практическое развитие в форме соответствующих концепций.

Концепция является одним из видов документов стратегического планирования, который по своей сущности не отражает начальных «теоретических» основ деятельности, а содержит лишь основу практической реализации деятельности определяемой стратегией.

В соответствии с преамбулой, именно Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации определяет принципы, цели, задачи и основные направления деятельности по противодействию терроризму, что в своей основе противоречит сути документа стратегического планирования под названием концепция. На наш взгляд, Концепция противодействия терроризму должна содержать исключительно элементы практической стороны реализации оговоренных в Стратегии противодействия экстремизму и терроризму положений, с указанием субъектов реализации указанной деятельности и основ обеспечения таковой.

На сегодняшний день в государстве в развитие положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, а также иных нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности личности, общества и государства, действует Комплексный план Противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019-2023 годы[3].

По своей сути и содержанию, план, является условной «дорожной картой» и обеспечивает целостность, согласованность, системность, практическую реализацию стратегических и концептуальных направлений деятельности по противодействию терроризму. Однако, при анализе данного документа возникает ряд спорных вопросов. Ключевым из них является вопрос о самом названии документа, которое по каким-то причинам охватывает лишь одну составляющую терроризма,

---

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Собр. законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3475.

[2] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 окт. 2009 г.) // СПС «Гарант».

[3] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы [Электронный ресурс]: утв. Президентом РФ 28 дек. 2018 г. № Пр-2665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402397/

идеологическую, что находит свое последующее отражение и в его содержании.

Устранение противоречий в документах стратегического планирования, определение их иерархии и содержательного наполнения позволит оптимизировать процесс противодействия терроризму. На наш взгляд, иерархия документов стратегического планирования в сфере противодействия терроризму должна выглядеть следующим образом: «Стратегия» – «Концепция» – «План». Указанное позволит говорить о комплексности, системности, стратегической обоснованности и концептуальности процесса противодействия. Однако на данный период времени мы лишь констатируем наличие фрагментарных, разбросанных по разным документам механизмы противодействия отдельным частям проявления терроризма, что находит свое отражение с уровня стратегий, концепций, планов, до уровня уголовного кодекса Российской Федерации.

Аведян Аркадий Аведикович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Характеристика жертвы насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел

Изучение преступления как разновидности проявления человеческого поведения определяет необходимость постановки в центр криминологии проблему изучения именно человека как биосоциального существа, находящегося в центре других взаимодействующих биосоциальных систем [1]. Как отмечает К.В. Вишневецкий, факторы, детерминирующие преступное и виктимное поведение, тесно взаимосвязаны между собой, что определяет необходимость при исследовании механизма совершения преступления изучения в диалектическом единстве криминогенных, виктимогенных и антивиктимогенных детерминант преступления[2]. Соответственно, следует согласиться с тем, что личность преступника, жертву преступления и особенности ситуации совершения преступления следует рассматривать в качестве частей одного целого – системы механизма преступления. При этом жертву преступления необходимо рассматривать как фактор, генетически и динамически влияющий на данный механизм[3].

Исследование жертвы преступления должно быть направлено на установление тех характеристик, которые обусловливают вероятность ее виктимизации и неизбежность вовлечения в механизм совершения конкретного преступления, а также определяют особенности ситуации совершения преступления.

Результаты смежных исследований указывают на определенную специфику виктимности лиц, участвующих в осуществлении правосудия или производстве предварительного расследования. Так, по данным А.Ф. Имамутдинова, больше всего угроз или насильственных действий в рассматриваемой сфере деятельности осуществлено в отношении лиц, проработавших до 1 года, – 28,9%, а также лиц, имеющих стаж от 2 до 3 лет, – 20,3%. По мере увеличения стажа службы виктимность данной

[1] См.: Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности. С. 63–73.

[2] Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации. 2014. № 10. С. 154.

[3] См.: Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений. С. 149.

категории лиц снижается[1]. На наш взгляд, виктимность сотрудников ОВД, участвующих в производстве предварительного расследования, имеющих незначительный стаж службы, может быть обусловлена попытками запугать неопытных сотрудников в преступных целях. В то же время значительный стаж службы и профессиональный опыт детерминируют виктимность сотрудников ОВД, обусловленную их участием в расследовании сложных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям, в том числе совершенным представителями организованной преступности, для которых характерным является активное, насильственное противодействие расследованию.

Исследования преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, указывают на то, что виктимность представителей правоохранительных органов неодинакова, в наибольшей мере она характерна в отношении полицейских-водителей (94,4%), сотрудников ГИБДД (66,7%) и сотрудников патрульно-постовой службы (63,5%), поскольку именно сотрудники данных подразделений находятся в ярко выраженной виктимной ситуации, однако при этом многие из них (в частности, полицейские-водители) наименее подготовлены к противодействию преступнику [2]. На наш взгляд, виктимность лиц, проходящих службу в рассматриваемых подразделениях, обусловлена не столько уровнем подготовки или ограниченностью возможностей противодействия преступнику, сколько отмеченной нами спецификой служебных функций данных категорий сотрудников и непосредственным контактированием с правонарушителями.

Одной из основных социально-демографических характеристик жертвы преступления также выступает уровень ее образования. Уровень образования свидетельствует об уровне интеллектуального развития жертвы, наличии специальных знаний, умений и навыков и находится во многих случаях в непосредственной связи с характером ее поведения, в том числе поступков, обусловливающих возникновение и развитие конкретной криминальной ситуации.

Большинство сотрудников (70% и более) из числа личного состава ОВД имеет высшее профессиональное образование[3]. Высокая доля жертв насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников

---

[1] Имамутдинов А.Ф. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 14.

[2] Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 72–73, 185–186.

[3] См.: Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2019 год: сб. аналит. и информ. материалов. М.: ДГСК МВД России, 2020.

ОВД, со средним и средним профессиональным образованием указывает на девиктимогенный потенциал профильного высшего образования.

При анализе виктимологической характеристики насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, следует учитывать, что в большинстве случаев (91,4%) жертвой стал один сотрудник ОВД, что в целом характерно для насильственных преступлений, механизм которых основан на социальном взаимодействии по типу «субъект – субъект»[1].

Существенный криминологический интерес представляют данные о морально-психологической характеристике жертвы преступления. Различного рода характерологические и иные личностные характеристики жертвы преступления, ее виктимные склонности. При этом следует учитывать, что различные морально-психологические характеристики и качества личности могут сочетаться между собой в различных формах[2].

При этом учеными отмечается такая типичная проблема виктимологических исследований насильственной преступности, как недостаток эмпирических данных, позволяющих установить личностные характеристики жертв. Данная проблема обусловлена, как отмечает А.Н. Игнатов, прежде всего тем, что следственные органы и суд практически не обращают внимания на соответствующие характеристики жертвы в ходе уголовного судопроизводства, в результате чего данные о них отсутствуют в подавляющем большинстве материалов уголовных дел[3]. К сожалению, не является в данном случае исключением и такая специфическая категория насильственных преступлений, как насильственные преступления, совершаемые в отношении сотрудников ОВД.

В данном контексте представляют интерес данные проведенного А.С. Чумичкиным исследования, в частности установленные им свойства личности сотрудников ОВД, признанных потерпевшими по изученным уголовным делам. Так, в отношении 37% из них свидетели, в том числе сослуживцы, отмечали вспыльчивость; в отношении 42% – готовность к быстрому принятию решений, инициативность, хотя и не всегда проявляемую нужным образом и в правильном направлении; в отношении 15% – преданность служебному долгу, нетерпимость к правонарушениям при достаточно твердой уверенности в виновности контактера в совершении правонарушения или преступления, т. е. своеобразную

---

[1] См.: Игнатов А.Н., Семенова Е.Г., Ильянович Е.Б. Интервальная методология в криминологическом исследовании феномена насилия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 98–99.

[2] См.: Юзиханова Э.Г., Нифонтов В.А. Виктимологическая обусловленность насильственной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4(26). С. 47.

[3] Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений. С. 145.

«презумпцию виновности»; в отношении 6% – агрессивность, подозрительность, стремление настоять на своем любой ценой[1].

Роль жертвы в механизме совершения насильственного преступления непосредственно определяется характером ее поведения в ситуации совершения преступления.

Данная характеристика дает возможность установить особенности мотивации поведения как преступника, так и жертвы в механизме совершения преступления. При этом следует учитывать, что, как указывает К.В. Вишневецкий, виктимному поведению свойственна своя, отличная от преступного поведения мотивация, определяющая виктимологическую составляющую детерминации преступления[2]. Характер поведения жертвы в ситуации совершения преступления определяет степень ее виктимности. Последняя же существенно различается в случае позитивного, социально полезного поведения жертвы, вызывающего негативную реакцию со стороны преступника, либо в случае отрицательного, тем более провокационного, поведения жертвы[3].

На наш взгляд, одной из наиболее объективных и универсальных типологий жертв преступлений, выделенных на основании характера поведения жертвы, является типология, предложенная Д.В. Ривманом, содержащая следующие исходные типы потерпевших: агрессивный, активный, инициативный, пассивный, некритичный и нейтральный[4]. Принимая универсальность данной типологии жертв для насильственных преступлений в целом, следует отметить, что с учетом специфики профессиональной виктимности сотрудников ОВД некоторые из указанных типов жертв не являются характерными для исследуемых нами преступлений (например, пассивный тип), а иные типы имеют свои специфические характеристики.

Примечательно, что факты пренебрежения правилами и мерами безопасности со стороны сотрудников ОВД имеют место даже после применения к ним насилия, когда правила безопасности нарушаются и меры безопасности не применяются непосредственно по отношению к лицу, применившему насилие. Указанное может свидетельствовать о наличии у определенной категории сотрудников ОВД устойчивого стереотипа некритичного виктимного поведения.

---

[1] Чумичкин А.С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 88.

[2] Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации. С. 156.

[3] См.: Стуколова Л.С. Теоретические аспекты института виктимной психологии в современной научной полемике // Научное мнение. 2014. № 10–2. С. 82.

[4] См.: Ривман Д.В. Использование виктимологических данных в предотвращении преступлений // Вопросы профилактики преступлений. Л., 1980. С. 48–55; Он же. Криминальная виктимология. С. 62–69.

Так, приехавшие по вызову сотрудники полиции обнаружили возле здания торгово-развлекательного комплекса, где произошла драка, гр-на С. с явными признаками алкогольного опьянения. Один из сотрудников, прапорщик К., подошел к С., представился, предъявил служебное удостоверение и попросил прекратить противоправные действия. В ответ на это С. нанес К. один удар головой в область лица. После чего к С. были применены физическая сила и специальное средство – браслеты ручные стальные для пресечения его противоправных действий. Далее С. был доставлен в отдел полиции, где была установлена его личность. После чего полицейским поступил звонок о необходимости доставить С. к зданию торгово-развлекательного комплекса для проведения осмотра места происшествия, поскольку С. не с кем было оставить в отделе полиции, так как все были на выездах. По приезде к зданию торгово-развлекательного комплекса сотрудники полиции оставили С. в служебном автомобиле, а сами ушли. Через некоторое время один из полицейских вернулся и снял с С. наручники, так как последний жаловался на варикозное расширение вен, после чего также ушел. Воспользовавшись отсутствием сотрудников полиции, С. вышел из машины и убежал[1].

Для проявления данного типа виктимного поведения характерны ситуации, когда сотрудник ОВД, переоценивая свои силы и возможности, недооценивая противника или некритически воспринимая сложившуюся ситуацию, принимает излишне инициативные действия по задержанию лица, пресечению противоправного поведения группы лиц и т. п.

Различные типы жертв преступления могут иметь различную вариативность в рамках одной модели насильственной виктимизации сотрудников ОВД либо выступать детерминационной основой определенной модели. Указанное, а так же выявленные виктимологические характеристики необходимо учитывать при выработке и реализации мер виктимологического предупреждения насильственных преступлений совершаемых в отношении сотрудников ОВД.

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Курска Курской области от 17 авг. 2018 г. по делу № 1-372/2018. // СПС «КонсультантПлюс».

Бархатова Екатерина Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России

Уголовно-правовое воздействие: цели, формы, тенденции

Уголовно-правовое воздействие следует понимать, как в негативном (для объекта воздействия), так и в позитивном аспекте. Первый выражен, разумеется, в наказании и применении какого бы то ни было принуждения, второй – в прощении, поощрении тех или иных действий.

Основная цель уголовно-правового воздействия заключается в предупреждении преступлений, в обеспечении безопасности. Вместе с тем указанная цель достигается разными способами. В зависимости от способа выделяют формы уголовно-правового воздействия, каждая из которых наряду с общей целью преследует частные.

Если исходить из понимания уголовно-правового воздействия в негативном аспекте, то следует назвать такие формы как наказание, принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества. Все эти формы объединяет принудительный характер и ограничение виновного в отдельных правах.

Формы уголовно-правового воздействия, свидетельствующие о его позитивной направленности, – принудительные меры воспитательного воздействия, судебный штраф, другие виды освобождения от уголовной ответственности, освобождение от наказания, формирование позитивной уголовной ответственности.

Современные тенденции относительно уголовно-правового воздействия характеризуются:

либеральностью и дружественной политикой по отношению к несовершеннолетним;

дифференциацией ответственности и индивидуализацией наказания;

экономией уголовной репрессии;

расширением инструментария для освобождения от ответственности;

ужесточением санкций за отдельные виды преступлений (экстремистской и террористической направленности, против конституционного строя и др.).

О первой тенденции свидетельствуют законопроекты об освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам публичного обвинения, о введении примирителя в уголовный процесс[1].

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения». URL: https://www.vsrf.ru/press_center/ mass_media/28342/?ysclid=lkhrvm 75ii959563298 (дата обращения: 25.07.2023).

Представление предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации в соответствующей сфере вошло в утвержденный Президентом Российской Федерации Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 10 декабря 2020 г.[1]

Данная тенденция подтверждается и мнениями в научной среде о расширении инструментария воспитательного, а не карательного воздействия на лиц, совершивших преступления[2].

Вторая тенденция прослеживается в изменениях различных норм. Так, например, дополнение перечень отягчающих обстоятельств дополнен новыми в связи с экстремистскими и террористическими проявлениями, посягательствами на конституционный строй государства. Все чаще при конструировании уголовно-правовых норм законодатель прибегает к принципу административной преюдиции, а в некоторых случаях учитывая и административную повторность (ст. 264^2, 264^3УК РФ).

Третья тенденция подтверждается фактическим расширением действия института иных мер уголовно-правового характера, активным применением условного осуждения и назначение наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, если в 2007 году число осужденных наказаниям, связанным с изоляцией от общества с реальным их отбываний составляло 33% от общей массы осужденных, то в 2022 году данный показатель снизился до 28%[3].

С целью экономии уголовной репрессии судами стал активнее применяться такой инструмент как изменение категории преступления на менее тяжкую. Так, если в 2017 году решение об изменении категории было принято лишь в отношении 1858 человек из 991,7 тыс. лиц по поступившим уголовным делам (0,2%), то в 2022 году – в отношении 9020 из 835,2 тыс. (1,1%).

Четвертая тенденция нашла отражение в дополнении УК РФ главой 15^2 УК РФ о судебном штрафе, а также появляющимися в статьях Особенной части УК РФ специальными основаниями освобождения от

---

[1] Мешков М.В., Минулин Р.М. Освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшими по делам публичного обвинения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2. С. 7.

[2] См.: Прозументов Л.М. Об основаниях специальных видов освобождения от наказания несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 1. С. 12–14.; Карпов К.Н., Николаев К.Д., Фисенко Д.Ю. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 62–67.

[3] Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2003–2007 и 2008–2022 годы. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения: 25.07.2023).

уголовной ответственности (например, вместе со ст. 281^3 УК РФ, введенной 29 декабря 2022 г. появилось примечание о возможности освобождения лица от уголовной ответственности за организацию диверсионного сообщества и участие в нем, если оно добровольно прекратит такое участие и сообщит органам государственной власти о его существовании).

Вместе с тем сама криминализация деяний, подобных предусмотренному в ст. 281^3 или 264^2 УК РФ указывает на то, что законодатель делает акцент на общественной опасности таких деяний и считает необходимым в современных условиях криминализовать их либо ужесточить санкции за уже существующие преступления.

Вопросы уголовно-правового воздействия на лиц, освобожденных от уголовной ответственности (например, с назначением судебного штрафа или применением принудительных мер воспитательного воздействия) широко обсуждаются в научных кругах на предмет юридической возможности и логичности применения таких мер как бы постфактум[1]. Мы же полагаем, что в данном случае речь идет именно об уголовно-правовом воздействии в понимании, приближенном к пониманию позитивной уголовной ответственности. В данном случае преследует цель удержания от совершения преступлений, предупреждения преступности, а потому применение каких-либо уголовно-правовых мер после принятия решения об освобождении о уголовной ответственности возможно и даже целесообразно.

Резюмируем, что уголовно-правовое воздействие на современном этапе своего развития отличается разнообразием форм и методов, что способствует достижению заявленной цели предупреждения преступлений, обеспечению принципа справедливости, повышению культуры правоприменительной практики.

[1] См.: Тюрина И.М. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 4. С. 263.

Василенко Вера Викторовна,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры функционального анализа и алгебры
факультета математики и компьютерных наук
Кубанского государственного университета

Борисова Ольга Васильевна,
заместитель председателя
Краснодарского краевого суда

Противодействие преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий

С цифровизацией принято отождествлять всю известную совокупность технологий, применяемых для полного цикла обработки информации. В следствие технологической революции, в современном мире информация представляет собою ценность не только в оригинале, но и в digital-формате[1]. При технологических решениях задач обработки данных, в том числе в процессе построения математических моделей, цифровую информацию полагают рассматривать как набор многомерных величин, представленных с использованием современных интеллектуальных и электронно-вычислительных систем, алгоритмов, методов. К наиболее популярным современным методам и алгоритмам в упрощенном понимании можно отнести реализацию полного цикла от регистрации, сбора, обработки в режиме реального времени и до трассировки системами искусственного интеллекта. А сегодня уже - не исключая решение задач, поставленных для самообучающихся нейросетей, способных к многоуровневому анализу и преобразованиям информации.

Преимущества цифровизации очевидны: повышается производительность и качество обработки информации, появляется возможность хранения и фактически неограниченного тиражирования полноценных смысловых копий оригинальных данных. Многие процессы за счет автоматизации снимают перегрузку специалистов на местах.

Однако если рассмотреть цифровизацию как глобальный вариант открытой системы (то есть модели с открытой обратной связью), то вполне очевидным возникает вопрос о нарастании информационной энтропии, что в общем-то, не исключает и появление «собственных точек бифуркаций» системы. По естественным законам развития открытых систем, такие критические точки предполагают наличие у самой системы неравновесных состояний, покидая которые, система одномоментно преобразуется в новом, более высоком уровне своего развития.

[1] digital – от английского: «цифровой».

Развитие цифровизации – это само по себе многомерное явление, а в совокупности со свойством открытости, например, самообучающихся интеллектуальных систем, возможны возникновения тех типов угроз, которые на данный момент человечеству не знакомы либо им не изучены. Простым примером может служить популярная на данный момент нейросеть GPT 4, способная к решению задач, о которых ранее перед прасистемами интеллектуального спектра, не помышлялось и вовсе. Уже сегодня алгоритмы типа обратного распространения, гарантирующие высококачественное самообучение искусственного интеллекта, позволяют нейросетям создавать сайты и запускать их в режиме реального времени, распознавать и пояснять человеку графическую информацию, предлагать услуги по рассылкам, дозвонам и прочим сервисам виртуальных ассистентов.

Возникает резонный вопрос о пределах возможностей подобных систем и насколько человек способен контролировать сам процесс самообучения систем искусственного интеллекта?

Еще более остро встает вопрос о правонарушениях с использованием современных цифровых технологий, и как следствие – о противодействии преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий. Ведь, к примеру, если нейросеть по сформированному ей заданию, преступит нормы права, то как и кому предъявлять в данной ситуации обвинения? Ведь задачу могли поставить как внешние пользователи, так и сама интеллектуальная система!

Таким образом уже на вводном этапе освоения вопросов цифровизации возникает ряд задач, связанных как с использованием IT-технологий, так и с последствиями таких действий, и, прежде всего – с определениями зон законодательного регулирования, ответственностью сторон при применении цифровых технологий[1], перспективами внедрения, защиты и развития цифровизации как явления в целом, а особенно - для государственных институтов.

Особую роль цифровизации важно понимать и в контексте судебной практики, которая сегодня уже на этапе автоматизированных систем обеспечена электронными системами сбора и первичной обработки информации, распределения дел к рассмотрению путем алгоритмов поточного выбора. В перспективе же, цифровизация судебной власти в России рассматривается как определенная цифровая экосистема с применением технологий искусственного интеллекта даже на этапе судебных решений. Что, в свою очередь, ставит вопросы этики особо остро, а так же возможности построения защиты интересов участвующих в

[1] Борисова О.В. О совершенствовании Уголовного кодекса Российской Федерации с учетом цифровизации преступной деятельности //Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в Российском уголовном праве». Краснодар, 2021. С. 452–458.

разбирательстве сторон. Рассматривая, например, цифровизацию судопроизводства и реализацию конституционного принципа гласности правосудия, возникает ряд как положительных, так и негативных аспектов [1]. А если предположить, что решение по делу принимала автоматизированная нейросеть, то для грамотного построения защиты важно понимать, как была выстроена логика вынесения постановления и от каких алгоритмов отталкивается искусственный интеллект.

И если на современном этапе уже есть некое правовое поле, определяющее ответственность за информационное правонарушение, например Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 14-ФЗ[2], естественно ожидать появление новых правовых инструментов в этой сфере, что обусловлено лавинообразными темпами развития «цифры». От чего же зависит тренд развития цифровых технологий, в особенности – в государственных институтах власти? Для ответа на подобные вопросы важно понимать не только современное положение дел в области цифровизации, так и сепарировать ряд базисных задач, исходящих из практики внедрения IT-технологий как в Российской Федерации, так и в ряде зарубежных стран СНГ, к примеру – в Казахстане.

В данной работе предлагается к рассмотрению несколько основных проблем, возникающих при внедрении цифровых (и интеллектуальных) систем и возможные пути их решений. Кратко это можно определить следующим перечнем:

Проблема 1. Взаимопонимание между специалистами. На стыке правовых задач и современных цифровых технологий в Российской Федерации возникает огромное число сложностей на уровне взаимопонимания специалистами из правовой сферы и сферы компьютерных наук – это в основном связано со спецификой юридического образования в РФ, более ориентированного на гуманитарную, нежели техническую отрасль. Расхождения в терминологиях и неоднозначность понятий на стыке разных по своей природе научных отраслей влечет прецеденты в определении ответственности, в том числе и уголовной, за правонарушения в цифровой среде.

Вывод о возможном решении данной проблемы – необходимы корректировки и дополнение системы образования при синтезе указанных направлений;

Проблема 2. Однозначность понятий и терминологии в контекстах разных сегментов. В связи с внедрением интеллектуальных систем высокого уровня развития и их преемственности в самообучении,

[1] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyh-tehnologiy-na-realizatsiyu-printsipa-glasnosti-pravosudiya/viewer

[2] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798

необходимо для однозначно понятного правового регулирования наличие четкой кластеризации терминологии и понятий: например – «термин «электронное правосудие» необходимо отделять от термина «цифровое правосудие»: в первом случае речь идет о свойствах носителя информации, во втором — о форме существования данных. Разница в терминах существенна, так как форма хранения информации определяет свойства среды[1]…».

Вывод о решении данной проблемы – интеграция научных отраслей с учетом особенностей правового и технического эволюционирования структур.

Проблема 3. Регулятивная политика в области контроля полномочий систем искусственного интеллекта и лиц, причастных к применению, модернизации и техническому сопровождению устойчивой работы применяемых цифровых технологий в правовом сегменте.

Вывод о решении данной проблемы – при успешном разрешении обозначенных выше 1 и 2 проблем, появляется необходимая база для разработки законопроектов соответствующей направленности, что, в свою очередь напрямую предоставляет возможности профилактики преступлений в области цифровой среды, корректировки динамики развития технологий.

Именно регулятивный подход к обозначенным базовым проблемам способен качественно нивелировать на данном этапе развития цифровых технологий и вопросы, связанные с противодействием преступлениям, совершенным с использованием IT-технологий в контексте цифровизации судебной власти в России, и моделировать перспективные направления развития цифровизации в целом.

При всей многогранности цифровизации как неизбежного процесса преобразования общества важно понимать и определение ответственности в контексте динамики внедрения подобных технологий. В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 14-ФЗ[2] уже определены как административная, так и уголовная ответственность за некоторые правонарушения, однако на перспективу их явно не будет достаточно – о чем выше было указано в данной работе.

[1] URL: https://zakon.ru/blog/2022/07/18/cifrovizaciya_pravosudiya_problemy_i_tendencii
[2] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798

Вакуленко Наталья Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России

Баскаева Мария Вячеславовна,
курсант
Ростовского юридического института МВД России

Актуальные вопросы современной превенции в отношении рецидивной преступности в России и зарубежных странах

Министр юстиции Константин Чуйченко заявил, что в России из каждых 100 000 освобожденных из тюрем 44 000 вновь совершают преступления. Это означает, что процент повторных нарушений составляет 44 %. Министр предложил создать в рамках Федеральной службы исполнения наказаний специальную службу, которая будет заниматься социальной адаптацией осужденных.

Каждый год около 100 тысяч человек освобождаются из тюрем, но они часто не готовы к этому и не имеют средств для новой жизни. Это приводит к высокому уровню повторных преступлений – около 44 %. Таким людям нужна помощь[1].

Чуйченко предложил создать специальную службу пробации для адаптации заключенных к жизни на свободе. Он также сообщил, что концепция развития уголовно-исполнительной системы к 2030 году предусматривает сокращение числа заключенных до 300 тысяч человек, в то время как на данный момент в России под стражей находятся 483 тысячи человек.

[1] В Минюсте назвали процент рецидива среди российских заключенных. URL: https://news.ru/society/v-minyuste-nazvali-procent-recidiva-sredi-rossijskih-zaklyuchyonnyh (дата обращения: 05.06.2023).

Таблица 1

Преступления, совершаемые лицами, ранее совершавшими преступления (в том числе ранее судимыми)

2017	Россия	650579	58,2	352734	54,2
	Ростовская область	17976	61,9	10237	56,9
	ЮФО	63296	56,7	35087	55,4
2018	Россия	634027	58,3	348618	55,0
	Ростовская область	18144	62,3	10852	59,8
	ЮФО	61548	57,1	34012	55,3
2019	Россия	617914	58,7	343344	55,6
	Ростовская область	16815	57,9	10137	60,3
	ЮФО	59859	55,9	33583	56,1
2020	Россия	617184	59,8	344383	55,8
	Ростовская область	16524	61,0	9758	59,1
	ЮФО	62204	58,1	33944	54,6
2021	Россия	618158	60,0	346328	56,0
	Ростовская область	16156	62,9	9622	57,8
	ЮФО	63095	58,1	34072	54,0
2022	Россия	625743	60,4	356584	57,0
	Ростовская область	16155	58,0	9704	60,1
	ЮФО	63743	57,2	35481	55,7

В структуре преступности преобладают рецидивные преступления, доля которых в 2017 году составила 58,2%, в 2018 – 58,3%, в 2019 – 58,7%, в 2020 – 59,8%, в 2021 – 60,0%[1]. Этот показатель с 2013 г. ежегодно увеличивается на фоне снижения первичной преступности, что свидетельствует о необходимости совершенствования деятельности государственных институтов по противодействию преступности, прежде всего в той части, которая касается оказания индивидуального профилактического воздействия на лиц, ранее привлекавшихся к ответственности[2]. В 2022 году доля рецидивных преступлений в общем массиве преступности составила 60,4% (Таблица 1).

Криминологический рецидив – это повторное совершение преступления, независимо от наличия или отсутствия снятия или погашения судимости. Она распространяется как на лиц, которые уже получили уголовное наказание, так и на тех, кто еще не был осужден. Криминологический рецидивизм является более широким понятием, чем уголовно-правовой рецидивизм, поскольку криминологи объясняют причины повторного совершения преступления и рекомендуют средства

[1] Основные статистические показатели преступности в Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 11.06.2023).

[2] Гончарова М.В. Основные проблемы деятельности органов внутренних дел по индивидуальной профилактике преступлений // Наука. Мысль: электронный периодический журнал, М, 2016. С. 28–30.

уголовного реагирования. Б.С. Утевский рассматривал рецидивизм как «повторное совершение преступления виновным лицом, независимо от того, было ли виновное лицо ранее судимо и отбывало наказание или нет...»[1].

По мнению Е.А. Писаревской, единого правового определения рецидива нет, поэтому основанием признания рецидивом является судимость. При этом судимость должна быть связана с лишением свободы и только за умышленные преступления[2].

Рецидивизм социально опасен, поскольку повторение совершения преступления может привести к формированию преступного образа жизни и дальнейшей трансформации рецидивизма в профессиональную и организованную преступность. Динамика криминологического рецидивизма характеризуется увеличением частоты и интенсивности, усилением специализации и организованности рецидивизма, а также увеличением доли женского рецидивизма.

Валишин В.В. разделяет рецидив на фактический и рецидив судимостей. При этом фактический рецидив подразделяется на рецидив с погашенной судимостью, рецидив, во время производства предварительного следствия, и рецидив освобожденных от уголовной ответственности[3].

Таким образом, криминологический рецидив является серьезной проблемой, требующей комплексного подхода к ее решению.

Рецидив преступлений – это совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Рецидивизм – это форма множественности в дополнение к совокупности преступлений. Ю.И. Шутов утверждал, что «... рецидивизм – это не только юридическое понятие, но и социологическое, выражающее повышенную опасность субъекта, поэтому для признания рецидива следует принимать во внимание только умышленные преступления, совершенные лицом после восемнадцатилетнего возраста, поскольку именно эти моменты, в первую очередь, указывают о повышенной опасности». Также считал и Ю.М. Ткачевский[4].

Признаки рецидива:

1. Повышенная общественная опасность преступной деятельности. Рецидивисты совершают преступления, которые могут нанести вред не только конкретным жертвам, но и обществу в целом. Такие преступления,

---

[1] Утевский Б.С. Преступность и рецидив // Современная преступность (преступление, пол, репрессия, рецидив). М., 1927. С. 32.

[2] Писаревская Е. А. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее профилактика. Казань: Бук, 2019. 168 с.

[3] Валишин, В.В. Понятие и виды криминологического рецидива // Молодой ученый. 2021. № 8 С. 78–80.

[4] Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. С. 37–44.

как убийство, насилие, кража и мошенничество, могут иметь серьезные последствия для жертв и окружающих их людей.

2. Совершение лицом двух или более преступлений в разное время. Рецидивисты совершают не одно преступление, а несколько, что свидетельствует о повторной склонности к преступной деятельности.

3. В структуре рецидивизма преобладают лица с непогашенной судимостью. Это означает, что большинство рецидивистов уже были осуждены за предыдущие преступления, но продолжают совершать новые.

4. Особая сфера криминальных интересов. Рецидивисты часто совершают преступления, связанные с насилием, кражами, мошенничеством и другими видами преступной деятельности, которые могут нанести вред жизни и здоровью людей, а также экономике и общественной безопасности.

5. Высокая доля особо рецидивных преступлений. Рецидивисты часто совершают однотипные преступления, такие как кража или мошенничество, что свидетельствует о криминальном профессионализме.

6. Интенсивность рецидивизма позволяет проследить зависимость совершения повторного преступления от времени, прошедшего после освобождения из пенитенциарного учреждения. Чем больше времени прошло с момента выпуска, тем меньше вероятность повторного правонарушения, но она по-прежнему остается высокой.

7. Взаимосвязь рецидивизма, профессиональной, групповой и организованной преступности. Рецидивисты часто присоединяются к организованным преступным группам и сообществам, где они приобретают криминальные знания и навыки, которые помогают им совершать новые преступления.

8. Распространение и поддержание обычаев (традиций) криминального мира. Рецидивисты часто поддерживают криминальные традиции и обычаи, которые помогают им выжить в мире преступности.

9. Постепенное омоложение рецидивизма и его феминизация. В последние годы наблюдается увеличение числа женщин-рецидивисток, а также снижение возраста рецидивистов.

Рецидивизм обычно делится на общий и специальный:

общий рецидив предполагает совершение лицом разнородных преступлений;

специальный рецидив предусматривает совершение лицом однородных или идентичных преступлений.

Рецидивисты, как правило, совершают более тяжкие и опасные преступления, чем в первый раз, что повышает общественную опасность их деятельности.

Структура рецидивизма показывает, что большинство рецидивистов имеют непогашенную судимость, то есть они уже были осуждены ранее за преступления, но продолжают совершать новые. Существует также

специальный рецидивизм, когда человек совершает однотипные преступления. А.М. Яковлев отмечает, что для данной категории преступников часто характерно наличие прочно укоренившейся готовности действовать в одном направлении, а именно в направлении достижения своей преступной цели. Более того, эта деятельность продолжается не в силу текущей ситуации, а часто вопреки ей[1].

Самый высокий уровень рецидивизма наблюдается у лиц, ранее отбывавших средние сроки лишения свободы (от 3 до 10 лет). Лица, отбывшие короткие или длительные сроки, менее склонны к рецидиву.

Кроме того, было выявлено, что рецидивисты часто вступают в организованные преступные группы и сообщества, где они приобретают криминальные знания и навыки, которые помогают им совершать новые преступления.

Рецидивизм является серьезной проблемой для общества, поскольку он повышает уровень преступности и представляет угрозу жизни и здоровью людей. Поэтому необходимо принимать меры по предотвращению рецидивизма, такие как социальная реабилитация осужденных, профилактика криминальной среды и повышение эффективности уголовного преследования.

Личность рецидивиста характеризуется прогрессирующим увеличением числа судимостей, ослаблением и распадом общественно полезных связей, как в профессиональной сфере, так и в сфере повседневной жизни.

Рецидив является основным показателем окончательной оценки эффективности наказания. Это обусловлено наличием особых социальных и психологических факторов:

1. Морально-педагогическая подготовка осужденных к жизни после освобождения, не соответствующая общественно-политической ситуации;
2. Встреча с непредсказуемыми трудностями при приеме на работу;
3. Отсутствие жилья и бытовых условий;
4. Разрушение общественно полезных связей с родственниками во время тюремного заключения;
5. Утрата необходимых жизненных навыков (забота об одежде, еде, неумение правильно использовать заработную плату и т. д.).

Предупреждение повторных преступлений является частью общих мер по предупреждению преступности, но имеет свои особенности. Ее цель – активно влиять на все факторы, которые могут привести к повторным преступлениям. Для этого используются различные меры на разных уровнях: общественном, криминологическом и индивидуальном.

[1] Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964. С. 105.

Профилактика рецидивизма является одной из важнейших задач правоохранительных органов. Ниже приведены некоторые способы предотвращения рецидивизма:

1. Социальная и психологическая помощь осужденным. Необходимо обеспечить осужденным доступ к психологической помощи и социальной поддержке, чтобы они могли успешно адаптироваться в обществе после освобождения.

2. Обучение и трудоустройство. Обучение и трудоустройство являются важными факторами, помогающими осужденным успешно адаптироваться к жизни в обществе. Правоохранительные органы должны предоставлять возможности для обучения и трудоустройства осужденных.

3. Система мониторинга и управления. Необходимо создать систему мониторинга и контроля за осужденными после их освобождения. Это поможет предотвратить повторное совершение преступлений.

4. Профилактика злоупотребления наркотиками и алкоголем. Злоупотребление наркотиками и алкоголем является одной из основных причин рецидивизма. Правоохранительные органы должны проводить профилактическую работу среди населения по предотвращению злоупотребления наркотиками и алкоголем.

5. Реформа уголовной системы. Необходимо пересмотреть существующую уголовную систему и внести изменения, которые помогут предотвратить рецидивизм. Это может включать изменение системы наказаний, более широкое использование альтернативных методов наказания, таких как общественные работы или условно-досрочное освобождение.

6. Работа с семьями осужденных. Семьи осужденных также нуждаются в поддержке и содействии. Правоохранительные органы должны работать с семьями осужденных, чтобы помочь им успешно адаптироваться к жизни после освобождения осужденного.

7. Развитие социальной инфраструктуры. Необходимо развивать социальную инфраструктуру, такую как детские сады, школы, спортивные клубы и другие организации, которые помогут предотвратить социальную изоляцию и улучшить качество жизни населения.

8. Развитие социальной инфраструктуры. Необходимо развивать социальную инфраструктуру, такую как детские сады, школы, спортивные клубы и другие организации, которые помогут предотвратить социальную изоляцию и улучшить качество жизни населения.

9. Предотвращение бытового насилия. Насилие в семье является одним из факторов, которые могут привести к рецидиву. Правоохранительные органы должны проводить профилактическую работу среди семей с целью предотвращения бытового насилия.

10. Создание реабилитационных программ. Необходимо создать реабилитационные программы для осужденных, которые помогут им

успешно адаптироваться к жизни после освобождения. Эти программы могут включать в себя обучение, трудоустройство и другие меры поддержки.

11. Разработка альтернативных методов разрешения конфликтов. Необходимо разработать альтернативные методы разрешения конфликтов, такие как медиация, чтобы предотвратить совершение преступлений.

12. Повышение правовой грамотности населения. Правовая грамотность населения является важным фактором, способствующим предотвращению совершения преступлений. Правоохранительные органы должны работать над повышением правовой грамотности населения.

13. Целесообразно предусмотреть изучение специальных курсов в образовательных учреждениях МВД России: «Актуальные проблемы противодействия рецидивизму и профессиональной преступности», «Криминальная субкультура и ее профилактика», «Превентивное законодательство».

12. Создание специализированной службы постпенитенциарного контроля (службы пробации), основной задачей которой была бы социальная адаптация и ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Такая служба должна быть способна решать проблемы с трудоустройством, местом жительства лиц, освобожденных из пенитенциарных учреждений, оказывать правовую, психотерапевтическую, психолого-педагогическую, консультативную и иную помощь, а в будущем на нее может быть возложена функция административного надзора. М. Усманов предлагает понимать ресоциализацию осужденных как совокупность правовых, организационных, педагогических, психологических, воспитательных и иных мер воздействия на осужденных, используемых для изменения их морально неодобряемых ценностных ориентаций, устранения негативных последствий их изоляции в исправительном учреждении, усвоения новых социально одобряемых ценностей, навыков и ролей вместо предыдущих, включая их в позитивные социальные отношения и оказание им помощи после освобождения из тюрьмы[1].

В целях совершенствования превентивной политики Российской Федерации необходимо обратить к зарубежному опыту борьбы с рецидивизмом:

Закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях» был принят в Азербайджанской Республике. Он регулирует механизмы ресоциализации

[1] Усманов И.М. Условно-досрочное освобождение осужденных к лишению свободы по законодательству России и практика его применения в Татарстане:дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 215 с.

бывших заключенных и предусматривает конкретные меры по их социальной адаптации[1].

В соответствии с этим законом компетентные органы обязаны предоставлять лицам, освобожденным от наказания, услуги по социальной адаптации, включая помощь в трудоустройстве, обучение и переподготовку кадров, медицинскую помощь и психологическую поддержку. Закон также предусматривает создание центров социальной адаптации, где освобожденные от наказания могут получить необходимую помощь и поддержку.

Важным моментом является то, что закон устанавливает обязанность компетентных органов осуществлять наблюдение за лицами, освобожденными от наказания, и оказывать им необходимую помощь на протяжении всего периода ресоциализации. Закон также предусматривает ответственность за нарушение прав лиц, освобожденных от наказания, и недостаточную помощь им.

Таким образом, закон «О социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях» является важным инструментом предотвращения рецидивизма в Азербайджанской Республике. Это обеспечивает не только социальную реабилитацию осужденных, но и контроль за их дальнейшей жизнью после отбытия наказания.

Профилактика повторных преступлений направлена на предотвращение повторных преступлений путем воздействия на все факторы, способствующие этому. Для этого используются различные меры на государственном, криминологическом и индивидуальном уровнях. В Великобритании после освобождения из тюрьмы все осужденные находятся под профилактическим наблюдением, которое осуществляется с помощью электронных браслетов сотрудниками службы пробации.[2]

Направленность японской криминологической политики на борьбу с рецидивизмом основана на идее о том, что массовость и суровость уголовных наказаний не являются эффективными способами борьбы с преступностью. Вместо этого японская политика направлена на улучшение социальной адаптации бывших осужденных и предотвращение их возвращения к преступной деятельности.

---

[1] О социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания в пенитенциарных учреждениях: закон Азербайджанской Республики от 31 мая 2007 г. № 353-IIIГ // СПС «LegalActs».

[2] Кэнтом Р. Британский опыт привлечения общественности к помощи заключенным и их последующей адаптации // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе: сборник материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Саратов. 16-20 сентября 2003 г. М.: НИИ УИС Минюста России, 2003. С. 59–65.

В Японии участие общественности в социальной адаптации бывших осужденных осуществляется посредством деятельности добровольных сотрудников службы охранного надзора. Эти сотрудники помогают бывшим заключенным адаптироваться к жизни на свободе, оказывая им поддержку и содействие в поиске работы, жилья и других необходимых услуг[1].

Одним из принципов японской уголовной политики также является использование альтернативных наказаний, таких как испытательный срок, общественные работы и т. д. Эти меры направлены на реабилитацию осужденных и предотвращение повторного совершения ими преступлений.

В целом японская уголовная политика ориентирована на социальную адаптацию бывших заключенных и предотвращение рецидивизма, а не на массовое применение репрессивных наказаний.

Япония, Южная Корея, США и Канада используют различные методы борьбы с преступностью, но все они направлены на реабилитацию осужденных и предотвращение повторных преступлений.

В Японии общественность играет важную роль в реабилитации осужденных. Добровольные сотрудники службы охранного надзора помогают бывшим заключенным адаптироваться к жизни на свободе, оказывая им поддержку и содействие в поиске работы и жилья. Также используются альтернативные наказания, такие как общественно полезные работы или условное освобождение под надзором.

В Южной Корее осужденным предоставляются возможности получения образования и профессиональной подготовки, а также помощь в трудоустройстве и получении жилья. Осужденные проходят обучение по подготовке к освобождению и получают поддержку в виде бесед и наблюдения за окружающей средой.

В США и Канаде осужденных отправляют в общественные исправительные центры, где им предоставляются возможности подготовиться к жизни на свободе. Они могут самостоятельно искать работу и укреплять контакты с родственниками и другими людьми. Осужденные также участвуют в специальных программах, направленных на их реабилитацию и предотвращение повторных преступлений.

В целом, эти страны придерживаются подхода, который не ограничивается только наказанием преступников, но и направлен на их реабилитацию и социальную адаптацию. Это помогает снизить уровень преступности и предотвратить повторное совершение преступлений.

В разных странах используются различные меры для ресоциализации бывших заключенных. В Польше помощь оказывают социальные кураторы и органы опеки над молодежью, которые помогают

[1] Морозов Н.А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики :автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 2–7.

в организации работы и домашнего хозяйства и следят за поведением бывших осужденных. В Израиле бывшие заключенные обязаны воздерживаться от совершения преступных посягательств в течение трех лет после освобождения, а в Китае применяется обязательное обучение и трудоустройство под наблюдением. В Великобритании и Канаде лица, осужденные пожизненно, остаются под надзором до конца своей жизни и могут быть отправлены обратно в место содержания под стражей, если они нарушат условия надзора или совершат новое преступление.

В Беларуси, например, существуют меры профилактического наблюдения за людьми, склонными к рецидивам[1]. В России соблюдаются международные соглашения, в том числе Венская конвенция о добросовестном выполнении международных обязательств, которые были ратифицированы СССР.[2]

Международное сотрудничество в области борьбы с постпенитенциарной преступностью выражается в нормотворческом и правоохранительном сотрудничестве специализированных международных организаций, таких как Россия-ОБСЕ, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Черноморского сотрудничества и другие.

Значительную роль в этом процессе играет не только Международная организация уголовной полиции – Интерпол, но и полицейская служба Европейского союза – Европол. В рамках Интерпола деятельность 192 государств объединена с целью обмена конфиденциальной информацией, выявления разыскиваемых преступников и проведения специальных превентивных операций.

Под эгидой международных полицейских структур регулярно проводятся оперативно-профилактические мероприятия под названием «Граница» по противодействию организованной преступности на прилегающих территориях соседних стран, а также поисковые операции под кодовым названием «Инфракрасный».

Для внедрения зарубежного опыта антирецидивной профилактики заслуживают внимания следующие меры:

установление профилактического наблюдения и превентивного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (Беларусь);

создание и применение общественного института добровольцев службы защитного надзора (Япония);

целенаправленная система обучения осужденных по подготовке к освобождению из мест лишения свободы (Южная Корея, Китай);

---

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. // ИПС «ЭТАЛОН-ONLINE».

[2] О добросовестном выполнении международных обязательств: Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

применение электронного контроля за бывшими осужденными, которые склонны к совершению постпенитенциарных преступлений (Великобритания, Канада);

формирование и применение пробационных технологий (Грузия, Великобритания, Казахстан, Молдова, США);

наличие специального фонда постпенитенциарной поддержки, аккумулирующего материальные средства, полученные за счет отчислений из заработной платы осужденных, отбывающих наказание.

Таким образом, за рубежом успешно реализуются позитивные профилактические и надзорные меры в отношении бывших осужденных. Для дальнейшего совершенствования деятельности российских правоохранительных органов важной задачей является использование передового зарубежного опыта в области предупреждения повторных преступных посягательств, в частности специальной криминологической профилактики, позволяющей снизить криминогенность поведения лиц, совершающих преступления.

Таким образом, профилактика рецидивизма является одним из важнейших направлений комплексной, многогранной деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений. Особенности личности рецидивистов, их объективное положение в системе общественных отношений обусловливают необходимость последовательной активизации мер по борьбе с этой, наиболее опасной формой преступных проявлений и находятся в прямой зависимости от научной обоснованности соответствующих общих и индивидуальных профилактических мер, их целенаправленности, последовательности и взаимосогласованности. Работа по профилактике рецидивизма преступлений может быть успешной только в том случае, если она базируется на положениях криминологии, педагогики, психологии, достижениях других наук.

Васильев Александр Максимович,
преподаватель кафедры уголовного права
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева

Злоупотребление правом как одна из форм регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве

Нормы особенной части экономического уголовного права тесно связаны с нормами иных отраслей права в силу наличия презумпции регуляторной противоправности в деянии виновного лица[1].

Как правило, законодатель прямым указанием, в частности, на «незаконность» (ст. 146, ст. 147 ст. 171.4, ст. 172, ст. 173.1, ст. 173.2, ст. 176, ст. 180, ст. 183, ст. 185.4, ст. 189, ст. 191, ст. 191.1 УК РФ, ст. 200.1, ст. 200.2 УК РФ), «неправомерность» (ст. 169, ст. 185.6, ст. 187, ст. 195 УК РФ), «запрещенность» (ст. 178 УК РФ), «несанкционированность» (ст. 181 УК РФ), «нарушение порядка» (ст. 185.2 УК РФ), «нарушение правил» (ст. 192 УК РФ), «нарушение требований» (ст. 193, ст. 200.3 УК РФ), «неисполнение обязанностей» (ст. 199.1 УК РФ), «нарушение законодательства» (ст. 200.4 УК РФ), «нарушение условий государственного контракта» (ст. 201.2 УК РФ) подразумевает, что запрещенное уголовным законом деяние (т. е. преступление) также представляет собой гражданское, административное, финансовое, налоговое и иное правонарушение[2].

Совершение любого правонарушения нарушает закрепленные в законодательстве правовые предписания, согласно которым субъект обязан либо придерживаться определенной модели поведения, либо воздерживаться от ее воспроизведения в своем поведении. Следовательно, мерилом правомерности (или же противоправности) деяния лица выступают нормы права, которые в большинстве своем закреплены в законодательстве.

---

[1] Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: общая часть: монография. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 151.

[2] Данное правонарушение является необходимым условием привлечения лица к уголовной ответственности, о чем свидетельствует практика Верховного Суда Российской Федерации. См. например: п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»; п.29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» и др.

Однако особенностью экономического уголовного права является то, что регуляторная противоправность деяния может быть выражена не только в совершении иноотраслевого правонарушения, которое является одним из оснований уголовной ответственности за совершение экономического преступления, но и в злоупотреблении правом.

Под злоупотреблением правом в теории права понимается вид правового поведения, в рамках которого субъект, не выходя за рамки правовых предписаний, реализует свое субъективное право во вред другим субъектам[1].

В.Н. Кудрявцев и Н.С. Малеин полагают, что в юридическом отношении злоупотребление правом может быть сведено к нарушению обязанности, ибо всякое право должно осуществляться с теми целями и в тех пределах, как это предусмотрено законом[2]. В настоящее время в гражданском праве действует принцип добросовестности участников гражданского оборота, согласно которому последние обязаны совершать юридически значимые действия с учетом прав и законных интересов своих контрагентов и других лиц.

Примеры злоупотребления правом как формы регуляторной противоправности в экономическом уголовном праве можно обнаружить, в частности, в правоприменительной практике по налоговым преступлениям (ст. 198, 199, 199.3, 199.4 УК РФ).

С 2017 года в отечественном законодательстве о налогах и сборах содержится норма, устанавливающая по аналогии со ст. 10 ГК РФ для налогоплательщика общий запрет на злоупотребление правом, которая закреплена в ст.54.1 НК РФ. Запрет злоупотребления правом установлен законодателем с целью пресечения использования налогоплательщиками схем ухода от уплаты налогов, которые формально не противоречат нормам налогового законодательства (например, все документы, представленные в ФНС, оформлены в соответствии с требованиями налогового законодательства, денежные средства перечислены в бюджет в установленные законом сроки и т. д., но при этом имело место так называемое «дробление бизнеса»).

Признание налогоплательщика недобросовестным и, как следствие, признание полученной им налоговой выгоды необоснованной в результате злоупотребления правом могут влечь уголовную ответственность по ст.198 и ст. 199 УК РФ, если сумма неуплаченных налогов и сборов составляет крупный размер.

---

[1] Шабуров А.С. Правовое поведение. Правонарушение // Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. С. 345–347.

[2] Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения // Современное государство и право. 1980. № 10. С. 31–38.

Например, Е., являясь директором ООО «МКС», признан виновным по ч. 1 ст. 199 УК РФ, т. е. в уклонении от уплаты страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов, путем включения в налоговую декларацию (расчет) или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере.

Е. заключил соглашение с АО «Атом-ТОР», согласно которому ООО «МКС» будет производить для АО «Атом-ТОР» машины и оборудование специального назначения на территории г. Снежинска, который являлся территорией опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР). В результате заключения данного соглашения ООО «МКС» получило статус резидента ТОСЭР, который давал право ООО «МКС» применять пониженные тарифы страховых взносов (пп. 12 п. 1 ст. 427 НК РФ). ООО «МКС» применяло пониженные тарифы страховых взносов с 01.01.2019 по 31.12.2020, однако при этом реальная экономическая деятельность, направленная на реализацию соглашения между ООО «МКС» и АО «Атом-ТОР» не осуществлялась, а сотрудники ООО «МКС», за которых происходила уплата страховых взносов в бюджет, осуществляли трудовую деятельность в других городах[1].

Нетрудно догадаться, что основной целью заключения соглашения между ООО «МКС» и АО «Атом-ТОР» являлась неполная уплата страховых взносов, т. е. получение дохода исключительно за счет налоговой выгоды в отсутствие намерения осуществлять реальную экономическую деятельность[2]. При этом налогоплательщиком было допущено искажение сведений о фактах хозяйственной деятельности, что представляет собой злоупотребление правом (п. 1 ст. 54.1 НК РФ).

Предоставление в налоговые органы документов, содержащих заведомо ложные сведения, было обусловлено злоупотреблением правом со стороны налогоплательщика, которое выразилось в получении статуса резидента ТОСЭР без цели осуществления реальной экономической деятельности на ТОСЭР, что противоречит цели принятия Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации»[3], а именно обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

---

[1] Приговор Верхнеуфалейского городского суда Челябинской области от 12.05.2022 по делу № 1-94/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «Гарант».

[3] Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Классическим примером злоупотребления правом является использование схемы «дробления бизнеса», в частности, когда предприниматель при достижении лимитов по доходам, в пределах которых допускается использование упрощенной системы налогообложения (далее – УСН), вместо перехода на общую систему налогообложения искусственно перераспределяет выручку между зависимыми от него лицами. Использование данной схемы позволяет сохранять возможность использования УСН, уплачивая меньшую сумму налогов. Данная схема до сих пор пользуется популярностью, о чем свидетельствуют недавние уголовные дела, возбужденные в отношении блогеров Валерии и Артема Чекалиных [1], Елены Блиновской [2] и Александры Митрошиной[3].

Таким образом, злоупотребление налогоплательщиком субъективным правом нарушает общий запрет, предусмотренный налоговым законодательством (54.1 НК РФ), но при этом критерии, благодаря которым правоприменитель решает вопрос о признании в действиях налогоплательщика злоупотребления правом, содержатся отнюдь не в нормах права, а в положениях судебной доктрины[4], которая была подвергнута переработке и систематизации ФНС РФ[5]. Содержание указанной доктрины составляют тесты, основанные на обычаях делового оборота в условиях налогообложения. Положения обычаев делового оборота как раз и выступают тем самым мерилом добросовестного поведения налогоплательщика.

Следовательно, регуляторная противоправность в экономическом уголовном праве может быть идентифицирована не только при помощи норм права, но также благодаря обращению к положениям обычаев делового оборота, т. е. иным социальным регуляторам помимо права. Тем самым, нарушение норм данных социальных регуляторов может стать уголовно-наказуемым деянием.

---

[1] Кусикова Ольга. «Все так делают». Чекалины дали первое интервью на фоне неуплаты налогов. URL: https://www.rbc.ru/life/news/649023e69a79475358970284 (дата обращения: 06.10.2023).

[2] Кирилл Соколов, Анна Гальчева. По делу блогера Блиновской арестовали активы на 64 млрд. URL: https://www.rbc.ru/society/15/08/2023/64db8ec09a7947739ac7e418 (дата обращения: 06.10.2023).

[3] Михаил Котляр. СК завел уголовное дело за неуплату налогов в 120 млн рублей против блогера Саши Митрошиной. URL: https://www.gazeta.ru/social/2023/03/21/16430593.shtml?updated (дата обращения: 06.10.2023).

[4] Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс».

Однако с таким положением дел нельзя согласиться, поскольку критерии определения добросовестного поведения в законе практически нигде не зафиксированы, а судебная доктрина не отличается стабильностью относительно указанных критериев. На наш взгляд, уголовно-правовой запрет является неопределенным. Полагаем, что в настоящее время привлечение к уголовной ответственности за злоупотребление правом недопустимо.

Вертепова Татьяна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемные вопросы определения предмета преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 УК РФ

Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями представляет по своей сути аморальное явление, вызывающее справедливое возмущение оказывает негативное влияние на нравственную жизнь общества. Вследствие чего, законодательство идет по пути запрещения изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями, в том числе с использованием несовершеннолетних, справедливо полагая, что подобное явление разлагает человека, унижает его достоинство, пробуждает низменные инстинкты[1].

Одной из актуальных проблем в политике любого государства является борьба с распространением порнографии. По мнению В.В. Нагаева «порнобизнес не только подрывает основы общественной нравственности и отечественной культуры, но и является питательной средой для роста общеуголовной преступности, а также увеличения числа и тяжести преступлений, совершаемых несовершеннолетними» [2] . Подтверждение данному факту можно найти в исследованиях американского психолога В. Клайна, который в своей работе «Воздействие порнографии на взрослых и детей», обращает внимание на то, что порнография может оказывать негативное влияние на личность. Выступая мощным сексуальным стимулятором, порнография одновременно с этим, может являться и фактором, влияющим на приобретение сексуальных отклонений. Например, патологических сексуальных состояний, таких как растление малолетних, эксгибиционизм, вуайеризм, садомазохизм, фетишизм, и сексуальное насилие[3].

Вышесказанным было обусловлено законодательное закрепление уголовной ответственности за изготовление и оборот материалов или

---

[1] Крылов С.В. Система мер предупреждения оборота порнографических материалов и предметов порнографического характера // Человек: преступление и наказание: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. Рязань, 2022, С. 650.

[2] Нагаев В.В. Эротика и порнография. Критерии различий. Проблемы правовой оценки и экспертиза Издательство: Юнити-Дана, Закон и право, 2009. С. 234.

[3] CLINE B. Pornography's Effects on Adults and Children. URL: https://www.catholicnewsagency.com/resource/56074/pornographys-effects-on-adults-and-children (дата обращения: 20.09.2023).

предметов с порнографическими изображениями, в том числе с использованием несовершеннолетних в ст. 242, 242.1, 242.1 УК РФ.

Объектом данных преступления являются общественная нравственность и психическое здоровье населения, к предмету относятся порнографические материалы и предметы порнографического характера.

Нельзя не отметить, что в диспозиции ст. 242 УК РФ использован термин «незаконное», свидетельствующий о бланкетности уголовно-правовой нормы, что зачастую приводит правоприменителей к затруднениям при квалификации преступлений, вынуждая их обращаться к другим правовым нормам. Кроме того, использованный в статье термин «незаконное» подразумевает законные способы изготовления и распространения порнографии, которые никакими правовыми актами не предусмотрены. Так по мнению А.А. Чекалина, незаконность вышеописанных действий выражается в их осуществлении «без соответствующего на то разрешения или, хотя торговля формально и узаконена, но осуществляется в недопустимых местах, продается малолетним, несовершеннолетним, содержание материала существенно отличается от условий лицензирования и т. д.»

Для возбуждения производства по делу по ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ, необходимо в первую очередь определить характер материалов, указанных в вышеназванных статьях, что зачастую является весьма трудоемкой задачей. Это связано с тем, что в настоящее время существует ряд проблем, затрудняющих эффективное противодействие преступлениям против общественной нравственности в сфере незаконного оборота порнографических материалов или предметов. К их числу можно отнести:

1. Несовершенную нормативно-правовую базу. В данный момент, нет ни одного нормативно-правового акта, включавшего полный перечень необходимых терминов, определявшего границу между понятиями «эротика» и «порнография», отсутствие единого понимания терминов «эротика» и «порнография», общепринятых границ дозволенного. Не смотря на то, что ответственность за незаконный оборот порнографической продукции предусмотрен в большинстве развитых стран, единого определения «порнографии» нет. Бесспорно, каждой стране свойственны собственные особенные морально-этические стандарты, а потому, термины «эротика» и «порнография» в каждом государстве имеют различное наполнение.

Неточности законодательства порождают пути для обхода закона, что, в конечном счете, приводит к затруднениям в области привлечения к ответственности лиц, совершающих преступные деяния подобного рода.

В 2016 г. законодателем ст. 242.1 УК РФ была дополнена примечанием 1 в котором под материалами и предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних в ст. 242.1 и ст. 242.2 УК РФ понимаются материалы и предметы, содержащие любое

изображение или описание в сексуальных целях: полностью или частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего; несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера; полового сношения или иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего или с его участием; совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера.

В примечании 2 ст. 242.1 УК РФ указано, что не являются материалами и предметами с порнографическими изображениями несовершеннолетних материалы и предметы, содержащие изображение или описание половых органов несовершеннолетнего, если такие материалы и предметы имеют историческую, художественную или культурную ценность либо предназначены для использования в научных или медицинских целях либо в образовательной деятельности в установленном федеральным законом порядке.

Однако, данные примечания ст. 242.1 УК РФ не решили проблему определения «порнографии». Таким образом, полагаем необходимым в примечании к ст. 242 УК РФ закрепить понятие «порнография» и раскрыть ее признаки.

2. Проблемы производства экспертиз материалов эротического характера включает в себя сразу несколько составляющих: отсутствие критериев для производства экспертиз данных материалов, проблемы с определением вида экспертиз, подлежащих назначению при возникновении необходимости в отнесении материалов к эротическим или порнографическим.

В процессе отнесения спорных материалов к эротике или порнографии, эксперт обращает внимание на то, оправдано ли наличие подобных сцен художественным контекстом. В противном случае, данные материалы относят к порнографическим.

Кроме того, в процессе исследования материалов эротического характера учитывается степень влияния, оказываемого на целевую аудиторию, в том числе, не провоцирует ли экспортируемая продукция или услуга сексуально-агрессивное поведение.

Зачастую одним из основных принципов отнесения материала к порнографическому является наличие демонстрации половых органов, а также контекст в котором происходит передача данной информации. Иными словами, оправданность наличия подобных сцен художественным контекстом. По нашему мнению, данный критерий не всегда является гарантией объективного результата, поскольку художественный контекст, как и авторский замысел - весьма относительные категории.

Кроме того, одной из проблем дифференциации эротики и порнографии является определение данных понятий через такие оценочные категории, как «циничность», «непристойность». С одной стороны, данные критерии напрямую вытекают из самого определения порнографии, но с другой стороны «цинизм» является весьма условной категорией.

Так, толковый словарь Д.Н. Ушакова содержит следующую трактовку понятия цинизм: «вызывающе-пренебрежительное и презрительное до наглости и бесстыдства отношение к чему-нибудь (к правилам нравственности и благопристойности, к культурным ценностям и т. п.)»[1]. Ожегов определяет цинизм как «пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство»[2]. Как мы можем предположить, для каждого человека цинизм заключается в разном.

Следует обратить внимание на то, что в настоящее время разработка объективных критериев оценки материалов эротического характера все еще является сложной и трудоемкой задачей. Это объясняется тем, что степень восприятия данных материалов у всех людей различна, следовательно, целью законодателя должна являться унификация и объективизация критериев дифференциации эротики и порнографии.

Кроме того, некоторые затруднения возникают и с определением порнографии. Так, законодатель определяет, что натуралистические изображение или описание – это «изображение или описание в любой форме и с использованием любых средств человека, животного, отдельных частей тела человека и (или) животного, действия (бездействия), события, явления, их последствий с фиксированием внимания на деталях, анатомических подробностях и (или) физиологических процессах»[3].

По нашему мнению, данное определение является отчасти некорректным, поскольку если принимать за порнографию только «натуралистическое изображение или описание половых органов», то демонстрация большинства произведений искусства будет признана противоправным деянием. Так, например, существует большое количество произведений искусства (среди которых графические рисунки Густава Климта, картина Густава Кубре «Происхождение мира», многочисленные античные скульптурные композиции) в мотивах которых присутствует изображение половых органов, однако данные произведения являются

---

[1] Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.).

[2] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений /С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1992.

[3] Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2023).

образцами сакрального искусства, обладающими глубоким смыслом, и их свободно можно увидеть в картинных галереях, книгах, интернете.

Отсюда следует, что если в качестве одного из основных критериев принимать исключительно демонстрацию половых органов, то под запрет может попасть большая часть произведений искусства. В связи с этим, по нашему мнению, при производстве экспертиз необходимо учитывать контекст, художественные цели, способ подачи информации.

Подводя итог вышеизложенному, добавим, что в процессе производства исследований с целью обнаружения признаков порнографии в том или ином произведении, эксперты, пытающиеся найти такие признаки, все чаще заходят в тупик, тем более что правовая формулировка порнографичности по-прежнему весьма расплывчата в действующем законодательстве. В связи с этим, целесообразным считается совершенствование законодательства Российской Федерации путем принятия Федерального закона «Об ограничении оборота продукции эротического характера», который в содержательном плане должен:

закреплять определение ключевых понятий, необходимых для обеспечения функционирования противодействия незаконному изготовлению и обороту продукции порнографического характера;

устанавливать требования к обороту продукции эротического и порнографического характера; определять порядок выдачи лицензии на продажу продукции эротического и порнографического характера; порядок государственной регистрации выданных лицензий; порядок обжалования решения лицензирующего органа и рассмотрения жалобы; порядок, основания и сроки для осуществления лицензионного контроля за продажей продукции эротического и порнографического характера;

регламентировать порядок осуществления розничной продажи (например, осуществляется организациями и индивидуальными предпринимателями в специально отведенных местах. Не допускается продажа продукции эротического и порнографического характера в детских, образовательных, медицинских организациях и организациях культуры, на прилегающих к ним территориях, на оптовых и розничных рынках, и др.);

устанавливать порядок регулирования импорта продукции, ввозимой в Российскую Федерацию и ее соответствие требованиям, предъявляемым к продукции эротического и порнографического характера действующим на территории Российской Федерации;

регламентировать процедуру проведения экспертизы продукции эротического и порнографического характера.

В приложении к данному Закону необходимо определить достаточный перечень нормативно-правовых актов, которые могут быть использованы правоприменителями при квалификации преступлений по ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ.

Кроме того, в части, содержащей регламентацию порядка и организации производства судебных экспертиз материалов эротического и порнографического характера, данный нормативно-правовой акт должен содержать установленный ряд признаков, которыми бы могли руководствоваться эксперты при производстве экспертиз, а также, в дальнейшем, рекомендуется создание ряда специализированных экспертных методик для проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы, педагогико-психиатрической, искусствоведческой, фототехнической и портретной экспертиз.

Вечерникова Дина Васильевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД РФ

Марина Авелина Александровна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД РФ

Правовой статус переводчика в уголовном процессе

Ежегодно в связи с увеличением миграционных потоков населения и общей криминогенной обстановкой в России увеличивается доля преступлений, совершаемых с участием иностранных лиц, не владеющих или владеющих русским языком в недостаточной степени. В связи с этим возрастает необходимость обращений должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам и судей к услугам переводчиков.

Регламентация деятельности переводчика на законодательном уровне в Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует, что является правовым пробелом. Тем не менее, определение понятия института переводчика, его правового статуса, некоторых аспектов профессиональной деятельности содержатся в нормах отраслевого законодательства, а именно в ст. 307 и 309 Уголовного кодекса РФ, ст. 59 и 69 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Гарантией реализации конституционных прав, при осуществлении уголовного судопроизводства, является возможность лица, не владеющего языком, делать заявления, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать и давать объяснения и показания на родном языке или на любом избранном ими языке общения, а также пользоваться помощью переводчика на бесплатной основе. Данное право должно быть разъяснено иностранному гражданину и обеспечено в соответствии с требованиями закона. Эти положения находят свое отражение в ч. 2 ст. 59, п. 7 ч. 2 ст. 42, п. 6 ч. 4 ст. 44, п. 7 ч. 4 ст. 46, п. 7 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а также в положениях федеральных законов «О государственном языке Российской Федерации», «О языках народов Российской Федерации».

Правовые гарантии института переводчика закреплены и в нормах международного законодательства, а именно в международном акте «О юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков».

В соответствии со ст. 59 УПК РФ переводчиком является лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве и свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода.

Не каждое лицо, свободно владеющее иностранным языком, может быть допущено к участию в уголовном деле. Для решения вопроса о допуске переводчика необходимо установить соответствует ли он определенным требованиям, обладает необходимой квалификацией, которая подтверждается соответствующим документом государственного образца. Этого требует сама специфика юридического языка, на котором ведется судопроизводство, наличие определенной терминологии. Допуск переводчика в уголовное производство осуществляется по постановлению (определению) следователя (дознавателя) или суда на основании заявления лица, не владеющего языком судопроизводства (ст. 169 и 263 УПК РФ). Письменный запрос направляется в Торгово-промышленную палату. Оплата его участия в уголовном судопроизводстве осуществляется за счет средств федерального бюджета, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания и относятся к процессуальным издержкам, которые выплачиваются за счет средств обвиняемого.

Однако, нередко следователи, дознаватели, судьи сталкиваются с проблемой осуществления переводов на редко используемых языках или их диалектах и для этого обращаются в соответствующие коммерческие агентства, бюро переводов. Эти организации несут ответственность за качество оказываемых услуг и соответствие требованиям судебных органов к исполнителю.

Переводчик, участвуя в уголовном деле, может привлекаться к осуществлению устного перевода, например, при задержании и допросе подозреваемого, при даче показаний, производстве следственных действий, во время судебного заседания и других процессуальных действиях, требующих устной коммуникации подсудимого с другими участниками уголовного дела. Письменный судебный перевод требуется для процессуальных документов, необходимых в суде: ходатайства, жалобы, объяснения, договоры, письменные показания – все, что необходимо приобщить к материалам дела.

От того насколько качественно и достоверно будет осуществлен перевод показаний участников процесса может зависеть исход рассматриваемого дела, выявление виновных лиц и привлечение их к уголовной ответственности.

Осуществляя свою деятельность, переводчик согласно нормам закона имеет право:

1) задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;

2) знакомиться с протоколами следственных действий, судебного заседания, в которых принимал участие, делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащие занесению в протокол;

3) обжаловать действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Также переводчик обязан хранить тайну информации, которая стала ему известна в ходе предварительного или судебного следствия, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ. Не вправе осуществлять заведомо неправильный перевод в соответствии со ст. 307 и 310 УК РФ, уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

При осуществлении своей профессиональной деятельности переводчик должен соблюдать нормы профессиональной этики и морали.

Исходя из положений профессиональной этики можно выделить:

1. Переводчик не должен по своему желанию изменять смысловую нагрузку переводимого текста;

2. Обязан соблюдать этику межличностного общения, уважать интересы и права лиц участвующих в деле.

3. Переводчик осуществляя перевод ориентируется на литературные нормы языка перевода речи.

4. Должен осуществлять перевод четко, понятно, спокойным голосом, не вовлекаясь эмоционально.

5. В некоторых случаях может попросить повторить или разъяснить смысл сказанного предложения.

Профессиональную компетенцию переводчика обусловливают такие качества как: коммуникабельность, доброжелательность, способность точно воспринимать чужую речь и быстро переключаться с одного языка на другой при переводе, хорошую память, выдержку, самоконтроль, стрессоустойчивость.

Права и интересы переводчика подлежат защите в соответствии с положениями, предусмотренными ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Переводчик назван в числе лиц, подлежащих государственной защите (п. 5 ч. 1 ст. 2 Закона) о защите.

Роль переводчика в уголовном судопроизводстве в некоторых случаях не заменима, так как в случае отсутствия его участия в процессе по делу в случаях, когда его помощь является обязательной, это всегда влечет отмену приговора.

Грибанов Евгений Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Перспективы развития антикриминальной пропаганды в деятельности органов внутренних дел

В последние годы в криминологической теории активно формируется новая обособленная предметная область – антикриминальная пропаганда. Ее место в криминологической науке, значение для правоохранительной практики, а также теоретические основы подробно представлены нами на страницах криминологической литературы[1].

Отметим лишь то, что в прикладном значении антикриминальную пропаганду следует определить, как деятельность по формированию и распространению среди населения информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от преступных посягательств.

В разрезе антикриминальной практике данное направление деятельности получило бурное развитие. Практически все правоохранительные органы, так или иначе, оказались вовлечены в процесс распространения среди населения информации, направленной на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от преступных посягательств.

Наибольшую активность в данном направлении объективно проявляют органы внутренних дел, для которых антикриминальная пропаганда постепенно формируется в самостоятельную и обособленную форму профилактической деятельности. Это обусловлено в первую очередь ролью в современном обществе информационно-телекоммуникационных технологий, средств коммуникации, PR-технологий, технологий маркетинга и рекламы как средств передачи информации, оказания воздействия на сознание, мышление и поведение человека. Все эти инструменты открыли совершенно новые и во многом еще не познанные возможности совершенствования профилактической деятельности органов внутренних дел.

Прежде чем говорить о перспективах развития антикриминальной пропаганды в деятельности органов внутренних дел, следует дать краткую оценку уровню ее сегодняшнего развития.

---

[1] Грибанов Е.В. Теория антикриминальной пропаганды: место в криминологической науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2023. № 1. С. 14–21; Грибанов Е.В. Теоретические основы антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2023. № 2. С. 9–14.

Вопросы антикриминальной пропаганды имеют пока еще не достаточно развитую общеправовую основу. Здесь можно назвать положения Федеральных законов от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

На уровне ведомственных нормативных правовых актов вопросы антикриминальной пропаганды непосредственно не получили правовому регламентацию, за исключением отдельных положений Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утв. приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 и Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения, утв. приказом МВД России от 29 декабря 2018 г. № 903. Последний из указанных нормативных правовых актов формирует ориентир для развития подзаконного нормотворчества и в иных сферах деятельности органов внутренних дел.

Практические все подразделения органов внутренних дел на федеральном, региональном и местном уровнях в той или иной степени включены в процесс антикриминальной пропаганды. Наибольшую активность здесь проявляют подразделения ГИБДД, информации и общественных связей, по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции, по вопросам миграции, по контролю за оборотом наркотиков, уголовного розыска, противодействия экстремизму, экономической безопасности и противодействия коррупции.

В качестве инструментов (средств распространения материалов) антикриминальной пропаганды выступают компоненты аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России», официальные страницы МВД России и его территориальных подразделений в социальных сетях Интернета, телевидение, радио, печатные издания, книги, произведения искусства.

Для осуществления групповой коммуникации используются такие формы работы с аудиторией как беседы, игры, конкурсы, экскурсии, тренинги, мастер-классы, дискуссии, конференции, уроки, лекции, акции. Сами же материалы антикриминальной пропаганды представлены в виде текстовой, графической информации, аудио и видео материалов, их различных комбинаций, мультимедийных презентаций.

Качество материалов антикриминальной пропаганды, определяемое их формой и содержанием, далеко не всегда позволяет оказать

эффективное информационное воздействие на граждан для защиты их прав и свобод от преступных посягательств.

В качестве основных направлений осуществления антикриминальной пропаганды органами внутренних дел следует назвать: антикриминальная пропаганда в сфере обеспечения безопасности дорожного движения; имущественной безопасности; антинаркотическая пропаганда; антикриминальная пропаганда в сфере обеспечения информационной безопасности; в сфере формирования имиджа полиции и доверия со стороны населения. Иным направлениям антикриминальной практики в рамках антикриминальной пропаганды уделяется значительно меньше внимания.

Несмотря на имеющиеся достижения, данное направление антикриминальной практики находится в начальной точке своего развития, а потому, имеет широкие перспективы совершенствования. Укажем некоторые решения, которые смогут поспособствовать развитию антикриминальной пропаганды в антикриминальной практике органов внутренних дел и повышению ее эффективности.

1. Построение организационной системы осуществления антикриминальной пропаганды органами внутренних дел на федеральном, региональном и местном уровнях.

2. Разработка детального ведомственного нормативного правового регулирования осуществления антикриминальной пропаганды органами внутренних дел.

3. Формирование механизма и критериев оценки качества материалов антикриминальной пропаганды, используемых органами внутренних дел.

4. Развитие различных направлений осуществления антикриминальной пропаганды, соответствующих основным направлениям деятельности органов внутренних дел: антикриминальная пропаганда в сфере обеспечения личной и имущественной безопасности граждан, обеспечения общественного порядка и безопасности, миграционного учета; антиалкогольная пропаганда; антикриминальная пропаганда о взаимодействии граждан с полицией; антикриминальная пропаганда о действиях при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния; антикриминальная пропаганда в сфере оборота оружия, профилактики организации и занятия проституцией, производства и распространения порнографии; антинаркотическая и антикоррупционная пропаганда; антикриминальная пропаганда в сфере обеспечения информационной, экологической, транспортной безопасности; антикриминальная пропаганда в сфере обеспечения безопасности семьи и несовершеннолетних; антикриминальная контрпропаганда; антикриминальная пропаганда в сфере формирования имиджа полиции и доверия со стороны населения.

5. Создание «Каталога безопасности», т. е. электронного каталога материалов для осуществления антикриминальной пропаганды.

6. Формирование профессиональных компетенций сотрудников различных подразделений органов внутренних дел по осуществлению антикриминальной пропаганды, в т. ч. посредством изучения специализированной учебной дисциплины «Основы антикриминальной пропаганды», разработанной в Краснодарском университете МВД России[1].

Сформулированные предложения не являются исчерпывающими, они могут быть дополнены по мере развития науки и антикриминальной практики. Вместе с тем, сформулированные положения могут служить основой для принятия мер по совершенствованию антикриминальной пропаганды органами внутренних дел.

[1] В университете разработан и проведен новый курс повышения квалификации по вопросам антинаркотической пропаганды. URL.: https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/38455343 (дата обращения 11.09.2023).

Евтушенко Инна Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Актуальные вопросы квалификации деяний по статье 205[1] УК РФ

Одной из актуальных угроз для национальной безопасности Российской Федерации и мирового сообщества сегодня является террористическая деятельность. Не меньшей проблемой становится то, что распространение самой идеологии терроризма в силу развития информационных технологий приобретает массовый характер. Результаты такого внедрения новейших технологий мы можем наблюдать уже сейчас, когда идеология терроризма распространяется не только на социальные группы, но и на целые регионы и государства. Указанное явление не может не повлиять на уровень преступности террористического характера в России.

Динамика регистрации преступлений террористической направленности не отличается стабильным ростом или снижением, в том числе по отношению к снижению общего количества совершаемых преступлений в РФ[1].

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений террористического характера в России

2015	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023 (за 7 мес.)**
1538	2227	1871	1 679	1108	2 342	2 136	2109	1365

Такие колебания показателей свидетельствуют о наличии определенных трудностей в решении задачи противодействия террористической деятельности. Особенно решение данной задачи осложняется внешнеполитической и внутриполитической обстановкой в России и за ее пределами в связи с проведением специальной военной операции на территории Украины.

О необходимости усиления уголовной ответственности за посреднические действия при осуществлении террористических актов вновь заговорили после серии терактов в г. Волгоград в декабре 2013 года,

[1] Состояние преступности за 2015-2023 годы: по данным официального сайта Министерства внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/reports/4 (дата обращения: 10.09.2023).

когда непосредственные исполнители сами погибли в ходе производства взрывов, а значит и к уголовной ответственности не были привлечены в силу объективных причин. Однако расследование указанных терактов показало, что они стали возможны при попустительстве и прямой помощи группы лиц, между собой невзаимосвязанных, однако по-отдельности внесших свой значительный вклад в подготовку этих преступлений (финансистов и идеологов этих терактов, водителя фуры, перевозившего взрывчатку, сотрудника ДПС, не досмотревшего кузов фуры).

Общественная опасность содействия террористической деятельности вновь остро проявилась в ходе совершения террористического акта на Крымском мосту 8 октября 2022 года, когда осуществление взрыва стало возможным именно из-за оказания помощи в перевозке взрывчатки и производстве взрыва целой цепочкой посредников.

Также вопросы квалификации вызывают действия лиц, временно оказавшихся на территории России, получивших статус беженцев или не оформлявшим его, но продолжающих поддерживать террористический режим власти Украины и его методы воздействия на принятие решений Россией, финансирующие через различные фонды деятельность националистических батальонов и Вооруженных сил Украины. Особенно остро это проявляется на территории Крыма в виду постоянных угроз вооруженного захвата – так называемой «деокупации» Крыма Украиной. Это создает у населения на территории Крымского полуострова повышенный уровень тревожности, повышает риски террористической деятельности.

Современная уголовно-правовая политика, отделенная от системно-обоснованного и научного подхода к совершенствованию уголовного законодательства, порождает ряд принципиальных пробелов, связанных с излишней криминализацией деяний, кризисом наказания, конкуренциями правовых норм, порождая проблемы для уголовно-правовой науки и правоохранительной практики.

Серьезную проблему, которая оказывает влияние на уголовно-правовую теорию и правоохранительную практику, представляет конкуренция общих и специальных норм. Подобная конкуренция правовых норм прослеживается в выбранной нами теме, что создает трудности в квалификации, а также размывает существующие границы между иными, смежными составами общественно опасных деяний.

В частности, проблемы разграничения ст. 205.1 УК РФ с иными смежными составами преступления имеют место быть в тех случаях, когда различия заключаются лишь в нескольких признаках – например, разграничение таких смежных составов как ст. 205.1 и 205.2 УК РФ.

Сущность указанной проблемы, которая может возникнуть при квалификации общественно опасного деяния, заключается в том, что ст. 205.2 УК РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к

осуществлению террористической деятельности, а также публичную пропаганду и оправдание терроризма[1]. В то же время п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2012 № 1 при разъяснении объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ указывает на возможность совершения действий путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений, в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети. В таком случае, у правоприменителя возникает вопрос: не являются ли высказывания, просьбы предложения, распространенные с помощью социальных сетей, публичными призывами к осуществлению террористической деятельности? Полагаем, различия в квалификации должны строиться на характеристике обстановки совершения указанных выше действий. Если они направлены на неопределенный круг лиц, то должны рассматриваться как публичные призывы к осуществлению такой деятельности. Если же вербовка лица на совершение им теракта осуществляется в личной переписке, в том числе с помощью сети Интернет, то образует состав ст. 205.1 УК РФ.

Важной проблемой, связанной с квалификацией и разграничением ст. 205.1 УК РФ с иными смежными составами, является вопрос о вовлечении в представленные общественно опасные деяние несовершеннолетнего лица. Такая проблема имеет место быть, поскольку при вовлечении несовершеннолетнего усматривается сразу несколько общественно опасных деяний, а именно ст. 205.1. УК РФ и ст. 150 УК РФ.

Обращаясь к данной проблеме, С.У. Дикаев справедливо занимает позицию о том, что ст. 205.1 УК РФ является специальной нормой по отношению к составу преступления, предусмотренному ст. 150 УК РФ и, соответственно, квалификация деяния должна быть в соответствии со специальным составом – 205.1 УК РФ[2].

Кроме проблемы конкуренции правовых норм при квалификации преступления по ст. 205.1 УК РФ существует ряд иных проблем. Длительное время на страницах научной литературы ведется дискуссия о квалификации деяния по ст. 205.2 УК РФ, поскольку в результате совершения данного общественно опасного деяния имеет место быть одно или несколько преступлений террористического характера.

Ученые-правоведы по данному вопросу поделились на два лагеря.

---

[1] Устинова Т.Д. Содействие террористической деятельности: проблемы правоприменения и законодательной конструкции // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 1. С. 55–61.

[2] Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 122–135.

В первом случае специалисты придерживаются мнения о том, что вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ следует квалифицировать исключительно по соответствующей части данной[1].

Во втором случае ученые считают, что подобное содействие террористической деятельности следует квалифицировать по совокупности деяний, а именно по ст. 205.1 УК РФ, ч. 4 или 5 ст. 30 УК РФ совместно с нормой об ответственности по конкретному преступлению террористического характера[2].

Полагаем что в условиях современной сложной геополитической обстановки, усилении внутренних противоречий в российском обществе, повышении рисков распространения террористической деятельности, квалификация исходя их принципов полноты квалификации и справедливости должна осуществляться про совокупности ст. 205.1 УК РФ и иному составу преступления террористического характера.

В связи с проведением СВО на территории Украины в Крыму участились случаи выявления лиц, сочувствующих националистическим движения и финансирующих запрещенные в России террористические организации «Азов» и иные. 2 августа 2022 г. Верховным Судом России националистический батальон «Азов» признан террористической организацией. Ранее его символика была признана экстремистской и запрещена. Соответственно, лица, финансирующие такие организации, находясь на территории Республики Крым, г. Севастополя или иной территории России, должны признаваться лицами, оказывающими содействие террористической деятельности путем ее финансирования.

Таким образом, можно сделать вывод о существующих на сегодняшний день противоречиях в уголовно-правовой доктрине относительно вопросов, относящихся к квалификации и отграничения содействия террористической деятельности от некоторых смежных составов преступлений, которые нуждаются в разъяснении на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

---

[1] Елизаров И.Е. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205.1 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 28–33.

[2] Бриллиантов А.В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению // Рос. следователь. 2006. № 6. С. 32–38.

Жамкова Ольга Евгеньевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К вопросу о правовом статусе сведений, собираемых защитником при производстве по уголовному делу

При производстве по уголовному делу защитник вправе при оказании юридической помощи собирать доказательства и представлять их субъекту расследования. Участие стороны защиты в сборе доказательств является ярким свидетельством равенства сторон и демонстрирует реализацию принципа состязательности в досудебном производстве.

Законодатель определяет, что защитник собирает именно доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Однако так ли это, учитывая, что доказательства по уголовному делу вправе собирать только уполномоченные на то лица: дознаватель, следователь, прокурор и в отдельных случаях, суд.

В уголовно-процессуальной науке сложилось две точки зрения по данному поводу. Первая позиция строится на том, что любые сведения, полученные и собираемые защитником являются доказательствами по делу и должны автоматически приобщаться к уголовному делу в качестве таковых. Если придерживаться данной позиции, то придется признать, что защитник собирает именно доказательства, то есть сведения, которые следователь должен без проверки и оценки сразу приобщить к материалам дела и использовать в качестве доказательств, а впоследствии только суд будет оценивать их на достоверность, достаточность и допустимость.

Сторонники иной позиции полагают, что адвокат собирает фактический материал, сведения, которые он смог получить, оказывая юридическую помощь своему клиенту. Полученные сведения защитник передает субъекту расследования, который и оценивает эти сведения на предмет возможного их использования в уголовном деле в качестве доказательств.

С.А. Шейфер, справедливо указывает на то, что «признать представленный объект доказательством, ввести его в дело, т. е. Включить в систему уже собранных доказательств – это исключительная прерогатива органа расследования, прокурора, суда. Пока такое решение не принято - доказательства еще не существуют. Оно еще не собрано, не сформулировано»[1].

Ч. 3 ст. 86 УПК РФ устанавливает три способа, с помощью которого защитник может получить необходимые ему сведения: опрашивать лиц с

[1] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М. 2008. С. 85 .

их согласия, получать предметы, документы и иные сведения, а также истребовать различные документы от соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления. Действующий уголовно-процессуальный закон не регламентирует процессуальный порядок собирания доказательств защитником, в нем не закреплены правила оценки и проверки полученных им сведений, что является необходимым условием эффективной реализации любых правомочий. Верно отметил судья Верховного Суда РФ Колоколов Н.А.: «часть 3 ст. 86 УПК РФ подвигла некоторых теоретиков к разработке стратегии, тактики и методики сбора доказательств защитой. Законодатель, признав право за адвокатам собирать доказательства, забыл урегулировать порядок реализации этого права»[1].

При этом процедура собирания доказательств должностными лицами в ходе досудебного производства регламентирована четко и основательно, в том числе с установлением ответственности должностных лиц в случае установления факта нарушения порядка сбора доказательств. Какую несет ответственность защитник? Может ли он нарушить порядок опроса лица? По данному поводу следует согласиться с мнением П.П. Киселева о том, что «адвокат при собирании доказательственных сведений не должен нарушать только то, что прямо запрещено законом, а процессуальный закон специальных запретов для адвоката в этой связи не содержит, поскольку не содержит самих правил процессуального собирания им доказательств. Нет правил – не может быть и их нарушения, а значит, недопустимость адвокатских доказательств, вызванная нарушением именно процессуального права, невозможна»[2].

Рассуждая по обозначенной проблеме следует признать справедливость некоторых аргументов. Например, адвокат установил и опросил какое-либо лицо, которому известна важная информация по уголовному делу. Защитник зафиксировал полученную информацию в письменном виде, а опрошенное лицо подтвердило свои слова, поставив подпись. Возникает вопрос, будет ли такое письменное объяснение являться доказательством? Насколько можно доверять информации, полученной таким образом, учитывая, что лицо не предупреждалось и, следовательно, не понесет никакой ответственности за ложность предоставленной информации. Очевидно, что признать эти сведения доказательствами нельзя, даже с учетом п. 6 ч.3 ст. 74 УПК РФ, поскольку полученные защитником сведения и документом то назвать нельзя. В практической деятельности, как правило, защитники ходатайствуют о допросе известного им лица по уголовному делу, что следует признать

[1] Колоколов Н.А. Параллельное адвокатское расследование // Адвокатская практика. 2005. № 3. С. 12.

[2] Киселев П.П. Адвокатское расследование: правовые и организационные аспекты: дис . ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. С. 166.

целесообразным. Во всяком случае в ходе допроса соблюдается порядок допроса, допрашиваемое лицо уведомляется о его правах и обязанностях, в том числе об ответственности. Но и после этого субъекту расследования следует оценить и проверить полученную информацию, прежде чем принять решение об использовании показаний в качестве доказательств.

Отсутствие процессуального порядка собирания и предоставления защитником сведений, имеющих значение по уголовному делу негативным образом влияет на реализацию принципа состязательности в досудебном производстве, поскольку законодательно закрепленное право защитника на собирание доказательств, на самом деле не имеет законодательных способов реализации этого права на практике. При этом проблема состоит в том, как оценивать документ, составленный защитником: по правилам оценки доказательств или как то иначе?

Следует отметить, что правовое регулирование данного вопроса в законодательстве стран СНГ также неоднозначно. Так, например, в ст. 78 УПК Узбекистана закреплена аналогичная норма российскому законодательству. А УПК Казахстана иначе урегулировал этот вопрос, записав, что защитник, допущенный в установленном порядке к производству по уголовному делу, предоставляет сведения, необходимые для осуществления защиты. Наиболее компромиссную формулировку предлагает Белорусский законодатель. Статья 103 УПК Беларусь устанавливает, что защитник вправе представлять, как доказательства, так и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи.

Однако, заметим, что ни один из рассматриваемых кодексов не содержит процессуального порядка собирания и предоставления доказательств защитником, а лишь перечисляет способы их получения.

Правоприменительная практика России складывается таким образом, что собранные защитником сведения не признаются доказательствами автоматически, поскольку любая информация, имеющая значение для дела, должна быть проверена и оценена. Сказанное свидетельствует о том, что вряд ли можно утверждать, что защитник собирает именно доказательства при оказании юридической помощи. При этом, как уже отмечалось выше, у защитника остается право подать ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела полученной им информации и сведений. В соответствии с ч. 2 ст. 159 УПК РФ защитнику не может быть отказано в приобщении к материалам дела подобной информации.

С учетом сказанного, целесообразно внести изменения в ч. 3 ст. 86 УПК РФ положением о том, что защитник вправе собирать сведения путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые

обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии, после чего предоставлять полученную информацию следователю, дознавателю для последующего решения вопроса о использовании полученной информации в качестве доказательств.

Зинченко Дмитрий Сергеевич,
преподаватель кафедры
обеспечения безопасности на объектах транспорта
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина

Преступное использование теневого сегмента Интернета в целях незаконного оборота наркотиков

Незаконный оборот наркотиков является одним из самых прибыльных видов деятельности организованных преступных групп. Наркопреступность создает угрозу для политического и социально-экономического развития стран во всем мире, подрывает безопасность и стабильность деятельности всех сфер общества, а также стимулирует другие факторы преступной деятельности, такие как насилие и коррупция[1].

В условиях процессов глобализации и цифровизации общества доступ к сети Интернет имеет около 4 млрд. чел., 71% из которых составляет молодое поколение в возрасте от 14 до 25 лет. Эти процессы ведут к революционной трансформации и переходу незаконного оборота наркотиков от традиционных схем уличной торговли к современных моделям, выстроенным на использовании цифрового пространства. Так, в 2018 году зарегистрировано 17,5 тыс. преступлений по статье 228.1 УК РФ, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, в 2019 – 23165, в 2020 – 47060, в 2021 – 50296, в 2022 – 62209[2].

В эту эпоху современности, в условиях усиления цифровой взаимосвязанности организация наркопреступности влечет за собой появление модернизированных цепочек деятельности преступных сообществ. Незаконный оборот наркотиков через сеть Интернет дает как стороне продавца, так и стороне покупателя целый ряд преимуществ: от общения напрямую – без посредников до снижения потенциальных рисков быть уличенным.

На современном этапе развития цифровые платформы подразделяются на два вида:

---

[1] Зинченко Д.С. Мессенджер-маркетинг как инновационный способ вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 30 ноября 2022 года. Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2023. С. 31–34.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (дата обращения: 20.09.2023).

– открытые Интернет-сегменты, которые доступны для всех пользователей с применением стандартных браузеров (Google, Yandex и др.) и составляют лишь 4–5 % от общего объема информации;

– скрытые или теневые Интернет-сегменты – это сайты или страницы, которые не индексируются в общедоступных поисковых системах. Они доступны в определенных браузерах, либо по прямым ссылкам и размещаются на соответствующих ресурсах[1].

Сегодня все более широкие масштабы приобретает преступное использование теневого сегмента Интернета с целью незаконного оборота наркотиков, которое базируется на использовании специальных программ. Так, согласно экспертным оценкам на долю наркоторговли приходится до 70% всех сделок в теневом сегменте Интернета.

Согласно исследованиям торговые площадки для незаконного оборота наркотиков появились в теневом сегменте Интернета всего лет десять назад. Однако сегодня годовой оборот крупнейших из них по самым скромным оценкам составляет 315 млн. долл. США. Проникновение наркоторговли в теневой сегмент Интернета способствует росту доступности наркотиков.

Что касается механизма функционирования теневого сегмента Интернета, то здесь необходимо сказать о том, что для доступа к нему и его использования наркопреступники применяют специализированные браузеры, например, многослойный браузер TOR. Браузер TOR имеет свой собственный адрес в сети Интернет, позволяющий привязывать страницы только к данному браузеру. В случае проведения этой процедуры в традиционных браузерах пользователь сети получит отказ в доступе.

Принцип работы браузера TOR заключается в том, что он позволяет пользователю перемещаться в теневой сети с одного уровня на другой, при этом обеспечивая защищенность криптографическим алгоритмом, позволяющим скрыть его IP-адрес. При этом для затруднения возможности определения местонахождения пользователя и установления его личность маршрутизатор браузера использует цепи случайно выбранных компьютеров в различных частях мира. Немаловажным является тот факт, что TOR реализует возможности работы с криптовалютами, тем самым обуславливая дополнительную маскировку совершения незаконного оборота наркотиков.

Так, согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2021 год Tor является крупнейшим теневым сегментом[2]. В середине 2021 года в мире

[1] Петухов А.Ю., Куликов К.С. Современные тенденции использования средств теневого Интернета при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Научный компонент. 2019. № 1. С. 17–22.

[2] Всемирный доклад УНП ООН о наркотиках за 2021 год. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2021.html (дата обращения: 10.10.2023).

насчитывалось около 200 тыс. сервисов Tor. В последние годы были проведены несколько сотен масштабных международных операций по уничтожению площадок в теневом сегменте Интернета. Помимо осуществления незаконного оборота наркотиков на некоторых площадках Tor реализуются противоправные схемы по выводу и легализации финансовых активов, полученных в результате нелегального оборота наркотиков. Анализ торговых площадок показал, что они остаются активными в среднем чуть дольше восьми месяцев.

Кроме того, несмотря на принимаемые меры по противодействию использования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов, посредством которых обеспечивается доступ к ограниченным сетям, использование указанных ресурсов в преступной деятельности продолжается. Это обусловлено рядом фактором:

– несовершенство законодательства в сфере информационно-коммуникационных технологий;

– отсутствие реального механизма контроля за актуальностью и достоверностью регистрационных данных пользователей глобальной сети;

– возможность пользователя сети Интернет с помощью программных площадок создать виртуальный образ без какого-либо подтверждения, позволяющий бесконтрольно использовать несколько «псевдоличностей» для осуществления противоправной деятельности.

Таким образом, рыночная среда теневого сегмента Интернета характеризуется динамичностью и приспособляемостью. Использование современных цифровых технологий в целях совершения противоправных деяний, в частности незаконного оборота наркотиков, обуславливает таких же современных подходов по их противодействию. В этой связи, считаем необходимым:

1) законодательно закрепить основные требования универсального порядка регистрации граждан на цифровых платформах с официальным подтверждением вводимых ими данных;

2) возложить обязанность на интернет-провайдеров блокировать те электронные ресурсы, которые скрывают сведения о личностях;

3) технически перевооружить подразделения органов внутренних дел, занимающиеся противодействием преступности в сфере IT-технологий, оснастив их современными программно-техническими средствами в совокупности с методами искусственного интеллекта и обработки больших объемов неструктурированных данных.

Иванов Анатолий Викторович,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Вопросы оформления процессуальных документов на стадии предварительного расследования

Не подлежит сомнению, что процессуальная грамотность любого юриста, в том числе сотрудника ОВД, осуществляющего расследование, заключается не только в доскональном знании процессуальных процедур уголовного судопроизводства, связанных с тактикой производства следственных действий и методикой расследования отдельных видов преступлений, но и правил оформления процессуальных документов. Основы такой грамотности закладываются в процессе обучения юридической профессии и при осуществлении практической деятельности трансформируются в устойчивые навыки.

Изначально толкование документа звучало следующим образом – деловая бумага, юридически подтверждающая какой-либо факт или право на что-то. Как мы видим, такое понятие не имеет нормативного характера.

Современное определение документа более объемно – документом является любой материальный объект, созданный человеком и содержащий информацию для ее передачи во времени и пространстве. Смысл этого определения уже закреплен в тексте ч. 2 ст. 84 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Процессуальный документ, является разновидностью, имеющей ряд юридических признаков, связанных с правовой формой деятельности специально уполномоченных должностных лиц, с предпосылками возникновения правоотношений, с определенным юридическим последствиям, с взаимосвязью с правоотношениями, с существованием внутренней связи между документами в рамках одного дела, с принципом законности. Исходя из этого, определение процессуального документа в уголовном судопроизводстве может быть сформулировано следующим образом – документ в форме, предусмотренной уголовным законом, изготовленный уполномоченным участником в ходе производства по уголовному делу.

К отличительным характеристикам процессуального документа можно отнести следующие:

– всегда выполняется письменно и по установленной уголовным законом форме;

– имеет четко происхождение, связанное с определенным самостоятельным участником уголовного процесса, наделенным процессуальными полномочиями;

– предусматривает конкретность при решении по уголовному делу или фиксацию хода и порядка производства процессуального действия.

На стадии предварительного следствия или дознания процессуальные документы можно разделить на следующие группы:

– документы, позволяющие зафиксировать ход и результаты процессуального действия (протокол, допрос, обыск и др.);

– документы, фиксирующие принятое процессуальное решение (постановление);

– иные документы, в которых фиксируется доказательственная информация (объяснение, ревизия, справка специалиста и др.) или в которых такая информация отсутствует (повестки, уведомления, представления).

Юридический смысл процессуального документа связан с его местом и значением в ходе расследования уголовного дела при выполнении определенной задачи по раскрытию преступления.

Законность процессуального документа в уголовном деле означает безусловное соответствие его формы, содержания и оформления требованиям уголовно-процессуального закона. Обоснованность процессуального документа предполагает его соответствие фактам объективной действительности с юридическими выводами, а также собранными в установленном законом порядке и правильно оцененными достоверными доказательствами.

Составление и оформление любого процессуального документа осуществляется в соответствии с требованиями, которые выработаны практикой расследования и касаются его оформления и содержания.

Общую и правовую культуру современного процессуального документа обеспечивают следующие принципы:

– учет требований процессуального законодательства и императивность, им обусловленная;

– логичная последовательность, предполагающая изложение информации в обоснованном порядке;

– оптимальность формы и содержания текста, его простота, предполагающие краткое изложение текста недвусмысленными и понятными выражениями;

– рациональность, предполагающая алгоритм действий с наименьшими затратами временных и трудовых ресурсов с учетом практически обоснованных реалий;

– целесообразность, предполагающая совершение только необходимых и достаточных действий;

– демократичность, предполагающая публичность составления и оформления документа,

– аккуратность, предполагающая соблюдение визуальных качеств документа;

– грамотность, предполагающая правильное изложение содержания документа с точки зрения правил русского языка и использование специальной юридической терминологии.

Стоит упомянуть также о необходимости соответствия текста процессуального документа требованиям приказа МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации», которые предусматривают оформление документа в официально-деловом стиле (оформление почтовой корреспонденции, написание времени, дат и других реквизитов).

Таким образом, при оформлении процессуального документа на стадии предварительного расследования исполнитель должен соответствовать определенным профессиональным требованиям:

– свободное владение юридическим языком;

– знание алгоритма проведения процессуальных действий;

– умение излагать обстоятельства, факты, приводить аргументы и формулировать законные решения;

– владение навыком правильного оформления документа;

– обладание средним уровнем владения компьютерной и офисной техникой.

Ранее рационализация, оптимизация и обеспечение законности уголовно-процессуальной деятельности при составления процессуальных документов достигались заполнением от руки типовых бланков процессуальных документов, перечень которых был предусмотрен одной из глав УПК РФ. В настоящее время данная глава не действует, и в соответствии с действующей ч.2 ст. 474 любые процессуальные документы могут быть выполнены типографским, электронным или иным способом (в том числе от руки)[1]. В практической деятельности документы досудебного и судебного производства из этого перечня, а это 53 вида протоколов, 89 видов постановлений, 67 видов иных документов, используются в рекомендательной форме, касающейся содержания текста.

Внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни привело и к изменению процесса формирования процессуального документооборота в уголовном судопроизводстве в целом и на стадии досудебного разбирательства в частности. По сложившейся в настоящее время практике деятельности ОВД все больше документов выполняется исключительно с использованием компьютерной техники. При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований рассматриваются концептуальные проблемы построения электронного уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, в условиях

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

развития цифровых технологий (проект № 18-29-16018) [1]. Однако, на современном этапе в практической деятельности ОВД от бланочного варианта заполнения пока избавиться не получается, он продолжает использоваться в случаях, когда компьютерная техника недоступна.

В этой связи на первоначальном этапе для адаптации российского уголовного процесса к новой цифровой реальности и введения электронного уголовного дела предлагается новый концептуальный подход к процессу предварительного расследования как к государственной услуге по обеспечению гражданам доступа к правосудию, а в его рамках заполнение в режиме онлайн электронных форм заявлений, ходатайств, жалоб, постановлений, определений, приговоров.

Практика ведения уголовного дела в электронном виде на основе единой цифровой платформы уже опробована и существует в Австралии, Казахстане, Саудовской Аравии, Сингапуре, Турции, Эстонии и др. В нашей стране, при использовании зарубежного опыта ведения электронного уголовного дела на основе единой государственной цифровой платформы, позволит объединить всех участников стадии предварительного расследования уголовного дела, приведет к обеспечению законности и его унификации на новом уровне, возможно приведет к сокращению срока расследования, создаст новые возможности для обобщения недостатков правоприменительной практики.

[1] Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751.

Ивушкина Ольга Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД Росси

Жалене Юлия Сергеевна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России

Криминологические особенности мошенничества в сфере предпринимательской деятельности

Прежде всего стоит отметить то, что мошенничество является одним из классических, давно возникших в обществе видов преступлений. При этом в истории уголовного права прослеживается путь развития мошенничества. Главной особенностью историки выделяют то, что мошеннику для реализации своих целей приходилось тратить огромное количество времени и прилагать большие усилия, чем в настоящее время. Что же касается современного мира, то в связи с развитием информационных технологий деятельность мошенников сократилась до нескольких часов.

Современный человек большую часть времени проводит в глобальной сети «Интернет», в которой предусмотрены все возможности для удовлетворения человеческих потребностей. Различные онлайн-покупки, переводы безналичных денежных средств и многое другое дает преступникам неограниченные возможности получения выгоды.

Исследуя официальные статистические данные, нельзя не отметить стабильность роста из года в год совершения мошенничества в России. Однако, правоохранительные органы в настоящее время обращают особое внимание и на латентность данного вида преступления. Вследствие того, что преступник, совершающий мошеннические действия, как правило, образован или хотя бы квалифицирован в области предпринимательской деятельности, это затрудняет выявление преступления.

Также в науке уголовного права существуют некоторые пробелы и недочеты в отношении исследования мошенничества. Ученые выделяют следующие недостатки:

отсутствие официального определения и сущности объекта состава мошенничества;

отсутствие единого понимания о том, что такое корыстная цель;

недочеты в характеристике состава мошенничества, совершенного при приобретении права собственности другого лица;

различия во взглядах в отношении к установленному возрасту уголовной ответственности за совершение мошенничества.

Говоря о наказании за предпринимательское мошенничество, нельзя не обратиться к данным о судимости лиц.

Согласно официальным статистическим данным, наиболее часто за совершение предпринимательского мошенничества назначается такой вид уголовного наказания, как условное осуждение к лишению свободы (в 54 % случаев). Для наглядности представим следующую диаграмму, которая поможет составить общее представление о тех видах уголовных наказаний, которые, как правило, назначаются российскими судами за совершение предпринимательского мошенничества (см. рис. 1)[1].

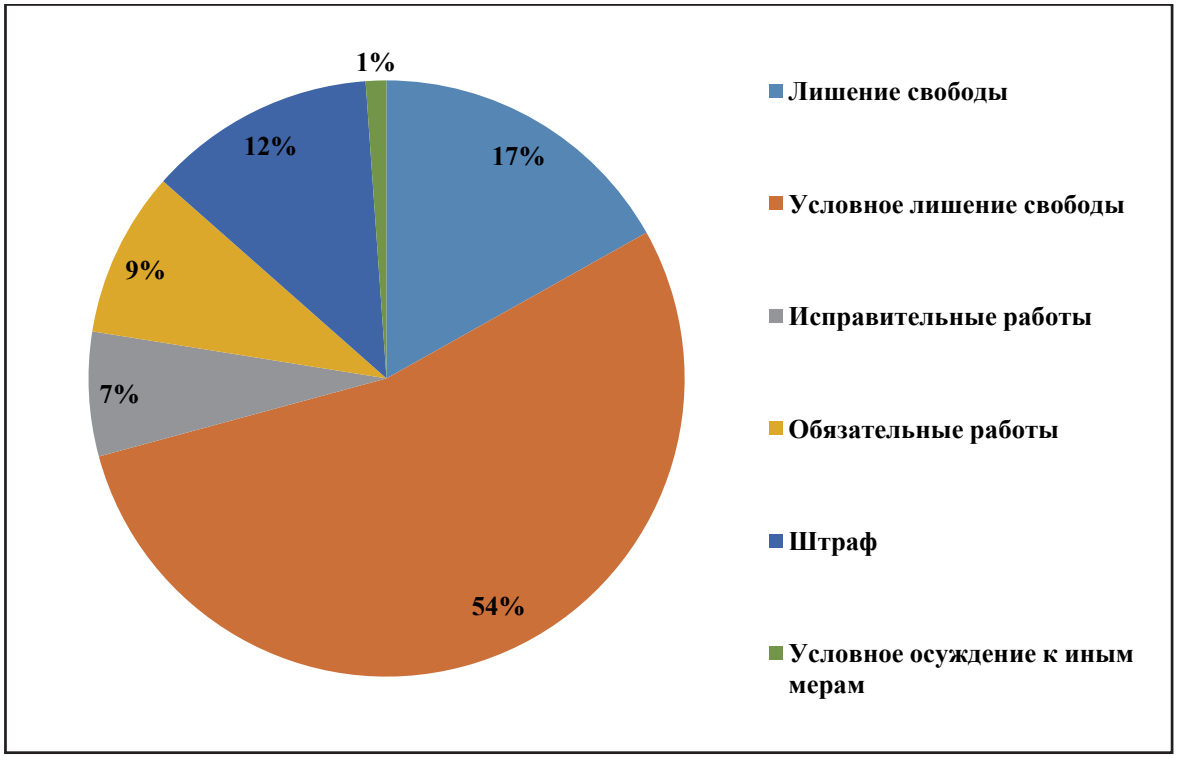

Рис. 1. Виды уголовных наказаний, назначаемых
за совершение предпринимательского мошенничества

[1] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019–2021 гг.: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 05.09.2023).

В научной литературе обоснованно указывается, что особенности личности того или иного вида преступника, несомненно, влияют на качество проводимой профилактической работы по отношению к определенным видам преступлений [1]. Именно поэтому очень важно определить особенности личности современного мошенника. Иными словами, важно обратить внимание на некоторые криминологические особенности личности предпринимателя-мошенника.

Роль такой науки, как криминология, в общей концепции обеспечения безопасности Российской Федерации переоценить достаточно сложно, так как изучение преступления с точки зрения ее структуры как варианта поведения человека позволяет проводить огромное количество мероприятий, направленных на предупреждение преступности в обществе. Стоит отметить неразрывную связь криминологии с уголовным правом, так как в числе задач уголовного наказания указано «предупреждение совершения новых преступлений». На наш взгляд, описанная в Уголовном кодексе задача не может быть выполнена без выявления причин, условий совершения каждым виновным лицом преступления. Таким образом, выяснение предпосылок совершения каждым осужденным преступления законодательно закреплена в УК РФ, следовательно, указанное направление является приоритетным для криминологии. Причины и условия совершения преступления неразрывно связаны с самим фактом происхождения преступности как социального явления. Еще в далекой древности великие мыслители задавались вопросом о природе происхождения такого девиантного поведения, как преступность. Так, например, Платон и Аристотель связывали происхождение преступности с общественными нравами, соответственно, считали моментом возникновения преступности время появления общества.

Вопрос становления и развития личности того или иного правонарушителя всегда был актуален в криминологии. В разное время личность преступника наделяли отличными друг от друга качествами. Это связано не только с процессом развития истории, но и с обобщением практических и статистических данных правоохранительных органов.

Детерминанты преступности довольно тесно связаны с личностью преступника. Именно по этой причине считаем необходимым обратиться к освещению как детерминант преступного поведения, реализуемого мошенниками-предпринимателями, так и особенностей личности указанной категории преступников.

---

[1] Ивушкина О.В. Особенности криминологической характеристики личности преступника, совершающего грузовые кражи из подвижного состава железнодорожного транспорта (региональный аспект) // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2018. С. 53.

К ключевым причинам и условиям совершения мошенничеств в сфере предпринимательской деятельности можно отнести корыстную мотивацию преступника. Любое мошенничество характеризуется корыстной целью, и мошенничество, совершаемое в сфере предпринимательства, не является исключением.

Кроме того, способствуют совершению описываемого вида мошенничества сложность, и в некотором смысле двоякость гражданского законодательства. Существующие в гражданской и предпринимательской отрасли правовые коллизии и противоречия ни для кого не являются секретом. Именно поэтому мы считаем, что способствовать снижению мошеннических действий в сфере предпринимательства будет приведение действующих норм различных отраслей законодательства в соответствие друг с другом.

Изучение личности преступника в каждой преступной ситуации играет важную роль в расследовании преступления. При этом изучение личности преступника необходимо проводить всесторонне. Это обуславливается тем, что при выборе санкции, которая будет применена по отношению к преступнику, изучая его личность, происходит выбор наиболее подходящего наказания для конкретной личности. Наказание для преступника должно назначаться индивидуально с целью исправительного процесса личности. Правильно назначенное наказание для конкретного преступника в той или иной мере уменьшает количество рецидивов, что ведет к улучшению криминогенной обстановки в стране.

В последнее время следствие и органы дознания используют определенный метод, связанный с психотипами преступников. Его сущность заключается в том, что основываясь на имеющейся у правоохранительных органов информации, создается психологический портрет преступника, и именно на него опираются при расследовании преступления.

Говоря о личности предпринимателя-мошенника, необходимо разграничивать данный состав (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) от незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). Из представленных данных видно, что темп прироста преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ относительно базисного 2018 года составил 71,6%, что еще раз подтверждает тот факт, что наличие законодательной базы в отношении данного вида преступления не ограничивает его фактического существования (табл. 1)[1].

[1] Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 05.12.2022).

Таблица 1

Динамика незаконного предпринимательства (ст.171 УК РФ)

Показатель	Годы				
	2018	2019	2020	2021	2022
Преступления экономической направленности	109 463	104 927	105 480	117 707	111 429
Незаконное предпринимательство	74	79	173	149	127
Удельный вес незаконного предпринимательства в структуре преступлений экономической направленности, %	0,06	0,07	0,16	0,12	0,11
Темп прироста (базисный)	-	6,7	133,0	101,3	71,6

Отличие описываемых составов преступлений (ч. 5-7 ст. 159 и ст. 171 УК РФ) заключается в следующем.

Во-первых, преступление, предусмотренное ч. 5-7 ст. 159, посягает на интересы собственности. А преступление, предусмотренное ст. 171 УК РФ, затрагивает, в первую очередь, экономические отношения.

Во-вторых, действия, сопряженные с обманом клиентов, не могут квалифицироваться по ст. 171 УК РФ. Лицо, совершая хищение в форме мошенничества, желает, конечно, получить выгоду. Однако такую выгоду нельзя назвать прибылью, цель извлечения которой является обязательным содержательным признаком предпринимательской деятельности, в отличие от которой деятельность мошенническая законом позитивно не регулируется, не дозволяется, не может быть зарегистрирована и лицензирована.

Что касается личности мошенника-предпринимателя характеризуется следующими показателями.

В 80% случаев преступления данного вида совершают мужчины.

Наиболее часто совершают предпринимательские мошенничества лица в зрелом возрасте (26–45 лет). Прежде всего, это объясняется «интеллектуальностью» изучаемого преступления, необходимостью наличия знаний и опыта для его совершения.

Существенное влияние на поведение личности оказывает ее семейный статус, наличие супружеских конфликтов, нравственно-психологический климат в семье. Большинство лиц, которые совершили мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, состоят в браке. Это, прежде всего, связано с тем, что большая часть мошенников – лица зрелого возраста.

Важная характеристика личности мошенника – уровень образования, который неразрывно связан с культурно-нравственными установками

личности. Он воздействует на формирование чувства ответственности за свои поступки, возникновение чувства долга, уважительного отношения к закону и другому человеку. Однако далеко не всегда высокому уровню образования соответствует высокая нравственность.

Кроме того, если раньше доля мошенников с высшим образованием составляла 14%, а со средним – 52%, то в последние годы лица, совершившие мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, имеют довольно высокий общеобразовательный уровень[1]. Они хорошо ориентируются в юридических и экономических вопросах, а также являются знатоками практической психологии. Замечено, что большинство мошенников обладают такими характеристиками, которые позволяют им чувствовать себя лидерами в любых ситуациях.

Значительная часть лиц, совершивших мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (около 60%), являются служащими коммерческих или иных организаций и индивидуальными предпринимателями. А некоторые из осужденных за предпринимательское мошенничество лиц не имеют постоянного источника доходов.

Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности совершается, как правило, в составе группы лиц по предварительному сговору в 39% случаев, а организованной группой – в 8% случаев. Приведенные данные показывают, что чаще всего такие преступления совершаются единолично.

Подводя итог изучению криминологических особенностей мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, следует отметить, что к ключевым причинам и условиям совершения данного вида мошенничества можно отнести корыстную мотивацию преступника. Любое мошенничество характеризуется корыстной целью, и мошенничество, совершаемое в сфере предпринимательства, не исключение.

В свою очередь, криминологические особенности личности мошенника-предпринимателя свидетельствуют о том, что наиболее часто данные преступления совершают мужчины зрелого (но не пожилого) возраста, имеющие определенный уровень образования, состоящие в браке. И данному криминологическому портрету мошенника-предпринимателя есть логичное объяснение. Такие лица не хотят насилия, они не хотят проявлять жесткость. Такие лица хотят только финансово обогатиться, удовлетворить свою потребность в деньгах и финансовом обеспечении. Именно поэтому такие мошенники-предприниматели часто являются примерными семьянинами, ответственными руководителями и т.п. Учитывая данные особенности, необходимо выстраивать

[1] Никитенкова Н.Ю. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. С. 99.

соответствующую профилактическую работу, направленную на предупреждение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности.

Таким образом, подводя итог современным криминологическим особенностям мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, можно отметить следующее.

В 80% случаев преступления данного вида совершают мужчины. Значительная часть лиц, совершивших мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (около 60 %), являются служащими коммерческих или иных организаций и индивидуальными предпринимателями. К ключевым причинам и условиям совершения мошенничеств в сфере предпринимательской деятельности можно отнести корыстную мотивацию преступника.

Игнатенко Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации

Прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования при выявлении и расследовании преступлений, предусмотренных статьей 207 УК РФ, совершенных с использованием IP-технологий

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма наносит существенный ущерб интересам государства и всего общества, приводит к нарушению нормальной деятельности органов МВД России и ФСБ России, а также работы организаций, предприятий и учреждений, срыву массовых мероприятий, порождает у граждан чувство опасения за свою безопасность, причиняет значительный имущественный вред.

С целью уклонения от уголовной ответственности злоумышленники используют сложные схемы абонентских соединений с помощью подменных номеров и средств IP-телефонии, препятствующих оперативному установлению инициатора звонка. В основной своей массе цепочки абонентских соединений ведут к операторам связи, находящимся вне юрисдикции Российской Федерации.

Например, зарегистрирован рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК РФ, в действиях несовершеннолетнего жителя, 2004 года рождения, который с ноября 2020 года по февраль 2022 года, используя сервис freedom-prov.fredom-vpn.net для обхода регистрации используемого им для выхода в сеть «Интернет» IP-адреса, направил на электронный почтовый адрес школы 14 писем, содержащих заведомо ложные сообщения об актах терроризма – заложенных взрывных устройствах[1].

В ходе проверки сообщения о рассматриваемом преступлении, а также при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, органы предварительного расследования производят необходимые следственные и процессуальные действия не только на объекте, подвергающемся потенциальной угрозе, но и на месте, с которого осуществлялся звонок, отправка сообщения (в случае, если оно установлено), с целью последующего анализа состояния законности при исполнении операторам связи требований действующего федерального

[1] Данный и последующий примеры заимствованы из правоприменительной практики и приведены в общем виде.

законодательства при оказании услуг связи, в том числе, за пропуск вызова с подменного номера иностранного оператора.

Подмена абонентского телефонного номера стала возможна с переходом операторов связи на цифровые мощности с использованием IP-телефонии.

Абонентский номер, который использует злоумышленник при использовании IP-телефонии, не имеет физического носителя, он виртуальный. При таких обстоятельствах получить информацию в виде привязки абонентского номера к конкретной базовой станции невозможно.

В ходе развития цифровых технологий злоумышленники стали переводить IP-телефонии в сеть GSM российских операторов связи, генерируя любой абонентский номер.

В результате дешевизны и общедоступности оборудования в Российской Федерации возникли небольшие компании, имеющие лицензию, полученную в Роскомнадзоре на осуществление деятельности в сфере связи, предоставляющие услуги связи в качестве посредника, то есть пропускающие звонки через свое оборудование. Большинство таких организаций нарушают федеральное законодательство в сфере связи и обеспечивают пропуск «подменных» абонентских номеров из сетей зарубежных операторов связи.

Так, органами прокуратуры выявлен ряд интернет-сайтов, на которых предлагались услуги по подмене абонентских номеров, и ограничению доступа к ним. В целях их блокировки направлены административные исковые заявления о признании информации о предоставлении услуги по подмене абонентских номеров, сокрытии информации об абонентском номере и (или) уникальном коде идентификации, размещенной на страницах определенных сайтов, запрещенной к распространению.

Необходимо отметить что, в силу положений п. 1 ст. 46 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (далее – Закон о связи) оператор связи обязан, в том числе соблюдать требования, касающиеся организационно-технического взаимодействия с другими сетями связи, пропуска трафика и его маршрутизации и устанавливаемые федеральным органом исполнительной власти в области связи.

На основании п. 10 ст. 46 Закона о связи при оказании услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика оператор связи обязан проверить соблюдение требований законодательства, с использованием системы обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования. Согласно данной же нормы оператор связи обязан прекратить оказание услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи в случае, если инициированное с сети связи иностранного оператора связи соединение, в том числе для передачи короткого текстового сообщения,

сопровождается нумерацией, соответствующей российской системе и плану нумерации (за исключением случаев, если соединение инициируется абонентом российского оператора подвижной радиотелефонной связи, находящимся за пределами территории Российской Федерации).

В 2021 году внесены изменения в КоАП РФ, предусматривающие ответственность оператора связи за неисполнение обязанности по передаче в неизменном виде абонентского номера и (или) уникального кода идентификации (ч. 1 ст. 13.2.1 КоАП РФ), а также за неисполнение оператором связи обязанности по прекращению оказания услуг связи и (или) услуг по пропуску трафика в свою сеть связи в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации (ч. 2 ст. 13.2.1 КоАП РФ)[1].

Практика применения данной нормы в настоящее время нарабатывается, в том числе при учете результатов уголовного судопроизводства.

Так, по результатам рассмотрения обращения гр-на Д. о заключении 5 абонентских договоров на оказание услуг связи без согласия абонента установлено, что указанные договоры были оформлены дилером АО на правах генерального дилерского соглашения с оператором связи. При этом ПАО не осуществило проверку достоверности сведений об абоненте, при наличии несоответствия в номере паспорта абонента, а также оказывало услуги связи без фактического заключения договоров на оказание услуг связи с гр-ном Д. Фактически услугами связи пользовались неустановленные лица. По результатам рассмотрения возбужденного дела об административном правонарушении юридическое лицо привлечено к административной ответственности.

В другом случае в описательно-мотивировочной части судебного акта указано о том, что оператором сотовой связи не было прекращено инициирование через техническое оборудование инициированных с сети связи иностранного оператора связи соединений, сопровождавшихся нумерацией, соответствующей российской системе и плану нумерации. В резолютивной части данного постановления указано о привлечении юридического лица к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.2.1 КоАП РФ в виде административного штрафа в размере 400 тыс. руб.

Таким образом, оператор связи, принявший и пропустивший в сеть от иностранного оператора соединение с подобного абонентского номера, подлежит привлечению административной ответственности по ст. 13.2.1 КоАП РФ.

При этом следует отметить, что законодателем в 2023 году в Закон о связи введена ст. 46.1, согласно которой в целях обеспечения соблюдения

[1] Федеральный закон от 30.12.2021 № 480-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

операторами связи обязанности по передаче в неизменном виде абонентского номера при пропуске телефонных вызовов и текстовых сообщений в сеть другого оператора связи радиочастотная служба создает и обеспечивает функционирование и развитие системы обеспечения соблюдения операторами связи требований при оказании услуг связи и услуг по пропуску трафика в сети связи общего пользования[1].

Предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, совершаемых с использованием IP-технологий, преимущественно зависит от результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в связи с чем важное значение имеет прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД. Кроме того, такое же важное значение имеют и результаты предварительного расследования преступлений данного вида, что усиливает значимость прокурорского надзора за исполнением законов органами предварительного расследования при выявлении и расследовании преступлений данного вида.

Качество и результативность прокурорского надзора в рассматриваемых сферах обеспечивается сочетанием указанных направлений надзора, их системностью, а также организацией надлежащего взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного расследования.

Оценивая результаты работы, отраженных прокурорами в тематических докладных записках, необходимо отметить, что при подготовке прокурорами требований, предусмотренных п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, важное значение имеют результаты исполнения поручений следователей о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а также следственных действий, направленных на установление местонахождения используемых для совершения преступлений средств мобильной связи, абонентских номеров и иных технических устройств, при помощи которых злоумышленниками осуществлялся или осуществляется доступ в сеть «Интернет».

Перспектива доказывания конкретного эпизода преступной деятельности во многом зависит от оперативности (сроков) получения необходимых сведений в ходе осуществления ОРД. Полагаем, что в данном случае важное значение имеют ОРМ, предусмотренные ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Сделанный вывод обусловлен тем, что злоумышленники в целях конспирации могут заменить sim-карты, мобильные устройства связи и иные средства коммуникации, используемые для осуществления заведомо ложных сообщений об акте терроризма.

---

[1] Федеральный закон от 02.07.2021 № 319-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» // СПС «КонсультантПлюс».

Прокурорами принимаются значимые меры по обеспечению законности в досудебном производстве. В ряде случаев принятые меры были направлены на инициирование перед органами предварительного расследования вопроса о возбуждении уголовного дела ввиду сложностей теоретических и практических аспектов.

Например, дознавателем, по результатам проверки сообщения о нахождении в самолете взрывного устройства, было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с тем, что отсутствовала конкретная информации об угрозе взрыва. Данное решение отменено прокурором, материалы направлены для проведения дополнительной проверки, по результатам которой возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 207 УК РФ.

Как показывает следственная практика, процесс раскрытия преступлений исследуемого вида сводится к установлению местонахождения технического устройства, в котором была авторизирована электронная почта, с которой поступило ложное сообщение об акте терроризма.

В этих целях следственными органами направляются поручения, предусмотренные ст. 152 УПК РФ, о проведении ОРМ в целях установления IP-адреса авторизации электронной почты и лица, ее создавшего.

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия важное значение имеет полнота расследовании, которая может позволить органам предварительного расследования, в том числе инициировать вопрос о направлении международных поручений, повторных поручений.

Так, по результатам производства по уголовному делу, возбужденному по ч. 2 ст. 207 УК РФ по факту направления на электронный почтовый ящик гостиницы заведомо ложного сообщения о готовящемся взрыве, вынесено постановление о приостановлении предварительного следствия по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

По результатам проверки его законности прокурором отменено данное постановление и инициирован перед органом предварительного расследования вопрос о необходимости получения сведений о лице, зарегистрировавшем страницу в социальной сети «ВКонтакте», на платежные реквизиты которого, согласно тексту ложного сообщения, необходимо было перевести денежные средства за разминирование гостиницы.

В целом анализ докладных записок прокуроров свидетельствует о принимаемых комплексных мерах по разрешению сложностей, связанных с собиранием доказательств, установлением местонахождения почтовых

ящиков электронной почты, с которых поступают ложные сообщения по уголовным делам о преступлениях рассматриваемого вида. Более того, прокурорами во взаимодействии с органами предварительного расследования и оперативными подразделениями принимаются меры по сокращению сроков получения ответов на запросы, направленные интернет-провайдерам.

Как показывает практика, изложенное оказывает существенное влияние на противодействие преступлениям, предусмотренным ст. 207 УК РФ, совершаемым с использованием IP-технологий.

Ильницкий Александр Сергеевич,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Пестов Сергей Владимирович,
генеральный директор АНО
«Интернациональный центр спасения детей
от киберпреступлений»

Современные тенденции и виды мошеннических действий на рынке интим-услуг в сети Интернет

Происходящие информационно-технологические преобразования, сопровождающиеся активной консолидацией граждан в сетевом пространстве, регулярно образуют новые криминальные угрозы, направленные в отношении личности, общества и государства. Спектр таких угроз обширный, среди них: дистанционные хищения, оборот наркотических средств, психотропных веществ и оружия, криминальные формы распространения заведомо ложной информации, вовлечение в террористическую и экстремистскую деятельность, а также иные преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Наряду с качественными преобразованиями, выраженными в появлении новых форм криминальной активности в киберпространстве и трансформацией «традиционных» в сферу IT, наблюдаются изменения и в количественной характеристике таких преступлений.

В 2023 году впервые за три года ожидается серьезный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Уже за январь – сентябрь 2023 года зарегистрировано 489 044 таких преступлений, что на 29,2% больше аналогичного периода 2022 г., 21,3% аналогичного периода 2021 г. и 34,7% аналогичного периода 2020 года[1]. Особую обеспокоенность вызывает рост мошенничества, совершенного с использованием IT-технологий, который составил 40,3% в сравнении с показателями прошедшего периода. Указанные тенденции обусловлены рядов факторов, среди них: увеличение количества пользователей сети Интернет, совершенствование методов социальной инженерии и их адаптация под потребности общества, использование инструментов получения информации о жертве из открытых источников (OSINT) и технологий искусственного интеллекта

[1] Состояние преступности по данным МВД России за период 2020–2023 гг. URL: https://мвд.рф/reports/4 (дата обращения: 01.10.2023).

для совершения преступления, а также расширение сфер криминальной деятельности в киберпространстве. Последнее вызывает особое беспокойство, поскольку преступники беспрерывно приискивают новейшие способы обмана жертвы, проникают в различные сферы рыночных отношений, увеличивают объемы доходов, полученных от совершения мошеннических действий[1].

Анализ материалов судебной практики по делам о мошенничестве, а также контент-анализ ресурсов сети Интернет демонстрирует, что среди сетевых площадок, на которых совершаются мошеннические действия, все больше становится интернет-ресурсов по оказанию интимных услуг. Отсюда, неудивительно увеличение количества жертв от мошеннических действий, совершаемых на рынке интимных услуг в сетевом пространстве. Так, в январе 2023 года житель г. Омска желая приобрести интимные услуги на одном из интернет-ресурсов в результате мошеннических действий лишился 600 тыс. рублей[2]. В сентябре 2023 года в г. Феодосии молодой человек занял у жены и отца деньги на проституток и передал мошенникам 1,5 млн рублей[3].

Указанные тенденции обуславливают необходимость выстраивания стратегии противодействия мошенничеству в сфере оказания интимных услуг. Для этого следует накопить криминологическую информацию в рассматриваемой области, определить масштабы криминального явления, выявить современные криминологические закономерности, особенности механизма преступного поведения и технологии совершения мошенничества в сфере оказания интимных услуг. С этой целью с мая по сентябрь 2023 года применялся комплекс методов криминологического познания криминальных явлений в сети Интернет, среди которых: контент-анализ ресурсов информационно-телекоммуникационной сети Интернет и ее теневого сегмента («Dark Net»), включенное наблюдение за пользователями-участниками сетевых сообществ по оказанию интимных услуг, а также интервьюирование мошенников и их жертв на предмет выявления криминологических особенностей механизма и технологий совершения преступления.

В результате удалось установить, что современный рынок интимных услуг характеризуется активным переходом в киберпространство. Совокупность процессов и процедур по оказанию услуг интимного характера сегодня преимущественно обеспечивается за счет активных

---

[1] Старостенко О.А. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 37.

[2] Российского студента обманули на 200 тысяч рублей при заказе проститутки URL: https://lenta.ru/news/2023/01/16/put (дата обращения: 01.10.2023).

[3] Россиянин перевел 1,5 млн руб. мошенникам при попытке заказать проституток. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/16/21298988.shtml?updated (дата обращения: 01.10.2023).

сайтов общедоступного сегмента сети Интернет, а также телеграмм-каналов по оказанию интимных услуг. Вместе с тем, мошеннические действия более распространены именно в телеграмм-каналах. Это обусловлено рядом факторов, среди которых: высокая популярность и степень анонимности пользователей в мессенджере «Telegram», доступность создания собственной группы (канала), отсутствие контроля со стороны администрации телеграмм-канала по оказанию интимных услуг и возможность неограниченного подключения к нему, допустимость беспрерывного распространения информации об оказываемых услугах. Указанные особенности мессенджера «Telegram» и консолидация в телеграмм-каналах лиц, желающих удовлетворить свои сексуальные потребности, формируют серьезные криминогенные предпосылки для совершения мошеннических действий различного характера.

Последовательное применение исследовательских операций и обобщение полученной информации позволяет определить наиболее распространенные виды мошеннических действий на рынке оказания интимных услуг в сети Интернет и представить алгоритмы (технологии) совершения преступлений[1].

1. Мошенничество, связанное с получением услуг сексуального характера. Указанный вид мошеннических действий представляет собой «классический» криминальный алгоритм по переводу предоплаты якобы за интимное времяпрепровождение с проституткой. На рынке оказания интимных услуг он считается наиболее распространенным. Это подтверждается результатами проводимого опроса жертв. Среди опрашиваемых, 57% респондентов указали, что стали жертвами именно мошеннических действий, связанных с получением услуг сексуального характера. Вместе с тем, находчивее злоумышленники нередко совершенствуют представленный криминальный алгоритм. Учитывая высокую потребность жертвы удовлетворить свои сексуальные желания, мошенники указывают на то, что предоплата не поступила к адресату, а жертве следует сделать еще один и (или) несколько перевод денежных средств. Другие преступники сообщают жертве о том, что перевод денежных средств привел к «сбою» в информационной системе, в результате чего необходимо перевести крупную сумму, чтобы восстановить ее[2].

2. Мошенничество, связанное с приобретением интимного контента и (или) в сфере виртуального секса. Такой вид

[1] Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1. С. 125.

[2] Мошенники обманывают жителей региона под видом оказания интим-услуг URL: https://news.rambler.ru/other/44984278-moshenniki-obmanyvayut-zhiteley-regiona-pod-vidom-okazaniya-intim-uslug (дата обращения: 01.10.2023).

мошеннических действий обусловлен активным использованием пользователей сети Интернет различных форм киберсекса (секстинг; секс по голосовой связи или телефону; эротический видеочат с выполнением сексуальных пожеланий партнеров перед веб-камерой) с целью удовлетворения личных сексуальных потребностей[1]. С данным видом мошенничества, совершаемого на рынке оказания интимных услуг в сети Интернет сталкивались 33% опрошенных жертв. В большинстве своем такой вид мошенничества реализуется посредством создания «фейкового» профиля с интимным контентом «собственного производства» и вбрасывания злоумышленником сообщения в интернет-сообщество (группу, канал) с предложениями о продажи интимного контента, совершения видеозвонка или созданием фото на заказ. Далее – жертва откликается на сообщение и взаимодействуя с мошенником перечисляет денежные средства, после чего блокируется злоумышленником.

3. Мошенничество, связанное с сервисами «получения» интимного контента отдельного пользователя. Указанный вид мошеннических действий в сфере оказания интимных услуг приобрел свою популярность относительно недавно, что связано с развитием технологий получения информации из открытых источников (OSINT) и искусственного интеллекта. Безусловно, ни с одними, ни с другими технологиями данный вид мошенничества не связан. Злоумышленники лишь используют их популярность в собственных криминальных целях. Для совершения мошенничества злоумышленником создается виртуальный робот (бот), т. е. программный алгоритм, выполняющий автоматически какие-либо действия через интерфейсы, предназначенные для людей. Такой бот содержит обезличенные интимные фотоизображения и видеозаписи, полученные из открытых источников информации. Далее – злоумышленник путем организации и осуществления PR-компании бота представляет его в качестве сервиса для получения интимного контента с конкретной социальной страницы. Переходя на такой ресурс жертва перечисляет денежные средства, якобы за получение интимного контента конкретного пользователя. Однако получает лишь обезличенные фотоизображения и видеозаписи, а также уведомление о необходимости повторного перевода денежных средств для того, чтобы увидеть более «горячий» контент запрашиваемого пользователя. Данный криминальный алгоритм не обладает высокой степенью популярности. Жертвами подобного вида мошенничества стали лишь 9% опрашиваемых. Вместе с тем, активное развитие инструментов OSINT и технологий искусственного интеллекта не исключает возможности их использования в мошенничестве в сфере оказания интимных услуг.

[1] Алихаджиева И.С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 164.

Представленные виды мошеннических действий на рынке интим-услуг в сети Интернет дают наглядную информацию о наиболее популярных схемах совершения преступлений. Вместе с тем, преступники беспрерывно совершенствуют способы и методы воздействия на жертву, используют новейшие технологические решения и программные продукты, разрабатывают не просто криминальные алгоритмы, но и целые технологии совершения преступлений, позволяющие им более эффективно достигать преступных задач. Указанное требует от криминологов глубокого анализа угроз, связанных с мошенничеством на рынке оказания интимных услуг и формирования научно-обоснованных мер противодействия им.

Каснова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о предупреждении преступности в социальных сетях

Современный мир можно охарактеризовать стремительным развитием технологий, киберпространства, социальных сетей, а также компьютеризацией общества. И сегодня, в эпоху развития глобальной сети Интернет, возрастает частота преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей. Стоит отметить важность предупреждения, расследования и раскрытия подобных преступлений. Один из ключевых элементов в системе предупреждения преступлений, совершаемых с использованием социальных сетей – это роль органов внутренних дел.

Прежде чем определять роль использования того или иного термина, нужно определиться: 1) какой смысл несет данное понятие; 2) для каких целей оно используется; 3) как его использование может помочь решить проблему (задачу), стоящую перед исследователем.

Впервые давшим обоснование «социальной сети» считается психолог- социолог Д. Барнс, именно он первым сформулировал данное понятие. Стоит отметить, что научные деятели, как теоретики, так и практикующие, определяют социальную сеть и вкладывают в нее смысл науки, которой занимаются сами, пытаясь объяснить и ответить на вопрос, как социальная сеть влияет на то или иное событие в жизни людей, что полезного она может предоставить для социума.

В социологическом смысле понятие социальная сеть – это структура, состоящая из узлов, связанных между собой особым видом социальных взаимоотношений, будь то люди, группы людей или организации. Соответственно, площадка для социального взаимодействия индивидуумов между собой – это виртуальная сеть, где веб сайт обеспечивает связь и выступает специальной программой.

О.Ю. Пескова определяет, что «социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, контент которого наполняется самими участниками сети [1] . Непосредственно сам сайт представляется автоматизированной средой или платформой, которая объединяет людей общими интересами и предоставляет возможность общаться.

[1] Пескова О.Ю. Социальные медиа, как платформа для технологий PR 2.0. Сборник научных статей. Серия «Коммуникативные исследования». Выпуск 5. М.: НИУ ВШЭ. 2011. С. 198.

Понимая социальную сеть посредством интернет-сервиса, Институт Связей с Общественностью Соединенного Королевства определяет ее как веб-сайт или иной инструмент интернета, который предоставляет возможность пользователям взаимодействовать друг с другом, обмениваясь информацией, мнениями, знаниями.

Под социальной сетью на качественном уровне понимается социальная структура, состоящая из множества агентов (субъектов) и определенного множества отношений (совокупности связей между агентами, например, знакомств, дружбы, сотрудничества, коммуникации).

Говоря об исследовании взаимосвязей между людьми, необходимо отметить, что этот феномен интересовал человечество всегда. В 1930 году выявлен метод, который помогал определять роли между людьми для их взаимодействия в коллективе. По мере развития теории социальных сетей, научными работниками в области психологии был введен термин коэффициента кластеризации, обозначающий степень близости между неоднородными группами.

Справедливости ради стоит отметить, что по мере изучения социальных сетей, формировались и методы их изучения. К 1970 г. сформировался фундамент методики, на основе которой происходит изучении социальных групп, сетей и других однородных понятий, в основе которых лежит объединение по какому-то признаку. В нашем случае это люди, объединяющиеся по какому-то принципу.

Таким образом, социальную сеть можно охарактеризовать как сервис, предоставляющий обмен чем–либо между людьми, группами, сообществами. В настоящее время все реже используют человеческий труд, сегодня множество функций, которые поручались людям делают роботы. Данный вариант уместен как пояснения к социальным сетям, характеризующих их с точки зрения причинения вреда.

Нас интересуют социальные сети, связь которых обеспечивается через интернет. С появлением интернета в качестве узлов социальных сетей стали рассматривать не только людей как представителей социума, но и любых других акторов, которые могут иметь социальные связи, например, города, страны, континенты и др.

С развитием общественных отношений развивается и «культура социальных сетей». Их множество и разнообразие едва-ли поддается подсчетам. К сожалению, не все социальные сети соблюдают законодательство, да и пользователи, ведя свою деятельность или попросту проводя время в социальных сетях не воздерживаются от нарушений. Причины и цели такого поведения могут быть разные. Для МВД РФ социальные сети представляют интерес в том случаи, когда с их помощью, а равно в их пространстве совершается преступление.

А.И. Акопов выделяет еще виды социальных сетей, которые не используются в широком обиходе[1]:

соц.сети, связанные одной тематикой (Untappd Beer – сеть для любителей пива);

деловые социальные сети (Мой Круг);

гендерные, возрастные.

Данный список не является исчерпывающим, кроме того, стоит отметить, что виды могут пополняться в зависимости от желаний и целей самих пользователей.

Отметим лидеров популярности и проведем небольшое сравнение: если на начало 2021 г. первое место в России по количеству пользователей вот уже пятый год занимал YouTube – 85,4%. Далее – VK (78%), Whatsapp (75,8%), Instagram (61,2%), Одноклассники (47,1%), Facebook (34,9%). TikTok не смотря на взрывной рост популярности пользуются 30,4%, а Telegram 27,4%. На начало 2023 года представляется иная картина: VK – 75,3%, WhatsApp – 71,5%, Telegram – 64,4%, Одноклассники – 43,5%, TikTok – 42,6%[2]. Данные социальные сети отвечают потребностям и соединяют в себе все необходимое: общение, ведение бизнеса (заработок), продвижение (реклама) и многое другое.

В январе 2023 года в России насчитывалось 127,6 миллиона пользователей Интернета. Уровень проникновения Интернета в России на начало 2023 года составлял 88,2% от общей численности населения. Пользователей социальных сетей насчитывают – 106 млн, что составляет 73,3% от общей численности населения страны. Между тем, данные, опубликованные в инструментах планирования рекламы ведущих платформ социальных сетей, показывают, что в начале 2023 года социальными сетями в России пользовались 91,50 миллиона пользователей в возрасте 18 лет и старше, что эквивалентно 79,9% от общей численности населения в возрасте 18 лет и старше[3].

Приведенные данные свидетельствуют об активном использовании социальных сетей в повседневной жизни.

Российские пользователи перешагнули средний мировой показатель и проводят в социальных сетях почти 4 часа в день. При этом 42% пользователей интернета (то есть из 85% — почти половина) используют социальные сети, чтобы найти ту или иную информацию, особенно когда дело касается предстоящих покупок товаров или услуг.

---

[1] Акопов А.И. «Веб 2.0» как явление и как проблема // Акценты. 2007. № 1-2. С. 8–13.

[2] Цифровой 2023: Российская Федерация URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation (дата обращения: 28.08.2023).

[3] Статистика социальных сетей для Российской Федерации URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation (дата обращения: 28.08.2023).

Статистика показывает, что вся информация, находящаяся в социальных сетях и используемая ежесекундно не свободна от преступных посягательств (в широком понимании). Только за 2022 год число киберпреступлений превысило полмиллиона и составило четверть от всех уголовно наказуемых правонарушений[1]. Следовательно, люди, пользующиеся такой информацией, являются виктимными, потенциальными жертвами (в широком понимании).

С технической точки зрения, информационно-телекоммуникационные сети выступают только средством передачи компьютерной информации в преступных целях, а основные же преступные действия по созданию, обработке, хранению компьютерной информации по-прежнему выполняют компьютеры и различного вида компьютерные устройства[2].

Из приведенной минимальной статистики, можно сделать выводы о том, что предупреждать и пресекать преступления в социальных сетях не только можно, но и нужно. Роль Министерства внутренних дел здесь очевидна. Использование возможностей популярных платформ, должно стать ориентиром для МВД России по предупреждению и профилактике преступности.

С учетом того, что в социальных сетях происходит не только безобидное общение и объединение людей по законным интересам, их используют также в преступных целях, необходима комплексная разработка предупреждающих мер, которая осуществлялась бы в социальных сетях. Очевидно, что Министерство внутренних дел должно принимать в этом непосредственное участие. Это касается как разработки самих мер, так и внедрение их в социальные сети.

Так одна из популярнейших сетей, занимающих лидирующие позиции в рейтинге по ее использованию – Instagram (61,2%), была заблокирована Роскомнадзором по требованию Генеральной прокуратуры РФ. Связано это с тем, что компания Meta*, которой принадлежит Facebook и Instagram, временно разрешила пользователям своих социальных сетей не блокировать призывы пользователей к насилию в отношении россиян, включая военнослужащих. Представители компании объяснили данный факт формой политического самовыражения. Данные действия, обозначенные компанией Meta, противоречат законодательству РФ и являются преступными, о чем также обозначено Ген. Прокуратурой в упомянутом выше требовании о блокировке с последующим призывом к ответственности руководителей компании.

---

[1] Путин оценил уровень киберпреступности в России URL: www.kp.ru/online/news/https (дата обращения: 28.08.2023).

[2] Евдокимов К.Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика»: дис. … докт. юрид. наук. Москва, 2021. С. 30.

*запрещенная организация в РФ.

Отметим, что блокировка данной сети не привела к ощутимым результатам. Так буквально на следующий день, посредством приложения VPN – позволяющее пользователям скрывать свой IP адрес, все желающие успешно продолжали использовать сеть Instagram. Более того, приложение VPN являлось абсолютно бесплатным для скачивания, а в интернете можно было найти подробную инструкцию по его установке. Правда, по истечении нескольких месяцев после блокировки сети, признанной в РФ запрещенной, но продолжающей свое существование были приняты ряд мер, ограничивающих получение информации через нее: 1) ограничили переход по ссылкам, которые предоставлялись через данную социальную сеть; 2) запрет на рекламу, непосредственно через данную сеть. Однако, спустя время, пользователи запрещенной сети снова могли видеть рекламу.

Справедливости ради стоит отметить, что профилактирующие мероприятия, возложенные на МВД России осуществлялись и посредством сети Instagram. Министерство внутренних дел имело аккаунты как на федеральном так и на региональном уровнях.

Отметим, что социальная сеть, это более узкое понятие, неразрывно связанное с информационными технологиями, использование которой возможно при помощи компьютерного или мобильного устройства.

Колбасин Владислав Владимирович,
заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России

О проблемах борьбы с насильственными сексуальными преступлениями, совершаемыми в отношении малолетних и несовершеннолетних иностранными гражданами и лицами без гражданства

Рассмотрение проблем противодействия насильственным половым преступлениям против несовершеннолетних в современной России требует особого внимания в отношении целого ряда аспектов, не получивших до настоящего времени соответствующего освещения в научной литературе и не реализованных должным образом в законотворческой инициативе. К ним, по нашему глубокому убеждению, относится и увеличение случаев совершения посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность детей и подростков, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства.

По данным МВД России количество фактов постановки на миграционный учет вышеуказанных граждан в 2022 году составило 16 870 094, что на 26% превысило аналогичный показатель 2021 года и на 72% показатель 2020 г. Экономика нашей страны привлекает все больше граждан из зарубежья, в первую очередь из числа населения стран Средней Азии (85,5% от общего числа мигрантов)[1].

О криминогенном влиянии уровня миграции на интенсивность насильственной преступности в России неоднократно высказывались и известные ученые-криминологи. В частности, по мнению Ю.М. Антоняна, рост числа преступных деяний, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности в Российской Федерации, связан с большим количеством мигрантов, проживающих на территории нашего государства[2].

Приведенная точка зрения подтверждается данными официальной статистики МВД России. В период с 2018 по 2022 гг. число иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших насильственное сексуальное преступление в отношении малолетних и несовершеннолетних,

[1] См.: МВД Медиа. Интервью заместителя начальника Главного управления по вопросам миграции МВД России генерал-майора О.А. Кадочникова. URL: https://mvdmedia.ru/radiomv/pryamoy-razgovor/v-guvm-mvd-rossii-rasskazali-o-migratsionnoy-situatsii-v-strane (дата обращения: 17.09.2023).

[2] См.: Интервью Ю.М. Антоняна информационному агентству «Национальная служба новостей» (09.09.2021). URL: https://nsn.fm/society/migranty-bez-semi-kriminolog-o-roste-chisla-iznasilovanii-v-moskve (дата обращения: 17.09.2023).

увеличилось на 92,9%. Опасения вызывает и увеличение на 36,7% доли иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших насильственное сексуальное преступление в отношении малолетних и несовершеннолетних от общего числа лиц, совершивших деяния исследуемой нами категории, что может говорить о повышении уровня криминальной активности иностранных граждан и лиц без гражданства проживающих на территории Российской Федерации.

Приведенные сведения необходимо использовать в процессе формирования мер превентивного воздействия на насильственную сексуальную преступность, жертвами которой становятся дети, а также при совершенствовании системы нормативно-правового регулирования вопросов в сфере миграции.

Одним из решений обозначенной выше проблемы, по мнению большинства опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов (94%) можно считать установление ограничений на посещение территории Российской Федерации лицами, ранее привлекаемыми к ответственности за посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность детей.

В настоящее время законодательство, призванное регулировать миграционные потоки, не способно в полной мере обеспечить высокую степень защищенности подрастающего поколения. В ст. 27 Федерального закона № 114-ФЗ от 15 августа 1996 года «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» перечислены основания запрета въезда в Россию для иностранных граждан и лиц без гражданства, к которым относится: вынесение решения об административном выдворении или депортации; наличие не снятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации или за ее пределами; отсутствие документов, необходимых для получения визы; отсутствие полиса медицинского страхования; отсутствие подтверждения наличия средств для проживания; использование подложных документов; наличие решения о нежелательности пребывания; превышение сроков пребывания; неоднократное привлечение к административной ответственности за совершение правонарушений; нарушение режима пребывания (проживания) или порядка осуществления трудовой деятельности. Однако наличия указанных мер для обеспечения эффективного противодействия насильственной сексуальной преступности, жертвами которой становятся малолетние и несовершеннолетние, недостаточно. Указанный федеральный закон не предусматривает ограничений на посещение Российской Федерации лицами, имевшим судимость за ранее совершенное посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних.

В целях совершенствования отечественного законодательства и модернизации механизма защиты малолетних и несовершеннолетних от насильственных сексуальных посягательств необходимо дополнить ст. 27 Федерального закона № 114-ФЗ от 15 августа 1996 года «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» пунктом 3.1., предусматривающим запрет на въезд в Российскую Федерацию иностранным гражданам и лицам без гражданства, имевшим судимость за совершение посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность несовершеннолетних.

Для успешной реализации указанной нормы считаем необходимым дополнить III раздел «Документы, представляемые иностранным гражданином для получения визы» Постановления Правительства РФ от 09.06.2003 №335 «Об утверждении Положения об установлении формы визы, порядка и условий ее оформления и выдачи, продления срока ее действия, восстановления ее в случае утраты, а также порядка аннулирования визы» пунктом 52, предусмотрев обязательное предъявление справки о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования.

В соответствии со ст. 11 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1 «договором Российской Федерации с сопредельным государством может быть установлен упрощенный порядок пропуска через Государственную границу граждан Российской Федерации и сопредельного государства в части определения документов на право выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[1] (безвизовый въезд). Для таких граждан считаем необходимым предусмотреть в указанных выше договорах необходимость предоставления при прохождении через государственную границу на постах пограничного и таможенного контроля справки (с переводом на русский язык) о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования (с обязательным указанием номер и названия статьи УК иностранного государства), для ограничения въезда в Россию лиц, имевших судимость за половые преступления в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Подобная практика успешно реализуется во многих развитых странах мира (Канаде, Австралии, Китае, Объединенных Арабских Эмиратах[2]).

Реализация предложенных нами изменений в отечественное законодательство, по нашему мнению, в значительной степени

---

[1] См.: Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Rayeesa Absal. Paedophile watchlist in UAE by year-end. URL: https://gulfnews.com/uae/crime/paedophile-watchlist-in-uae-by-year-end-1.623879 (дата обращения: 13.09.2023).

оптимизирует работу правоохранительных органов и обеспечит реальную возможность предупреждения насильственных сексуальных преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в отношении малолетних и несовершеннолетних на территории Российской Федерации.

Лещенко Владимир Павлович,
преподаватель кафедры
социально-гуманитарных дисциплин
Краснодарского университета МВД России

Проблемы пенализации мошенничества, совершенного с использованием средств электронного платежа в системе специальных видов мошенничества

Мошенничество, совершаемое с использованием электронных платежных систем, сегодня является наиболее распространенной формой хищения. Эта проблема продолжает демонстрировать стабильный рост и имеет особое место в структуре корыстной преступности.

С появлением цифровой экономики и наращиванием потребления электронных денег, происходят системные изменения, которые привлекают криминальные структуры. Доступность удаленного осуществления банковских операций и активные темпы развития информационно-телекоммуникационного пространства требуют оперативной реакции законодательных органов по созданию механизмов правового регулирования и обеспечению безопасности всех участников данных процессов.

В связи с этим, в последние годы наблюдается активное разработка эффективного правового механизма регулирования сектора цифровой экономики, включая использование электронных платежных систем для проведения платежных операций. Широкий набор нормативно-правовых актов разработан для обеспечения правового регулирования соответствующих отношений[1].

[1] См.: О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901; О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817; Перечень поручений по вопросам реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации 28 февраля 2019 г. № Пр-300) // URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59911 (дата обращения: 19.03.2021); Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/9e733b9ece0472e8f17a73cd753a75784f9e1fab/ (дата обращения: 19.03.2021 г.); Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» :Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 (ред. от 31 марта 2021 г. № 504-19.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (часть II). Ст. 2159.

Данные статистики, позволяют говорить о мошенничествах, совершенных с использованием электронных средств платежа, как о достаточно распространенных формах преступной деятельности, а их количество представляет серьезную угрозу имущественным интересам и являются серьезным препятствием в развитии государственного сектора цифровой экономики.

Преступления, совершенные с использованием IT-технологий, составляют все большую долю в общей структуре преступности: сегодня она достигла 25 процентов. При этом за последние несколько лет году уголовная статистика фиксирует их рост. Так увеличение числа преступлений, совершенных в 2021, с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (+68,5%) свидетельствует о закреплении этой тенденции в эволюции преступного поведения и необходимости соответствующей адаптации к ней правоохранительной системы[1].

На этом фоне становится очевидным, что мошенничество, совершаемое с использованием средств электронного платежа, как и корыстные преступления в сфере компьютерной информации в силу их полиномической природы требуют совершенствования нормативно-правовой основы деятельности правоприменительных органов в целях повышения ее эффективности.

На ряду с изложенными обстоятельствами, отражающими актуальность проблемы противодействия мошенничествам, совершаемым с использованием средств электронного платежа, в правоприменительной деятельности, важное значение приобретает теоретический аспект исследования.

Возникшая возможность осуществления мошеннических действий, при помощи информационно-телекоммуникационных технологий и использования средств электронного платежа, позволила совершать преступления вне зависимости от места географической локации преступника и потерпевшего. Также это исключило необходимость непосредственного контакта между виновным и потерпевшим. Изложенные обстоятельства потребовали пересмотреть ранее устоявшиеся, в уголовно-правовой доктрине представления о месте и времени совершения преступления.

Вместе с тем, эффективность мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления, во многом зависит от нескольких факторов. Во-первых, важно качество принимаемых нормативно-правовых актов. Во-вторых, решение задач оптимальности в управлении социальными процессами играет значительную роль. В-третьих,

[1] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2021 года и тенденции ее развития: Аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2022. С. 8.

повышение уровня работы правоохранительных, судебных и уголовно-исполнительных органов, которые борются с преступностью, также влияет на эффективность мер уголовно-правового воздействия. И, наконец, от результатов проводимых мероприятий также зависит успех в борьбе со преступностью[1].

Изложенное позволяет заключить, что возникла противоречивая ситуация, указывающая на неединообразный подход законодателя к определению наказания за мошенничество с использованием средств электронного платежа. Данное обстоятельство требует проведения комплексного анализа юридического содержания уголовно-правовых норм, предусматривающих наказания за данное преступление.

Обращаясь к санкциям рассматриваемых статей, предусматривающих ответственность за квалифицированные виды мошенничества, отметим отсутствие в части 2 статьи 159^3 УК РФ следующих признаков: мошенничество, совершенное организованной группой, совершаемое группой лиц по предварительному сговору, а также с причинением значительного ущерба.

Проводя сравнительный анализ наказаний исследуемого вида мошенничества, следует отметить, что законодатель определил его квалифицированные виды как преступления средней тяжести, установив максимально возможное наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

Необходимость проведения сравнительного анализа санкций части 2 статьи 159 УК РФ и части 3 статьи 159^3 УК РФ обусловлена тем, что признаки, определяющие содержание данных преступлений, совпадают по отношению к крупному размеру похищенного имущества.

Как по видам наказаний, так и по объему ограничений, содержащихся в них, содержание санкций части 3 статьи 159^3 УК РФ является аналогичным. Оно предусматривает: штраф в размере от 100 тысяч до 500 тысяч рублей или в размере зарплаты или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет; принудительные работы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового; лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до 80 тысяч рублей или в размере зарплаты или иного дохода осужденного за период до шести месяцев или без такового, а также с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового.

Очевидно, что законодатель акцентирует внимание на наказании в виде штрафа за мошенничество, совершенное в крупном размере, ответственность за которое предусмотрена частью 2 статьи 159 УК РФ. Предельный размер этого штрафа может достигать 1 миллиона рублей,

[1] Марзаганова А.М. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.

тогда как аналогичное наказание за совершение мошенничества с использованием средств электронного платежа (часть 3 статьи 159^3 УК РФ) не может превышать 500 тысяч рублей, то есть вдвое меньше.

Ситуация с пенализацией специальных видов мошенничества усложняется еще и тем, что максимальный размер наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за мошенничество (часть 2 статьи 159^4 УК РФ), не может превышать трех лет, то есть такое преступление относится к категории небольшой тяжести. Для остальных видов мошенничества, с использованием средств электронного платежа (часть 3 статьи 159^3 УК РФ), наказание в виде лишения свободы может составлять до пяти лет. Это делает такие преступления более тяжкими и повышает их общественную опасность по сравнению с аналогичным признаком.

Указанная ситуация свидетельствует об отсутствии последовательности законодателя в определении характера и степени общественной опасности таких преступлений, как мошенничество с использованием средств электронного платежа, совершенное в крупном размере, и аналогичное ему мошенничество в сфере кредитования (часть 2 статьи 159^1 УК РФ).

Следуя логическому и систематическому подходу при проведении сравнительного анализа санкций статей, предусматривающих ответственность за определенные виды мошенничества, необходимо сопоставить их содержательную часть, закрепленную в частях 4 статей 159^1–159^3, 159^5, 159^6 УК РФ, а также части 3 статьи 159^4 УК РФ.

Важно отметить, что законодатель сохранил логическую последовательность в определении видов наказаний и их размеров для санкций, указанных в частях 4 статей 159^1–159^3, 159^5, 159^6 УК РФ. Для этих статей было установлено общее наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет с возможным наложением штрафа в размере до 1 млн рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо без такового. Также возможно ограничение свободы на срок до двух лет без возможности наложения штрафа.

Подход законодателя в отношении дифференциации уголовной ответственности за специальные виды мошенничества указывает на недостатки его юридической техники как в части конструирования санкций, так и в части определения степени общественной опасности этих преступлений. Отличить характер и степень общественной опасности мошенничества с использованием средств электронного платежа, совершенного в особо крупном размере, от аналогичного мошенничества, совершенного в других сферах экономической деятельности, достаточно сложно.

Подводя итог необходимо обратить внимание на важность применения унифицированного подхода в конструировании санкций статей, предусматривающих ответственность за специальные виды

мошенничества. Помимо этого, признается тождественность характера и степени общественной опасности как квалифицированных, так и особо квалифицированных видов преступлений, поэтому следует привести их к общей форме категоризации, предусмотрев единый максимальный размер наказания в виде лишения свободы, в зависимости от вида мошенничества (части 2, 3, 4 статей 159^{1}–159^{6} УК РФ). А кроме того, сравнительный анализ санкций исследуемых статей 159^{1}–159^{6} УК РФ позволяет сделать вывод, что они сконструированы в форме альтернативных, кумулятивных и относительно определенных санкций. В них предусмотрены различные виды наказаний, налагаемых в качестве основных и дополнительных, а также интервалы между минимальным и максимальным размерами наказаний.

Любимов Леонид Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Воронежского государственного университета

К вопросу об общей конфискации имущества в современных реалиях

С момента включения законодателем в часть 1 статьи 104^1 УК РФ пункта «д»[1], устанавливающего конфискацию транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264^1, 264^2 или 264^3 УК РФ, у сторонников возвращения в систему наказаний общей конфискации имущества появился весомый довод в обосновании своей позиции, так как в связи с этим нововведением возник резонный вопрос, а можно ли данную конфискацию в полной мере классифицировать как специальную. Ведь буквальное толкование текста, содержащегося в части 1 статьи 104^1 УК РФ, приводит к выводу о том, что транспортное средство не может выступать в перечисленных преступлениях в качестве орудия, оборудования или средства их совершения, иначе такая конфискация транспортных средств производилась бы уже давно на основании пункта «г» части 1 статьи 104^1 УК РФ и введения в данную норму права дополнительно пункта «д» не требовалось. Но и предметом этих преступлений транспортное средство можно назвать весьма условно, так как в теории уголовного права хоть и высказываются подобные суждения, но Пленум Верховного Суда РФ, давая разъяснения касаемо судебной практики по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, от подобной трактовки воздержался[2].

Представляется, что транспортное средство еще может рассматриваться в качестве предмета преступления, предусмотренного статьей 264 УК РФ, потому как данная норма устанавливает уголовную ответственность не только за нарушение правил дорожного движения, но и за нарушение правил эксплуатации транспортного средства. Однако ввиду того, что статья 264^1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному

[1] Пункт введен в действие Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5225.

[2] О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 года № 25 // Рос. газета. 2008. 26 декабря.

наказанию или имеющим судимость», статья 264^2 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами» и статья 264^3 УК РФ «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» предусматривают уголовную ответственность именно за нарушение водителем правил дорожного движения, совершенное неоднократно, то в перечисленных составах преступлений транспортное средство не является той вещью материального мира, на которую направлено совершение указанных преступлений, а значит в них транспортное средство не может выступать в качестве предмета преступления.

Но если транспортное средство не является ни предметом, ни орудием, ни оборудованием и ни средством совершения преступлений, предусмотренных статьями 264^1, 264^2 и 264^3 УК РФ, то тогда к нему не может применяться специальная конфискация имущества. Становится очевидным, что на самом деле в пункте «д» части 1 статьи 104^1 УК РФ законодатель прибегнул к возможностям общей конфискации имущества, выдавая ее за специальную. Поэтому и сферу применения данного пункта он вынужден был очертить с учетом права собственности на транспортное средство, указав, что конфискации подлежит именно транспортное средство, принадлежащее самому обвиняемому.

Такое завуалированное наличие в праве общей конфискации имущества свидетельствует о целесообразности ее возвращения в уголовный закон в полноценном виде, а именно в качестве вида наказания. Актуальность подобного возвращения конфискации имущества в систему наказаний обуславливается еще и тем, что это позволит дополнительно решить ряд проблем, вызванных проведением специальной военной операции на Украине (далее – спецоперация на Украине), первой из которых выступает демографическая проблема, связанная с массовым оттоком граждан из нашей страны.

Только по официальным данным, опубликованным в докладе Федеральной службы государственной статистики (Росстате) о социально-экономическом положении России в 2022 году, с января по ноябрь из страны уехали 622 915 человек, тогда как за тот же период 2021 года Россию покинули 232 385 человек. Таким образом по данным Росстата число выбывших из Российской Федерации увеличилось на 390,5 тыс. человек (или в 2,7 раза), как за счет эмигрантов в государства-участники СНГ – на 339,4 тыс. человек (или в 2,7 раза), так и за счет выбывших в страны дальнего зарубежья – на 51,1 тыс. человек (или в 2,9 раза)[1].

[1] См. подробнее: Социально-экономическое положение России в 2022 году: доклад. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстата) «rosstat.gov.ru». URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf (дата обращения: 22.09.2023).

По неофициальным данным, опубликованным редакцией Forbes и основанным на заключении аналитиков АО «Альфа-Банка» о состоянии рынка труда и потребления, – Россию в третьем квартале 2022 года могли покинуть около 1,2 млн человек[1].

Приведенные цифры наглядно свидетельствуют о том, что если в ближайшее время не предпринять меры по возвращению наших граждан на Родину, то это может привести не просто к демографической проблеме, а к демографической катастрофе. Необходимо понимать, что самое ценное чем обладает любое государство – это ее человеческий потенциал, который является самым трудновосполнимым. Покинувшие страну граждане в большинстве своем представляют не только трудоспособный, но и высоко образованный слой населения, восполнить который Россия если и сможет, то не менее чем через 25–30 лет.

Конечно, ключевым инструментом решения данной проблемы должны выступать поощрительные меры, такие как налоговые льготы, субсидированная ипотека, отсрочка от службы в армии и даже в отдельных случаях – прекращение уголовного преследования в связи с малозначительностью деяния. Вместе с тем наличие самой возможности лишиться всего нажитого имущества в случае невозвращения на Родину и предъявления обвинения, например, в уклонении от прохождения военной и альтернативной гражданской службы или в уклонении от уплаты налогов и сборов также усилит инструментарий, который может быть применен для решения указанной демографической проблемы.

Вторую проблему, обусловленную сложностью приведения в исполнение обвинительных приговоров российских судов, выносимых в настоящее время лицам, совершившим преступления против интересов Российской Федерации, но находящимся за ее пределами, тоже возможно эффективно решать посредством применения общей конфискации имущества. Дело в том, что меры государственного принуждения, назначаемые судами на сегодняшний день к таким лицам, нельзя признать действенными. Достаточно вспомнить несколько примеров из практики, чтобы подтвердить данный вывод. Так первый в России заочный приговор за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) был вынесен 27 января 2023 года Басманным районным судом г. Москвы в отношении бывшего майора полиции Олега Кашинцева, который был признан виновным по п. «д» ч. 2 ст. 207^3 УК РФ и приговорен к 8 годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, которая связана с администрированием сайтов электронных или информационно-

[1] Злобин А. Глава Минцифры сообщил о 100 000 уехавших из России айтишников. Сетевое издание «Forbes.ru». URL: http://www.forbes.ru/tekhnologii/482755-glava-mincifry-soobsil-o-100-000-uehavsih-iz-rossii-ajtisnikov (дата обращения: 22.09.2023).

телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»), на четыре года, а также права занимать должности в правоохранительных органах, которые связаны с осуществлением функций представителя власти, на тот же срок. Кроме того, О.В. Кашинцева лишили звания «майор полиции». Сейчас О.В. Кашинцев находится за пределами России (в начале июля 2022 года его объявили в розыск). Ранее в 2019 году О.В. Кашинцев уволился из органов внутренних дел на фоне протестных акций в Москве[1].

На текущий момент можно констатировать, что ни один из назначенных О.В. Кашинцеву видов наказания не имеет на него ни карательного, ни воспитательного, ни частнопревентивного воздействия, то есть цели наказания не достигаются. Во-первых, Интерпол отказался выполнить запрос об его экстрадиции в Россию. В документах об отказе выполнения запроса объясняется, что Интерпол считает преследование по вменяемой ему статье политически мотивированным. Кроме того, отмечается, что в уголовном законодательстве страны пребывания О.В. Кашинцева, не существует схожей нормы, по которой он преследуется в России, а значит его действия в этой стране не признаются преступным[2]. Во-вторых, такие назначенные О.В. Кашинцеву виды наказаний, как лишение специального звания и права занимать должности в правоохранительных органах потеряли для него какую-либо значимость в связи с его самостоятельным решением об увольнении из органов внутренних дел, принятом за четыре года до описываемых событий и говорящем о том, что он никак не связывал свою дальнейшую судьбу со службой в правоохранительной системе нашей страны. В-третьих, не смотря на решение суда о лишении его права заниматься деятельностью, которая связана с администрированием сайтов электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»), он по-прежнему продолжает вести свой канал «Майор в отставке» в YouTube (по состоянию на 1 сентября 2023 года канал насчитывал более 36 тыс. подписчиков).

Аналогичная ситуация сложилась и с заочно вынесенными приговорами в отношении журналиста Александра Невзорова и блогера Вероники Белоцерковской (оба включены Минюстом России в единый реестр иностранных агентов). Басманным районным судом г. Москвы в

[1] Суд заочно приговорил экс-майора полиции к восьми годам за фейки об армии. Сетевое издание «РБК». URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/63d3baa79a79479ed217740b (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Интерпол отказал России в экстрадиции журналистов Александра Невзорова и Андрея Солдатова, а также блогера Вероники Белоцерковской и бывшего полицейского Олега Кашинцева. Сетевое издание «RTVI». URL: http://rtvi.com/news/interpol-otkazal-rossii-v-ekstradiczii-aleksandra-nevzorova-i-veroniki-beloczerkovskoj (дата обращения: 22.09.2023).

феврале 2023 года они были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 207[3] УК РФ:

А.Г. Невзорову назначено наказание в виде лишения свободы сроком на восемь лет, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»), сроком на четыре года[1];

В.Б. Белоцерковской назначено наказание в виде лишения свободы сроком на девять лет, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, с лишением права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов электронных и информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети «Интернет»), сроком на пять лет[2].

Интерпол тоже отказал в экстрадиции А.Г. Невзорова и В.Б. Белоцерковской по указанным ранее мотивам (в законодательстве Финляндии, Швейцарии, Черногории, Франции и Нидерландов не существует схожего со статьей 207[3] УК РФ уголовно-правового запрета) и не смотря на приговор суда они продолжают свою деятельность в сети «Интернет»:

А.Г. Невзоров по-прежнему ведет в YouTube канал, названный его именем (на 1 сентября 2023 года канал насчитывал 1,9 млн подписчиков);

В.Б. Белоцерковская в сети «Интернет» ведет свой сайт «belonika.ru».

Во всех приведенных примерах еще на стадии предварительного расследования применялась обеспечительная мера в виде наложения ареста на имущество, так как санкция ч. 2 ст. 207[3] УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от трех миллионов до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет. В частности у О.В. Кашинцева были арестованы банковские счета на общую сумму 5 млн рублей[3], у А.Г. Невзорова – земельный участок с домом в г. Санкт-Петербурге[4], а у В.Б. Белоцерковской – квартира и машиноместо в г. Москве, жилые дома,

---

[1] Суд заочно приговорил Невзорова к восьми годам колонии по делу о фейках. Сетевое издание «РБК». URL: http://www.rbc.ru/politics/01/02/2023/63da209e9a7947d6f6a749f6 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Суд заочно приговорил Белоцерковскую к девяти годам колонии. Сетевое издание «РБК». URL: http://www.rbc.ru/politics/06/02/2023/63e0b6ae9a79472710aae3ef (дата обращения: 22.09.2023).

[3] Суд арестовал счета экс-полицейского в рамках уголовного дела о фейках про армию. Сетевое издание «ЗАКС.Ру». URL: http://www.zaks.ru/new/archive/view/228132 (дата обращения: 22.09.2023).

[4] Суд арестовал земельный участок Невзорова в Петербурге. Сетевое издание «РБК». URL: http://www.rbc.ru/society/10/06/2022/62a2f8939a7947e09d3b48fe (дата обращения: 22.09.2023).

квартира и земельный участок в г. Санкт-Петербурге (на общую сумму примерно 152 млн рублей)[1]. Но в конечном итоге это для фигурантов уголовных дел ни к чему существенному не привело: штраф, который в указанной норме предусмотрен только в качестве основного вида наказания, – не назначался, так как он является наименее строгим из предусмотренных рассматриваемой нами санкцией наказаний и не соответствует тяжести совершенных преступлений, а специальная конфискация не могла быть применена, так как, во-первых, все перечисленное выше имущество не было приобретено преступным путем, а во-вторых сама инкриминируемая им статья не входит в перечень преступлений, содержащийся в пункте «а» части 1 статьи 104[1] УК РФ, за совершение которых предусмотрено применение специальной конфискации.

Таким образом в сложившихся условиях существующие уголовно-правовые меры бессильны в отношении лиц, скрывающихся от российского правосудия за рубежом как за подрывную деятельность против нашего государства, так и за участие в боевых действиях на стороне украинских вооруженных националистических формирований. До настоящего времени не задержаны:

гражданин России Антон Королев, признанный виновным в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 280 УК РФ) и наемничестве (ч. 3 ст. 359 УК РФ), заочно приговоренный в августе 2022 года к девяти годам лишения свободы с лишением на три года права заниматься деятельностью, связанной с администрированием сайтов. А. Королев активно пропагандировал идеи национал-социализма и в 2014 году вступил в полк «Азов» (признан террористической организацией и запрещен в России), в рядах которого с 2015 по 2019 годы участвовал в боевых действиях на юго-востоке Украины против сил народного ополчения самопровозглашенной Донецкой народной республики. О своей деятельности А. Королев рассказывал в «Интернете», а также в многочисленных выступлениях перед украинскими журналистами. Уголовное преследование А. Королева осуществляется с 2018 года и в том же году Украина отказала в его экстрадиции[2];

украинский журналист Дмитрий Гордон, в отношении которого 22 июля 2022 года заочно вынесено судебное решение о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу за распространение

---

[1] Суд арестовал имущество обвиняемой в дискредитации блогера Белоцерковской. Сетевое издание «РБК». URL: http://www.rbc.ru/politics/13/01/2023/63c1290a9a79475dd67379dc (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Россиянина заочно приговорили к 9 годам колонии за участие в «Азове». Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: http://www.kommersant.ru/doc/5491882 (дата обращения: 22.09.2023).

заведомо ложной информации о действиях ВС РФ (п. «д» ч. 2 ст. 207[3] УК РФ), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ч. 2 ст. 354 УК РФ) и за совершение действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды с угрозой применения насилия (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ). Он также объявлен в международный розыск[1], но вряд ли будет выдан, так как на Украине, как и в большинстве государств мира не допускается экстрадиция своих граждан. При этом по опубликованным в средствах массовой информации сведениям Д.И. Гордон через подставных лиц, а именно свою тещу, которая уже продолжительное время является пенсионером, владеет нежилым помещением в г. Москве площадью около 230 квадратных метров по адресу Охотный Ряд, дом 2 (бывшая гостиница «Москва»). Теперь это респектабельный отель Four Seasons Moscow, где нежилые помещения заняты магазинами и офисами. Только кадастровая стоимость этой недвижимости на сегодняшний день составляет около 100 млн рублей[2];

бывший депутат Совета народных депутатов Семилукского района Воронежской области шестого созыва Нина Беляева, в отношении которой в июне 2022 года Ленинским районным судом г. Воронежа заочно вынесено решение о применении к ней меры пресечения в виде заключения под стражу за распространение заведомо ложной информации о действиях ВС РФ (ч. 1 ст. 207[3] УК РФ) и за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, совершенные с использованием сети «Интернет» (ч. 2 ст. 205[2] УК РФ). Н.А. Беляева также была объявлена в международный розыск [3] . 3 августа 2022 года Росфинмониторинг внес Н.А. Беляеву в список организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, после чего у нее были заблокированы все банковские счета и банковские приложения в российских банках[4];

и многие другие персонажи уголовных дел, в отношении которых могла бы эффективно применяться общая конфискация имущества,

---

[1] Мосгорсуд признал законным заочный арест украинского журналиста Гордона. Сетевое издание «Интерфакс.ру». URL: http://www.interfax.ru/russia/856052 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Недвижимость на Охотном Ряду и бизнес: Почему Следственный комитет взялся за украинского журналиста-русофоба Дмитрия Гордона. Информационное и общественно-политическое издание «Life.ru». URL: http://life.ru/p/1480099 (дата обращения: 22.09.2023).

[3] Облсуд не отменил заочный арест воронежскому депутату по делу о дискредитации Армии РФ. Бизнес-издание «ABIREG.RU». URL: http://abireg.ru/newsitem/93917 (дата обращения: 22.09.2023).

[4] Воронежского депутата Нину Беляеву внесли в список террористов и экстремистов. Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: http://www.kommersant.ru/doc/5493286 (дата обращения: 22.09.2023).

которая избавила бы всех от присутствующего в настоящий момент чувства безнаказанности, способного в свою очередь породить внутри страны весьма опасные глубинные процессы в сложившихся непростых международно-политических и правовых условиях.

В заключении следует отметить, что введение общей конфискации имущества в систему наказаний будет соответствовать наметившемуся на фоне проведения спецоперации на Украине тренду ужесточения ответственности за противодействие интересам Российской Федерации, о чем свидетельствуют не только многочисленные изменения и дополнения в Уголовном кодексе РФ, произошедшие с ее начала, но и другие новеллы отечественного законодательства. Так, в статье 24 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»[1] (вступившего в силу с 26 октября 2023 г.) нашли отражение поправки, внесенные Президентом РФ В.В. Путиным еще в ходе рассмотрения Государственной Думой РФ законопроекта данного Федерального закона в (в марте 2022 года) о лишении приобретенного гражданства за совершение преступлений, предусмотренных:

ст. 280^2 УК РФ «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации»;

ст. 280^3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации»;

ст. 338 УК РФ «Дезертирство»[2] и др.

Однако отметим, что при возвращении общей конфискации имущества в уголовный закон спектр ее применения должен быть строго определен, так как в противном случае это будет существенно затрагивать конституционные права человека. Представляется, что применяться она должна за определенный круг деяний, совершенных в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Но в отношении лиц, скрывающихся от уголовной ответственности за рубежом ее следует применять без такой привязки ко времени и условиям.

---

[1] О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

[2] Профильный комитет Государственной Думы поддержал поправки о лишении гражданства за повторную дискредитацию армии. Сетевое издание «Коммерсантъ». URL: http://www.kommersant.ru/doc/5914650 (дата обращения: 22.09.2023).

Майорова Елена Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России

В.Е. Квашис как непостижимый объект познания

«Человек – это мир, который иногда стоит любых миров[1]» – когда-то сказал итальянский художник Амедео Модильяни. Такой мир – Виталий Ефимович Квашис: отдельная Вселенная, Космос, эпоха, явление как в науке, так и земном бытии! Масштаб Личности, Ученого, Человека, всегда устремленного в будущее и опережающего время, осознать невозможно. Научному сообществу предстоит очень долгий путь к такому осознанию.

Виталий Ефимович – дальновидный, блестящий исследователь, мыслитель, глубокий ученый, обогативший юридическую науку новаторскими идеями, незаурядными, передовыми взглядами и оставивший бесценное впечатляющее наследие. Он шел своим особым путем, никогда не выбирал проторенный, а, как известно, лишь тот, кто идет своей дорогой, никогда и никем не будет обогнан…

Квашис – это не просто фамилия, это своего рода «бренд», это уже не просто понятие, это целый понятийный аппарат, настолько он многоплановый и многогранный. На ниве науки он - Мастер, мыслитель, творец, трудоголик: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки, эксперт Совета Европы, Комитета ООН по предупреждению преступности, член Американского криминологического Общества, Академии уголовной юстиции, Всемирного виктимологического Общества, член и эксперт ряда других международных и национальных организаций… Автор больших, фундаментальных научных трудов, в которых каждая фраза доведена до совершенства и ювелирно отточена.

Виталий Ефимович как горизонт – бесконечный, бескрайний, безбрежный и непостижимый: чем ближе пытаешься подойти, тем дальше он отодвигается: большое видится на расстоянии.

И в тоже время он был доступным и открытым, безвозмездно дарящим свое внимание, заботу, знания и умения. Могу смело утверждать, что большинству людей, общавшихся с ним, не надо доказывать какой Виталий Ефимович был Друг, как он умел дружить, как тонко понимал, что дружба – это круглосуточно. Редкий Человек, Глыба, к которому не страшно было повернуться спиной – ты был всегда уверен, что там самый надежный тыл!

---

[1] Еремишин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М.: Просвещение, 2006.

Наверное, дабы спасти Человечество от деградации, периодически являются на земном шаре такие знаковые фигуры. Вспомните – художники эпохи возрождения в Италии, поэты Серебряного века в России… Существующая проблема потепления климата, я думаю, отчасти связана с уходом таких людей, поскольку во Вселенной образуются огромные зияющие озоновые дыры, так и остающиеся невосполнимыми… Правда, от этого становится не тепло, а душно и все труднее дышать…

Борису Пастернаку принадлежат фраза, что «талант – единственная новость, которая всегда нова![1]». 1 июля 1938 года появился на свет генетически талантливый человек – Виталий Квашис.

«Ум и талант не всегда встречаются» – говорил его любимый М. Жванецкий. Мы все стали свидетелями Его Величества счастливого Случая такой встречи! Виталий Ефимович был патологически обречен на занятие научной деятельностью. Уверена, что, если бы он закончил химический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, как хотела его мама, мы бы получили второго Д.И. Менделеева и множество новых открытых им элементов.

Спасибо Случаю, который привел его на юридический факультет, и мы все смогли прикоснуться к Феномену под именем В.Е. Квашис.

Природа сотворила Виталия Ефимовича скрупулезно и тщательно в единственном экземпляре, по-царски наделив зашкаливающей харизмой, незаурядным интеллектом, прибавив к этому с избытком всевозможных умений и талантов: исполненный иронией и самоиронией, наделенный мощным «обольстительным аппаратом», невероятным магнетизмом и обаянием, неутомимый странник и авантюрист, эстет и тонкий ценитель прекрасного, отчаянный гусар, азартный бильярдист и страстный шахматист.

Его гуманные начала проявлялись везде – в отношениях с людьми, в работе в Комиссии по помилованию, в науке при разработке проблем, связанных с неосторожной преступностью, смертной казнью. Он всегда ратовал за то, что «криминология, уголовная политика и уголовное право, на самом деле, единая наука о противотиводействии преступности», был страстный борец против любой войны и любого насилия.

Имя Альберта Энштейна прочно ассоциируется с понятием «гений». Имя Виталия Квашиса – Энштейн юридической науки.

В своей последней книге «Избранные труды по уголовному праву и криминологии»[2] В.Е. Квашис писал: «Частое упоминание Энштейна здесь не случайно, может, он и есть мой Бог. Если не считать его гениальность, у нас можно найти много общего. Как и он, я ненавижу носки и еще при его

[1] URL: https://boris-pasternak.su/aktrisa/ (дата обращения: 01.09.2023).

[2] Квашис В.Е. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1967-2021 гг.). 3-е изд., перераб. и доп. СПб: Издательство «Юридический центр», 2021. 1164 с.

жизни прославился в институте тем, что предпочитал ходить в сабо и без носков. А. Энштейн говорил, что «в юности обнаружил, что большой палец ноги рано или поздно проделывает дырку в носке. Поэтому я перестал надевать носки!». Нас роднит постоянное стремление к уединению, тяга к морю, к свободе и женщине, ненависть к тому, что я называю ходьбой строем… постоянные перемещения по свету, много чего еще. Как видно, общего совсем не мало. Отсюда и мои частые обращения к идеям и мыслям гениального Ученого и Человека, потерю которого человечество, до сих пор не осознало и осознает, похоже, не скоро».

Проанализировав линии жизни и открытия в науке, могу сказать, что они оба поцелованы Богом, а гениальность – их общая черта…

Однажды фотограф попросил А. Энштейна сделать задумчивое лицо, соответствующее имиджу исследователя, на что ученый высунул язык! Так получилась знаменитая на весь мир фотография. Сам физик признал это фото небывало удачным.

В 2018 году на нашей ежегодной Международной конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» в Новороссийске я попросила Виталия Ефимовича принять позу для фото, которая бы, по его мнению, соответствовала имиджу Ученого. Тогда, не задумываясь ни на миг, он широко раскинул руки и поджав одну ногу, встал в позу цапли. Он сказал, что эта одна из лучших его фотографий.

Мыслили великие ученые также в одном направлении…

А. Энштейн: «Проблемы невозможно решить находясь на том же уровне мышления, на котором ты создал их. В науке практически нет простых путей. Чтобы достичь высокого результата, важно погружаться в самые трудные проблемы и не бояться их решать, а не сверлить отверстия в самом тонком месте доски»[1].

В. Квашис: «Я всегда шел собственным путем, руководствуясь своими принципами, подталкиваемый своим характером и собственным пониманием вещей. Вот уж о чем я никогда не думал, так о самосохранении…

Я всегда исходил из трех важных для меня максим: скажи, кто твой учитель; кто твой друг; что ты читаешь, - и я скажу тебе, кто ты…».

Оба они были мореманами, любили яхты и паруса… Одним из любимых хобби А. Энштейна было хождение под парусом. В. Квашис говорил, что «с детства особый восторг у меня вызывали летящий по морю парусник и несущийся табун лошадей…».

На ракетном крейсере «Варяг» Виталия Ефимовича принимал лично командир флагмана флота и торжественно присвоил ему звание Почетного моряка Тихоокеанского флота.

Оба они – заядлые курильщики.

[1] https://ru.wikiquote.org/wiki (дата обращения: 01.09.2023).

Роднит их обоих частые перемещения по свету. В. Квашис избороздил все континенты, побывал почти во всех странах мира, познакомился и подружился со множеством выдающихся людей, подарил науке множество гениальных мыслей и идей, вырастил десятки учеников! Трудно представить, что речь идет об одном земном человеке, который, став человеком мира, остался неисправимым романтиком и мечтателем!

Виталий Ефимович – самый неутомимый путешественник!!! Одним из его последних туров была «Сказка под названием «Сахалин»…

Двух гениев объединяла тяга к свободе и к женщине. Как отмечал М. Жванецкий - его любили женщины, а они знают толк!

И еще, конечно, безграничная любовь к детям…

Альберт Энштейн говорил: «Если вы хотите, чтобы ваши дети были умны, читайте им сказки. Если вы хотите, чтобы они были еще умнее, читайте им еще больше сказок!».

«С точки зрения обыденной жизни очевидно одно: мы живем для других людей – и более всего для тех, от чьих улыбок и благополучия зависит наше собственное счастье» - эта фраза принадлежит Виталию Ефимовичу.

«День, в который вы ничего не узнали – потерянный день. Нам так много надо узнать – и у нас так мало на это времени» (А. Энштейн).

«Пока есть чему учиться, пока интерес к жизни еще не пропал, стареть не так страшно…» (Виталий Квашис). «Нужные книги он в детстве читал», как пел его любимый В. Высоцкий.

Альберт Энштейн высказывал опасение, что он боится того, «что обязательно наступит день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение, и мир получит поколение идиотов».

Виталий Ефимович писал: «Все более широкое проникновение в жизнь интернета, смартфонов и других технических средств облегчило доступ к информации, но одновременно... резко снизило уровень интеллекта и общей культуры!».

Какие мы с Вами счастливые, что прикоснулись к этому непостижимому явлению под именем Виталий Ефимович Квашис! Спасибо Вам за яркую, насыщенную, красивую жизнь, за роскошь общения с Вами! Вы – наш ориентир, наш маяк Анива на любимом Вами Сахалине!!!

Этот выстрел ранил нас всех вместе и каждого в отдельности… в сердце…

Максимов Павел Викторович,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Этимология термина «Банда» и социально-правовая трансформация бандитизма в России

Уголовно-правовое регулирование на системном уровне ответственности за бандитизм в правовой истории России началось с XIX в., тогда же стало более активным и доктринальное толкование различных аспектов, связанных с этом социально опасным явлением. А в позднеимперском законодательстве уже содержатся мотивы, которые позже будут обнаружены в советских и постсоветских законах, направленных на борьбу с бандитизмом; вместе с тем российский законодатель дореволюционного времени в сфере уголовного права использует термины «бунт», «скопище», «шайка». Термина «банда» в уголовном законе тогда еще не было.

Это не означает, однако, что само слово «банда» было неизвестно в России. Так, в словаре Брокгауза и Ефрона указывалось, что «бандой (отрядом)» (banda, Bande, от латинского слова bandum, или от немецкого Band) назывались «отряды рыцарской и другой конницы, а иногда – и пехоты феодальных армий; также и те бродячие наемные дружины (Rotten, routes, compagnies), предлагавшие свои услуги всякому, кто им платил или обещал добычу»[1]. В этом словаре указывается также, что в России термин «банда» стал общеупотребителен со времени последнего польского восстания 1863 г., так как польские повстанцы называли свои отряды «партиями» или «бандами», которые нападали на подразделения российской армии.

В смысле юридического термина слово «банда», употребляемое некоторыми западными законодательствами, например, французским, соответствует нашему термину «шайка». Этимологически термин «банда» имеет неоднозначное толкование. Доминирует точка зрения, согласно которой этот термин возник в Италии в XVI в., когда итальянцы в ответ на насилие со стороны французских и испанских солдат в рамках тогдашних войн создавали вооруженные отряды для самозащиты и совершали вооруженные вылазки.

Члены этих отрядов имели свой опознавательный знак – «банду», поскольку это слово как раз и означало некую отметку, обозначение (отсюда термины привычно используемые в настоящее время –

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890.

«контрабанда», «бандероль», «бант» и т. д.). По другой точке зрения примерно в то же время «плохие» люди изгонялись из общин и, собираясь вместе в вооруженные отряды, они совершали вооруженные нападения на «хороших» людей. Впоследствии «банды» как вооруженные отряды локального назначения приобрели негативный, преступный смысл.

В России термин «банда» в данном понимании начал использоваться в связи с активизацией революционного движения в начале XX в. и затем слово приобрело популярность после Октябрьской революции 1917 г. для обозначения вооруженных отрядов – «врагов революции», по отношению к которым власть применяла самые жесткие меры. А до этого в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. и Уголовном уложении 1903 г. понимание «банды» больше подходило к отмеченной выше «шайке».

В этом контексте нужно отметить, что радикальные перемены в сфере квалификации рассматриваемого вида преступности связаны с советской эпохой, когда его последовательно расширительные трактовки привели к тому, что такую квалификацию получали преступные действия, которые в иные времена квалифицировались бы совершенно иначе. Именно в советское время, особенно в условиях Гражданской войны, произошла также максимальная политизация данного состава преступления, вплоть до полного смешения разнородных понятий. Прежние мятежи, бунты, заговоры в значительной степени были поставлены в один ряд с традиционным уголовным бандитизмом уже в силу своего размаха, а также по причине явного желания власти представить их не столько как политическое, сколько как уголовное явление.

Основанием для этого стало также признание новой советской властью того, что бандитизм не просто дестабилизирует ситуацию в обществе, но и фактически посягает на основополагающие принципы государственного управления. Однако в современной уголовно-правовой литературе такой подход не разделяется, в частности, по мнению А.И.Гурова, «уголовный» бандитизм «резко» отграничивается от «политического» бандитизма[1] [2, с. 94]. Как нам представляется, жесткого разграничения указанных видов бандитизма не должно быть.

Но в любом случае нельзя не отметить, что в первые годы советской власти бандитизм становится уже непосредственной составляющей гражданской войны, угрозой государству, то есть, бандитизм был не просто тяжким корыстно-насильственным преступным деянием – бандиты, можно сказать, объявили войну советскому государству. И в этой связи ликвидация бандформирований вполне объяснимо стала одной из

[1] Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990.

приоритетных задач государства, решение которой обеспечивается на основе чрезвычайного законодательства и чрезвычайных методов и ресурсов (в т. ч. армия), а порой и вовсе в не правовом поле.

Как видно, степень опасности бандитизма может варьироваться в зависимости от целей преступных сообществ. И если особая общественная опасность придается уже традиционным уголовным бандам, то у банд политических, деятельность которых преследовала цель свержения существующей власти, степень опасности этого деяния была предельная высокой. Причем советской власти приходилось, по сути, параллельно, вести практическую борьбу с бандформированиями и одновременно кодифицировать уголовное право – не удивительно, что меры наказания за бандитизм определялись не всегда системно[1]. Вместе с тем с окончанием Гражданской войны в СССР достаточно четко обозначилась тенденция постепенно деполитизации бандитизма и смещения его понимания в уголовно-правовом смысле. Эта тенденция была последовательной и нашла свое логическое завершение уже после распада СССР.

В процессе указанной трансформации состава бандитизма некоторые виды антигосударственных преступлений постепенно были перераспределены по другим составам такого вида преступлений (диверсии и пр.). Таким образом, в советском государстве бандитизм эволюционировал, и, как отмечает В.И. Пинчук, «постепенно переродился» преступления, посягающего на основы государственного устройства, в тяжкое имеющее корыстную направленность преступление»[2]. Соглашаясь с таким подходом, вместе с тем добавим, что в данном случае произошло не «перерождение» бандитизма, а его трансформация. Причем это произошло не «вдруг», не в силу какой-то внутренней логики его эволюции, а было обеспечено последовательной политикой советского государства, которое смогло не только подавить уголовный криминалитет силами органов правопорядка, но и создать качественно новые условия социальной и экономической жизни, существенно ограничившие масштабы проявлений бандитизма.

Соответственно на этой основе изменилось и отношение государства к проблеме, ее политическая оценка и, в конечном счете, законодательное обеспечение. Отметим также, что известные трудности методологического порядка, связанные с изучением отдельных видов преступности в исторически отдаленные эпохи, побудили сегодня ряд исследователей (в продолжение частной дореволюционной практики), осмысливать их через систему наказаний. В частности, Э.В. Георгиевский указывает на то,

---

[1] Турицын И.В., Упоров И.В. Уголовное наказание в теоретических и законодательных конструкциях (историко-правовой аспект) // Право и практика. 2014. № 14. С. 11–19.

[2] Пинчук В.И. Виды преступных организаций и ответственность их участников по современному уголовному праву. дисс. … канд. юрид. наук. Л., 1960.

что систематизацию уголовно-правовых норм нужно осуществлять посредством двух критериев, имея в виду объект преступного посягательства и характер уголовного наказания за его совершения[1].

Однако, как представляется, двух факторов недостаточно – необходимо учитывать также иные уголовно-правовые и криминологические характеристики (покушение, соучастие и др.). Поэтому, не допуская вульгаризации, смешения эпох, «опрокидывания» в историю современных реалий и практик, историко-правовые феномены, характеризующие определенные виды преступлений, в данном случае бандитизма, следует, на наш взгляд, изучать, прежде всего, исходя из их социально-правовой природы, присущей данному виду преступности в данную конкретную историческую эпоху.

И в этом контексте бандитизм за последние двести лет правовой истории России от признаков «шайки» в уголовном законодательстве Российской империи трансформировался в явно политизированный бандитизм первых лет советской власти (это наглядно было видно в рамках Гражданской войны), а затем, по мере стабилизации социальных отношений в СССР, политизация бандитизма стала уменьшаться и фактически по «политическом» бандитизме перестал говорить в начале 1950-х гг., когда были ликвидированы последние банды украинских и прибалтийских националистов (хотя формально при этом в УК РСФСР 1960 г. бандитизм еще оставался в главе «Государственные преступления»), но затем в новом и действующем УК РФ 1996 г. состав этого бандитизма (ст. 209) совершенно лишен политической составляющей.

[1] Георгиевский Э.В. Системы и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2013.

Малышев Александр Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Родительская семья как субъект профилактики повторных преступлений несовершеннолетних

В настоящее время на мировой арене складывается непростая обстановка, в условиях которой внешняя и внутренняя политика РФ главным образом направлена на укрепление национальной безопасности и обеспечение защищенности государства, общества и личности от разного рода внутренних и внешних угроз. В сложившейся ситуации стоит обратить внимание на состояние преступности, поскольку изменения в социально-экономической сфере зачастую влекут ее рост. Особенную тревогу вызывает достаточно высокий уровень преступности несовершеннолетних, тем более, что среди данной категории количество лиц, совершающих повторные преступления, из года в год остается неизменно высоким. Так, в 2021 году оно составляло 24,8%, в 2022 – 24,3%, за январь-сентябрь 2023 года – 23,5%[1].

Как показывают исследования причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними лицами, важное место среди них занимает влияние микросреды, в которой происходит формирование и развитие личности. В этом процессе главенствующая роль принадлежит семье, которая, являясь неотъемлемой частью и базовым звеном общественной системы, зависит от нее, оказывая при этом собственное воздействие практически на все социальные отношения. В этой связи задачей каждого цивилизованного государства является обеспечение возможности реализации родительских прав и выполнения обязанностей, проведение с несовершеннолетними детьми работы по профилактике преступности. Предупредить личностную деформацию подростка легче, чем бороться с последствиями девиации – совершением преступления, поэтому особую важность приобретает воспитательная роль семьи, в которой он проживает.

Полагаем, что создание условий для безопасного функционирования родительской семьи – залог всестороннего развития личности и полноценного воспитания несовершеннолетних. Однако существуют криминогенные факторы, которые способны оказать негативное воздействие на состояние семьи извне, кроме того, их существование

[1] Состояние преступности в России. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://mvd.ru/folder/101762/item/7572658/ (дата обращения: 28.10.2023).

возможно внутри самой родительской семьи несовершеннолетнего. Так, повторное совершение преступления подростком, вернувшимся в семейную среду, может быть обусловлено социально-экономическими факторами, а также нравственно-психологическими причинами и условиями роста криминогенности семьи в современном обществе. Это могут быть как «нейтральные», потенциальные и не имеющие ярко выраженной негативной направленности причины, так и «отрицательные» факторы, создающие реальную угрозу снижения уровня защищенности семьи от повторного совершения преступления ее несовершеннолетним членом. В связи с этим предлагаем определить некоторые типы семей, которые столкнулись с проблемой противоправного поведения детей.

Не вызывает сомнения, что семья, в которой проживает подросток, совершивший преступление, требует повышенного контроля со стороны субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних. Таким образом, целесообразно выделить категорию семей, в которой подростки совершают преступления, в отдельную группу – семьи, находящиеся в социально особо опасном положении. Закрепление за семьей данного статуса позволит привлечь внимание к существующим в ней проблемам с тем, чтобы оказываемая помощь была достаточной и своевременной.

Непосредственное влияние на формирование поведенческих ориентиров, способствующих исправлению и перевоспитанию несовершеннолетнего, совершившего преступление, оказывают морально-этические нормы и принципы. В основу классификации семей может быть положена духовно-нравственная составляющая взаимоотношений между их членами. В соответствии с указанным критерием возможно выделение нравственно благополучных, обладающих мощным антикриминогенным потенциалом, и нравственно неблагополучных семей:

нравственно благополучные семьи – семьи, где поведение и межличностные отношения членов построены на моральных принципах и ценностях, сильна духовная связь между поколениями;

нравственно неблагополучные семьи – семьи, в которых моральные принципы поведения и духовные ценности не получили развития, в результате чего между членами семьи отсутствует взаимопонимание и взаимопомощь.

Кроме того, считаем, что основу профилактики преступлений несовершеннолетних составляет непрерывное выполнение родителями воспитательной функции. В зависимости от объема воспитательного потенциала родительские семьи могут быть подразделены на следующие типы:

1) родительская семья с сильным воспитательным потенциалом – социально благополучная семья, непрерывно и успешно осуществляющая воспитательную функцию;

2) родительская семья со слабым воспитательным потенциалом – социально благополучная семья, однако имеющая недостатки воспитательного процесса;

3) родительская семья с низким воспитательным потенциалом – социально неблагополучная семья, имеющая существенные недостатки воспитательного процесса;

4) родительская семья с отрицательным воспитательным потенциалом – социально неблагополучная семья, оказывающая деструктивное воздействие на личность ее членов несовершеннолетнего возраста.

Предложенная классификация семей позволяет провести анализ духовно-нравственного состояния родительской семьи несовершеннолетних, которое не зависит от наличия иных составляющих ее благополучия, и определить, существует ли необходимость принятия мер, направленных на предупреждение подростковой преступности.

Сопротивление криминогенным факторам – важнейшее условие профилактики преступлений, и в данном случае первостепенное значение имеет наличие у родительской семьи возможности его оказания. В связи с этим возможно разделение семей на следующие типы:

семьи, способные по внутренним социальным и нравственным характеристикам оказывать противодействие криминогенным факторам – это семьи, обладающие достаточным воспитательным потенциалом, члены которых осознают важность и необходимость борьбы с криминальными угрозами;

семьи, не способные по внутренним социальным и нравственным характеристикам оказывать противодействие криминогенным факторам – семьи со сниженным воспитательным потенциалом, члены которых не осознают важность борьбы с криминальными угрозами и не видят в этом необходимости.

Таким образом, родительская семья, являясь основным субъектом предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних, способна и обязана противостоять криминогенным факторам. Однако в тех случаях, когда семьи подростков оказываются бессильны к такого рода сопротивлению, им необходима своевременная и квалифицированная помощь со стороны иных субъектов профилактики подростковой преступности.

Меретуков Айдамир Гайсович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О некоторых особенностях объективных признаков, связанных с квалификацией организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

Проблема суицидального поведения среди населения и в преобладающем большинстве случаев среди несовершеннолетних вызывает определенную озабоченность в современном обществе. Значительное количество самоубийств, вызванных целенаправленным влиянием извне на лицо, совершившее акт суицида, обусловило необходимость внесения дополнений в действующее законодательство. Наука и теория уголовного права всегда подвергают критическому анализу и детальному исследованию криминализируемые деяния. Сформировалась неоднозначная правовая оценка представителями уголовно-правовой доктрины.

Определенное внимание вызывает то, что характеристика объективных признаков указанных в статье составов, присущи конкретно неопределенные признаки. С позиции института соучастия можно указать на частичное или даже полное воспроизводство характеристики подстрекателя и пособника определенного ст. 33 УК РФ.

Особый интерес представляет мнение Н.Е. Крыловой, которая подчеркивает, что в рассматриваемом случае, речь идет не об организации собственно склонения к самоубийству, а организации деятельности, направленной на склонение другого лица или лиц к суициду[1].

Определенные затруднения при квалификации вызывает ситуация что публичное распространение сведений, например о способах или призывах, не адресованных конкретному лицу не содержат состава преступления, хотя в целом оценка такого деяния представляет опасность, соответственно необходимо наличие конкретного адресата, либо нужно вести речь об организации деятельности.

Обозначая проблемы расследования преступлений, связанных с побуждением несовершеннолетних к суицидальному поведению, в очередной раз необходимо отметить, что на сегодняшний день большинство направлений правоприменения остается неоднозначным.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства при рассмотрении дел о преступлениях,

[1] Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 81.

предусмотренных статьями 110, 110.1, 110.2 УК РФ необходимо дать следующие разъяснения:

Под суицидальным проявлениями следует понимать психическое состояние и образ действий потерпевшего, связанные с влиянием других лиц, побуждающих желание и создающих условия (устраняющих препятствия) к осознанному лишению себя жизни либо к совершению действий, представляющих реальную угрозу жизни.

При определении несовершеннолетнего потерпевшего в составах, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ; п. «а» ч. 3 и ч. 5 ст. 110.1 УК РФ, необходимо руководствоваться тем, что несовершеннолетним признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет.

Способы склонения к совершению самоубийства, предусмотренные ч. 1 ст. 110.1 УК РФ необходимо понимать следующим образом:

Уговор – систематическое убеждение лица в необходимости и целесообразности совершения самоубийства, сопровождающееся демонстрацией якобы отсутствия собственного интереса.

Предложение – инициативные действия со стороны лица, склоняющего к совершению самоубийства, направленные на возникновение заинтересованности у потерпевшего.

Подкуп – обещание материальной выгоды путем передачи денег, имущества, либо освобождения от имущественных обязательств.

Обман – сообщение потерпевшему заведомо ложных, не соответствующих действительности, сведений либо умолчание об истинных фактах.

К иным способам применительно к рассматриваемой норме могут быть отнесены злоупотребление доверием, обещание.

При этом обещание должно пониматься как действие, предполагающее нематериальный характер, то есть оказание помощи, содействия в решении проблем и т.п. В то же время такая помощь не должна быть направлена на совершения лицом самоубийства, т.к. такая направленность действий виновного подпадает под ч. 2 ст. 110.1 УК РФ. Обещание материального обогащения следует относить к подкупу.

По части второй ст. 110.1 УК РФ предусмотрены следующие способы, перечень которых является исчерпывающим:

Совет – мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, носящее рекомендательный характер.

Указание – наставление, разъяснение, указывающее, как действовать, носящее более конкретный характер.

Предоставление информации - действия, направленные на передачу информации определенному кругу лиц (передача сведений, содержащих в себе наиболее оптимальные способы совершения самоубийства, удобное время, когда акт суицида может быть совершен беспрепятственно либо место, где самоубийство приобретет большой общественный резонанс,

если это необходимо потерпевшему, а также имеется заинтересованность виновного).

К предоставлению средств и орудий совершения самоубийства относить передачу, указание на места нахождения предметов, при помощи которых будет осуществляться суицид, а именно: лекарственных и психотропных препаратов, употребление которых в большом количестве может привести к смерти; веществ, смертельно опасных для человека; иных предметов материального мира (лезвий, веревок, оружия и т. д.).

Устранением препятствий к совершению самоубийства признаются действия виновного лица, позволяющие облегчить акт суицида: недопущение в место совершения людей, которые могут воспрепятствовать, разрушение и ликвидация запирающих конструкций и преград на путях, ведущих к таким местам (крышам многоэтажных зданий, высоких построек и др.).

Обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства – обещания лицу совершения действий в отношении предметов, послуживших орудиями самоубийства, особенно, если их хранение или использование было неправомерным или исходя из иных соображений.

При участии в совершении преступления предусмотренного ч. 2 ст. 110.1 УК РФ двух и более лиц, их действия квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Применительно к ст. 110.2 УК РФ под деятельностью следует понимать активное поведение, заключающееся в практических действиях в сфере удовлетворения интересов к побуждению суицидального поведения у других лиц в различных целях, к которым можно отнести самоутверждение, причинения вреда обществу или без таковых.

Публично демонстрирующимися произведениями, упомянутыми в ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, могут быть признаны аудиозаписи, изображения, тексты в форме стихотворения или прозы и др., имеющие направленность на побуждение к совершению самоубийства и доступные для всеобщего ознакомления.

Полагаем, что приведенные положения, могут способствовать эффективному решению проблем уголовно-правовой оценки побуждения несовершеннолетних к суицидальному поведению.

Никуленко Андрей Вячеславович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Смирнов Максим Андреевич,
кандидат юридических наук,
глава Окуловского муниципального района

Уголовная политика в сфере обеспечения прав граждан на самозащиту

Право любого лица на необходимую оборону от преступных посягательств относится, на наш взгляд, к числу неотъемлемых и неотчуждаемых, так называемых, «естественных» прав человека. При реализации права на необходимую оборону защищаются не только частные интересы обороняющегося лица, интересы других обороняемых им лиц, но и общественный интерес, который заключается в пресечении преступного посягательства. В этом смысле применение необходимой обороны способствует торжеству правопорядка.

Таким образом, институт необходимой обороны можно рассматривать в качестве одного из важных юридических инструментов противодействия преступности, который призван стимулировать активное правомерное поведение граждан, направленное на предупреждение и пресечение преступлений. Признавая действия в состоянии необходимой обороны обстоятельством, исключающим преступность деяния, законодатель тем самым провозглашает приоритет охраняемых законом общественных отношений над интересами лица, совершившего общественно опасное посягательство[1].

Провозглашая приоритет охраняемых законом общественных отношений над интересами лица, совершившего общественно опасное посягательство, государство лишний раз подчеркивает, что необходимая оборона имеет ярко выраженные ценностные характеристики. В частности, 27 сентября 2012 г. Верховный Суд РФ принял новое Постановление № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» говорится о «правомерном причинении вреда».

В задачи настоящей работы не входит вопрос рассмотрения исторического генезиса института необходимой обороны в отечественном уголовном законодательстве, в связи с чем, мы лишь отметим, что условия

[1] Грудинин Н.С. Перспективы развития института необходимой обороны в России // Развитие правовых систем России и зарубежных стран: проблемы теории и практики, Москва, 25 февраля 2022 года. М.: РИОР, 2022. С. 36–44.

правомерности причинения вреда в рамках необходимой обороны развивались в зависимости от целого ряда условий, которые диктовались в зависимости от существовавшей конкретной политической и социально-экономической обстановки в стране.

Так, например, как итог процесса демонтажа репрессивного уголовного законодательства были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, в которых уже не предусматривалось применения уголовного закона по аналогии, а перекос в сторону большей защиты государственных интересов в ущерб личным хотя и не был устранен, но все же не имел такого выраженного характера, как в предыдущих законах. В свою очередь, УК РФ 1996 г. на первый план поставил права и свободы гражданина, что, в свою очередь, является истинным проявлением демократизма и гуманизма.

Вместе с тем стоит отметить, что, на наш взгляд, именно позиция Высшей судебной инстанции во взаимосвязи с уголовной политикой страны в целом предопределяла назначение института необходимой обороны. Так, Высшая судебная инстанция страны во все времена изучала и обобщала судебную практику и давала руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства, в том числе уголовного, возникающим при рассмотрении судебных дел. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение. И, по сути, разъяснение Высшей судебной инстанцией вопросов применения уголовного законодательства отражают содержание уголовной политики государства, в связи с чем, представляет интерес изучение постановлений Пленума Верховного Суда по вопросам развития института необходимой обороны.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» (далее – Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11) было закреплено, что право на необходимую оборону является серьезной гарантией охраны интересов Советского государства, общественных интересов, прав и интересов граждан от общественно опасных посягательств, служит делу воспитания советских людей в духе товарищеской взаимопомощи и нетерпимости к нарушениям социалистического правопорядка. Анализ положений постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 также показывает, что постановление не содержало хоть какого-либо перечня общественно опасных посягательств, при защите от которых возможна необходимая оборона. Имеется лишь оговорка, что необходимая оборона возможна при пресечении преступных посягательств.

Согласно положениям постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14), необходимая оборона стала важной гарантией реализации конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища и имущества граждан, а также являлась конституционным долгом граждан по охране социалистической собственности, государственных и общественных интересов. И даже несмотря на то, что в ст. 13 УК РСФСР 1960 г. говорилось о защите от нападения в состоянии необходимой обороны, как мы видим, судебная практика право на необходимую оборону трактовало расширительно, и хотя также не закрепляло определенного перечня общественно опасных посягательств, при защите от которых возможна необходимая оборона, но в то же время, исходя из уголовно-правовой природы института, она была возможна, в том числе, и при пресечении посягательств на жилище граждан и их имущество. Возможно столь широкие права на необходимую оборону были предоставлены за счет того, что не было разграничения двух институтов, которые появились после принятия УК РФ 1996 г.: института необходимой обороны и института задержания лица, совершившего преступление [1] ? (примеч. – до 1996 г., существовал только институт необходимой обороны и крайней необходимости). В рамках данной работы мы не ставим цель ответить на данный вопрос, но считаем, что это может быть основанием для проведения отдельного исследования в данной части.

К сожалению, стоит констатировать, что ни постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11, ни постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 не закрепляли возможности пресекать в состоянии необходимой обороны административные правонарушения, хотя, правоприменительная практика такое пресечение допускала. Но скорее всего, такое усмотрение правоприменителя было связано с тем, что право на необходимую оборону при пресечении административных правонарушений было закреплено в ст. 19 КоАП РСФСР от 1984 г., который действовал вплоть до 2002 года. Подробно свою точку зрения по данному вопросу авторы высказывают в монографии[2].

[1] Зимина Е.А. Необходимая оборона: проблемы правоприменения // Наукосфера. 2022. № 10-2. С. 378–381.

[2] Никуленко А.В., Смирнов М.А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов: монография. СПб.: «Юридический центр», 2023. 480 с.

И наконец в сентябре 2012 года было принято столь долгожданное постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19), которое должно было бы снять все спорные вопросы, накопившиеся за десятилетия. Но даже несмотря на положительный эффект разъяснений, касающихся права на необходимую оборону, многие вопросы длительное время оставались либо до настоящего времени остаются не решенными.

Так, отмечая положительные стороны вышеуказанного постановления суда, стоит отметить, что Высшая судебная инстанция разъяснила, что следует понимать под общественно опасным посягательством, защита от которого возможна в состоянии необходимой обороны. И разъяснение в данной части, на наш взгляд, представляет не что иное, как перечневую систему благ, то есть «дифференцируется режим защиты в зависимости от характера охраняемого блага». Но если относительно общественно опасных посягательств, сопряженных с применением насилия, особых сложностей не возникает, то имеются трудности с определением права на необходимую оборону при пресечении ненасильственных посягательств. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 право на пресечение ненасильственных посягательств закреплено и даже приведены примеры таких посягательств, но в целом, отнесение либо не отнесение того или иного посягательства к тому, пресечение которого возможно в рамках необходимой обороны, остается на откуп правоприменителя.

Также в число положительных эффектов от принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 можно отнести закрепление права на оборону своего жилища. Правда, стоит отметить, что для принятия столь важного решения Высшей судебной инстанции потребовалось всего-то десять лет. Поэтому, считаем, мы имеем хорошие шансы лет через десять наконец-то увидеть изменения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 в части расширения понятия общественно опасных посягательств за счет включения в их перечень административных правонарушений. Стоит также отметить, что несмотря на неоднократные обоснованные предложения авторов данной статьи на изменение постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 по данному вопросу, положительное решение до сих пор не принято, что, в свою очередь, считаем, ограничивает право граждан на необходимую оборону. Также согласимся с И.А. Таракановым, что «весьма важным дополнением является включение в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 принципа презумпции невиновности, в соответствии с которым все сомнения в наличии превышения пределов необходимой обороны, которые не могут быть

устранены в уголовно-процессуальном порядке, должны толковаться в пользу оборонявшегося лица».

Представляет научный и практический интерес также и тот факт, что УК РФ от 1996 г. в отличие от УК РСФСР 1960 г. не конкретизирует форму общественно опасного посягательства (прим. – напомним, что в УК РСФСР 1960 г. речь идет о нападении), отдавая на откуп именно правоприменителю право определения общественно опасного посягательства, пресечение которого возможно в состоянии необходимой обороны. И на наш взгляд, чем больше у гражданина будет прав и возможностей на правомерное причинение вреда при пресечении посягательств, тем больший положительный эффект будет в плане профилактики преступности в целом.

Как мы видим, уголовная политика в части развития института необходимой обороны далека от совершенства. И несмотря на многочисленные научные труды в части изучения института необходимой обороны, нерешенных вопросов не уменьшается, скорее наоборот, с каждым новым исследованием их становится больше, что говорит о том, что работу по изучению как института необходимой обороны, так и в целом обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует продолжать.

Палий Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Новеллы уголовного законодательства как реакция на геополитические вызовы

Сложившаяся в настоящее время геополитическая обстановка создала предпосылки к формированию и активизации негативных элементов, которые в свою очередь, всевозможными средствами, в том числе путем дискредитации Вооруженных сил Российской Федерации, осуществляют деятельность, угрожающую национальной безопасности. Значимость обозначенной проблемы возросла сразу же после выступления со специальным обращением Президента РФ В.В. Путина 24 февраля 2022 года[1], в ходе которого было объявлено о начале специальной военной операции с целью с целью обеспечения защиты жизни и здоровья граждан Луганской и Донецкой Народных республик от «тех, кто взял Украину в заложники», а также обеспечения национальной безопасности нашего государства путем демилитаризации и денацонализации Украины.

После того как была начата специальная военная операция, у оппонентов зародилась мысль настроить мировое сообщество против Российской Федерации, с помощью различных способов ослабить и подорвать ее позиции в политических, экономических и международных сферах и, такими методами, осуществить ее сдерживание. Активные действия США вместе со своими союзниками в международных СМИ, а также в зависимых и подконтрольных им соцсетях стали лавинообразным образом вбрасывать ложную информацию о недопустимых действиях Вооруженных сил РФ на территории Украины. Также указанные недружественные государства не прекращают попыток по распространению недостоверной информации о ходе проведения специальной военной операции, в том числе и на территории России. Важно обратить внимание, что в данной деятельности по дискредитации России используются и активно применяются разнообразные современные информационно-коммуникативные средства. Кроме того, присутствуют неоднократные попытки хакерских атак на информационные ресурсы органов государственной власти и местного самоуправления. Стоит обратить внимание на попытки подрыва политического информационного пространства и создания негативного фона, различными участниками, осуществляющими действия крайне радикального, а также экстремистского и националистического характера, распространяя

[1] Обращение Президента В.В. Путина от 24 февраля 2022г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches (дата обращения: 12.09.2023).

недостоверную информации, несущую угрозу национальной безопасности России.

В качестве примеров можно привести распространенный в социальных сетях видеоролик, вызвавший громкий резонанс во всемирном сообществе, о проведении якобы ковровых бомбардировок на территории Киева, сформированный из фрагментов видеозаписей бомбардировки авиацией США жилых кварталов в Белграде в 2003году.

Кроме того, следует обратить внимание на отдельных блоггеров, которые также преуспели в распространении фейковой информации, оказывая влияние на определенную аудиторию граждан, стремясь таким способом посеять панику, породить репосты для массового охвата новой публики во всем мире.

О распространении антироссийской несоответствующей действительности информации еще до начала специальной военной операции, свидетельствует ряд фактов, ярким примером из них может послужить появление в соцсетях в марте 2020 года файла с изображением копии приказа министерства обороны РФ «О введении в г. Москве комендантского часа», указанная информация с молниеносной скоростью заполнила мессенджеры (Телеграмм, Viber, WhatsApp) и распространялась от пользователя к пользователю.

В рассматриваемой статье рассмотрены лишь единичные случаи распространения заведомо ложной информации дискредитирующей Вооруженные силы РФ, что составляет незначительную часть из общего массива фактов такого рода противоправных деяний.

В сложившейся обстановке особое внимание стало уделяться вопросам криминализации распространения заведомо ложной информации. В рамках соизмеримых контрмер назрела необходимость в новом подходе к уголовной политике России, которая была бы направленна на противодействие деструктивным действиям различного рода средствам массовой информации и отдельных граждан по дискредитации Вооруженных сил РФ. 4 марта 2022г. это и было реализовано законодателем в новом Федеральном законе № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации». Согласно вновь принятым нормативно-правовым актом в УК РФ вводятся новые уголовно-правовые нормы, а именно: ст. 207.3 УК РФ – Публичное распространение заведомо-ложной информации об использовании Вооруженных сил Российской Федерации; ст. 280.3 УК РФ – Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими

формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации; ст. 284.2 УК РФ – Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц[1].

Следует отметить, что указанные нормы новы и правоприменительная практика в настоящее время на стадии формирования. В этой связи, возникает достаточное количество сложностей и спорных ситуаций, требующих от правоохранительных и судебных органов должного внимания для исключения фактов освобождения от юридической ответственности в связи несовершенствами и пробелами в процессе доказывания на этапе предварительного следствия и судебного разбирательства.

Об этом свидетельствует официальная статистика ГИАЦ МВД РФ, так, с момента появления новых уголовно-наказуемых деяний по ст. 207.3 и 280.3 УК РФ всего было возбуждено 152 уголовных дела, но официальная статистика судебного департамента Верховного суда свидетельствует о том, что к уголовной ответственности в 2022 году по ст. 280.3 УК РФ было привлечено только 3 лица, самым строгим видом наказания был штраф. В 2023 году по указанной статье уже осуждено 15 лиц, двое из них приговорены к лишению свободы. Необходимо отметить, что по ст. 280.3 законодателем предусмотрена административная преюдиция, согласно которой уголовное наказание наступает только после привлечения лица к административной ответственности по аналогичной норме, предусмотренной ст. 20.3.3 КоАП РФ.

С марта по декабрь 2022 года по ст. 207.3 УК РФ к уголовной ответственности привлечено 14 человек, из них к наказанию связанному с реальным сроком лишения свободы приговорено два человека. За первое полугодие 2023 года по ст. 207.3 УК РФ были вынесены обвинительные приговоры 21 обвиняемому, из которых десятерым был назначен штраф, трем лицам назначено условное осуждение, восемь лиц получили наказание в виде лишения свободы[2].

По нашему мнению, в перспективе рост числа вынесенных судом приговоров, это связанно с тем, что в настоящее время к концу подходят судебные процессы, которые были начаты еще в начале 2023 года, и, соответственно, что к концу года количество обвинительных приговоров значительно увеличится.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

[2] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации: данные судебной статистики. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 12.09.2023).

Принимая во внимание данную актуальную проблему, можно прийти к следующим выводам касательно разнообразных аспектов в процессе доказывания, которые потребуют особого подхода от органов предварительного следствия и дознания, и нам предоставляется, что к таковым возможно отнести:

– установленный факт осуществления противоправных действий, которые были задокументированы и направленны на дискредитацию Министерства обороны РФ;

– установленный факт в публичном пространстве обращение к двум и более лицам, в том числе и используя сеть Интернет.

– установление прямого умысла на совершение противоправного деяния.

Кроме того, необходимо уделить особое внимание изучению личности субъекта, привлекаемого к уголовной ответственности на предмет склонности к совершению иных смежных составов противоправных деяний.

И в заключении необходимо признать, что данная правоприменительная практика по ст. ст. 207.3, 280.3 УК РФ находится в активной стадии формирования. В процессе доказывания возникают вопросы и определенные сложности, которые своевременно должны устраняться органами предварительно следствия. Но несмотря на возникающие трудности, от следственных органов требуется особое внимание при расследовании указанной категории уголовных с целью всестороннего, объективного и полного изучения обстоятельств произошедшего для вынесения в последующем законного приговора судебными органами

Паршина Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности женской преступности в России

Негативные преобразования, происходящие в нашем государстве в последнее время, продолжают оказывать влияние на состояние правопорядка, на защищенность населения. Количество зарегистрированных преступлений в России остается стабильным.

По официальным данным Министерства внутренних дел России, в 2020 году было зарегистрировано 2044221 преступлений, в 2021 – 2004404, в 2022 – 1966795[1].

В структуре преступности происходят существенные изменения, что не могло не отразиться и на женской преступности. Количество зарегистрированных лиц свершивших преступления в 2020 году составило 852506, из них женщин 136318, что составило 16% от общего числа лиц совершивших преступления; в 2021 году количество зарегистрированных лиц совершивших преступления – 848320, из них женщин 137724, удельный вес 16,2% от общего числа лиц; в 2022 году количество лиц совершивших преступления – 818986, из них женщин 133507, удельный вес 16,3% от общего числа зарегистрированных лиц. Мы видим, что удельный вес женщин в структуре всех лиц совершивших преступления остается стабильным из года в год[2].

Женская преступность – это общественно опасное явление, противоправное, истерически изменчивое, массовое, закономерное, социальное состоящее из совокупности преступлений совершенных на определенной территории, за определенный период времени. Она характеризуется определенными специфическими чертами, что способствует криминологам выделять и исследовать ее как относительно самостоятельный структурный элемент преступности.

Женское преступное поведение отрицательно влияет на институт семьи (включая его нравственно-психологическую атмосферу), а также на институты, существующие в обществе, и само общество в целом. Существование самой женской преступности отражает отношение общества к общечеловеческим ценностям, а также состояние нравственного здоровья общества.

---

[1] Состояние преступности за 2020-2022 годы: по данным официального сайта Министерства внутренних дел РФ. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 06.10.2023).

[2] Там же.

Феномен женской преступности очень изменчив, поскольку сильно поддается влиянию негативных фоновых явлений.

Помимо особенностей, наличие которых характерно для любой разновидности преступности (или преступности в целом), женская преступность имеет ряд специфических черт. Это, в свою очередь, не препятствует взаимовлиянию разных видов преступности друг на друга. Например, факт совершения преступления женщиной может являться результатом совершения преступлений в отношении нее самой[1].

В.А. Серебрякова обращает внимание на тот факт, что связь женской преступности можно обнаружить и некоторыми общественными факторами, которые, в свою очередь, могут носить демографический, экономический, исторический и иной характер. Результатом такого воздействия является периодическое (раз в несколько десятилетий) изменение роли женщины в обществе[2].

Опасной особенностью, в последнее время, является омоложение женской преступности, снижение возраста преступницы. Среди осужденных женщин 31,6% составляют лица имеющие 3 и более судимости[3].

В структуре женской преступности увеличилась доля насильственных преступлений, которые они совершают иногда с большей жестокостью, чем мужчины. Растет число женщин совершающих преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Исследую женскую преступность, мы не можем обойти стороной вопрос об изучении ее количественных и качественных показателях: состоянии преступности, т. е. о количестве зарегистрированных преступлений; динамике преступности - колебание преступности на определенной территории за определенный период времени; структуре преступности – то из каких видов преступлений состоит женская преступность.

Изучая статистические данные, опубликованные ГИАЦ МВД России на официальном сайте МВД России, мы приходим к выводу, что удельный вес женской преступности в структуре всех зарегистрированных преступлений в России остается стабильным около 16%. Диапазон женской преступности в течение 5 лет составляет 0,67% (от 15,63% до 16,30%). Можно отметить волнообразный характер изменения доли

---

[1] Альханов Н.М. Криминологическая характеристика женской преступности // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 547–549.

[2] Серебрякова С.А. Преступность среди женщин как объект криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. 2011. № 22. С. 20–25.

[3] См.: Колбасина А.Д. К вопросу о женской преступности в современном мире // Научная и производственная деятельность – средство формирования среды обитания. Владимир. 2018. С. 136.

женской преступности. Период пиков приходится на 2019 г. (16,11%), 2021 г. (16,23%) и в 2022 г. рост (16,30%).

По мнению некоторых ученных низкая доля женщин-преступниц в структуре всех зарегистрированных лиц совершивших преступления объясняется латентностью. Она достигает до 47–54%, причем доминирующая ее часть приходится на корыстные преступления, а по видам на мошенничество. Количество совершенных мошенничеств в 7,4 раз превышает число зарегистрированных преступлений[1].

Согласно исследованию, проведенному С.А. Тимко и И.А. Кузнецовой, «62% опрошенных мужчин не стали бы обращаться с заявлением в полицию в случае причинения им вреда супругой (сожительницей), а 77% указали, что обращение в правоохранительные органы с подобными заявлениями постыдно для мужчины»[2].

Темп роста женской преступности в России, по отношению к базовому показателю 2018 года носит волнообразный характер: в 2020 году снижается до 93,70%, в 2021 году повышается до 94,67% и в 2022 году снижается до 91,77%. Темп прироста, по отношению к базовому показателю 2018 года, все годы со знаком минус.

Динамика женской преступности циклична, есть спады, а есть рост преступности. По мнению некоторых ученых это объясняется не положительными изменениями в качественных характеристиках женской преступности, а с декриминализацией составов, характерных для женщины-преступницы[3].

Анализируя статистические данные женской преступности, мы приходим к выводу, что за последние 30 лет идет негативная тенденция. Начиная с 1990 годов число преступлений, совершаемых женщинами стало возрастать. Это можно объяснить не стабильной экономикой, политическими преобразованиями, происходящими в обществе и др. На сегодняшний день, женщины совершают в 6 раз меньше преступлений, чем мужчины, однако, как мы уже отмечали, в общей структуре всех лиц, совершающих преступления женщины, составляют около 16%.

Анализируя женскую криминальную активность в Южном Федеральном округе, можно сказать, что она повторяет общую активность женщин по России. Из года в года идет снижение количества женщин, совершивших преступления. Так, например, темпы прироста составили в 2016 году -5,6%, в 2017 году -4%, в 2019 году -0,4%, в 2020 году -2,1%.

---

[1] См.: Киреева Е.В. Корыстная направленность женской преступности. Санкт-Петербургский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). С. 51.

[2] Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России.

[3] См: Донская О.Г., Москалева Е.Н. Закономерности женской преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 2. С. 291.

Если проанализировать удельный вес женщин-преступниц в общем объеме всех зарегистрированных лиц, совершивших преступления в ЮФО, то он увеличивался. Так, например, в 2016 году он составил 13,5%, в 2017 году уже 13,7%, в 2018 14,3%, в 2019 году 15,6%, в 2020 году 16,4%[1].

В структуре женской преступности по мотивации преобладают корыстные преступления. Если рассматривать по видам то это: кражи, мошенничество, организация занятия проституцией, преступления связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Так, например, за кражи (статья 158 УК РФ) в 2017 году было осуждено 4774 женщины, в 2018 году – 4464, в 2019 году – 4250, в 2020 году – 3630, в 2021 году – 3618. За преступления связанные с незаконным оборотом наркотических средств (статьи 228-233 УК РФ) в 2017 году осуждено 14980 женщины, в 2018 году – 14272, в 2019 году – 13423, в 2020 году – 12701, в 2021 году – 12101[2].

В структуре мошенничества появляются новые виды мошеннических действий. Женщины пытаются получить незаконно социальные выплаты, обналичивать материнский капитал, организовывают сбор средств на лечение детей, фальшивые звонки из банков с просьбой назвать все данные карты, фейковые ссылки (например, при покупке-оплате товара в интернет-магазине) и т. д. Представительницы прекрасного пола хотят хорошо выглядеть, в современных условиях происходит практически бум индустрии красоты. На этом фоне повышается криминальная активность женщин занимающихся незаконной частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью[3].

Отдельно можно выделить «беловоротничковую» преступность, когда женщина совершает преступления с использованием служебного положения, при осуществлении своих профессиональных обязанностей, с целью личного обогащения. В зарубежных исследованиях применяется термин «розовые воротнички»[4]. Данные преступления преобладают в структуре женской преступности.

В беловоротничковой женской преступности распространены деяния предусмотренные статьей 160 УК РФ «Присвоение или растрата», статьей

---

[1] Вакуленко Н.А. Актуальные статистико-криминологические параметры женской преступности современности // Юрист-Правоведъ, 2021, № 2. С. 60.

[2] См.: Менщикова К.Д. Криминологическая характеристика женской преступности // в сборнике: Инновационные научные исследования 2022; право и экономика, сборник материалов VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 92.

[3] См. Кичигина О.Ю. Криминологические особенности женской преступности // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3. С. 88.

[4] См.: Ваганова К.В. Женская «беловортничковая» преступность: состояние и меры предупреждения // Юриспруденция в теории и практике: актуальные вопросы и современные аспекты. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза. 2020. С. 144.

285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», статьей 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», статьей 292 УК РФ «Служебный подлог» и др.

В структуре женской преступности также присутствуют и корыстно-насильственные преступления. Так, например, за грабеж (статья 161 УК РФ) в 2017 году осуждено 1059 женщин, в 2018 году – 892, в 2019 году 759, в 2020 году – 581, в 2021 году – 481. За разбой (статья 162 УК РФ) в 2017 году было осуждено 762 женщины, в 2018 году – 704, в 2019 году – 592, в 2020 году – 522, в 2021 году – 401[1].

При описании качественной характеристики женской преступности следует обратить внимание, что есть преступные деяния, которые характерны только для женщин: статья 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка». Так, например, в 2018 году было осуждено по ст. 106 УК РФ 33 человек, в 2019 году – 26 человек, 2020 году – 29 человек, 2021 году 26 человек[2].

Кроме того, есть преступления, которые в основном совершаются женщинами: статья 125 УК РФ «Оставление в опасности», ч. 1 статья 122 УК РФ «Умышленное заражение другого лица любой болезнью, относящейся к категории ВИЧ-инфекций и т. д. Так, например, по статьям 121 УК РФ и 122 УК РФ в 2021 году было осуждено 20 женщин, что составило 33,9% от всех осужденных лиц по данным статьям[3].

За последние десятилетия преступления, совершенные женщинами, незначительно колеблется от 13-16%, однако доля постпенитенциарного рецидива стабильна 1,7% в год. Особенно значительно возрастает количество женщин, которые были три и более раз осуждены к лишению свободы. Примерно на 4,5% ежегодно[4].

Как мы уже отмечали, в структуре женской преступности доминируют корыстные преступления, но, к сожалению, насильственные тоже присуще женщинам. Совершать насильственные преступления женщина может в ответ на причиняемые ей страдания. Например, при конфликтах в семье.

---

[1] См.: Там же. С. 92.

[2] См.: Менщикова К.Д. Криминологическая характеристика женской преступности // в сборнике: Инновационные научные исследования 2022; право и экономика, сборник материалов VIII Vеждународной очно-заочной научно-практической конференции. М., 2022. С. 93.

[3] Там же. С. 93.

[4] Алексеев А.И., Журавлев М.П. К вопросу о совершенствовании законодательства о борьбе с рецидивом преступлений // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 17.

Ученые дают следующую классификацию агрессивного насилия женщин[1]:

для достижения своей цели женщина может использовать агрессию, такой вид агрессии ученые называют инструментальным;

применение агрессии в ответ на насилие, такой вид агрессии ученые называют – защитным;

применение агрессии для причинения боли другому человеку – это враждебная агрессия. Она самая опасная. Женщине нравиться видеть боль другого человека, эти страдания приносят удовлетворение ей.

В современной женской преступности отмечаются новые роли, например – киллер.

Рассматривая географию женской преступности в России, можно выделить мегаполисы, регионы с высокими показателями исследуемой преступности, такие как г. Москва, Санкт-Петербург и их области. Также сложная криминогенная обстановка наблюдается в Свердловской и Челябинской областях. Здесь в 2020 году коэффициент преступной активности женщин составил 4700 и 4513 соответственно на 100000 населения; Пермском крае, Кемеровской области, Иркутской области, Красноярском крае, Тюменской области и др[2].

Роль женщины в традиционном обществе, прежде всего, определяется через призму таких функций как: материнство, хранительницы очага, воспитания детей. На женщине держится семья, она скрепляет ее. В связи с этим отклонения в женском поведении также проявляются наиболее ярко и имеют наиболее тяжкие последствия[3].

Изучив современное состояние женской преступности, мы приходим к выводу, что она имеет следующие особенности:

1. Уровень преступности у женщин меньше, чем у мужчин. Хотя количество женщин проживающих на территории России гораздо больше, чем мужчин. Всего на 1 января 2023 года в России постоянно проживают 64345912 мужчин (44,08%) и 81629388 женщин (52,92%)[4].

Соотношение уровня мужской и женской преступности составляет 1:7. Однако в последнее время происходит рост некоторых видов женской преступности.

---

[1] См.: Н.С. Мичунова, Е.В. Кунц. Криминологическая характеристика женской преступности. Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: материалы XI науч.-практ. конф. Миасс: Геотур. 2016. С. 284.

[2] См.: Ростовская Т.К, Безвербная Н.А. Особенности и тенденции женской преступности в России // Социальное пространство. Том 7. № 1. 2021. С. 4.

[3] Крымкин В.В. Женщина-преступница // Мировой судья. 2013. № 12. С. 55–59.

[4] Соотношение мужчин и женщин в России URL: https://novomoscow.ru/info/sootnoshenie-muzhchin-i-zhenshchin-v-rossii/?ysclid=lh8uen08a5918651207 (дата обращения: 06.10.2023).

2. Хотя доля женской преступности в структуре всей преступности остается стабильной, можно наблюдать тенденцию роста преступности женщин. Так, например, наблюдается увеличение числа женщин среди лиц совершающих посягательство на жизнь. Если в 2005 году доля женщин составляла 13,2%, то к 2018 году этот показатель достиг 15,5%[1].

3. В последнее время наблюдается опасная тенденция в женской преступности: увеличиваются тяжкие деяния, устойчивый удельный вес рецидивной преступности, идет омоложение (снижение возраста) преступниц, увеличивается количество женщин-преступниц пожилого возраста.

4. Женщины чаще стали применять насилие при решении конфликтов. Увеличивается жестокость при совершении преступлений.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2022 г., удельный вес женской преступности в структуре всех преступных посягательств на территории России составляет 20%, что характеризует увеличение преступной активности женщин. Поскольку в 2009 году этот показатель составлял 16%.

[1] См.: Молев, Г. И. Состояние и тенденции женской преступности в России на современном этапе // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 4. С. 99–107.

Петровский Антон Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Тенденции российского криминологического (профилактического) законодательства в контексте противодействия преступности

Под предупреждением преступлений понимается воздействие на причины и условия преступного поведения со стороны общества с целью устранения или нейтрализации вышеуказанных факторов. Это воздействие включает в себя воспитательное, образовательное, поощрительные, управленческие и репрессивные практики. Такая позиция характерна как для российской криминологии, так и для зарубежной[1]. Основу составляют именно репрессивные формы, выраженные в уголовном и полицейско-деликтном законодательстве. Многие криминологи придерживаются позиции, что именно страх уголовного или административного наказания удерживает человека в рамках правопослушного поведения[2].

Однако, существует другая научная точка зрения, которая предполагает развитие профилактических форм воздействия, не связанных с применением государственного принуждения[3]. Решение вопроса видится в развитии различных социальных практик связанных с ресоциализацией, социальной адаптацией и реабилитацией лиц склонных к совершению противоправных действия, в участии населения в охране общественного порядка, в устранении ситуационных возможностей совершения преступлений (environmental criminology).

Государство заинтересовано в регламентации форм социального контроля не связанного с репрессией. Для этого в России создается законодательство, которое определяет кто имеет право участвовать в

---

[1] Susan Geason and Paul R. Wilson Grime prevention. Theory and Practice. Australian Institute of Criminology, Canberra. 1988; Criminology. A Contemporary Handbook. Third edition. Ed. Joseph F. Sheley. California State University. Sacramento. 2003; Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990; Гаврилов А.М., Степанов В.В. Привлечение населения к участию в борьбе с преступностью. М., 2007.

[2] Милюков С.Ф. Уголовное наказание: некоторые методологические и прикладные проблемы // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 356–362; Милюков С.Ф. Карательно-превентивный потенциал уголовного наказания далеко нее исчерпан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2. С. 26–29.

[3] Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2020. С. 493–494; Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011. С. 56; Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1. С. 47–49.

предупреждении преступлений, какие именно криминогенные факторы могут быть опасными для общества, каковы пределы профилактического воздействия, какие права могут иметь лица в отношении которых ведется профилактическая деятельность, какие обязанности и права у должностных лиц, осуществляющих антикриминальную превенцию. Этот подход достаточно разумен, потому что уголовное наказание должно быть исключительной мерой и применяться в отношении лиц, не поддающихся профилактическому воздействию.

В настоящее время в Российской Федерации формируется система законодательства цель которого является не наказание виновного, а воздействие на причины и условий преступного поведения с целью их нейтрализации либо устранения. Это законодательство проявлялась в зависимости от существующих криминогенных угроз, способности правоохранительной системы им противодействовать и наличия общественных желаний и установок. Для простоты все профилактическое законодательство можно разделить на следующие группы:

1) по профилактике отдельных преступлений или совершения определенных преступлений: Федеральный закон от 24.06.1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; Федеральный закон от 06.04.2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

2) определяющие основные положения профилактической деятельности: Федеральный закон от 23.06.2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»; Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»; Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

3) устанавливающие профилактических обязанности для административных и социально-экономических учреждений: Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности».

В российском законодательства закреплены следующие формы профилактического воздействия: 1) правовое просвещение и правовое информирование; 2) профилактическая беседа; 3) объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; 4) профилактический учет; 5) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; 6) профилактический надзор; 7) социальная адаптация; 8) ресоциализация; 9) социальная реабилитация; 10) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми; 11) приостановка работы сайтов содержащих противоправную информацию; 12) приостановка денежных операций; 13) направление несовершеннолетнего в специализированной учебное заведение; 14) запрет посещать спортивные мероприятия; 15) досмотровый контроль; 16) профилактические запреты и ограничения.

Научные позиции, и просто упоминания термина криминологическое (профилактическое) законодательство можно разделить на две группы: первая признает существование такового законодательства уже в настоящее время (Д.Ю. Гончаров, А.П. Закалюк, М.П. Клейменов, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Орлов, Д.А. Шестаков)[1]; вторая, отмечая недостаток достаточного количества нормативных актов для формирования отрасли, предполагает появление указанное отрасли (законодательства о предупреждении правонарушений) в будущем (А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев, В.Н. Бурлаков, Н.А. Лопашенко)[2].

Преступность, на изменения уголовного законодательства и возникновение профилактического, отреагировала снижением общего количества зарегистрированных преступлений. Отрицательная динамика

---

[1] Гончаров Д.Ю. Концептуальные основы межотраслевых взаимосвязей в законодательстве о противодействии преступности: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 22–23; Закалюк А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: У 3 кн. К.: Ін Юре, 2007. С. 35–36; Клейменов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1. С. 179–184; Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 9; Орлов В.Н. Основы криминологического права: учебник. М.: МГЮУ, Криминологическая библиотека, 2016. С. 19; Шестаков Д.А. Криминология как наука и практическая теория / Криминология. Курс лекций / под ред. В.Н. Бурлакова, С.Ф. Милюкова, С.А. Сидорова, Л.И. Спиридонова. СПб.: СПб. ВШ МВД РФ, 1995. С. 16.

[2] Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. Монография. М.: Норма, 2001. С. 156; Бурлаков В.Н. / Криминология. Курс лекций / под ред. В.Н. Бурлакова, С.Ф. Милюкова, С.А. Сидорова, Л.И. Спиридонова. СПб.: СПб. ВШ МВД РФ, 1995. С. 159; Криминология. Учебник для юридических вузов / под ред. проф. В.Н. Бурлакова, акад. В.П. Сальникова, СПб.: СПб академия МВД России, 1998. С. 193–196; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 66–67.

преступности последних 10 лет довольно часто обсуждалась научным сообществом, которое связывает данное явление с уходом молодежи из реального мира в виртуальный, уменьшением количества лиц в возрасте 14–29 лет, удачной профилактической деятельностью правоохранительных органов в целом и полиции в частности, отсутствием реального анализа и учета криминогенных показателей на государственном и региональном уровнях, политической позицией правящего класса.

Негативным фактом является прирост количества преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления. Одной из причин этого явления, является низкая эффективность Федерального закона от 6.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Обеспечить должный контроль за установленными ограничениями при административном надзоре не сложно. Сил и средств достаточно – в России на одного сотрудника полиции приходится 164 человека населения (1:164), а на одного национального гвардейца 489 человек. Необходимо либо освободить ответственное лицо, в полиции – это участковый инспектор полиции, а в пенитенциарной системе – это инспектор уголовно-исполнительной инспекции от избыточных обязанностей, либо создать службу профилактики, которая существовала в системе МВД до 1991 года. Необходимо решать ее комплексно, в том числе на основе Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее Федеральный закон № 182-ФЗ), который предлагает проведение в отношении данной категории лиц социальной адаптации и ресоциализации. Принятый 06.02.2023 года Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» призван разрешить проблемы ресоциализации и социальной адаптации, помощи лицам которые освобождаются из мест лишения свободы. Однако, закон вступает в действие поэтапно с 01.01.2024 по 01.01.2025 года, что не позволяет судить о его результативности и эффективности.

Изучение качественных характеристик преступности позволяет отметить ряд положительных тенденций в Российской Федерации и в Краснодарском крае: 1) это уменьшение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием; 2) уменьшение количества убийств. Достижение такого результата стало возможным посредством последовательного использования возможностей федерального и регионального законодательства – Федерального закона от 24.06.1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Закона Краснодарского края от 21.07.2008 года № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Закона Краснодарского края от 01.11.2013 № 2824-КЗ «О профилактике

правонарушений в Краснодарском крае». Легитимация института предупреждения преступлений и правонарушений, совершаемых лицами в возрасте от 14 до 18 лет прошла достаточно успешно. В отличие от других институтов профилактического законодательства, в нормативно-правовом акте, регулирующем предупреждение ювенальной преступности четко определены критерии объектов предупредительного воздействия (категории лиц и социальных групп), субъекты профилактики, права и обязанности лиц, участвующих в профилактической деятельности с учетом управленческой специфики и культурно-этнических особенностей (особенно четко прописаны права и обязанности комиссий по делам несовершеннолетних), основания и пределы применения предупредительных мер. Федеральное законодательство гармонирует с законами субъектов федерации, где с учетом социально-экономических возможностей реализуются различные профилактические программы: 1) по недопущению нахождения (пребывания) несовершеннолетних лиц в общественных местах без сопровождения родителей (в возрасте до 7 лет – круглосуточно запрещено пребывать в общественных местах без сопровождения родителей; в возрасте от 7 до 14 лет с 21 часа до 6 часов; от 14 до 18 лет с 22 часов до 6 часов); 2) по запрету пребывания несовершеннолетних в организациях общественного питания, предназначенных для потребления (распития) алкогольной и спиртосодержащей продукции; 3) по формированию и проведению образовательных, культурно-массовых, спортивных, туристических мероприятий по предупреждению правонарушений в муниципалитетах. Основная нагрузка, по профилактике правонарушений несовершеннолетних легла на муниципальные комиссии по делам несовершеннолетних, органы внутренних дел, региональные учреждения образования, учреждения социальной защиты и обслуживания, службы занятости населения, органы опеки и попечительства, учреждений по делам молодежи, а также здравоохранения. Используя возможности законодательства удалось создать систему, направленную на сдерживание противоправного поведения, нейтрализацию криминогенных причин и условий, защиты интересов несовершеннолетнего находящегося в социально опасном состоянии и оказания помощи в трудоустройстве и организации досуга и быта. И, как видно из таблицы, удается минимизировать количество преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Снижение количества убийств связано, с законодательным регулированием продажи алкогольной продукции, т. е. уменьшением возможностей его приобретения и употребления. Действует запрет на торговлю ночью и утром с 22 до 11 часов на алкоголь, пиво и пивные напитки, запрещена продажа в местах массового скопления граждан, на рынках, вокзалах, в аэропортах, лесах, скверах, парках, пляжах, кроме

предприятий общественного питания, расположенных в указанных местах. Кроме того, в ряде субъектов федерации полностью запрещена продажа слабоалкогольных тонизирующих напитков, а безалкогольные тонизирующие напитки, содержащие синтетический кофеин и другие стимуляторы запрещены к продаже несовершеннолетним, возле детских, образовательных, медицинских организаций, физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, в местах проведений культурно-массовых мероприятий.

В заключение необходимо отметить, что российское криминологическое (профилактическое) законодательство, к сожалению, отстает в вопросах легитимации участия граждан и коммерческих организаций в предупреждении преступлений и правонарушений. Федеральный закон № 182-ФЗ не включил граждан, НКО и предприятия, осуществляющие охранную и детективную деятельность в перечень субъектов профилактики правонарушений. Соответственно отсутствует законодательное закрепление их полномочий, прав и обязанностей. Такая позиция законодательной власти не совсем понятна, как не ясно игнорирование положений законодательства: «Участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности» Федерального закона от 2.04.2012 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее Федеральный закон № 44-ФЗ). В свою очередь Федеральный закон № 44-ФЗ в главе II в формы участия граждан в охране общественного порядка, деятельность по предупреждению преступлений и правонарушений не включил. В итоге институты профилактического законодательства: участия граждан в мониторинге, а также предупреждение преступлений и правонарушений и основных положений профилактического законодательства носят декларативный характер и требует серьезных дополнений и изменений. Само содержание Федерального закона № 182-ФЗ настолько удалено от современных практик и технологий предупреждения преступлений и правонарушений, что требует замены его другим нормативным актом, основанном на глубоком научном анализе, практическом опыте и рекомендациях.

Необходима нормативная регламентация не только организации предупредительных мероприятий, детализации объектов предупреждения, прав и обязанностей субъектов, но и легальное закрепление порядка сбора и хранения информации о качественных и количественных характеристиках преступности и особенностях правонарушений, совершаемых в РФ и в регионах, о криминологических признаках личности совершивших преступления, о лицах, ведущих антиобщественный образ жизни и находящихся на профилактическом учете, о жертвах преступлений, о методиках организации и проведения мониторинга криминогенных детерминантов и криминальной обстановки,

о признаках и особенностях виктимности. Для решения этого вопроса можно использовать германский опыт и руководствуясь федеральными законами «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ и «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ легализовать систему сбора и хранения криминологической информации.

Говоря о тенденциях профилактического законодательства необходимо вспомнить, что данная отрасль находится в состоянии формирования, а советский профилактический опыт не только утрачен, но уже и неприменим в современных социально-экономических условиях. Создавая новое законодательства необходимо четко понимать и определять его цель – это легитимация программ и стратегий противодействия преступности на государственном и региональном уровнях, рекомендаций, направленных на предупреждение преступлений, мер по нейтрализации криминогенных факторов. Эффективная системы законодательства должна предусматривать повышение роли полицейско-превентивного законодательства, где уголовному законодательству должна быть отведена исключительно репрессивная роль для неисправимых и опасных личностей, не поддающихся профилактическому воздействию. Результативность отрасли может быть обусловлена кодификацией всех нормативных институтов и норм, регламентирующих познавательную и превентивную деятельность в единую правовую общность, объединив разрозненные, но связанные между собой единым предметом нормы в единое профилактическое законодательство – кодекс о предупреждении правонарушений.

Родыгин Роман Александрович,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России

О некоторых особенностях конструирования объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 151.2 УК РФ

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является безусловной задачей любого государства, в том и числе и Российской Федерации. Указанный тезис находит свое отражение в значительном количестве документов стратегического планирования и нормативных актов. Однако, как нам представляется, существующий уровень правового регулирования рассматриваемой сферы не позволяет обеспечить эффективную защиту детства и семьи ввиду стремительного развития и изменения всех сфер общественной жизни.

Так, в последнее время актуализировалась проблема распространения информации деструктивного характера, которая оказывает отрицательное влияние на сознание и психику несовершеннолетних. Подобная тенденция, безусловно, не способствует гармоничному развитию молодого поколения, препятствует процессу воспитания, ограничивает формирование необходимых условий для физического, нравственного и духовного благополучия ребенка.

Очевидно, что важное место в системе противодействия указанным негативным явлениям отводится уголовно-правовым средствам. Так, федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120 – ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен нормой, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни. К числу таких опасных для жизни действий традиционно относят: руфинг, зацепинг, сталкерство, сниффинг, бейсджампинг и другие виды экстремальной активности. Однако данные судебной статистики говорят о крайне низком уровне применения указанного правового запрета. Так, в период с 2018 г. по 2022 г. к уголовной ответственности за совершения преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, было привлечено всего лишь 2 человека [1] . Учитывая представленные данные, можно с уверенностью отнести рассматриваемую норму к группе «мертвых», что говорит о ее низкой эффективности. Основная причина этого, по нашему мнению, заключается в наличии определенных особенностей конструирования объективной стороны анализируемого состава преступления. В рамках настоящей работы мы постараемся тезисно отметить некоторые из них.

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru

Прежде всего, законодательное формулирование диспозиции ст. 151.2 УК РФ обуславливает трудности относительно понимания соотношения категорий «склонение» и «вовлечение» и определения момента окончания этого преступления.

В УК РФ достаточно большое количество составов преступлений, в которых объективная сторона выражена в форме склонения или вовлечения (например, ч. 1 ст. 110.1, ст. ст. 230, 230.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2 и другие). Аналогичным образом сформулирована и ст. 151.2 УК РФ. Подобное построение исследуемой нормы обуславливает оживленную дискуссию среди исследователей и правоприменителей относительно соотношения категорий «склонение» и «вовлечение». Анализ актов толкования Пленума Верховного Суда РФ продемонстрировал абсолютную смысловую идентичность этих категорий. Так, и склонение, и вовлечение Верховный Суд РФ раскрывает как действия виновного лица, направленные на возбуждение желания у склоняемого (вовлекаемого) поступить определенным образом.

Указанная смысловая схожесть рассматриваемых терминов порождает трудности при определении момента окончания таких преступлений. Если объективная сторона состава преступления образована склонением, то для признания его оконченным не требуется, чтобы потерпевший фактически выполнил те действия, к совершению которых его склоняли. Наоборот, в случае, если общественно опасное деяние преступления выражено в форме вовлечения, то оно считается оконченным с момента совершения потерпевшим тех действий, в совершение которых он вовлекался. Но как определить момент окончания, когда склонение и вовлечение употребляются законодателем одномоментно, как, например, в ст. 151.2 УК РФ? На страницах юридической литературы по этому поводу можно встретить несколько подходов. Однако нам представляется более предпочтительной точка зрения, согласно которой преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ необходимо считать оконченным с момента начала совершения побудительных действий, направленных на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить противоправные действия, представляющие опасность для его жизни, вне зависимости от того совершил он эти действия или нет.

Диспозиция ст. 151.2 УК РФ устанавливает особые свойства для тех действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний. Они должны быть, во-первых, противоправными, а также представлять опасность для жизни потерпевшего. Уяснение содержания обоих указанных признаков вызывает определенные затруднения при применении анализируемой нормы.

Под противоправностью традиционно понимается нарушение запрета, указанного в законе или в подзаконных актах[1]. Однако, по нашему

[1] Перевалов В.Д. Теория государства и права: учеб. М., 2009. С. 262.

мнению, в рассматриваемом контексте, данный признак необходимо толковать расширительно. Мы считаем, что противоправными следует понимать и те действия, которые совершаются с несоблюдением требований, регламентирующих безопасность их осуществления.

Кроме того, признак противоправности могут образовать действия, связанные с нарушением административного законодательства субъектов Российской Федерации. Например, в законе Челябинской области «Об административных правонарушениях в Челябинской области» установлен запрет на прыжки в воду с не приспособленных для этих целей сооружений и природных образований (скал, утесов, валунов, парапетов, ограждений и др.).

Очевидно, что такие действия представляют опасность для жизни человека. Таким образом, склонение несовершеннолетнего к совершению прыжков в воду с не приспособленных для этих целей сооружений и природных образований, при наличии к тому оснований, может влечь за собой ответственность по ст. 151.2 УК РФ. Однако такая правовая оценка будет возможна только в случае, если эти действия совершаются на территории Челябинской области. Подобная ситуация является примером попирания принципа равенства всех граждан перед законом вне зависимости от их места жительства или места нахождения, а также закрепленного в ст. 11 УК РФ территориального принципа действия уголовного закона.

Также необходимо отметить, что наличие признака противоправности не позволяет устанавливать ответственность за совершение тех действий, для пресечения которых непосредственно и вводилась в действие рассматриваемая норма. Так, согласно пояснительной записке к упомянутому нами ранее нормативному акту, необходимость дополнения УК РФ ст. 151.2 УК РФ была вызвана, в том числе стремлением не допустить фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие руфингом [1]. Однако в настоящий момент на территории Российской Федерации отсутствуют какие – либо правовые запреты на посещение крыш высотных зданий, что делает невозможным применение в таких случаях ст. 151.2 УК РФ.

Говоря о признаке опасности для жизни тех действий, в совершение которых вовлекается несовершеннолетний, необходимо отметить, что среди исследователей также сложились различные подходы относительно его содержания. Так, О.В. Поликашина указывает, что к таковым необходимо отнести такие действия, которые заведомо для виновного

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». URL: http://www.consultant.ru

могут причинить смерть, тяжкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести и легкий вред здоровью[1]. Однако, мы не можем согласиться с представленным мнением автора. Как нам представляется, возможность наступления средней тяжести и легкого вреда здоровью не может образовывать опасность для жизни потерпевшего. Мы полагаем, что опасность для жизни должна создавать реальную возможность наступления смерти потерпевшего в конкретной фактической обстановке, которая имела место в момент реализации несовершеннолетним тех действий, в совершение которых он вовлекался виновным лицом. Возникновение реальной угрозы для жизни или возможность наступления смерти должны являться одними из наиболее вероятных результатов совершения этих действий. При этом, как справедливо отмечает Е.П. Коровин, органам предварительного расследования и суду важно установить наличие причинной связи между противоправными действиями и возможным наступлением смерти, что зачастую является крайне сложной задачей [2] . Наступление ответственности за совершение преступления предусмотренного ст. 151.2 УК РФ возможно только при одновременном установления двух рассмотренных нами признаков.

Формулируя исследуемую норму, законодатель установил запрет на склонение и или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных и опасных для жизни действий. Тем самым, вне правовой оценки остаются возможные факты возбуждения желания у несовершеннолетнего реализации пассивного поведения, связанного, например, с невыполнением каких-либо требований, обеспечивающих его безопасность. Безусловно, такое положение нельзя назвать справедливым и корректным.

Таким образом, обозначенные нами некоторые особенности конструирования объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, безусловно, порождают определенные трудности для формирования стабильной практики применения указанной нормы. Считаем, что исследуемый правовой запрет может стать эффективным средством противодействия деструктивным действиям, осуществляемым в отношении несовершеннолетних, только в случае его законодательной корректировки с учетом поднятых нами проблем.

---

[1] Поликашина О.В. К вопросу об уголовно-правовой квалификации действий, заведомо представляющих опасность для жизни несовершеннолетних (ст. 151.2 УК РФ) // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VI межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2021 года. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. С. 14.

[2] Коровин Е.П. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего: учебное пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2019. С. 32.

Русина Татьяна Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Криминологическая характеристика молодежи, вовлекаемой в экстремистскую и террористическую деятельность

В последние годы все более актуальной становится проблема возрастающего участия молодежи в террористической и экстремисткой деятельности. Лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь. Интерес радикалов к этой возрастной группе связан с ее социально-психологическими особенностями, которые делают молодежь крайне уязвимой перед внешним манипулятивным воздействием.

Актуальность проблемы вовлечения молодежи в деструктивную деятельность отмечалась В.В. Путиным на заседании коллегии МВД России, где он подчеркнул, что «должна быть продолжена работа по выявлению и пресечению тех, …, кто пытается вовлечь в террористические группировки наших граждан, конечно, мы с вами хорошо знаем, что наиболее уязвимая категория здесь – это молодежь»[1].

Интерес радикалов к молодежи связан с ее социально-психологическими особенностями. Во-первых, молодежь является крайне уязвимой перед внешним манипулятивным воздействием[2]. Во-вторых, ее представители являются самыми активными пользователями сети Интернет, а именно социальных сетей, которые в настоящее время обрели большую популярность. Наиболее посещаемыми являются: «Вконтакте», «Tik-Tok» «Фейсбук», «Инстаграм», «Twitch», «Чат рулетка» «Твиттер» и мессенджеры: «Viber», «Telegram», «WhatsApp», «Сигнал» и т.д.[3]

Для извлечения полной криминологической информации о молодежи, вовлекаемой в экстремистскую и террористическую деятельность, мы избрали метод опроса в форме анкетирования и интервью. Респондентами – были сотрудники Центров по противодействию экстремизму территориальных органов внутренних дел Российской Федерации.

---

[1] См. Заседание коллегии ФСБ России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70597 (дата обращения: 10.10.2023).

[2] Луговенко Т.С. Криминологическая характеристика молодежи, вовлекаемой в экстремистскую и террористическую деятельность в сети интернет// В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 115–119.

[3] Грибанов Е.В. Экстремизм в молодежной среде в контексте этнокультурной коммуникации // Актуальные вопросы противодействия экстремизму и терроризму: сб. матер. межвуз. круглого стола. Воронеж, 2015

Анализ ответов респондентов на вопросы анкеты и результаты интервью позволили сделать следующие выводы.

Итак, 84% опрошенных нами респондентов отмечают, что жертвами вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность составляют лица мужского пола в возрасте 18–25 лет, по мнению 16% респондентов это лица старше 26 лет.

Это связано с тем, что именно у лиц этого возраста (18–25 лет) наблюдаются определенные психологические особенности, такие как доверчивость и внушаемость. Это делает их более уязвимыми перед влиянием окружающей среды. Так же следует отметить, что молодежь этого возраста часто испытывает романтические идеалы, стремится к поиску смысла и приключений, кроме того именно эта возрастная категория проявляет высокий уровень любопытства и желание исследовать мир вокруг себя.

Однако, в некоторых случаях, это любопытство может привести к непредсказуемым последствиям, особенно если молодые люди подвергаются негативному влиянию экстремистов-вовлекателей.

Так, гражданин Ш. и его супруга разместили в социальных сетях видеообращение на арабском языке с призывами к осуществлению экстремисткой и террористической деятельности. В ходе предварительного следствия гражданин М. пояснил, что добавил к себе это видео на «стену» Вконтакте из любопытства, с целью дальнейшего перевода[1].

Следует обратить внимание и на образовательный уровень молодежи, вовлеченной в экстремистскую и террористическую деятельность.

По результатам проведенного нами опроса, 58% опрошенных респондентов считают, что большинство молодых людей в возрасте 18–25 лет имеют среднее специальное образование, но не следует забывать о той категории людей, которая имеет высшее образование – 27%. Хотя обычно считается, что люди с высшим образованием менее склонны к экстремистским взглядам.

Кроме того, 15% опрошенных нами экспертов считают, что молодежь, вовлеченная в экстремистскую и террористическую деятельность, имеет основное общее образование. Это указывает и на то, что некоторые из них могут быть не достаточно осведомлены о различных аспектах жизни и подвержены пропаганде и манипуляциям со стороны экстремистов-вовлекателей.

Следует отметить, что знание образовательного уровня молодежи, а так же понимание их психологических особенностей может помочь в

[1] См. Приговор суда. URL: https://sudact.ru/regular/area/70597 (дата обращения: 10.10.2023).

разработке эффективных мер, направленных на предупреждения вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность[1].

Вовлечение молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность может происходить в учебных учреждениях, секция и т. д. По мнению респондентов здесь чаще всего жертвами вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность становятся студенты, стесняющиеся своей внешности, которые не уверены в себе, испытывают проблемы в общении с родственниками, сверстниками, стремятся быть независимыми и т. д.

Представители такой молодежи ищут поддержку и понимание, а при возникновении каких-либо проблем не знают к кому обратиться за помощью. Это приводит их к чрезмерной открытости и доверчивости. Именно в такой момент экстремисты-вовлекатели готовы выслушать, дать совет или проявить заботу.

Потенциальные жертвы вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность всегда вступают в диалоги с незнакомыми людьми. Следует отметить, что такие лица не избирательны в установлении контактов.

На основе ответов респондентов мы можем составить «портрет» потенциальной жертвы вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

Итак, чаще всего жертвами экстремистов-вовлекателей становятся лица мужского пола в возрасте от 18 до 25 лет, которые являются студентами, испытывающие проблемы в общении с родственниками, сверстниками.

Следует отметить, что данным лицам присуще следующие качества: любопытство, доверчивость, несформированность ценностей, а так же внушаемость.

Среди мотивации виктимного поведения жертв вовлечения респондентами были отмечены: стремление повысить авторитет, стремление обрести самостоятельность, поддержку, корысть.

[1] Луговенко Т.С. Криминологическая характеристика молодежи, вовлекаемой в экстремистскую и террористическую деятельность в сети интернет// В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 115–119.

Рясов Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовая политика России в области противодействия дискредитации деятельности органов внутренних дел

Продолжающаяся долгий период кампания, направленная на дискредитацию органов внутренних дел, всплеск которой пришелся на период распада Советского Союза можно было объяснить активностью организованной преступности во время проведения экономических реформ.

В настоящее время внешнеполитические события оказали влияние на все аспекты жизни граждан и представляют угрозу национальной безопасности страны. В результате проведения специальной военной операции на территории Украины возникла против России развернулась полномасштабная информационная война, направленная на искажение достоверных данных о целях и задачах, поставленных перед Вооруженными Силами Российской Федерации (далее – ВС РФ) и подразделениями МВД России на территориях новых субъектов Российской Федерации, представить Россию как агрессора перед иностранными государствами.

Современная действительность изобилует примерами, когда в средствах массовой информации в том числе интернет-ресурсах размещается заведомо ложная информация о деятельности органов внутренних дел МВД России, контекст которой предполагает подрыв авторитета и имиджа сотрудника полиции. Во-первых, искажение фактов создает сомнения в профессионализме и нравственных качествах полицейских, а также формирует негативное мнение о них. Во-вторых, распространение порочащей информации воздействует на общественное мнение, которое является одним из ключевых факторов в оценке работы полиции согласно законодательству и подрывает авторитет полицейских.

Статья 207^3 УК РФ устанавливает ответственность за распространение заведомо ложной информации. Это преступление наносит ущерб общественной безопасности и порядку, а также жизненно важным интересам общества и государства. Под предметом преступления понимается информация, которая представляется как достоверная, но фактически является ложной.

Распространение подобной информации может иметь серьезные последствия. Оно способно вызвать панику среди населения, нарушить общественный порядок, повлиять на доверие к государству и его

институтам. Все это влияет на стабильность общества и создает угрозы для его безопасности.

Судебная практика показывает, что данная статья играет существенную роль в борьбе с дезинформацией и фейками. Она является одним из инструментов защиты общества от негативных последствий ложной информации.

В целях сохранения стабильности и безопасности общества, необходимо бороться с распространением заведомо ложной информации. Родовым объектом данного преступления являются общественная безопасность и общественный порядок, а предметом – ложная информация, представляемая как достоверная.

Распространение заведомо ложной информации может быть осуществлено различными способами, включая публикацию статей и постов в сети Интернет, использование социальных медиа и других платформ коммуникации, проведение протестных акций и митингов с целью распространения ложной информации, а также осуществление иных действий, направленных на популяризацию и укрепление ложного представления о деятельности Вооруженных Сил России и государственных органов РФ.

Законодатель также ограничивает и контролирует использование интернет-ресурсов и социальных сетей с целью пресечения распространения ложной информации и защиты интересов государства и его граждан.

Правоприменители под информацией об использовании ВС России понимают выраженные языковыми средствами сведения о событиях действительности, положении дел, связанных с ВС России, а также их действиями [1] . Очевидно, что такое определение является чрезмерно широким и упрощенным, свободная трактовка предполагает, что любые сведения и события связанные с ВС России, неправильно высказанные и истолкованные, уязвимы для злоупотреблений, что позволяет правоохранительным органам широко интерпретировать слова и тексты, что способствует субъективному усмотрению в решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

В этой связи нужно отметить необходимость в плане квалификации различать утверждение о конкретном факте от выражения личного субъективного суждения, оценки, мнения или обоснования тех или иных взглядов по тому или иному вопросу (например, призыв к обсуждению

[1] Информационное письмо МВД России об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к ведению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан (от 30.03.2022 № 1/3201).

сводки новостей), поскольку иной подход ограничивает свободу слова и препятствует выражению гражданской позиции.

Имеющие значение для квалификации факты и события о недостоверных сведениях о потерях личного состава, числа раненных и без вести пропавших военнослужащих в период проведения СВО; об атаках на объекты гражданской инфраструктуры; количество жертв среди мирного населения – можно проверить на соответствие действительности путем направления запросов в полномочные учреждения, организации, организации.

Особую социальную и правовую актуальность исследуемая проблема приобрела в свете последних политических событий. После начала ВС России специальной военной операции (далее – СВО) на территории Украины западные государства во главе с США осудили Россию в неспровоцированной агрессии и оккупации суверенного государства, в уничтожении мирного населения путем обстрелов и авиаударов городов.

С опровержением этих сведений 24.02.2022 (12 час. 00 мин. по московскому времени) выступил официальный представитель Министерства Обороны России генерал-майор И. Конашенков, который сообщил, что «Вооруженные Силы Российской Федерации никаких ракетных, авиационных или артиллерийских ударов по городам Украины не наносят»[1].

Оценочные суждения и убеждения не признаются предметом преступления, так как не могут быть проверены на соответствие объективной реальности.

Так, например, растиражированные западными СМИ фотографии, сделанные 09.03.2022 после якобы имевшего места авиаудара по Мариупольскому роддому, вызвали антироссийский ажиотаж у европейской аудитории. В новостной статье The Associated Press (одно из крупнейших международных агентств информации и новостей США) была размещена заведомо ложная информация, что беременная женщина и ее ребенок погибли после того, как Россия разбомбила родильный дом, где она должна была рожать[2]. Изображение женщины, которую на носилках доставили в машину скорой помощи, олицетворяет ужас нападения на самых невиновных людей человечества. В Минобороны заявили, что «абсолютно никаких задач по поражению целей на земле российская авиация в районе Мариуполя не выполняла». Имевшие место разрушения

[1] Брифинг официального представителя Минобороны России. Минобороны России. URL: https://function.mil.ru (дата обращения: 10.12.2022).

[2] Беременная женщина на фото с носилками, ребенок умирает после того, как в России разбомбили родильное отделение URL: https://www.huffpost.com/entry/bc-eu-russia-ukraine-war-maternity-hospital_n_622f1ad2e4b0e01d97adb7b9 (дата обращения: 17.09.2023).

российские журналисты назвали фальсификацией (фейком), на постановочных сценах одна и та же модель сыграла несколько раз. На заседании Совета Безопасности Организации Объединенных Наций постоянный представитель Небензя заявил, что фотография из роддома показывает, что он не подвергался ракетному удару, так как меньший заряд взрывчатки полностью сотрет здание с лица земли[1]. На официальном сайте СК опубликовали информацию о том, что 22.032022 возбуждено уголовное дело по п.д. по ч. 2 ст. 207[3] УК РФ в отношении журналиста Невзорова, который по версии следствия на своей публичной странице Instagram (запрещен в России) и 19.03.2022 на YouTube-канале опубликовал заведомо ложную информацию об умышленном обстреле ВС России родильного дома в Мариуполе[2]. Источники распространения этих изображений являются украинскими СМИ. Минобороны РФ официально объявило о ложности указанных в сети «Интернет» сведений. На момент возбуждения уголовного дела Невзоров находился в Израиле, после получил политическое убежище и гражданство Украины.

Правоохранительные органы возбуждают уголовные дела в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, за преступления, совершившие вне пределов РФ преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом. Иностранные граждане могут привлечь к уголовной ответственности за аналогичные действия.

В целях исключения произвольного толкования, такие обстоятельства подлежат документальному установлению в ходе проверочных мероприятий и предварительного следствия, какие именно интересы России за рубежом были нарушены (например, Министерство иностранных дел РФ и другие заинтересованные ведомства, формулируют официальную позицию России по тому или иному вопросу.

Иллюстрация приведенного примера показывает, что основанием для возбуждения уголовного дела послужило публичное распространение заведомо ложной информации об использовании ВС России, в части совершения военных преступлений, при официальном опровержении Минобороны России, то есть признание такой информации недостоверной.

Нижегородский следственный комитет впервые в России прекратил уголовное дело против жителя Нижнего Новгорода. Основанием для возбуждения уголовного дела послужило размещение в сети интернет заведомо ложной информации об использовании ВС России, а именно

[1] Небензя: фото из роддома Мариуполя показывают, что он не мог быть обстрелян ракетами // https://tass.ru/politika/14046413?ysclid=llf0a1ho9t316281471 (дата обращения: 17.09.2023).

[2] СК возбудил уголовное дело против журналиста Александра Невзорова URL: https://www.rbc.ru/society/22/03/2022/6239fb379a7947f2172e9198?ysclid=llf0c027ot11175 0773 (дата обращения: 17.09.2023).

видео с участием М. Каца (Буча). Спецоперация по уничтожению мирных жителей от 3.04.2022 и написания комментария к ней[1].

Уголовное дело прекращено, поскольку видео было выложено за несколько часов до официального опровержения Минобороны России о событии в украинском городе.

Следующий вопрос о допустимости уголовного преследования за посты, опубликованные до 04.03.2022, то есть до того, как федеральный закон от 04.03.2022 №о 32-ФЗ был принят, одобрен, подписан и опубликован. В Следственном отделе расследуют уголовное дело в отношении экс-председателя местной ячейки «Альянса учителей» И. Толмачевой, которая написала не соответствующие действительности сведения, а именно комментарий в Instagram (запрещен в России) странице депутата С. Бойко, о потерях ВС России, которой вменяют возникновение умысла на публичное распространение о потерях ВС России. В ее действиях усматриваются признаки публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об использовании ВС России (ст. 207^3 УК РФ)[2].

В заключении можно сказать, что безопасность государства и обеспечение нерушимости основ его конституционного строя является сложным и многогранным процессом, в котором особая роль возложена на подразделения МВД России. Уголовно-правовая практика обеспечения защиты деловой и профессиональной репутации, в контексте информационного противоборства законно осуществляемой деятельности органов внутренних дел на данный момент является незначительной, но большое количество лиц, привлеченных к административной ответственности, может привести к увеличению применения уголовной ответственности в будущем.

В кризисные моменты развития российского государства возникает необходимость ограничения отдельных свобод личности, но такие ограничения должны быть обоснованными и законными. В настоящее время есть прецеденты, особенно в рамках административной ответственности, когда свобода слова в отношении действий сотрудников органов внутренних дел МВД России ограничивается. Важно отметить, что есть тонкая грань между обоснованной квалификацией деяний как дискредитирующих указанную деятельность и политизированием процесса привлечения к ответственности без достаточных оснований.

---

[1] В России впервые прекратили дело о фейках о действиях армии. URL: https://ria.ru/20221027/feyki-1827242649.html?ysclid=llf0e6sfkc890197090 (дата обращения: 17.09.2023).

[2] Дело новосибирской учительницы о фейках о ВС РФ поступило в суд. URL: https://ksonline.ru/459605/delo-novosibirskoj-uchitelnitsy-o-fejkah-o-vs-rf-postupilo-v-sud/?ysclid=llf0fwac6b383549988 (дата обращения: 17.09.2023).

Важность всесторонней квалификации преступных действий, осуществляемой сотрудниками компетентных органов. Учитывая общую формулировку статьи 280^3 УК РФ, квалификация преступных действий в большинстве случаев остается на усмотрение правоохранительных органов. Это справедливо в контексте их полномочий, но в настоящее время необходимо уточнить особенности квалификации такого поведения. Представляется целесообразным подготовить обзор на основе материалов судебной практики Президиума Верховного Суда РФ, в котором определить наиболее распространенные деяния и унифицировать подходы к их правовой оценке;

Недостаток понимания в обществе особенностей привлечения к ответственности за публичные действия, дискредитирующие деятельность органов внутренних дел, сводится к тому, что административные и уголовные нормы, связанные с этими действиями, были введены недавно, и поэтому часто возникают проблемы, связанные с недостаточным информированием населения о нововведениях. Хотя незнание закона не оправдывает, и такое поведение имеет умышленный характер, повышение осведомленности о правовых последствиях является необходимым для борьбы с противоправными действиями данного характера.

Савенко Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России,

Бикмашев Виталий Абдулхаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Доктринальное толкование преступлений против жизни и здоровья по уголовному законодательству республик Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизской Республики и Российской Федерации

«Законы должны иметь для всех одинаковый смысл»
Шарль Луи Монтескье[1]

Уголовный кодекс Республики Казахстан содержит девятнадцать преступлений, охраняющих жизнь и здоровье личности. Они располагаются в главе 1 Особенной части «Уголовные правонарушения против личности». Таким образом, исходя из названия главы первой и ее содержания - личность выступает родовым объектом. Видовой объект законодателем не выделяется. Что же касается непосредственного объекта, то он, согласно содержания определенной части статей главы предусматривает жизнь и здоровье личности потерпевшего.

К преступлениям против жизни относятся:

1. ст. 99 «Убийство»;
2. ст. 100 «Убийство матерью новорожденного ребенка»;
3. ст. 101 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта»;
4. ст. 102 «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»;
5. ст. 103 «Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»;
6. ст.104 «Причинение смерти по неосторожности»;
7. ст. 105 «Доведение до самоубийства».

К преступлениям против здоровья, на наш взгляд, следует отнести следующие составы:

1.ст. 106 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»;
2. ст. 107 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»;
3. ст. 110 «Истязание»;

[1] Монтескье Шарль Луи де Секондл - философ, правовед, писатель (1689-1755).

4. ст. 111 «Причинение вреда здоровью в состоянии аффекта»;

5. ст. 112 «Причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны»;

6. ст. 113 «Причинение тяжкого вреда здоровью при задержании лица, совершившего преступление»;

7. ст. 114 «Неосторожное причинение вреда здоровью»;

8. ст. 115 «Угроза»;

9. ст. 116 «Принуждение к изъятию или незаконное изъятие органов и тканей человека»;

10. ст. 117 «Заражение венерической болезнью»;

11. ст. 118 «Заражение вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)»;

12. ст. 119 «Оставление в опасности»[1].

В отличие от УК Казахстана, Уголовный кодекс Кыргызской Республики содержит 17 статей, объединенных родовым и тремя видовыми объектами. Согласно раздела VI родовым объектом выступает личность, видовыми – жизнь (гл.19), здоровье (гл.20), преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека (гл.21). Нормы УК Казахстана и УК Киргизии совпадают на 84,2%.

Из преступлений VI раздела УК Кыргызской Республики следует выделить ст.126 «Убийство из сострадания (эвтаназия)», ст. 129 «Склонение к самоубийству», ст. 137 «Пытки», которые не предусмотрены уголовным законодательством Республики Казахстан.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан содержит 22 состава, входящих в раздел первый «Преступления против личности» и объединенных тремя видовыми объектами: Преступления против жизни (Глава I со ст. 104 по ст. 103[1]); преступления против здоровья (Глава II со ст. 104 по ст.111); преступления, опасные для жизни или здоровья (Глава III со ст. 112 по ст. 117)[2].

Отличительными чертами УК РУ от УК Кыргызской Республики (в части преступлений против жизни) являются два самостоятельных состава: ст. 100 УК РУ «Умышленное причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны» и ст. 101 УК РУ «Умышленное причинение смерти при превышении необходимых мер задержания лица, совершившего общественно опасное деяние» (Аналогичное разделение этих двух составов предусмотрено в Уголовном кодексе Республики Казахстан статьи 102 и 103).

---

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 12.09.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 12.08.2023 г.) URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения 22.09.2023).

Также новеллой УК РУ является содержание ст. 114 «Преступный аборт» и ст. 115 «Понуждение женщины к совершению аборта»[1].

В остальных же нормах наблюдается идентичность с уголовным законодательством Казахстана и Киргизии.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан предусматривает 26 составов, где в качестве родового объекта является личность (Раздел VII УК РТ), а в качестве видового жизнь и здоровье (глава 16 УК РТ).

Из новелл, которые не предусмотрены уголовным законодательством Казахстана и Узбекистана следует отметить ст. 121 УК РТ «Нарушение правил операции по трансплантации». А аналог ст.124 УК РТ «Понуждение женщины к совершению аборта» не предусмотрен в УК Республики Казахстан и в УК Кыргызской Республики. Статья 129 УК Республики Таджикистан «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником имеет аналоги в УК Республики Узбекистан (ст.116) и в УК Кыргызской Республики (ст.146). Но статья 146 располагается в главе 22, которая называется «Преступления в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности», т. е. видовой объект совершенно иной.

Хотя с другой стороны, содержание представляет определенный интерес, поскольку речь идет об общественных отношениях, не предусмотренных в других анализируемых законах. Но к этому мы вернемся чуть позже. В остальных же случаях нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против жизни и здоровья, совпадают на 86,7%.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает 25 составов, которые располагаются в разделе VII «Преступления против личности». Видовым объектом в соответствии с содержанием главы IVI выступает жизнь и здоровье.

Из непосредственных общественных отношений, не предусмотренных законодательством Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана следует выделить посягающие на безопасность личности, к которым УК РФ относит ст.110[2] «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства».

Следует отметить, что в УК РФ в отличие от рассматриваемых уголовных законов предусмотрена норма, охраняющая телесную неприкосновенность: ст.116[1] «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», а так же, ставящая под охрану безопасность жизни и здоровья пациентов ст.124[1] «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи»[2].

---

[1] Там же.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

Особо хочется подчеркнуть, что построение уголовного законодательства анализируемых республик, как и многих других стран входящих в состав СНГ строилась на основе Российской модели уголовного права, что и обусловило формирование правовых норм, содержащих множество схожих институтов и положений.

Вместе с тем, на наш взгляд, представляет интерес содержание главы XXII УК Кыргызской Республики «Преступления в сфере медицинского и фармацевтического обслуживания личности». Как уже отмечалось ранее, речь идет об общественных отношениях, не предусмотренных другими анализируемыми законами:

ст. 147 «Незаконное проведение опытов на человеке»;

ст. 149 «Имплантация женщине чужой яйцеклетки»;

ст. 150 «Запрещенные действия с эмбрионом»;

ст. 151 «Насильственное донорство»;

ст. 152 «Незаконная лечебная деятельность»;

ст. 153 «Разглашение врачебной тайны»[1].

По нашему глубокому убеждению, рецепция данных норм в законодательство Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и России послужила бы дальнейшим совершенствованием национальных законов по защите прав личности от противоправных посягательств.

Объективная сторона преступлений против жизни и здоровья в 90,6% совершается в форме активных действий. Для бездействия характерными признаками выступают: оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению; неоказание помощи; невыполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, что составляет 9,4%.

По законодательной конструкции описания на долю материальных приходится 72,8%, формальных – 22,5%, усеченных – 4,7% составов.

Для объективной стороны анализируемых преступлений важную роль имеют такие обстоятельства, как время, место, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления.

На время совершения преступления приходится 9,4%. В основном данный признак характерен для квалификации убийства матерью новорожденного ребенка вовремя или сразу же после родов.

Место совершения преступления составляет 1,9% (п. 9 ч. 3 ст. 141 Кыргызской Республики).

Способ совершения преступления предусмотрен в 71,7% случаев и проявляется в особой жестокости, обще опасном способе.

---

[1] Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (в ред. от 10 окт. 2023 г. № 186). URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru&ysclid=loijllnn8v679832569 (дата обращения: 22.09.2023).

Обстановка совершения преступления предусматривает 5,7%, к которой относятся условия необходимой обороны, психотравмирующая ситуация, публичное выступление, публично демонстрирующееся произведение.

Орудия и средства совершения преступления предусмотрены в 11,3% случаев. Это и использование оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Субъектом преступления по УК Республики Казахстан являются вменяемые физические лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Уголовная ответственность с 14 лет предусмотрена за убийство (ст. 99), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (стю106), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью при отягчающих обстоятельствах (ч.2 ст. 107).

Признаки специального субъекта указаны в:

ст.100 – мать новорожденного;

п. 9 ч. 2 ст. 116 – лицо, использующее свое служебное положение;

ст.117 – лицо, являющееся носителем венерической болезни;

ст.118 – лицо, являющееся носителем вируса иммунодефицита человека;

ст. 119 – лицо, обязанное заботиться о потерпевшем[1].

Субъектом преступления по УК Кыргызской Республики является физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. С 14 лет уголовная ответственность предусмотрена за убийство (ст. 122), причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 130), причинение менее тяжкого вреда здоровью (ст. 131).

Признаки специального субъекта предусмотрены в:

ст. 125 – мать новорожденного ребенка;

п. 1 ч. 2 ст. 127 – лицо, исполняющее свои профессиональные обязанности;

ч. 2 ст. 135 – лицо, исполняющее свои профессиональные обязанности;

ст. 137 –должностное лицо;

п. 8 ч. 3 ст. 141 – лицо, использующее свое служебное положение;

ст.142 – гинеколог;

ст. 143 – лицо, являющееся носителем венерической болезни, вирусом иммунодефицита человека либо неизлечимой инфекционной болезни;

ст. 144 – лицо, обязанное заботиться о потерпевшем;

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. от 12.09.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.09.2023).

ст. 145 – виновное лицо, имеющее возможность оказать потерпевшему помощь или сообщить о таком состоянии потерпевшего надлежащим учреждениям либо лицам[1].

Субъектом преступления по УК Республики Узбекистан являются физические, вменяемые лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

С 13-летнего возраста уголовная ответственность предусмотрена лишь за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 97).

С 14 лет уголовная ответственность предусмотрена за:

умышленное убийство (ч.1 ст. 97);

умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 98);

умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 104);

умышленное средней тяжести телесное повреждение (ст. 105);

причинение умышленного тяжкого или средней тяжести телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения (ст. 106).

Признаки специального субъекта указаны в:

п. «с» ч. 2 ст. 97 – особо опасный рецидивист;

ст. 99 – мать новорожденного;

п. п. «к», «л» ч.2 ст.105 – опасный и особо опасный рецидивист;

п. п. «а» ч. 2 ст. 112 – особо опасный рецидивист;

ст. 113 – лицо, являющееся носителем венерического заболевания или ВИЧ-инфекции / спид;

ч. 5 ст. 113 – ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей;

ст. 114 – врач-акушер, гинеколог;

ст. 116 невыполнение или ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей;

ст. 114врач – акушер, гинеколог;

ст. 116 не выполнение или ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей;

ст. 117 – виновное лицо, обязанное оказывать помощь потерпевшему[2].

Субъектом преступления по УК Республики Таджикистан является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

С 14 лет уголовная ответственность предусмотрена за:

убийство (ст. 104);

---

[1] Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (в ред. от 10 окт. 2023 г. № 186). URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru&ysclid=loijllnn8v679832569 (дата обращения: 22.09.2023).

[2] Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 12.08.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 22.09.2023).

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 110);

умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (ст. 111).

Признаки специального субъекта указаны в:

п. «п» ч. 2 ст. 104 – особо опасный рецидивист;

ст. 105 – мать новорожденного;

ч. 2 ст. 108 – лицо ненадлежаще выполняющее свои профессиональные обязанности;

п. «б» ч. 3 ст. 110 – опасный либо особо опасный рецидивист;

ч. 2 ст. 118 – лицо ненадлежаще выполняющее свои профессиональные обязанности;

ч. 2 ст. 119 – лицо ненадлежаще выполняющее свои профессиональные обязанности;

ч. 1 ст. 123 – лицо, имеющее высшее медицинское образование соответствующего профиля;

ч. 2 ст. 123 – лицо, ранее судимое за незаконное производство аборта;

ст. 125 – лицо, являющееся носителем вируса иммунодефицита человека;

ст. 126 лицо, являющееся носителем венерической болезни;

ст. 127 – виновное лицо, обязанное заботиться о потерпевшем;

ст. 128 – лицо, обязанное оказывать больному помощь в соответствии с законом или по специальным правилам;

ст. 129 невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником.

Уголовный кодекс Российской Федерации субъектом преступления признает вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

С 14 лет уголовная ответственность предусмотрена за:

убийство (ст.105);

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111);

умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112).

Признаки специального субъекта указаны в:

ст. 106 – мать новорожденного;

ч. 2 ст. 109 – лицо ненадлежаще исполняющее свои профессиональные обязанности;

ст. 116^{1} –лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние;

ч. 2 ст. 118 – лицо ненадлежащее исполняющее свои профессиональные обязанности;

ст. 121 – лицо, являющееся носителем венерической болезни;

ч. 1, 2, 3 ст. 122 лицо, являющееся носителем ВИЧ – инфекции;

ч. 4 ст. 122 лицо ненадлежаще исполняющее свои профессиональные обязанности;

ст. 123 лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля;

ст. 124 лицо, обязанное оказывать помощь больному в соответствии с законом или со специальным правилом;

ст. 125 виновное лицо, обязанное оказывать помощь потерпевшему[1].

Субъективная сторона преступлений против жизни и здоровья по законодательству Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и России выглядит следующим образом:

На долю умышленных преступлений приходится

по УК Республики Казахстан 89,5%;

Кыргызской Республики 83,3%;

Республики Узбекистан 86,4%;

Республики Таджикистан 80,8%;

Российской Федерации 80,8% деяний.

Двойная форма вины встречается в УК Казахстана в 37,5%, УК Таджикистана в 3,8%, УК РФ в 7,7% случаев.

Мотив как внутреннее побуждение лица, принимающее решение совершить преступление предусмотрен в:

47,4% случаев УК Казахстана;

37,5%УК Киргизии;

50%УК Узбекистана;

30,8% УК Таджикистана;

50% УК России.

Мотив кровной мести предусмотрен в уголовном законодательстве Республики Таджикистан и Российской Федерации. Так же УК Республики Таджикистан предусматривает, не свойственный для других анализируемых УК мотив на почве «местнической ненависти или вражды».

Цель как мысленное представление результата, к достижению которого стремится лицо предусмотрен в:

15,8 деяний УК Казахстана;

33,3%УК Киргизии;

13,6%УК Узбекистана;

15,4% УК Таджикистана;

11,5% УК России.

Эмоциональное состояние (аффект) по своей природе характеризующейся изменениями в сознании и нарушениями контроля личности над своим поведением и потерей самообладания предусмотрено в деяниях по уголовному законодательству:

Республики Казахстан 10,5%;

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

Кыргызской Республики 8,3%;

Республики Узбекистан 9%;

Республики Таджикистан 7,7%;

Российской Федерации 7,7%.

Проведенный анализ позволяет нам прийти к следующим выводам:

законодательство Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и России по преступлениям против жизни и здоровья структурно сходны между собой;

вместе с тем заслуживает внимания законодательный опыт Киргизии в части расширенной охраны общественных отношений медицинского и фармацевтического обслуживания личности, которые не свойственны на сегодняшний день для УК анализируемых нами правовых систем и их рецептирование в национальное законодательство будет способствовать повышению уровня защищенности граждан в данной сфере.

Седых Татьяна Викторовна,
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Неотложные следственные действия: особенности их производства

Согласно Конституции Российской Федерации, высшей ценностью государства являются права и свободы человека и гражданина. В сфере уголовного судопроизводства, гарантом соблюдения данных прав, провозглашенных высшим источникам российского права, является уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 года № 174 – ФЗ.[1] Также, основываясь на положения Конституции РФ, государство является правовым.[2] В основном, процесс развития законодательного закрепления неотложных следственных действий приходится на советский этап уголовно-процессуального законодательства.

Хочется отметить, что процесс становления института неотложных следственных действий прошел достаточно большой путь. Но, смотря через призму применения действующего уголовно-процессуального закона, уровня его научной доступности, адекватности, правильной и эффективной правоприменительной деятельности, можно сказать о том, что его формирование не доведено законодателем до конца. Тем самым, по нашему мнению, исследование института неотложных следственных действий является достаточно актуальным и, в первую очередь, процессуально необходимым. В трудах такого ученого, как М.А. Митюкова,[3] имелась мысль о том, что в случае игнорирования изучения исторического этапа развития неотложных следственных действий и опыта их применения, невозможно будет говорить о будущем состоянии и применении в практике данного института. Таким образом, определение соотношения между историей возникновения неотложных следственных действий с современным опытом их применения и

[1] Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. вступ. в силу с 14.04.2023: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. – Москва, 2023. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.) // Консультант Плюс: комп. справ. Правовая система [Электронный ресурс]. URL:http://www.consultant.ru. (Дата обращения: 06.09.2023 г.).

[3] Миктюк М.А. К вопросу о производстве неотложных следственных действий // Право и правосудие: Сибирский юридический вестник.2009. № 3. С. 58–61.

практикой законодательного закрепления будет являться основным путем развития уголовно-процессуального закона в данной сфере.

Стоит отметить, что при проведении реформирования любой области права, невозможно спрогнозировать положительные результаты данного процесса, без изучения истории возникновения определенных норм или целой системы, а также конкретного объекта, который подвергается реформе.

На стадии предварительного производства, определяется порождение следующих условий. В качестве первого условия, по нашему мнению, выступает явление, связанное с законодательным закреплением и появлением специальных уполномоченных органов. Впервые в истории, данные органы имели право единолично осуществлять предварительное расследование по уголовному делу, или возникшим преступным обстоятельствам. Также при проведении исторического анализа уголовно-процессуального права древнерусского государства, мы имели, в основном, частно-поисковый характер уголовного преследования и уголовного процесса, в рамках которого производство было возбуждено исключительно по заявлению потерпевшего. Таким образом, для данного периода времени, институт неотложных следственных действий был в практике правоохранительных органов не знаком и не применим.

В свою очередь, розыском преступника занимался заявитель самостоятельно по средствам установленного свода, правил, регламентирующего порядок действий по его розыску и обнаружению и изъятию похищенного имущества, а также следа, в случае, если преступник не был установлен. Таким образом, процедура предварительного расследования полностью ложилась на плечи потерпевшего.

Однако, спустя достаточно долгий временной промежуток, в результате проведения губной реформы 1530-1550 годах, были созданы уполномоченные органы, осуществляющие предварительное расследование уголовных дел, задачами которых являлись собирание доказательственной базы, подтверждающей виновность лица, совершившего преступление. С данного времени, зародился сыскной порядок производства по уголовным делам, где уголовные дела рассматривались не только по жалобе или заявлению потерпевшего, но и по усмотрению государственного органа. Ярким примером данного органа того времени является губной или окружной староста. Как отмечал такой ученый, как Ю.В. Стельмах[1], что губные старосты не дожились жалобы потерпевшего и самостоятельно проводил расследование. Таким образом, расследование уголовных дел и сбор сведений, доказывающих вину лица, имели право не только лица, заинтересованные в его разрешении, но и

[1] Стельмах В.Ю. Учеб. пособие для бакалавриата. М.: Юр. НОРМА. 2023. 208 с.

специально уполномоченные государственные органы. Однако, сперва сыскной порядок производился только в рамках имущественных преступлений, а спустя некоторое время имел место и во всех иных видах преступлений.

Необходимо отметить тот факт, что после проведения губной реформы, положившей начало существованию уполномоченных органов на проведение предварительного расследования, появился и институт неотложных следственных действий. Однако, данный факт оспаривают некоторые ученые.

На наш взгляд, высказанное утверждение верно, так как для законодательного удостоверения исследуемого нами института необходимо наличие еще одного условия. В роли данного условия выступает факт определения компетенции расследования конкретными органами по конкретным обстоятельствам на законодательном уровне. Вопрос компетенции органов предварительного расследования и законодательное разграничение их полномочий по расследованию определенных уголовных дел становится решенным с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

Таким образом, в результате принятия данного нормативно-правового акта, в основных чертах был сформирован институт неотложных следственных действий. На наш взгляд, не следует исключать и факт применения института неотложных следственных действий и до принятия вышеуказанного Устава. Данное утверждение подтверждают высказывания И.Я. Фойницкого [1], который пояснял, что в период древнерусского государства подследственность определялась местом задержания преступника. Таким образом, судебное разбирательство имело место быть в том районе, где был задержан виновный. Однако, данный подход имел много проблем в вопросе предоставления доказательств, в случае, если виновное лицо было задержано далеко по территориальности от места совершения преступления. В связи с чем, постепенно подследственность определялась по месту совершения преступления. Также на основании данного устава, законодательно были закреплены разграничения по расследованию уголовных дел субъектами уголовного судопроизводства, в связи, с чем институт неотложных следственных действий берет свое начало.

Подводя итог вышесказанному, хочется сделать вывод о том, что институт производства неотложных следственных действий, берет начало по результатам проведения губной реформы 1530–1550 гг., где государственным органом в лице окружных старост производилось предварительное расследование, и имел факт применения неотложных

[1] Фоницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / под ред. А.В. Смирнова СПб.: Альфа. 1996. 607 с.

следствий. Однако, законодательно не было закреплено разграничения компетенций органов предварительного расследования, в силу того, что такие органы отсутствовали, за исключением названных выше. Официальным источником закрепления института неотложных следственных действий стал Устав уголовного судопроизводства, принятый в 1864 году. В рамках данного нормативно правового акта соблюдались два основных условия исследуемого института: 1) наличие уполномоченных государственных органов на производство предварительного расследования; 2) законодательное разделение полномочий и компетенций органов предварительного расследования в вопросе расследования конкретных уголовных дел. В связи, с чем законодательно были закреплены ситуации, когда органы предварительного расследования были уполномочены осуществлять комплекс мероприятия при обстоятельствах, не подследственных им.

Случевская Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права, криминологии и
уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России

Статистическое измерение экологической преступности

Преступность, вообще, и экологическая преступность, в частности, представляет собой измеряемое явление, которое поддается фиксации с помощью статистических методов. К признакам экологической преступности, позволяющим рассматривать ее в качестве объекта статистического наблюдения, можно отнести следующие: массовость; иррегулярность; устойчивость.

Любое исследование экологической преступности проходит следующие стадии:

Первая стадия – сбор первичного статистического материала об экологической преступности (статистическое наблюдение). Главная задача исследователя на этой стадии заключается в получении достоверной и полной информации об изучаемом объекте. Сложность и многогранность экологической преступности как негативного социально-правового явления предопределяет необходимость обращения к различными источникам, содержащим статистическую и аналитическую информацию.

Статистические данные, используемые при изучении экологической преступности, многообразны и сложны для анализа. При исследовании экологической преступности следует основываться на следующих источниках: сведения Федеральной службы государственной статистики (Росстата); данные уголовной статистики (статистические сведения федеральных органов государственной власти, осуществляющих регистрацию экологических преступлений); данные служб и ведомств, деятельность которых связана с реализацией государственного контроля за состоянием окружающей среды и ее компонентов.

В этой статистике, помимо самих данных о количестве учтенных преступлений, отражаются сведения о причиненном ущербе, фиксируются социально-демографические и иные признаки лиц, их совершивших, а также особенности движения уголовных дел соответствующей категории. Анализ такого рода данных позволяют определить состояние и динамику экологической преступности, выявить ее структуру, оценить социальные последствия рассматриваемого вида противоправных деяний, исследовать личность тех, кто совершает экологические преступления. Эти данные могут использоваться при определении уровня латентности экологических преступлений, а также выявлении причин и условий, способствующих их совершению.

Вторая стадия – систематизация собранных статистических данных с помощью выбранной исследователем методологии.

Третья стадия – выявление основных закономерностей экологической преступности. В качественных и количественных характеристиках экологической преступности, о которых можно судить на основе статистических данных, собранных на первой стадии исследования, проявляются ее основные закономерности, позволяющие прогнозировать состояние этого вида преступности в будущем.

Проведенное нами исследование экологической преступности в России и в ряде других европейских стран позволило сделать следующие выводы о состоянии и тенденциях данного вида преступности[1].

За последние 20 лет число зарегистрированных экологических преступлений в России снизилось на 27% (с 26 097 в 2013 г. до 19 070 в 2022 г.). Эта тенденция носила неравномерный характер. С 2003 по 2009 гг. фиксировался заметный рост – с 26 097 до 46 607 (за исключением 2007 г., однако в этом году снижение зарегистрированных экологических преступлений по сравнению с предыдущим годом является незначительным). С 2010 по 2013 гг. наблюдается снижение зарегистрированных экологических преступлений – на 37% (с 39 155 в 2010 г. до 24 728 в 2013 г.). С 2014 по 2022 гг. происходят разноплановые тенденции. В 2014 г. фиксируется рост регистрируемых экологических преступлений (24 856), в 2015 и 2016 гг. – снижение (24 856 и 23 688 соответственно), в 2017 г. – рост (24 379), в 2018 и 2019 гг. – снижение (23 899 и 22 230 соответственно), в 2020 г. – рост (22 676), в 2021 и 2022 гг. – снижение (20 289 и 19 070 соответственно).

Удельный вес экологической преступности в общей структуре преступности России остается незначительным. За рассматриваемый период минимальное значение этого показателя составило 0,94% в 2005 г.; максимальное – 1,56% в 2009 г.

Если сравнивать с другими европейскими странами, то можно сделать вывод, что показатель удельного веса экологической преступности в России является одним из самых высоких (даже, если не учитывать наиболее распространенные в России экологические преступления – незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и охоту).

Сопоставимые показатели фиксируются и в Италии; наряду с тенденцией роста числа регистрируемых экологических преступлений здесь наблюдается увеличение удельного веса этого вида преступлений в общей структуре преступности. В 2016 году этот показатель составлял

[1] В рамках исследования использовались сборники ГИАЦ МВД России «Единый отчет о преступности», в отношении европейских стран – сведения, опубликованные на информационных ресурсах: http://dati.istat.it/; https://www.bka.de/DE/Home/home_node.html; https://crimes.politologue.com/, https://statystyka.policja.pl/st/kodeks-karny; https://www.ine.es/jaxiT3/Tabla.htm?t=25997&L=0 (дата обращения: 01.09.2023).

1,01%; в 2020 году – 1,83%. В других странах удельный вес экологической преступности значительно ниже. В ФРГ, например, за последние 10 лет этот показатель находился в диапазоне 0,19%-0,22%; в Польше за этот же период – не превышал 0,07%; в Испании с 2013 по 2020 годы удельный вес экологической преступности в общей структуре преступности находится в интервале 0,09%–0,17%; во Франции за период с 2012 по 2019 годы – 0,06%–0,08% (с учетом показателей незаконной охоты и рыбалки, а также такого состава преступления как уничтожение, жестокое обращение и другие преступления в отношении животных – 0,16%–0,21%).

Коэффициент экологической преступности на 100 тыс. населения в России в рассматриваемом периоде достиг своего максимума в 2009 г. – 33 зарегистрированных экологических преступления на 100 тыс. населения; в 2022 г. этот показатель снизился до 13.

Если ранжировать страны по коэффициенту экологической преступности на 100.тыс. населения, то наибольший фиксируется в Италии (в 2020 году он составил 58,5); далее следует Россия (в 2020 году – 15) и Германия (в 2020 году – 14); значительно меньший коэффициент экологической преступности наблюдается во Франции (в 2019 году – 4,6) и Польше (в 2020 году – 1,14); наименьшие показатели в Испании (в 2020 году – 0,001).

В России динамика экологической преступности не всегда совпадает с динамикой преступности в целом. Темпы прироста также значительно различаются. Распространенность экологической преступности существенно отличается в федеральных округах. За период 2018-2022 гг. наибольший коэффициент экологической преступности наблюдался в Дальневосточном федеральном округе. Так, в 2018 г. он достиг 85,48, в 2019 г. снизился до 57,71, при этом в последующие годы оставался довольно высоким. В 2020 г. соответствующий коэффициент составил 56,38, в 2021 г. – 49,22, в 2022 г. – 51,58. Далее по распространенности экологической преступности следует Сибирский федеральный округ. Коэффициент экологической преступности в нем составил в 2018 г. – 28,73, в 2019 г. – 30,09, в 2020 г. – 31,69, в 2021 г. – 24,41, в 2022 г. – 23,84. В Центральном федеральном округе и Северо-Кавказском федеральном округе рассматриваемый показатель является наименьшим. Так, в Центральном федеральном округе в 2018 г. коэффициент экологической преступности на 100 тыс. населения составил 5,29, в 2019 г. – 4,64, в 2020 г. – 5,07, в 2021 г. – 4,36, в 2022 г. – 4,47. В Северо-Кавказском федеральном округе фиксировались следующие показатели: в 2018 г. – 4,08, в 2019 г. – 4,15, в 2020 г. – 3,66, в 2021 г. – 4,06, в 2022 г. – 4,27.

При этом по удельному весу экологической преступности рейтинг федеральных округов выглядит иначе (по сравнению с показателями коэффициента экологической преступности). Так, в 2022 году удельный вес экологической преступности Дальневосточного федерального округа в

общей структуре экологической преступности России составил 23,2%, Сибирского федерального округа – 22,5%, Приволжского федерального округа – 14,2%, Южного федерального округа – 10,9%, Центрального федерального округа – 10,2%, Уральского федерального округа – 8,7%, Северо-Западного федерального округа – 7,9%, Северо-Кавказского федерального округа – 2,4%.

Изучение регионального аспекта экологической преступности показало, что за период 2018-2022 гг. наибольший коэффициент экологической преступности фиксировался в Республике Бурятия (в 2018 г. – 175,62; в 2019 г. – 154,38; в 2020 г. – 124,75; в 2021 г. – 114,65; в 2022 г. – 120,35). Показатели этого региона значительно выше общероссийских и коэффициента экологической преступности Дальневосточного федерального округа. К группе субъектов РФ, в которых зарегистрирован наибольший коэффициент экологической преступности, также относятся Сахалинская область (в 2018 г. – 107,92; в 2019 г. – 78,43; в 2020 г. – 94,42; в 2021 г. – 93,23; в 2022 г. – 109,65), Республика Алтай (в 2018 г. – 53,19; в 2019 г. – 57,11; в 2020 г. – 45,87; в 2021 г. – 60,21; в 2022 г. – 84,91), Камчатский край (в 2018 г. – 138,17; в 2019 г. – 81,02; в 2020 г. – 92,33; в 2021 г. – 93,93; в 2022 г. – 84,42), Астраханская область (в 2018 г. – 74,79; в 2019 г. – 71,69; в 2020 г. – 72,58; в 2021 г. – 66,87; в 2022 г. – 65,05), Забайкальский край (в 2018 г. – 92,65; в 2019 г. – 87,26; в 2020 г. – 90,12; в 2021 г. – 58,96; в 2022 г. – 60,47). За период 2018-2022 гг. произошло значительное снижение показателя коэффициента экологической преступности в Иркутской области, которая в 2018 году лидировала в этом антирейтенге регионов (в 2018 г. – 113,43; в 2019 г. – 94,71; в 2020 г. – 101,54; в 2021 г. – 53,54; в 2022 г. – 37,41).

В рассматриваемый период в структуре экологической преступности самого неблагополучного региона по исследуемым показателям – Республики Бурятия – наибольшую долю составляют преступления, предусмотренные ст.260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» (76%-79%); значимая доля приходится на преступления, предусмотренные ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» (17%-18%), ст.261 «Уничтожение или повреждение лесных насаждений» УК РФ (1%-4%), ст. 258 «Незаконная охота» (1%).

Лидирующую позицию занимают преступления, предусмотренные ст. 260 УК РФ, и в таких регионах, как Республика Алтай (78%-93%), Забайкальский край (86%-92%). Наибольшую долю незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) занимает в структуре экологической преступности Сахалинской области (80%-88%), Камчатского края (90%-95%) и Астраханской области (80%-88%). Значимая доля приходится на преступления, предусмотренные ст. 258.1 УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в

Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации», в таких регионах, как Астраханская область (9%-18%), Сахалинская область (4%-7%).

Таким образом, структура экологической преступности субъектов Российской Федерации во-многом определяется особенностями природоресурсного обеспечения регионов и доступностью криминальных каналов сбыта. В большинстве регионов, в которых фиксируется высокий коэффициент экологической преступности, проходит государственная граница Российской Федерации. В связи с этим, необходимо повысить государственный контроль за добычей и перемещением рыбных ресурсов и древесины в приграничных районах.

Статистические исследования экологической преступности, на основе имеющихся разнообразных источников информации, позволяют довольно точно оценить состояние этого вида преступности и спрогнозировать ее основные тенденции. В настоящее время важнейшее значение приобретает региональный аспект такого рода исследований.

Снyткин Руслан Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О некоторых особенностях исполнения альтернативных видов уголовных наказаний

Современная система уголовных наказаний в России представлена в главе 9 Уголовного кодекса РФ тремя категориями наказаний: основные, дополнительные и альтернативные (наказания, которые могут применяться как в качестве основных, так и в качестве дополнительных), из общей совокупности которых формируется так называемая «лестница наказаний». Здесь мы хотели бы отметить, что употребляем понятие *«альтернативные наказания»* (от лат. сл. *alternatus*, т. е. другое, чередующееся) только с точки зрения их возможности применения в порядке как основных, так и дополнительных к основным наказаниям санкций за совершенное преступление[1]. Поскольку и в литературе, и в ряде нормативных правовых или нормативных актов можно встретить употребление термина *«альтернативные наказания»* соотносительно с уголовными наказаниями, связанными с изоляцией осужденных от общества[2]. То есть речь в таком случае идет о наказаниях, альтернативных, как правило, лишению свободы на определенный срок. Так, например, лексема «альтернатива» в самом уголовном кодексе употребляется в диспозиции ст. 53.1 при разъяснении такого вида уголовного наказания как принудительные работы[3]. Закон напрямую определяет принудительные работы как возможную *альтернативу* лишению свободы в специально предусмотренных Особенной частью кодекса случаях.

---

[1] Собственно говоря, такое толкование рассматриваемой категории уголовных наказаний является достаточно устоявшимся (традиционным) в теории уголовного и уголовно-исполнительного права; нередко в данном аспекте различные авторы применяют также названия *«смешанные»* или *«универсальные»* виды наказаний, имея в виду, конечно, те же самые их характерные особенности. Однако, следует признать, что в современных публикациях все чаще лексема «альтернатива» дефинируется именно при анализе актуальных (возможных или реализуемых) уголовно-правовых мер государственного принуждения, которыми может быть справедливо заменено одно из наиболее строгих наказаний – лишение свободы на определенный срок.

[2] См., например: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Подройкина И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М.: Юстицинформ, 2017. С. 131.

[3] В тексте действующего кодекса на сегодняшний день это единственный случай прямого применения означенного термина относительно вида уголовного наказания.

Итак, рассматриваемые в нашей статье альтернативные виды уголовных наказаний – которые могут применяться приговором суда к преступнику как в качестве основных (или в качестве единственных), так и в качестве дополнительных (то есть в совокупности с первым, основным видом наказания) видов наказания (санкций) за совершенное им деяние.

В этом толковании понятия, собственно, и выражается первая, родовая особенность исполнения рассматриваемой в нашей статье категории уголовных наказаний – в возможности их реализации как в качестве одного единственного (или основного) наказания к преступнику, так и в качестве дополнительной меры исправительного воздействия на субъекта уголовной ответственности, которая призвана развивать профилактический эффект результатов применения первичного (основного) уголовного наказания (например, исправительных работ, ареста, лишения свободы, и, кроме того, принудительных работ). Так, в частности, одним из самых распространенных в судебной практике решений при вынесении обвинительного приговора лицу (особенно при привлечении к уголовной ответственности за общеуголовные корыстные преступления против собственности) является назначение виновному в совокупности двух самостоятельных уголовных наказаний – лишения свободы на определенный срок и штрафа, устанавливаемого в размере от 5 тыс. до 5 млн. рублей. Исполнению в таком случае наказания могут подлежать как одновременно, так и раздельно (по времени). Субъекты исполнения наказаний также отличаются. В приведенном в примере случае таковыми могут выступать соответственно: исправительные учреждения и судебные приставы-исполнители по месту жительства (работы) осужденного[1].

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению следующих особенностей предмета нашей статьи, важно уточнить перечень уголовных наказаний, входящих в категорию альтернативных. К таковым действующий уголовный закон (а именно он и только он исчерпывающе определяет виды наказаний за преступления) относит три вида мер государственного принуждения, назначаемых обвинительным приговором суда:

[1] Подробнее см. положения статьи 16 («Учреждения и органы, исполняющие наказания») Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

1	Штраф	Содержание наказания, его сроки и размеры определяются ст. 46 Уголовного кодекса РФ	Режим исполнения и отбывания наказания установлен Главой 5 Уголовно-исполнительного кодекса РФ
2	Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	Содержание наказания и его сроки определяются ст. 47 Уголовного кодекса РФ	Режим исполнения и отбывания наказания установлен Главой 6 Уголовно-исполнительного кодекса РФ
3	Ограничение свободы	Содержание наказания и его сроки определяются ст. 53 Уголовного кодекса РФ	Режим исполнения и отбывания наказания установлен Главой 8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ

Основное содержание каждого из этих видов уголовных наказаний, их сроки (размеры), зависимость от категорий преступлений и характеристик личности субъектов уголовной ответственности определяются дефинитивными нормами Уголовного кодекса в статьях главы 9 (виды наказаний) и главы 10 (правила назначения наказаний). Как известно теории и практике уголовного права, подобные положения уголовного закона не могут подлежать расширительному или ограничительному толкованию [1]. Более того, в первой же статье Уголовного кодекса определено, что уголовное законодательство формируется исключительно в пределах текста кодекса. Любые новые законодательные решения, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в структуру кодекса. Развивается эта идея и в требовании принципа законности (ст. 3 УК РФ) о недопустимости применения уголовного закона по аналогии.

Порядок же и условия исполнения и отбывания рассматриваемых видов уголовных наказаний определяются регулятивными нормами Уголовно-исполнительного кодекса РФ в статьях вышеуказанных глав 5, 6 и 8. Однако здесь важно отметить особенность исполнения альтернативных видов уголовных наказаний, которая выражается в следующем:

в отличие от строгих пределов объема уголовного законодательства, определяемых исключительно границами Общей и Особенной частей

[1] См., например: М.П. Пронина Определение понятия и содержания толкования уголовно-правовых норм // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2(46). С. 123–128.

Уголовного кодекса, источником уголовно-исполнительного права являются не только нормы статей, глав и разделов Уголовно-исполнительного кодекса, но и другие федеральные законы[1]. Другими словами, уголовно-исполнительное законодательство формируется не только кодифицированным нормативным правовым актом, но и многочисленными нормативными правовыми актами федерального уровня (федеральными законами), не входящими в структуру УИК РФ;

более того, согласно диспозиции статьи 4 УИК РФ, в систему источников уголовно-исполнительного права, регулирующего вопросы исполнения уголовных наказаний, могут входить и подзаконные нормативные правовые акты (постановления, приказы, инструкции, указания), принимаемые федеральными министерствами и ведомствами, органами исполнительной власти.

Таким образом, фактической правовой основой порядка и условий исполнения альтернативных видов уголовных наказаний являются не только статьи и главы Уголовно-исполнительного кодекса, но и широкий перечень материальных, процессуальных, регулятивных норм других федеральных законов и основанных на них подзаконных нормативных правовых актов. Кроме того, важное юридическое и правоприменительное значение имеют судебные разъяснения актуальных вопросов назначения наказаний и исполнения судебных решений[2].

Для наглядности разъяснения вышеописанной характеристики исследуемых видов наказаний мы составили следующую таблицу:

№	*Вид наказания*	*Содержание наказания и режим исполнения*	*Порядок и условия исполнения наказания*	*Субъекты исполнения наказания*
1	Штраф	Регулируется нормами: статьи 46 УК РФ, статей 31 и 32 УИК РФ	Регулируется нормами Федерального закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 04.08.2023)	Федеральная служба судебных приставов (ФССП России): судебные приставы-исполнители по месту жительства осужденного

[1] См. подробнее ч. 1 ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (в ред. от 18.12.2018) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. от 18.12.2018) // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

2	Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	Регулируется нормами: статьи 47 УК РФ, статей 33 - 38 УИК РФ	Регулируется нормами Приказа Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (ред. от 22.08.2014)	1. Уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства (работы) осужденного 2. Учреждения и органы, исполняющие основной вид наказания (напр., исправительная колония или исправительный центр) 3. Администрация организации, в которой работает осужденный 4. Органы, правомочные аннулировать разрешение на занятие соответствующей деятельностью
3	Ограничение свободы	Регулируется нормами: статьи 53 УК РФ, статей 47.1 – 60 УИК РФ	Регулируется нормами Приказа Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (ред. от 02.11.2016)	Уголовно-исполнительная инспекция (ФСИН России)

Исходя из анализа содержания указанных в таблице нормативных правовых актов, регулирующих порядок и условия исполнения альтернативных видов уголовных наказаний, мы хотели бы очень кратко отметить отдельные особенности режима этих наказаний, зависимые от того, в каком качестве эти наказания применяются: в качестве основного или в качестве дополнительного вида наказания.

Так, в частности, при исполнении штрафа, назначенного в качестве основного вида наказания:

может быть признан злостно уклоняющимся осужденный, не уплативший штраф (или первую его часть) в срок 60 дней;

после чего судебный пристав-исполнитель не ранее 10, но не позднее 30 дней со дня истечения указанного срока направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания, кроме лишения свободы;

суд в порядке уголовно-процессуального законодательства может принять решение о замене штрафа другим видом наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ.

При исполнении же штрафа, назначенного в качестве дополнительного вида уголовного наказания, содержание решений несколько отличается:

признается злостно уклоняющимся осужденный, не уплативший штраф (или первую часть) в срок 60 дней;

в последующем суд направляет в ФССП исполнительный лист с копией приговора суда и распоряжением о принудительном взыскании штрафа;

в срок не позднее 3 дней судебный пристав возбуждает исполнительное производство и далее судебный пристав-исполнитель принимает меры по принудительному взысканию штрафа в порядке ФЗ «Об исполнительном производстве» (по общему правилу взыскание реализуется в 2-месячный срок).

При исполнении наказания, регулируемого ст. 47 УК РФ, назначенного в качестве основного, непосредственным субъектом исполнения наказания выступает уголовно-исполнительная инспекция ФСИН России, начиная с момента вступления приговора суда (или иного судебного решения) в законную силу. С этого же момента начинает и исчисляться срок лишения соответствующего права. Такие условия распространяются и на случаи исполнения наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ, назначенного в качестве дополнительного, но только – к уголовным наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества[1].

В случаях же исполнения наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ, назначенного в качестве дополнительного к основным видам наказаний, которые связаны с изоляцией осужденных от общества и соответствующим содержанием осужденных в специализированных учреждениях (напр., исправительной колонии, дисциплинарной воинской части), имеются существенные отличия в режиме исполнения дополнительного наказания:

---

[1] Исключением в данном правиле являются случаи сопряжения рассматриваемого дополнительного наказания с основным в виде принудительных работ (см. подробнее – ч. 2 ст. 36 УИК РФ).

при таких обстоятельствах первичным субъектом исполнения назначенного дополнительного наказания о лишении осужденного права заниматься определенной деятельностью выступает специализированное учреждение (например, исправительная колония общего режима или арестный дом), в котором содержится осужденный при отбывании своего основного наказания (например, лишения свободы на определенный срок или ареста соответственно);

после отбытия осужденным основного наказания к работе по исполнению назначенного дополнительного наказания приступает уголовно-исполнительная инспекция по месту жительства (работы) осужденного;

исчисление срока отбывания дополнительного наказания в таком случае начинается не ранее чем со дня освобождения осужденного от отбывания основного (первого) наказания.

При анализе режима такого альтернативного уголовного наказания как ограничение свободы мы обратили внимание на следующие характерные особенности:

во-первых, уголовный закон определяет исчерпывающий перечень возможных к применению мер ограничения (всего их семь): не изменять место жительства (пребывания), не выезжать за пределы определенной территории, не изменять место работы или учебы, не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, не посещать определенные мероприятия и не участвовать в них, обязанность являться в УИИН от 1 до 4 раз в месяц для регистрации;

во-вторых, применяться эти ограничения (обязанности) в соответствующем закону порядке могут как отдельно, так и в совокупности; при этом только первые две меры ограничений (из приведенного выше перечня) при вынесении судебного решения носят обязательный характер (см.: ч. 1 ст. 53 УК РФ);

в-третьих, при исполнении данного уголовного наказания субъект исполнения, которым в данном случае выступает только уголовно-исполнительная инспекция ФСИН России, в зависимости от отношения осужденного к режиму отбывания наказания может вносить в суд представление об отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденного ограничений свободы;

в-четвертых, злостное уклонение осужденного от отбывания данного вида наказания, назначенного в качестве дополнительного, может повлечь наступление уголовной ответственности за преступление в соответствии со ст. 314 УК РФ.

Вышеперечисленные нами особенности содержания рассматриваемых альтернативных видов наказаний, порядка и условий их исполнения носят тезисный и очень краткий характер, что было

обусловлено требованиями, предъявляемыми к оформлению публикуемого текста работы. Однако в завершении статьи мы хотели бы остановиться еще на одном немаловажном аспекте.

Характерной особенностью, объединяющей категорию рассматриваемых нами альтернативных уголовных наказаний, является то, что из общего числа предусмотренных Уголовным кодексом тринадцати видов уголовных наказаний, это единственные наказания, которые могут назначаться и исполняться в качестве основных, и при этом не связаны ни с изоляцией осужденных от общества, ни с их обязательной трудовой деятельностью. Другими словами, содержание каждого из представленных в работе трех видов уголовных наказаний не предполагает при его исполнении ни привлечение осужденных к труду, ни помещение (водворение) их в какие-либо места принудительного содержания. Любые другие виды уголовных наказаний (в соответствии с их перечнем и содержанием, сформулированными в главе 9 УК РФ), которые могут применяться в качестве основных, в установленном законом режиме исполнения предполагают в качестве средств исправления осужденных и достижения полагаемых целей наказания либо обязательную трудовую деятельность осужденного лица (напр., исправительные работы), либо его изоляцию (напр., арест), либо и то и другое в совокупности (напр., лишение свободы на определенный срок).

Таким образом, понимая значимость целей уголовно-исполнительного законодательства (см.: ст. 1 УИК РФ), ожидаемого результата исполнения назначенного уголовного наказания (который должен сводиться к исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений), в случае с рассматриваемыми нами альтернативными уголовными наказаниями в перечне возможных к применению субъектами исполнения наказания основных средств исправления осужденных сохраняются в общей сложности лишь режим, воспитательная работа и, в исключительных случаях, общественное воздействие[1].

Исходя из этой важной особенности, мы может прийти к выводу, что достижение определяемых законом целей исполнения альтернативных уголовных наказаний зависит исключительно от эффективности работы субъектов исполнения наказаний, в основу которой должны закладываться не только профессиональные компетенции специалистов, но также их материально-техническая оснащенность и обеспеченность силами и средствами.

[1] Общий перечень из шести основных средств исправления осужденных регламентирован ст. 9 УИК РФ.

Соловьев Владислав Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Осипенко Анатолий Леонидович,
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника
Краснодарского университета МВД России
по научной работе

Формы проявления организованной преступности в информационно-телекоммуникационной среде

В начале третьего десятилетия XXI века в России сложилась такая ситуация, в которой вся преступная деятельность, которая в принципе допускает возможность применения сети Интернет для подготовки или совершения общественно опасных деяний, проникла в информационно-телекоммуникационное пространство. Разумеется, в стороне не осталась и организованная преступность. Беспрецедентные возможности для непосредственного совершения преступлений, вовлечения в преступную деятельность, консолидации криминальных элементов, конспирации действий преступников и легализации преступных доходов очень быстро осознаны и стали использоваться организованными преступными формированиями.

Однако в криминологической науке предпринимались лишь отдельные попытки исследования форм организованной преступности в сети Интернет. Между тем, такие исследования – это путь к разработке мер предупреждения киберпреступлений, формированию единой системы антикриминального контроля киберпространства на основе криминологически значимой информации о деятельности организованной преступности в киберпространстве.

Анализ научных источников, материалов правоприменительной и правоохранительной практики, наработки субъектов профилактики киберпреступлений, контент-анализ средств массовой информации и информационного пространства сети Интернет позволил выделить шесть обобщенных видов криминальной деятельности организованных преступных формирований в киберпространстве.

1. Хищения денежных средств в организованных формах с использованием методов социальной инженерии.

По данным Банка России, 50,4% операций без согласия клиентов в системах дистанционного банковского обслуживания физических лиц сопровождалось применением методов социальной инженерии[1].

После начала специальной военной операции на территории Украины удалось обнаружить свидетельства того, что мошеннические способы дистанционного хищения денежных средств с использованием методов социальной инженерии являются одним из наиболее организованных и масштабных видов криминальной деятельности. По оценке специалистов Сбербанка, к моменту начала специальной военной операции общее количество мошеннических колл-центров по всей Украине превышало 3000[2].

Можно выделить следующие признаки наличия организованного характера указанного вида противоправной деятельности:

1) Наличие организационно-управленческой структуры и распределение ролей при организации и функционировании мошеннических колл -центров:

– лидеры организованных преступных формирований, организующие и контролирующие криминальную деятельность, принимающие стратегические управленческие решения относительно развития, распределения доходов, взаимодействия с другими преступными группами, налаживания и поддержания коррупционных связей с представителями органов власти и правоохранительными органами;

– непосредственные исполнители преступлений, к числу которых относятся сотрудники «первой линии обзвона» («холоднозвонящие», «звонари»), в обязанности которых входит установление контакта с потенциальной жертвой, и сотрудники «второй линии обзвона» («клоузеры»), основной задачей которой как раз и является убеждение жертвы перевести деньги;

– члены преступной группы, выполняющие обеспечивающие функции: группа «пробива» (преступники, задачей которых является сбор максимального количества данных о потенциальной жертве); группа технической поддержки, ответственная за работоспособность программных и аппаратных средств совершения преступлений; сотрудники рекрутинговой службы, занимающиеся размещением объявлений о приеме на «работу» и проведением собеседований с потенциальными кандидатами; сотрудники, ответственные за вывод и обналичивание похищенных денежных средств с использованием карт и счетов «дропов», специализированных сервисов в DarkNet,

[1] Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. URL: http:// https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022 (дата обращения: 20.10.2023).

[2] Мошеннический колл-центр «Бердянск». URL: https://promo.sber.ru/kibrary/assets/berdyansk.pdf (дата обращения: 22.10.2023).

криптокошельков, а также сотрудники, осуществляющие выплату «зарплаты» и оплату текущих расходов колл-центров (арендная плата, коммунальные услуги и др.).

Масштабы организованной преступной деятельности в указанной сфере привели и к привлечению легальных коммерческих структур для выполнения некоторых обеспечивающих функций. Так, риелторы занимаются поиском помещений под колл-центры (арендная плата за такое помещение в среднем на 30-40% выше, чем за помещение для любого другого вида деятельности), компьютерные фирмы занимаются продажей и настройкой оборудования «под ключ».

2) Наличие отработанных схем совершения преступлений. Схемы обмана постоянно совершенствуются от банального получения доступа к конфиденциальным данным банковских карт и оформления кредитов на потерпевших через онлайн-кабинеты до проведения целых психологических операций над жертвами на протяжении длительного периода времени, в результате которых потерпевший лично пополняет счета мошенников через банковские терминалы (не только имеющимися наличными, но и кредитными средствами), а в отдельных случаях даже продает имущество. Зачастую злоумышленники возвращаются к обманутым гражданам, чтобы обмануть их повторно.

В деятельности сотрудников мошеннических колл-центров используются алгоритмы («скрипты») разговоров с потенциальными жертвами, «методички» по работе со «сложными клиентами», отработке вопросов и возражений. В арсенале преступников имеются конструкторы фишинговых сайтов, дающие возможность мошеннику создавать «личный кабинет» под каждого клиента во время разговора. Для этого злоумышленник запрашивает у жертвы максимальный набор данных по ее банковским продуктам (задаются вопросы о счетах и картах, последних совершенных операциях, балансе и т. д.). После того, как сбор данных завершен, мошенник создает html-страницу через меню конструктора, полностью повторяющую личный кабинет жертвы с ее продуктами, и может демонстрировать клиенту якобы работу с его личным кабинетом, присылая скриншоты. Если у жертвы возникают сомнения во время разговора с мошенниками, в конструкторе имеется возможность автоматически создавать поддельные документы и справки от имени банков и правоохранительных органов.

Аналитиками преступных групп тщательно изучаются способы защиты банков и проводится поиск слабых мест в этой системе.

3) Мощное коррупционное прикрытие. В интервью 2020 года тогдашний директор ФСИН России А. Калашников признавал, что в российских местах лишения свободы существует практика передачи заключенным средств связи сотрудниками исправительных учреждений за

материальное вознаграждение [1] . На территории Украины до начала специальной военной операции преступники целенаправленно работали исключительно или преимущественно по гражданам России под контролем службы безопасности Украины и олигархических кланов.

4) Качественное методическое, техническое, информационное и ресурсное обеспечение деятельности преступных групп, в том числе, финансирование дальнейшего развития и расширения преступной деятельности. Преступные группы закупают дорогостоящие клиентские базы данных, сотрудничают с психологами и иными специалистами, которые обучают сотрудников колл-центров основам нейролингвистического программирования и грамотному построению речи. Для исполнителей преступлений оборудуются типовые рабочие места, включающие в себя программное обеспечение для шифрования данных на жестком диске, средства ip-телефонии, используемые для обзвона, антивирусные программы, чаты для общения сотрудников между собой, постановки задач и передачи рабочих материалов, чаты для общения сотрудников с жертвами, proxy-клиенты, CRM-системы.

5) Расширение криминальной деятельности через обучение новых преступников, в том числе возможность сотрудничества с преступными группами по «франшизе». Преступники обучают сотрудников будущей «франшизы» своим схемам работы, помогают с организацией колл-центра и уведомляют правоохранительные органы о «запуске» нового центра во избежание потенциальных проблем. Соответственно около половины чистой прибыли такого колл-центра отдается «франчайзеру».

2. Хищения денежных средств без применения социальной инженерии, предполагающие воздействие на программно-аппаратные средства банковских или финансовых организаций, а также использование скомпрометированной конфиденциальной информации.

Около 49,6% несанкционированных банковских операций происходит без использование социальной инженерии. Больше всего таких деяний происходит путем использования средств воздействия на банкоматы и терминалы (75,9% без использования методов социальной инженерии) и путем вмешательства в системы дистанционного банковского обслуживания юридических лиц (30,5%)[2].

Привлекательность совершения анализируемого вида хищений для организованной преступности обусловлена двумя основными причинами.

[1] ФСИН объявил войну беспилотникам и тюремным колл-центрам URL: https://fsin.gov.ru/press/media/index.php?ELEMENT_ID=553624 (дата обращения: 22.10.2023).

[2] Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций. URL: http:// https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey_2022/ (дата обращения: 20.10.2023).

Во-первых, это потенциальная возможность получить высокий доход от совершения преступлений.

Во-вторых, это необходимость распределения ролей в преступной деятельности для баланса ее максимальной эффективности и конспирации. К таким ролям относятся:

– разработка вредоносных программ с учетом разнообразия операционных систем, программного обеспечения банковских и финансовых организаций, модернизации организационных, правовых и технических средств обеспечения информационной безопасности;

– оптимизация способов доставки и заражения вредоносным программным обеспечением;

– вывод и обналичивание денежных средств.

В определенных криминальных действиях может участвовать широкий круг лиц, находящихся в разных местах (часто группа приобретает транснациональный характер), а отдельные субъекты, обладающие преступной специализацией, могут одновременно участвовать в деятельности нескольких групп, исполняя в каждой сходные функции. Участники сетевых групп нередко лично незнакомы, а координация деятельности осуществляется с использованием сетевых технологий. При этом управляющие группой центры могут находиться в нескольких местах, определяемых сложившимися обстоятельствами (расположение фигурантов, обеспечение безопасности и др.).

Условно к этому же способу посягательств можно отнести использование фишинговых сайтов или электронных сообщений. Несмотря на то, что при реализации такого способа хищения присутствует элемент социальной инженерии (преступнику необходимо убедить жертву в том, что используемый сайт является настоящим, либо в том, что необходимо открыть вложение в электронном сообщении), тем не менее, в большинстве случаев как таковое взаимодействие преступника с потенциальной жертвой отсутствует, а завладение предметом хищения происходит помимо воли собственника.

Занимающаяся вопросами кибербезопасности компания F.A.C.C.T. обнаружила в 2022 году в российском сегменте интернета около 18 000 фишинговых сайтов, что на 15% больше, чем годом ранее. Такой рост эксперты связывают с масштабированием популярной мошеннической схемы «Мамонт» (FakeCourier). Чаще всего в качестве приманки мошенники используют фишинговые ресурсы под видом банков, онлайн-сервисов и платежных систем. Мошенники зарабатывают на темах курьерской доставки, аренды недвижимости, продажи автомашин, совместных поездок и даже походов на свидания. После выхода схемы в Европу, суммарный ежегодный заработок всех преступных групп, использующих данную схему мошенничества, оценивался минимум в 6,2

млн. долларов США[1]. Фишинговые ресурсы маскировались под сайты финансовых учреждений (44%), онлайн-сервисов (11%), маркетплейсов (9%), платежных сервисов (8%), почтовых сервисов (7%), социальных сетей (7%), служб доставки (5%), букмекерских контор (4%), Интернет-провайдеров (2%), государственных структур, криптовалютных бирж и обменников, облачных хранилищ (по 1%).

3. Посягательства на информационную инфраструктуру при помощи вредоносного программного обеспечения, в том числе для похищения информации, составляющей охраняемую законом тайну.

Реализация такой криминальной схемы может преследовать две цели – непосредственно причинение вреда информационной инфраструктуре, блокирование или существенное затруднение работы Интернет-ресурсов по различным мотивам (политическим, хулиганским, экстремистским), так и вымогательство денежных средств за восстановление работоспособности информационной инфраструктуры.

Д.А. Липинский и К.Н. Евдокимов, анализируя политические причины как современные факторы эволюции компьютерной преступности в России, отмечают, что «протестной формой хактивистского движения является гражданское неповиновение в виде блокирования правительственных веб-сайтов, перенаправления URL, совершения DDoS-атак, краж компьютерной информации, создание сайтов-пародий и т. д.»[2]. Кроме того, к организованным формам киберпреступности можно отнести деятельность государственных органов, специальных служб и хакерских групп из враждебных государств, стремящихся причинить вред государственным интересам России, помешать функционированию механизма государственной власти. Дополнительный импульс такая враждебная деятельность получила с началом специальной военной операции на территории Украины.

Однако гораздо чаще встречаются ситуации, когда представители организованных преступных формирований преследуют корыстную цель и используют вредоносные программы для посягательств на информационную инфраструктуру с целью последующего вымогательства за восстановление работоспособности.

Анализируя внутреннюю организацию преступных формирований, посягающих на информационную инфраструктуру при помощи вредоносного программного обеспечения, в том числе для совершения

[1] Фиши прилетели: Group-IB выявила рекордное число мошеннических ресурсов в Рунете в 2022 году. URL:https://www.facct.ru/media-center/press-releases/phishing-runet-2022/ (дата обращения: 12.10.2023).

[2] Липинский Д.А., Евдокимов К.Н. Политические причины как современные факторы эволюции компьютерной преступности в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 101–110.

хищений, а также для похищения информации, составляющей охраняемую законом тайну, В.С. Овчинский отмечает, что в таких группах меньшинство являются профессиональными преступниками, а основной контингент составляют работники банков, IT-компаний и т.п. С известной долей преувеличения автор предлагает именовать такие группы «ОПГ преступников в свободное от работы время»[1]. Многие преступные группы такого формата отличаются высокой мобильностью и пластичностью, они способны перейти от одной преступной деятельности к другой или быстро расширить свою специализацию. Во многих случаях преступные группы работают по бизнес-модели «по требованию» или «киберпреступление как услуга» и становятся активными только после появления новых возможностей получения прибыли или заказа со стороны (например, заказа на получение из информационной системы коммерческой, государственной или иной охраняемой законом тайны, либо заказа на блокирование доступа к информационным ресурсам).

4. Организованный криминальный бизнес, предполагающий незаконную реализацию запрещенных к обороту товаров или оказание услуг при помощи ресурсов сети Интернет и DarkNet:

– торговля наркотическими средствами и психотропными веществами. По оценкам исследователей, торговля наркотиками уже к 2017 году стала составлять большую часть нелегальной онлайн-торговли. К 2019 году доля торговли наркотиками в DarkNet достигла около 2/3 всего объема продаж товаров и услуг[2]. Кроме работающих наркомагазинов в DarkNet можно встретить предложения о трудоустройстве, по которым можно судить о распределении ролей в группах, занимающихся оборотом наркотиков. В частности, постоянно присутствуют предложения о наборе лиц, занимающихся рекламной деятельностью (разработчики дизайна магазинов и торговых площадок в DarkNet, «граффитчики», «трафаретчики» – лица, наносящие при помощи баллончика с краской и специального трафарета рекламу с контактными данными магазина на заборы, здания, асфальтовые дороги и т.п.), курьеров («кладмэнов») – розничных сбытчиков наркотиков бесконтактным способом, водителей для перевозки наркотиков между городами, операторов складов, контролирующих сохранность оптовых партий наркотика в определенном месте (чаще в съемной квартире), операторов по набору кадров, принимающих «на работу» всех лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков, устанавливающих их личности, проверяющих их по ведущимся у преступников базам данных и др. Потенциальным

[1] Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 209.

[2] Мустафин Т.А., Рыбинец А.Г. Оценка влияния интернет-технологий на нелегальное распространение наркотиков // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2019. № 3 (21). С. 36–47.

«работникам» обещают гарантии безопасности, правда, содержание таких гарантий не раскрывается. В преступных группах имеются собственные или привлеченные группы обеспечения безопасности, в обязанности которых входит «наказание» лиц, похитивших у группы деньги или наркотики. Разумеется, как и в любом криминальном бизнесе, в таких группах имеется и высшее звено – организаторы, осуществляющие общее руководство процессами поставок и сбыта наркотиков, а также лица, занимающиеся выводом и обналичиванием полученных денежных средств.

– торговля оружием. Исследователи отмечают, что в отличие от западного сегмента DarkNet, где ему посвящены большие разделы на крупнейших торговых площадках, в России оружие через Интернет продают не так активно [1]. Поскольку объемы торговли оружием с использованием информационно-телекоммуникационного пространства значительно меньше объемов торговли наркотиками, то и организация преступной группы выглядит несколько иным образом и включает, как правило, поставщиков (лица, похищающие военное и служебное оружие, «черные копатели», мастера, способные изготовить или переделать оружие и др.), продавцов, обеспечивающих работоспособность сетевого магазина и взаимодействующих с покупателями, курьеров, доставляющих оружие лично, через «закладку» или посредством почтовых отправлений, а также лиц, ответственных за обналичивание полученных денежных средств.

– проституция и вебкам-бизнес. Развитие Интернет-технологий привело к формированию двух тенденций в сфере сексуального бизнеса. Во-первых, в киберпространство вышли лица, оказывающие сексуальные услуги. Интернет-ресурсы используются ими для рекламы, поиска клиентов, оптимизации общения с ними. Второй тенденцией является использование Интернет-технологий для организации элитного секс-бизнеса, где на первые роли выходит деятельность преступных групп. И.С. Алихаджиева описывает примерную схему работы таких групп: в мессенджерах создаются групповые чаты или каналы, куда можно попасть только по личному приглашению участника. В них публикуются объявления о поиске лиц, оказывающих сексуальные услуги, с учетом пожеланий клиента по типажу, уровню заработка или географии места работы. У каждой группы есть администратор, в обязанности которого входит контроль за соблюдением участниками установленных правил. Система безопасности отлажена путем фильтрации новичков. Регистрация в такой группе обязательно проверяется модератором в справочных группах и при отсутствии достоверной информации о новом участнике или вхождения в группу без рекомендации кого-то из членов сообщества он блокируется.

[1] Мазур А.А. Актуальные проблемы предупреждения преступности в социальной сети DarkNet // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 3(33). С. 125–129.

В чат-справочных размещают информацию о менеджерах, клиентах и работницах службы эскорта. Это своего рода картотека сообщества эскорта, где дается полная характеристика заказчикам, если они являются постоянными пользователями услуги.

Менеджеры, агенты или сутенеры, организующие встречи, – это, как правило, мужчины, ранее наладившие «бизнес» в элитных притонах, и бывшие эскортницы. Онлайн-агент за неделю зарабатывает до сотни тысяч рублей с фиксированным процентом от 10 до 30 за каждую организованную им встречу. Агентское вознаграждение за посредничество выплачивается девушками после визита к клиенту[1].

Относительно новым, но растущим максимально быстрыми темпами в информационном пространстве явлением является вебкам-бизнес, который можно охарактеризовать как оказание коммерческих онлайн-услуг сексуального характера в режиме реального времени посредством общения веб-модели и зрителей (мемберов) в видеочате для удовлетворения сексуальных и иных потребностей последних, организованном на сайте, хостинге или иной тематической платформе[2]. Разумеется, появление такого бизнеса, потенциально способного приносить серьезный доход, не могло не привлечь преступные структуры, начавшие выполнять в этой сфере организаторские функции. К таким функциям можно отнести поиск и обустройство помещений для проведения трансляций, создание и поддержку аккаунтов для ведения стримов, настройка оборудования, освещения и иное создание условий для качественной трансляции, поиск моделей, разработка шоу-программы и образов моделей для съемок. Можно констатировать сходство деятельности организаторов вебкам-бизнеса и уголовно наказуемых по ст. 241 УК РФ действий по организации занятия проституцией за тем исключением, что в настоящее время правовые основания для привлечения к уголовной ответственности первых фактически отсутствуют.

– игорный бизнес. Согласно результатам исследований, организация и проведение азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, составляет около 80% от общего числа преступлений, предусмотренных ст. 171^2 УК РФ[3]. Большая привлекательность организации игорного бизнеса онлайн по

---

[1] Алихаджиева И.С. Организация занятия элитной проституцией в сети Интернет // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 179–185.

[2] Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Вебкам-индустрия – новая угроза общественной нравственности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7(108). С. 75–81.

[3] Лимарь А.С. Особенности детерминации незаконных организации и проведения азартных игр // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 242–248.

сравнению с традиционными игровыми залами для организованной преступности обусловлена сугубо экономическими причинами (необходимость меньшего размера начальных инвестиций, отсутствие расходов на содержание помещений и персонала), а также значительно более обширными возможностями по конспирации и обеспечению устойчивости преступной деятельности. У преступников имеется возможность регистрации игровых Интернет-ресурсов в странах, где такая деятельность не запрещена, а в случае блокировки доступа к ресурсу в России – перенести на другой адрес.

Поскольку схемы организации криминального бизнеса, связанного с незаконной реализацией запрещенных к обороту товаров или оказанием услуг при помощи ресурсов сети Интернет и DarkNet в целом схожи, далее лишь перечислим оставшиеся виды такого бизнеса, представляющие интерес для организованной преступности в киберпространстве:

– продажа подделок различных товаров (копии брендов одежды, обуви, аксессуаров, электроники и др.), в том числе торговля контрафактным алкоголем и табачными изделиями;

– торговля ценными дикими животными и водными биологическими ресурсами, принадлежащими к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частями и дериватами (производными);

– продажа реквизитов банковских карт клиентов иностранных кредитных организаций, полученные при помощи неправомерного доступа к платежным сервисам и интернет-магазинам. При помощи этих реквизитов можно приобретать товары и оплачивать услуги в интернет-магазинах;

– предложения поиска информации о физических и юридических лицах из разных источников, так называемый «пробив по базам» (из информационных систем мобильных операторов, МВД, ФНС, ФССП и иных государственных органов);

– предложения «взлома» почты, мессенджеров, социальных сетей;

– предложения изготовления и продажи поддельных документов (паспорта, военные билеты, трудовые книжки и любые другие документы по желанию заказчика);

– продажа дебетовых карт банков России, вместе с которыми клиент получает информацию и документы, необходимые для пользования картой, для обналичивания прибыли от криминальных видов бизнеса;

– поиск и привлечение людей для регистрации юридических лиц и открытия на них банковских счетов.

В настоящее время технологии организации криминального бизнеса в DarkNet получили дальнейшее развитие. Если ранее продавец заключал соглашение с покупателем через зашифрованные линии связи, либо через администраторов Интернет-ресурсов, а для «чистоты» в сделке принимал

участие посредник, так называемый «гарант», обеспечивающий ее надежность и получающий за это определенный процент, то в настоящее время вводится система автоматической торговли. Деньги переводятся системе, где они «замораживаются» до момента, когда покупатель и продавец подтвердят сделку[1].

5. Посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних, оборот порнографических материалов или предметов с изображениями несовершеннолетних, совершаемые в организованных формах.

На протяжении достаточно длительного периода времени в киберпространстве функционирует международный рынок детской порнографии как один из самых прибыльных секторов теневой экономики. Вокруг него формируются сообщества педофилов, создающих спрос на сетевую трансляцию сцен сексуального насилия над детьми[2]. По различным оценкам, ежегодный общемировой доход от распространения детской порнографии в сети составляет от 2,5 до 20 млрд. долларов США, однако надежность такой информации вызывает сомнения[3]. Более объективно выглядит статистика международной организации Internet Watch Foundation (IWF), занимающейся ликвидацией в сети изображений и видеороликов со сценами сексуального насилия над детьми. Согласно последнему отчету организации, в 2022 г. ее сотрудниками были удалены более 255 000 Интернет-страниц, содержащих изображения или видеоролики со сценами сексуального насилия над детьми[4]. За последние пять лет количество таких страниц увеличилось более чем в три раза.

Масштабы преступной деятельности и механизм совершения преступлений, связанных с организацией изготовления и сбыта порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних, свидетельствуют о ее высокоорганизованном характере и необходимости ее рассмотрения с криминологической точки зрения в качестве единого криминального комплекса. Такой комплекс включает в себя деяния, связанные с поиском и привлечением несовершеннолетних для изготовления порнографических материалов, в том числе с применением насилия, организацией съемочного процесса, подготовкой отснятого

---

[1] Каримов В.Х. Влияние современных информационно-телекоммуникационных технологий на криминальный оборот огнестрельного оружия и боеприпасов // Право и политика. 2019. № 1. С. 40–45.

[2] Сочилина Е.Н., Коворотуша И.В. Общая характеристика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Научный портал МВД России. 2018. № 4 (44). С. 21–25.

[3] Павленко И.В., Егорова В.С. Детская порнография в сети Интернет: состояние проблемы и мировые тенденции противодействия ей // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 133–143. С. 134–135

[4] Internet Watch Foundation (IWF). URL: https://annualreport2022.iwf.org.uk/ (дата обращения: 11.09.2023)

материала к сбыту, налаживанием каналов сбыта, легализацией полученных доходов.

Одним из проявлений организованных форм посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних является объединение лиц, испытывающих сексуальное влечение к детям и подросткам, влекущее продуцирование криминальной идеологии педофилии. Отмечается, что особенность идеологии педофилии заключается в обосновании конструктивности сексуальных отношений между взрослыми лицами и детьми посредством псевдонаучных и философских доктрин. Это смягчает порицание педофилии в обществе, разрушая границы недопустимости вступления в половую связь взрослого и ребенка, способствует повышению виктимности несовершеннолетних и малолетних лиц, обеспечивает рост их вовлечения в занятие проституцией и оказывает влияние на продуцирование негативных социальных явлений, связанных с преступностью. Среди преступлений, детерминированных идеологией педофилов в сети Интернет, следует выделить преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступления, связанные с изготовлением и оборотом материалов порнографического характера с изображением несовершеннолетних лиц[1].

6. Деятельность экстремистских и террористических организаций.

Коммуникационные возможности сети Интернет могут использоваться экстремистскими и террористическими организациями в следующих направлениях:

– информирование пользователей о содержании радикальных экстремистских идеологий, оправдание действий участников террористических и экстремистских сообществ и организаций, призывы к вступлению в них;

– непосредственная вербовка новых членов экстремистских и террористических организаций;

– работа над созданием положительного образа террористов и экстремистов;

– использование коммуникационных возможностей сети Интернет для устрашения населения, в том числе вооруженных сил и высших должностных лиц государств.

Как и в случае с «аналоговой», традиционной организованной преступностью, объединение преступников в организованные группы и сообщества в «цифровой» сфере преследует цели расширения масштабов криминальной деятельности, в том числе и трансграничной, оптимального использования способностей преступников в соответствии с их задачами в группе, конспирации преступной деятельности. Высокоорганизованная

[1] Квашис В.Е., Ильницкий А.С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 26–31.

преступная деятельность значительно сложнее поддается влиянию профилактических мер, а также выявлению, раскрытию и расследованию. В связи с этим для криминологической науки важно накопление информации о формах проявления организованной преступности в информационно-телекоммуникационной среде и криминологических особенностях каждой из них, что позволит сформировать основу для эффективного противодействия рассматриваемому криминальному феномену.

Старостенко Олег Александрович,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
в органах внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Структура виктимологической характеристики жертв киберхищений

Последовательное развитие отечественной криминологической мысли закрепило личность в качестве самостоятельного элемента предметной области криминологии, образовав категорию личности преступника [1] . Изучение личности преступника осуществляется для выявления и оценки тех ее свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики[2]. Вместе с тем, как справедливо отмечает Л.В. Франк, «…действительно, если речь идет о значении личности преступника, то почему игнорируется личность жертвы? Ведь общественная опасность исходит не только от преступника, но и от жертвы» [3]. Исходя из этого формирование комплексной системы научного знания в области предупреждения преступлений и разработка мер антикриминальной практики недостижимы без информации о личности жертвы преступления. Именно жертва преступления является одним из факторов, способных как порождать и ускорять, так и нейтрализовать, замедлять преступные проявления[4].

В контексте киберхищений личность жертвы выступает одним из ведущих элементов механизма совершения преступления. Ее проявленная повышенная кибервиктимность способствует запуску преступного поведения, нередко провоцирует злоумышленника на совершение противоправных действий, облегчает реализацию последовательных алгоритмов киберхищений[5].

Многие отечественные и зарубежные ученые связывают повышенную индивидуальную кибервиктимность личности с особенностями ее социально-психологических и социально-демографических качеств.

---

[1] См.: Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Акад. МВД СССР, 1980. С. 22.

[2] См.: Антонян Ю.М. Криминология: избр. лекции. М.: Логос, 2004. С. 76.

[3] Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Душанбе: Ирфон, 1977. С. 3.

[4] См.: Франк Л.В. Указ. соч.

[5] См.: Репецкая А.Л., Петрякова Л.А. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 4. С. 453.

Так, Р. Титус и Анджела Р. Говер в научном труде «Повторная виктимизация» считают, что к основным психологическим качествам кибержертвы необходимо относить такие, как: жадность, доверчивость, беспечность, восприимчивость к лести, запуганность, рискованность, щедрость, порядочность[1].

Б. Хенсон, Б.В. Рейнс, Б.С. Фишер выяснили, что жертвы дистанционного мошенничества или близкие к нему жертвы демонстрируют высокую степень доверия[2].

К. Холтфретер и Т. Дж. Мейерс в работе «Проблемы теории, исследований и политики» установили, что самоконтроль является важным предиктором виктимизации[3].

Т. Бьюкенен и Моника Т. Уитти определили, что лица с высокой склонностью к идеализации романтических отношений имеют более выражающуюся склонность быть обманутыми[4].

Л.А. Киселева выделяет два типа виктимного поведения, присущего кибержертвам: активное поведение, провоцирующее своими действиями непосредственно совершение преступления (просьба, обращение) и агрессивное поведение, провоцирующее преступное действие (оскорбление, клевета, издевательство)[5].

О.Б. Бовть полагает, что наиболее распространенными, постоянно видоизменяющимися и совершенствующимися формами психологического воздействия на сознание и поведение людей являются многочисленные схемы киберхищений, хакерство, нарушение приватности и прав интеллектуальной собственности, распространение и навязывание нелегального контента[6].

Резюмируя изложенное, можно заключить, что характеризующими свойствами виктимности жертв киберхищений будут являться:

1) подавленность, печаль, тревога как базовые состояния (социально-психологическая характеристика жертвы);

---

[1] Farrell G., Pease K. (ed.). Repeat victimization. Criminal Justice Press, 2001. T. 12.

[2] Henson B., Reyns B. W., Fisher B. S. Cybercrime victimization // The Wiley handbook on the psychology of violence. 2016. P. 553–570.

[3] Holtfreter K., Meyers T. J. Challenges for cybercrime theory, research, and policy // International and Transnational Crime. 2015. P. 54.

[4] Whitty M. T., Buchanan T. The online romance scam: A serious cybercrime // CyberPsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. T. 15. №. 3. P. 181–183.

[5] Киселева Л.А. «Типы виктимного поведения жертв информационных мошенничеств. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/kiseleva_la.pdf (дата обращения: 03.10.2023 г.)

[6] Бовть О.Б. Кибервиктимология: мультидисциплинарность и перспективы развития // Грантовая научно-исследовательская и научно-образовательная деятельность: цели, технологии, результаты: коллективная монография/ Отв. О.П. Чигишева. В 9-ти томах. Том 4. Ростов-на-Дону: Изд-во МИЦ «Научное сотрудничество». С. 5–32.

2) доверчивость, наивность, сострадание (социально-психологическая характеристика жертвы);

3) ненасытность в помощи (социально-психологическая характеристика жертвы);

4) фиксация на ощущении безвыходности (социально-психологическая характеристика жертвы);

5) физическая вялость (социально-психологическая характеристика жертвы);

6) тяжелое материальное состояние, желание обогатиться (социально-психологическая характеристика жертвы);

7) высокий уровень тревоги [1] (социально-психологическая характеристика жертвы);

8) противоречивость (социально-психологическая характеристика жертвы);

9) одиночество (социально-психологическая характеристика жертвы);

10) агрессивность (социально-психологическая характеристика жертвы);

11) правомерность или противоправность (социально-психологическая характеристика жертвы);

12) пол (социально-демографическая характеристика жертвы);

13) возраст (социально-демографическая характеристика жертвы);

14) рода занятий (социально-демографическая характеристика жертвы);

15) уровень образования (социально-демографическая характеристика жертвы);

16) место жительства (социально-демографическая характеристика жертвы);

17) социальный статус и социальное положение [2] (социально-демографическая характеристика жертвы).

Вышеназванные признаки указывают на то, что киберхищения имеют интеллектуальную направленность. Преступник, воздействуя на интеллектуально-волевую сферу жертвы, манипулирует ей, искажает действительность. В свою очередь понимание действительности к жертве приходит лишь только после совершения противоправного деяния, так как до этого создавалось ощущение действия по собственному желанию. Необходимо отметить, что в определенной части жертва обладает свойствами преступника: жадностью, наглостью корыстью и др. Используя

[1] Вишневецкий, К. В. Социальный аспект криминальной виктимологии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 136–140.

[2] Старостенко О.А. Индивидуальная виктимность жертвы информационно-телекоммуникационного мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1(51). С. 28–32.

эти качества, мошенник добивается своей преступной цели – усыпляет бдительность «Взрослого» жертвы и переводит диалог на уровень «Ребенок – Ребенок». Данные действия искажают сознание жертвы, вследствие чего создается ощущение, что на самом деле сама жертва обманывает мошенника и руководит ситуацией[1].

[1] Шурухнов Н.Г., Дроздова И.Ю. Взаимодействие преступника и жертвы в современных видах мошенничества. Калуга, 2019 г.

Стебенева Елена Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
докторант научно-исследовательского отдела
Санкт-Петербургского университета МВД России

Уголовный закон в механизме противодействия коррупции

Противодействие коррупции является одной из приоритетных задач в государственной политики России, так как выступает одной из реальных угроз национальной безопасности, подрывающей авторитет и снижающей уровень доверия граждан к государственной власти. В Федеральном законе от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1] предупреждение коррупции, выявление и устранение причин и условий ее возникновения выступает как одно из основных направлений профилактики.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России [2], коррупционные преступления составляют не более 1% ежегодно от всего количества зарегистрированных преступлений в России. Количество зарегистрированных в России преступлений коррупционной направленности за последние годы не отличалось значительными тенденциями: 2018 год – 30495 фактов; 2019 год – 30991 факт; 2020 год – 30813 фактов; 2021 год – 35051 факт; 2022 год – 35340 фактов, что однако не дает право занижать общественную опасность рассматриваемого негативного социального явления, так как сущность коррупции заключается в высокой общественной опасности, влекущей тяжкие последствия в любой общественной сфере (экономике, культуре, образовании, здравоохранении и др.), которые порой невосполнимы и необратимы. Механизм противодействия коррупции представляет собой совокупность отношений, связанных с осуществлением мер, направленных на выявление, устранение, нейтрализацию коррупциогенных факторов; на борьбу с коррупционными проявлениями и минимизацию негативных последствий от коррупционных правонарушений. Механизм противодействия представляет собой различные уровни, направления реализации и систему субъектов, объектов антикоррупционного воздействия, что предполагает проведения планомерной, постоянной и повсеместной антикоррупционной политики в государстве.

Коррупция представляет собой негативное социальное явление, которое находит свое проявление во всех сферах жизни в виде коррупционных деяний, среди которых наибольшей общественной

[1] Статья 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Согласно статистическим формам отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД России за 2018-2022 гг. [Электронный ресурс]. ЦСИ ГИАЦ МВД России.

опасностью обладают преступления коррупционной направленности, предупреждение которых немыслимо без уголовного законодательства, являющегося частью антикоррупционного.

Антикоррупционное законодательство формируется, развивается, трансформируется неразрывно от коррупционных деяний. Извечное противостояние преступности и борьбы с ней, неизбежно откладывает отпечаток и на нормативные правовые акты, направленные на регламентацию ответственности за эти общественно опасные деяния, так как это является составляющей предупреждения, пресечения, выраженное в правовой форме. К антикоррупционному законодательству относятся нормативные правовые и иные акты (административного, гражданско-правового, дисциплинарного, уголовного и др. характера), регламентирующие содержание как самой коррупции, так и иных понятий, с ней связанных; меры по предупреждению коррупционных деяний и ответственности при нарушении установленных норм.

Уголовное законодательство выступает в роли наиболее карательного инструмента, что предопределено общественной опасностью и тяжестью деяний, на которые оно направлено. В механизме предупредительного воздействия уголовного законодательства одну из ключевых ролей играет воспитательная роль права, подкрепленная уголовным наказанием. Карательное воздействие и воспитание правонарушителя – это те средства, которые помогают достигать целей уголовной ответственности и в своей совокупности могут принести положительные результаты[1]. Содержание уголовной политики насыщают связи, правоотношения, взаимодействия, что составляет систему и наделяет функциями ее элементы, где особенное место занимает уголовный закон.

Уголовно-правовые нормы являются неотъемлемой частью уголовной политики, которые и формируются под ее воздействием. Уголовная политика является определяющей в государственной политики государства по противодействию преступности; она формирует в последующем уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную и криминологическую политику в целом, задавая им приоритетные направления, вектора развития и тенденции совершенствования.

В механизме противодействия коррупции уголовный закон отражает неизменно те тенденции, которые отмечаются в коррупционной преступности; он является своеобразным ответом законодателя на те изменения, трансформации в общественно опасных деяниях коррупционной направленности, которые протекают в современном обществе.

[1] Марцев А.И. Избранные труды. Омск: ОмА МВД России, 2005. С. 28.

Так, принятие в 2008 году Федерального закон «О противодействии коррупции»[1], послужило предпосылкой нового развития антикоррупционного законодательства, начиная от введения запретов, ограничений, обязанностей, возлагаемых на должностных лиц и послуживших основой антикоррупционного стандарта поведения, заканчивая включением в Уголовный кодекс РФ новых составов преступлений коррупционной направленности, предусмотренные статьей 291^1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», статьями 204^2 «Мелкий коммерческий подкуп», 291^2 УК РФ «Мелкое взяточничество»; внесения значительных изменений в санкции статьи 290 УК РФ «Получение взятки» (кратность штрафов) и др.

Помимо этого, примером могут служить не только криминализация сравнительно недавно деяний коррупционной направленности, предусмотренных статьями 201^2, 291^1, 291^2 УК РФ, а также внесение в Уголовный кодекс РФ статей 159^1–159^6 по мошенничествам в сфере кредитования, получения выплат (пособий, компенсаций, субсидий и др.), страхования, компьютерной информации; мошенничество с использованием электронных средств, где одним из квалифицирующих признаков является использование служебного положения (третьи части указанных статей)[2], что свидетельствует об интенсивном развитии в обществе информационных технологий и новых сфер оказания услуг, в том числе и в криминальной сфере, где достаточно высоки коррупционные риски.

Претерпевают трансформацию и способы совершения коррупционных деяний, все чаще, например, предметом взятки выступает криптовалюта, ценные бумаги, различные виды карт (подарочных, бонусных и т.п.); злоупотребление служебным положением осуществляется путем использования в личных целях информации из баз данных; совершение служебного подлога путем электронных подписей; нередко дача взятки совершается путем бесконтактной передачи денежных средств через перевод на банковские карты.

Так, например, в марте 2022 года начальник следственного отдела по Тверскому району г. Москвы Тамбиев М. был задержан по подозрению в совершении коррупционного преступления, позднее было установлено, что он получил от членов одной из хакерских группировок взятку в биткоинах, соответствующей примерно 1,6 млрд. руб. (расчет на 30 января 2023 г.), за не наложение ареста на их активы в ходе производства в

[1] Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон РФ от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

отношении них уголовного дела. Впоследствии1032,1 биткоина были обращены в доход государства[1].

Изменение совершения коррупционных деяний влечет за собой внедрение в механизм противодействия коррупции новых форм их предупреждения, в том числе путем корректировки правоприменительной практики и соответствующих ее разъяснений, например, в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»; от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[2].

Антикоррупционное законодательство постоянно совершенствуется, что актуализирует потребность в эффективном уголовном законе, с целью качественного противодействия коррупционным преступлениям, что достижимо путем изменения его, предвосхищая зарождающиеся новые проявления коррупции и, опережая надвигающиеся тенденции в коррупционной сфере: повсеместная цифровизация, сокрытие незаконных доходов через легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, через совершение «теневых» финансовых операций, применение криптовалютных миксеров, что повышает вероятность избегать виновным ответственности и т.п.

Уголовный закон в механизме противодействия коррупции выполняет не просто регламентирующую роль ответственности за преступные деяния коррупционной направленности, а наделяет правами и обязанностями в правоотношениях, связанных с уголовной ответственностью, что, как и иные нормы права являются основой противодействия преступности в целом.

Предупредительное значение уголовного закона в механизме противодействия коррупции состоит не только в том, что именно с его помощью определяется преступность деяния и устанавливается наказание за его совершение, а также и в выражении уголовно-правового воздействия, формируемого уголовно-правовой идеологией[3], служащей закреплению в обществе в целом стойкого неприятия преступности в целом, и коррупции в частности.

---

[1] Официальный сайт РБК 19.06.2023 г. URL: https://www.rbc.ru/society/19/06/2023/64906a329a79477fa147ba9b

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» //СПС «КонсультантПлюс».

[3] Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск: ОмА МВД России, 2013. 39 с.

Табакова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Предупреждение преступности несовершеннолетних в условиях информационной глобализации

Борьба с преступностью несовершеннолетних является важным элементом поддержания общественного порядка и безопасности. В условиях информационной глобализации преступления, которые совершаются подростками, становятся все более разнообразными и сложными, что делает борьбу с преступностью несовершеннолетних не только необходимой, но и чрезвычайно важной.

Современные технологии и социальные сети могут оказывать негативное влияние на развитие личности подростка и вызывать целый ряд психологических проблем, включая увлечение преступной деятельностью и нарушение правил социального взаимодействия. Доступность информации на любую тему и из любой точки мира делает неосведомленных и, главным образом, недобросовестных подростков более уязвимыми перед влиянием криминального общества. Социальные сети и мессенджеры предоставляют широкие возможности для распространения насилия, в том числе, запугивания и травли с использованием цифровых технологий и других агрессивных форм поведения. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, становятся сегодня все более распространенными и могут иметь серьезные последствия для потерпевших.

В условиях информационной глобализации различные преступные сообщества используют несовершеннолетних в качестве «кадров» для совершения преступлений, особенно в сфере киберпреступности. Важно отметить, что сегодня разрыв между «виртуальной» и «реальной» жизнью становится для несовершеннолетних все более значительным. Это может привести к агрессивному поведению с их стороны, возникновению негативных эмоций, и снижению самооценки. В этой связи борьба с преступностью несовершеннолетних является одним из основных механизмов противодействия негативному влиянию условий информационной глобализации на жизнь детей и молодежи, ведущим как к обеспечению безопасности самих несовершеннолетних, так и к защите прав других граждан.

Предупреждение преступности несовершеннолетних представляет собой процесс, обеспечивающий безопасность в условиях свободного перемещения людей и информации миру и снижающий риск возможных

преступных действий. Сегодня преступность среди несовершеннолетних приобретает все более широкие масштабы и проявляется в новых формах. Досуг молодежи все больше связан с компьютерами и смартфонами, предоставляющим им доступ к сети «Интернет», особенно к ее «теневой части», по-прежнему содержащей доступные экстремистские, террористические, нарко-, порно- и иные преступные ресурсы [1]. Это является своеобразным институтом социализации несовершеннолетних, формируя их ценности и нормы, не всегда ориентированные в правильном направлении, зачастую мотивируя на выполнение различных противоправных действий, включая киберпреступления[2].

Важно отметить, что преступность несовершеннолетних имеет определенные возрастные и психологические особенности, обусловленные своеобразием формирования и развития подростков, одной из которых является экстремальность сознания и поведения, действующая наряду с информационной глобализацией, обусловливающей процессы детерминации, недостаточно изученные современной криминологией и потому не учтенные в практике предупреждения преступности несовершеннолетних[3]. Наиболее характерными особенностями, присущими несовершеннолетним, описанными в криминологических исследованиях, являются:

во-первых, несовершеннолетние зачастую не имеют четко сформированного морально-этического кодекса и поэтому подвержены внешнему влиянию и внушению, часто не осознают возможных последствий своих действий и не понимают глубины своих поступков. Их внедрение в преступную информационную среду сети «Интернет» зачастую происходит неосознанно;

во-вторых, несовершеннолетние достаточно уязвимы, у них слабо развита самозащита, для них характерно сильное чувство виктимизации со стороны сверстников или взрослых, что может привести к тому, что они станут жертвами преступлений;

наконец, несовершеннолетние могут иметь проблемы в общественной сфере, которые могут привести к преступному поведению,

---

[1] Гончарова М.В., Шиян В.И., Шураева Л.М., Тарасова Ю.В., Бицадзе Г.Э. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2018 года и ожидаемые тенденции ее развития. Аналитический обзор. М., 2019. С. 9.

[2] Галимова А.А. Влияние сети Интернет и иных средств массовой информации на преступность несовершеннолетних // Современность в творчестве талантливой молодежи: Сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 36–40.

[3] Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2019. С. 3–4.

например, в сфере образования, семейных отношений или финансовых трудностей и др.

В целом криминологическая характеристика несовершеннолетних включает в себя ряд факторов, связанных с наличием определенных ситуаций риска и социальных проблем. Понимание этих факторов важно для принятия специальных мер по предотвращению криминальной деятельности несовершеннолетних, их социальной защите и реабилитации.

Эффективная профилактика преступности несовершеннолетних предполагает учет всех этих особенностей и осуществление специальных мер, направленных на улучшение условий жизни, социализации, воспитания и формирования негативного отношения к преступной деятельности у подростков. Предупреждение преступного поведения молодежи сегодня требует учета ряда особенностей, среди которых следует выделить:

изменение социальной структуры общества сегодня свидетельствует о том, что все большее число детей растет в неблагополучных семьях, где родители часто работают и не имеют возможности полноценно заботиться о них. В результате несовершеннолетние чаще становятся участниками антисоциального поведения;

развитие цифровых технологий привело к тому, что многие подростки активно используют сеть «Интернет» и социальные сети, общаясь с негативными элементами, участвуя в противоправной деятельности и получая доступ к информации, влияющей на их мировоззрение и т. д.;

при неравномерном распределении доходов и возможностей в обществе усиливается социальное неравенство, в результате чего молодежь из малообеспеченных семей начинает испытывать внутреннее чувство беспомощности и безнадежности, что неизбежно подвергает их риску вовлечения в различные криминальные ситуации;

окружающая среда также может оказывать негативное влияние на поведение молодежи. Например, проживание в зонах конфликтов, контакт с наркоманией и алкоголизмом могут привести к формированию позитивного представления о противоправном поведении, что повышает риск совершения преступлений. Кроме того, некоторые несовершеннолетние могут быть склонны к совершению преступлений, чтобы удовлетворить свою эмоциональную потребность в выбросе адреналина;

большое влияние оказывают средства массовой информации, где негативные образы и примеры, представленные в телевизионных программах, фильмах, играх и других развлекательных элементах, также повышают риск участия несовершеннолетних в преступной деятельности;

несовершенство законодательства, которое не всегда успевает за динамичным развитием общества, приводит к увеличению числа

невыявленных противоправных деяний, совершенных несовершеннолетними, что побуждает их безнаказанно совершать новые преступления.

Для преодоления девиантного поведения несовершеннолетних необходимы комплексные меры, в частности, такие как:

повышение уровня информационной грамотности несовершеннолетних в вопросах безопасности цифровых технологий и возможных угрозах, которые они могут представлять. Важно научить подрастающее поколение пользоваться сетью «Интернет» так, чтобы в нем не было вредоносного контента и других опасностей;

повышение уровня кибербезопасности, которое означает защиту информации и систем, объединяющих электронные устройства и коммуникационные сети. Оно включает в себя обучение людей аспектам кибербезопасности, чтобы они были защищены от различного рода киберуязвимостей, могли обнаруживать атаки и реагировать на них;

повышение ответственности родителей, поскольку вредные привычки использования Интернета у несовершеннолетних часто формируются на домашнем компьютере, родители должны контролировать, когда и как их дети используют компьютер. Наиболее эффективными мерами контроля является фильтрация веб-сайтов и использование других технологических средств, позволяющих предотвратить доступ неавторизированных пользователей к вредоносному контенту;

эффективные педагогические методы обучения несовершеннолетних по вопросам безопасности использования интернета, которые на сегодняшний день уже разработаны. К ним относятся консультации и видеоуроки о том, как оставаться в безопасности, т. е. как защитить себя от киберпреступников и как самому не переступить черту дозволенного под их давлением.

Борьба с преступностью среди несовершеннолетних — важная и актуальная задача в любое время. Она позволяет сохранить безопасность нынешнего поколения и подготовить следующее к жизни в более благополучном и безопасном обществе. Необходимо комплексное исследование криминологически значимых явлений, влияние которых и вовлечение в них несовершеннолетних проявляется в негативных изменениях преступности. Это требует системного подхода к проверке эффективности теоретических и методологических подходов к установлению современных проблем преступности несовершеннолетних, объяснению определяющих ее процессов и построению систем профилактики.

Туманов Дмитрий Олегович,
преподаватель кафедры организации и обеспечения
раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Эффективные формы профилактики безнадзорности и преступности несовершеннолетних (опыт взаимодействия органов внутренних дел и иных субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних)

На сегодняшний день органы внутренних дел выступают ключевым звеном системы предупреждения подростковой преступности[1]. Вместе с тем, как показывает анализ правоприменительной практики, наибольшая эффективность работы в указанной области общественных отношений – в сфере профилактики преступности несовершеннолетних и детской безнадзорности достигается активизацией комплексного подхода к решению имеющихся проблем, на основе тесного взаимодействия всех субъектов, входящих в систему профилактики.

В укреплении взаимодействия нуждаются отношения органов внутренних дел с органами образования, здравоохранения, социальной защиты населения, другими заинтересованными учреждениями и ведомствами, а также индивидуально с семьями, которые, к сожалению, по объективным или субъективным причинам не справляются с воспитанием детей. И принимаемые меры по предупреждению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних должны носить неотложный характер.

Конечно, наиболее важным элементом системы профилактики подростковой преступности и безнадзорности являются образовательные учреждения, так как именно они в современном обществе являются одним из основных институтов воспитания и социализации личности несовершеннолетнего.

Как показывает изучение правоприменительной практики, учитывая данный фактор, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних в ряде территориальных отделов органов внутренних дел (например,

[1] Доп. см.: Жидконожкина О.Н. Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по профилактике бродяжничества несовершеннолетних // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 10(3). С. 80–85; Кумышева М.К. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 2-2. С. 28–31; Николаенко Е.А. Административная деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по профилактике наркотизации несовершеннолетних // Закон и право. 2022. № 2. С. 177–179 и др.

Западнодвинский муниципальный округ Тверской области) организуют совместно с общеобразовательными учебными заведениями района принятие мер ранней профилактики – образуют общественные инспекции, в состав которых входят члены педагогических коллективов, родительских комитетов и сами сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних. Учащиеся с девиантным поведением, нарушающие дисциплину, рассматриваются на заседаниях общественных инспекций, педагогических советов, на родительских собраниях, ставятся на внутришкольный учет с заведением картотеки, где отражаются ход и результаты работы по их перевоспитанию [1]. Подобная форма общественного воздействия на подростка способствует и оказанию на него должного воспитательного воздействия, и сохранению его нормального психологического состояния (без привлечения к работе с несовершеннолетним официально представителей органов власти – правоохранительных органов); больше доверия – более эффективный результат.

Проявляя должную инициативу и заинтересованность в качестве предупредительной и воспитательной работы с подростками, сотрудники отдела образования районной администрации, как это сформировалось ранее – еще с советских времен, организуют дежурства учителей совместно с сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних в местах массового отдыха молодежи; это само по себе имеет профилактический эффект, а также способствует своевременному выявлению учащихся с антиобщественным поведением, склонных к совершению противоправных поступков, безотлагательному принятию к ним мер профилактического воздействия.

Не менее важной формой предупредительной работы в отношении несовершеннолетних, вовлеченных в противоправную и антиобщественную деятельность, выступает принятие мер к оздоровлению обстановки в неблагополучных семьях, имеющих несовершеннолетних детей. Данная работа должна осуществляться в тесном взаимодействии с комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав при администрации муниципального района, органами опеки и попечительства, социальной защиты населения. Должен быть организован ежедневный взаимный обмен информацией о детях, нуждающихся в помощи государства, а к родителям, не исполняющим своих обязанностей по воспитанию детей, должны своевременно применяться нормы семейного и административного законодательства – вплоть до лишения родительских прав (как исключительная мера, обусловленная потребностью обеспечения безопасности ребенка).

[1] Аналитический обзор: Взаимодействие органов внутренних дел и иных субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних // Архив МО МВД России «Западнодвинский».

Образовательные учреждения также должны как можно раньше сообщать сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних о подростках, без уважительной причины пропускающих занятия. Ими совместно с членами педагогических коллективов должны регулярно осуществляться мероприятия по профилактике детской безнадзорности, выявлению и возвращению на учебу несовершеннолетних, проведению с ними мероприятий психолого-воспитательного и просветительского характера.

Мероприятия просветительского характера, в том числе правовая пропаганда среди учащихся при ее правильной организации, учитывая опыт советской школьной правовой пропаганды: проведение лекций и бесед перед школьниками и их родителями, подготовки вечеров вопросов и ответов – дают вполне ожидаемый эффект. Проведение правовых олимпиад, оформление в стенах учебных заведений уголков и стендов правовых знаний, экскурсии в органы внутренних дел, где подростки знакомятся с работой сотрудников различных служб и подразделений, где им демонстрируются специальные средства и боевое оружие, оставляют неизгладимый след в сердцах детей, которые после этих мероприятий не только отказываются от антиобщественной деятельности, но и начинают заниматься волонтерством, связанным с помощью окружающим людям, задумываются о правоохранительной службе[1].

Действенной мерой профилактики правонарушений несовершеннолетних является развитие организованных форм летнего отдыха.

Важно повсеместно использовать накопленный в различных регионах положительный опыт работы по организации летнего лагеря для подростков с девиантным поведением (не всегда есть необходимость постоянно «изобретать велосипед», иногда достаточно помнить уже положительно зарекомендовавшие себя формы предупреждения подростковой преступности).

Главными девизами здесь должны стать: «Ни минуты свободного времени» и «Нет – бесполезной минуте». Ведь ни для кого не секрет, что основной причиной преступности несовершеннолетних является безнадзорность и незанятость. В целом ряде случаев указанные факторы выступают основным условием, в других – причиной совершения преступлений, в третьих – и тем, и другим одновременно, но всегда это сопутствует противоправному поведению несовершеннолетних.

Проявления безнадзорности разнообразны, поэтому различны и формы ее предупреждения. Бесцельное времяпрепровождение, как правило, приводит к формированию потребностей, связанных с

[1] Еремеев Д.В. Усовершенствование деятельности подразделений по делам несовершеннолетних ОВД по открытию «полицейских классов» // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1(3). С. 69–72.

противоправным поведением. Слабая организация досуга детей во внеурочное время приводит их на улицу, где, как показывают исследования преступности несовершеннолетних, они зачастую становятся объектами интересов криминальных структур (от вовлечения в употребление алкоголя и распространение наркотических средств – до вовлечения в совершение преступлений экстремистского и террористического характера[1]).

Важное значение в этой связи имеет обеспечение контроля за поведением подростков путем организации досуга, так как при занятии интересным и полезным для общества делом не только обеспечивается контроль за поведением несовершеннолетних, но и развиваются положительные интересы подростка, о которых он и сам ранее мог не подозревать. В итоге – у детей не возникает стимулов к появлению антиобщественных интересов и потребностей.

Для исключения проявления антиобщественных интересов необходима каждодневная и целенаправленная работа по своевременному вовлечению несовершеннолетних, склонных к совершению противоправных деяний, в деятельность всевозможных кружков, секций и клубов. В этом направлении следует использовать все имеющиеся возможности всех субъектов системы профилактики преступности несовершеннолетних.

В частности, обращение к имеющемуся опыту продуктивного взаимодействия различных субъектов системы профилактики преступности несовершеннолетних показывает, что совместными усилиями органов внутренних дел, органов местного самоуправления, органов здравоохранения и образования возможно вернуть подростка в общество, приобщить к социально значимой работе, дать ему возможность почувствовать себя полноценным и равноправным членом общества.

Так, при активной позиции сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних территориального органа внутренних дел (Центральный район г. Тверь) была организована работа выездного палаточного лагеря для подростков, состоящих на учете[2] (с одной из основных целей – психолого-педагогическая работа с несовершеннолетними, нуждающимися в повышенном внимании и перевоспитании).

При поддержке администрации района – отдела по делам молодежи, Министерства образования Тверской области, специалистов дома

[1] Маздогова З.З. Деятельность сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по профилактике преступлений экстремистской и террористической направленности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 8-1. С. 260–263.

[2] Аналитический обзор: Положительный опыт профилактики правонарушений несовершеннолетних // Архив Центрального ОП УМВД России по г. Твери.

творчества и военно-патриотического клуба была организована непрерывная психологическая, педагогическая, трудовая (трудотерапия) работа со специально отобранными для проживания в палаточном лагере детьми, так называемой группы – «трудные подростки»: состоящие на различного рода учетах (в комиссии по делам несовершеннолетних, на внутришкольном учете и пр.), оставшиеся без попечения родителей и находящиеся в социально-опасном положении (неполные, неблагополучные и малообеспеченные семьи).

Учитывая возраст подростков – от 11 до 16 лет – особенно была востребована помощь для работы с данной категорией детей специалиста в области психологии. При этом вся программа лагеря была разработана по нескольким направлениям (наряду с психологическим): спортивному, нравственно-патриотическому, правовому.

Апробация при организации работы лагеря новых методик, направленных на профилактику противоправного и в целом асоциального поведения подростков, наряду с их психологической реабилитацией и общим оздоровлением, дала положительный результат: данная форма работы сплачивает детей, отвлекает и отрывает от негативной среды, позволяет отвлечься от активной городской жизни (морально успокоится, получить эстетическое удовольствие), испытать себя (в ходе спортивных соревнований и в экстремальных ситуациях обустройства и проживания в лесу). За время пребывания в лагере изменился внешний вид (по наблюдениям медицинского персонала) и стиль общения несовершеннолетних в лучшую сторону.

Каких-либо правонарушений со стороны детей в период нахождения в лагере и в течение года после него допущено не было.

Реализация данной программы позволила укрепить физическое и нравственное здоровье подростков, привить навыки здорового образа жизни, сформировать навыки трудовой деятельности и жизни в коллективе, сформировать чувство ответственности, понимание и принятие на себя обязанностей правопослушного поведения.

Приведенный опыт свидетельствует, что организация досуга несовершеннолетних является одним из главных звеньев предупреждения и сокращения подростковой преступности, оздоровления подростковой среды и в целом общества – в будущем. И здесь неуместны ссылки на отсутствие денежных средств на подобные мероприятия, они лишь связаны с нежеланием соответствующих ответственных лиц проявлять инициативу – заботу о подрастающем поколении.

Все субъекты системы профилактики преступности несовершеннолетних должны принимать меры к инициативному поиску возможностей по организации досуга каждого подростка, склонного к противоправному поведению. Приведенный пример доказывает, что такие возможности имеются. Там, где сотрудники проявляют должную

инициативу, достигается положительный результат – организация досуга несовершеннолетних правонарушителей исключает их из этой группы, выступая наиболее действенной профилактической мерой.

Помимо отмеченного, особый интерес заслуживает опыт привлечения к работе с «трудными» подростками священнослужителей Русской Православной церкви.

Так, коллективные экскурсии в период летних каникул детей совместно с сотрудниками комиссии по делам несовершеннолетних и отдела образования, организуемые в Троицко-Скановский и Дивеевский монастыри Нижегородской области, где несовершеннолетние знакомятся с архитектурными памятниками и произведениями искусства, услышат слова доброго напутствия от священнослужителей, имеют непередаваемое психологическое и эстетическое воздействие, которое надолго исключает подростков из компаний антиобщественной направленности, подталкивают их к взаимопомощи, вызывают потребность творить добро.

Исследование правоприменительной практики совместной работы сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних с иными субъектами профилактики подростковой преступности в указанных выше, давно зарекомендовавших себя и новых формах, показывает, что их эффективное применение и активное взаимодействие приводят к значительному снижению количества несовершеннолетних участников преступлений, к снижению числа подростков, состоящих на учете, в связи с их исправлением и готовностью к законопослушной жизни в качестве полноценного и равноправного члена общества.

Тумасян Александра Сергеевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Процессуальный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)

Структура института прекращения уголовного дела (уголовного преследования) обусловлена, прежде всего, предметом правового регулирования. Входящие в состав данного института правовые нормы можно структурировать следующим образом: а) нормы, регулирующие основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования (ст. 24-28.1, 212 УПК РФ); б) нормы, регулирующие процессуальный порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования (ст. 213 УПК РФ); в) нормы, регулирующие основания и процессуальный порядок отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214, ч. 5 ст. 427, ст. 446.3 УПК РФ). С принятием Федерального закона от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ обоснованным является выделение в структуре названного правового института группы норм, регулирующих судебный порядок получения прокурором, руководителем следственного органа, разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 1.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ)[1].

Отмену решения об окончании предварительного расследования в форме прекращения уголовного дела или уголовного преследования не следует рассматривать как сугубо техническое процессуальное действие. И вот почему.

Прекращением уголовного дела полностью останавливается уголовно-процессуальная деятельность по расследованию фактов, указанных в постановлении о возбуждении уголовного дела, и установлению виновности лица в преступлении, которое оказалось мнимым. При прекращении уголовного преследования корректируются пределы производства по уголовному делу в сторону сокращения, что характерно для сложносоставных уголовных дел, в которых соединены несколько эпизодов преступлений и (или) в совершении преступления обвиняется несколько лиц.[2] В постановлениях о прекращении уголовного дела или уголовного преследования дознаватель, следователь разрешает

[1] Федерального закона от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

[2] См.: Кальницкий В.В., Бондаренко А.А. Особенности соединенного обвинения: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2022; Бондаренко А.А. Производство по сложносоставному уголовному делу: дис. … канд. юр. Наук. Омск, 2022.

ряд вопросов, затрагивающих права граждан и юридических лиц, а также публичные интересы.

Так, согласно ст. 213 УПК РФ в указанном процессуальном акте решается, например, судьба вещественных доказательств, что может иметь важное значение для собственника конкретных предметов. То же самое можно сказать и о лице, на имущество которого был наложен арест: при прекращении уголовного дела данная мера процессуального принуждения отменяется и он может распоряжаться освобожденным от ареста имуществом (п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ).

Отмена решения о прекращении уголовного дела (преследования), таким образом, возвращает ситуацию в исходное в процессуальном аспекте положение (расследование уголовного дела возобновлено). В фактическом плане вернуться на первоначальные позиции в деле не всегда возможно. В результате расследование возобновленного уголовного дела сопряжено с объективными трудностями в связи с высокой степенью вероятности утраты доказательств. Это характерно для случаев отмены решений о прекращении уголовного дела по истечении длительного времени с момента принятия таких процессуальных актов.

С учетом разделения оснований прекращения уголовного дела (преследования) на реабилитирующие и нереабилитирующие нельзя не обратить внимания на то, что постановление о прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям не только является процессуально-техническим документом, но и выполняет реабилитационную функцию. В указанном процессуальном акте, как это следует из ст. 134 УПК РФ, признается право лица, в отношении которого велось расследование, на реабилитацию и возмещение вреда.

Последующая отмена решения о прекращении уголовного преследования для устранения выявленных прокурором, руководителем следственного органа нарушений закона и проведения дополнительного расследования новых сведений порождает серьезную проблему “поворота исполнения” постановления о прекращении уголовного преследования, т. е. возврата всего того, что было получено реабилитированным. Поскольку реабилитированному возмещается не только имущественный вред, он также восстанавливается в правах и ему компенсируется моральный вред, причем не только в денежном выражении, подобный “поворот исполнения” постановления о прекращении уголовного преследования объективно затруднен или вовсе не реализуем. В концентрированном виде данная проблемная ситуация описана в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко[1]».

Изложенное выше подсказывает, что основания и порядок отмены процессуальных решений о прекращении уголовного дела (преследования) должны обеспечивать права и интересы личности, общества и государства. Процедура отмены названных процессуальных решений является в данном случае своеобразным фильтром, который не позволяет беспричинно, немотивированно возобновлять производство по прекращенному уголовному делу или продолжать уголовное преследование лица, фигурировавшего в деле в качестве подозреваемого (обвиняемого). По данному признаку процессуальный порядок отмены указанных решений дифференцируется на внесудебный (отмена производится прокурором и руководителем следственного органа) и судебный (разрешение на отмену дает суд по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства прокурора и руководителя следственного органа либо суд сам отменяет постановление о прекращении уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия или судебного штрафа) порядки.

Оригинальная процедура отмены процессуальных решений о прекращении уголовного дела (преследования) сложилась на основе положений ст. 125 УПК РФ, которая состоит в следующем: постановление о прекращении уголовного дела (преследования) обжалуется в суд по правилам ст. 125 УПК РФ, по результатам рассмотрения жалобы в судебном заседании судья признает незаконным или необоснованным решение о прекращении уголовного дела (преследования) и обязывает прокурора, руководителя следственного органа устранить допущенные нарушения, затем прокурором или руководителем следственного органа выноситься постановление об отмене постановления о прекращении уголовного дела (преследования) и возобновление расследования.

Ученые-процессуалисты, В.В. Николюк и В.А. Терекян, считают целесообразным дополнение ст. 125 УПК РФ нормой о том, что «в случаях удовлетворения жалобы судья после вступления постановления в законную силу немедленно направляет его прокурору, руководителю следственного органа для устранения допущенных нарушений. Прокурор, руководитель следственного органа в течение месяца извещают судью, вынесшего постановление о признании действия (бездействия) или

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» // СПС «Гарант».

решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным, о принятых мерах к устранению нарушений закона»[1].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает внесудебный и судебный порядок отмены постановлений о прекращении уголовного дела (преследования). В свою очередь внесудебный порядок разделяется на две самостоятельные процедуры: 1) отмена решения о прекращении уголовного дела (преследования) руководителем следственного органа в рамках осуществления ведомственного процессуального контроля; 2) отмена решения о прекращении уголовного дела (преследования) прокурором в рамках прокурорского надзора. Если предмет ведомственного процессуального контроля в рассматриваемом нами аспекте ограничен решениями следователя, то прокурор, наряду с полномочиями отменять постановление дознавателя о прекращении уголовного дела (преследования), вправе отменить и аналогичный процессуальный акт следователя, но при условии, если не истек 14-суточный срок, исчисляемый с момента получения им материалов уголовного дела.

Как уже упоминалось, с конца 2018 г. действует правило о судебном порядке получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела (преследования) по истечении одного года со дня его вынесения (ч. 2.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ). Тем самым лицу, реабилитированному в досудебном производстве, предоставлена судебная защита от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования. С другой стороны, сохранена возможность для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений. В настоящее время начинает формироваться практика применения ч. 2.1 ст. 214, ст. 214.1 УПК РФ, появляются научные публикации по этой тематике[2]. В текущий момент трудно дать оценку оптимальности введенной судебной процедуры из-за дефицита информации о «болевых точках» правоприменения в части дачи судом разрешения на отмену постановления о прекращении уголовного дела (преследования).

Среди множества видов (оснований) прекращения уголовного дела (преследования) существенным своеобразием отличается порядок назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе досудебного производства по уголовному делу (ст. 446.1 УПК РФ).

---

[1] Николюк В.В., Терекян В.А. Реализация потерпевшим права на доступ к правосудию, осуществляемому при рассмотрении судом жало в порядке ст. 125 УПК РФ: монография. Омск, 2014. С. 99.

[2] См.: Канцеляров А.В. Суд как гарант реабилитации граждан, подвергнутых незаконному уголовному преследованию // Российская юстиция. 2022. № 11. С. 54–58. Аристархов А.Л. Особенности применения ст. 214.1 УПК РФ в досудебном производстве // Российское правосудие. 2022. № 2. С. 89–94.

Архитектоника данного правового института предусматривает возможность отмены судом назначенной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в случае его неуплаты[1].

Отмена судом решения о прекращении уголовного преследования с применением меры принудительного воспитательного воздействия заложена в конструкцию института, правовой основой которого являются положения ст. 427 УПК РФ. Необходимость отмены такого судебного решения, принятого по результатам рассмотрения ходатайства дознавателя, следователя, возникает в связи с систематическим неисполнением несовершеннолетним требований, предусмотренных принудительной мерой воспитательного воздействия. При этом законность и обоснованность самого решения о прекращении уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия под сомнение не ставится. Что касается процедуры отмены указанного решения, то она не определена в УПК РФ. В уголовно-процессуальной теории рекомендуется прибегать к предписаниям ст. 399 УПК РФ, по правилам которой рассматриваются схожие вопросы[2].

Единой универсальной процессуальной процедуры возобновления расследования по ранее прекращенному уголовному делу или возобновления прекращенного уголовного преследования нет и, скорее всего, быть не может.

Процедуры судебного порядка отмены решений о прекращении уголовного преследования в случаях, предусмотренных ст. 214.1 УПК РФ (отмена постановления о прекращении уголовного дела (преследования) по истечении одного года со дня его вынесения, ст. 446.1 УПК РФ (отмена судебного штрафа), ч. 5 ст. 427 УПК РФ (отмена постановления о прекращении уголовного преследования несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия) нуждаются в координации и согласовании.

Актуальной проблемой при отмене решений о прекращении уголовного преследования является практическая реализация требования «поворота исполнения» постановления о прекращении уголовного преследования, т. е. возврата всего того, что было получено реабилитированным.

---

[1] См.: Волынская О.В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: монография. – М., 2007. С. 238–255.

[2] См.: Мядзелец О.А. Судебный контроль за прекращением уголовного дела и уголовного преследования: монография. Омск. С. 172–174.

Тыдыкова Надежда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Алтайского государственного университета

О дополнительных наказаниях в санкциях норм главы 18 УК РФ

Авторы уголовно-правовых исследований уделяют достаточно много внимания проблемам конструирования диспозиций норм и практически не уделяют проблемам санкций норм. В настоящее время, к сожалению, отсутствует разработанный свод правил для санкций норм, а теория уголовного права по этому вопросу представлена рядом несогласованных между собой позиций. Возможно, именно поэтому анализ санкций многих норм УК РФ показывает наличие проблем. Не исключением стали и нормы главы 18 УК РФ. В отдельных исследованиях серьезную критику с позиции их соответствия общественной опасности деяний и соблюдения принципов логичности и системности получили сроки лишения свободы, предлагаемые санкциями этих норм[1]. Анализ конструкций санкций этих норм в части закрепления дополнительных видов наказаний, также вызывает вопросы.

Части 3-5 статей 131 и 132, части 4, 5, 6 ст. 134, части 3,4,5 ст. 135 УК РФ предусматривают в качестве дополнительного наказания к лишению свободы лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет, не закрепляя при этом минимальный срок такого наказания. Отдельными исследователями критикуется такой срок по причине чрезмерной длительности и отсутствия обоснований его влияния на предупреждение таких преступлений[2]. В приведенной позиции есть доля истины. В соответствии со ст. 47 УК РФ лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от 1 года до 5 лет в качестве основного вида наказания и на срок от 6 месяцев до 3 лет в качестве дополнительного вида наказания. В случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, лишение права занимать определенные должности или

[1] См., например, Плаксина Т.А. Санкции за насильственные преступления против половой неприкосновенности малолетних: вопросы совершенствования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 58–75; Тыдыкова Н.В. Проблемы санкций в статьях УК РФ об ответственности за половые преступления // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 135–139.

[2] Чепуров В.В. Построение санкций за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (законодательный и теоретический аспекты): автореф. дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 13.

заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок до 20 лет в качестве дополнительного вида наказания. Разрыв между максимальным сроком такого наказания, предусмотренным Общей частью УК РФ в качестве общего правила и максимально допустимым сроком, который может быть предусмотрен статьей Особенной части УК РФ, весьма существенный. Возникает закономерный вопрос, чем обусловлена возможность назначения этого вида наказания на столь длительный срок в отдельных случаях. Вряд ли такой длительный срок способствует исправлению осужденного. Например, если лицо совершает соответствующее преступление в возрасте 40 лет, то после отбытия срока лишения свободы, который также будет значительным, срок, по истечении которого такое лицо будет иметь возможность вернуться к желаемой деятельности с учетом средней продолжительности активной жизни человека, будет слишком значительным, чтобы такое лицо имело шансы возобновить соответствующую деятельность. По этой причине такая мера не станет средством его воздержания от совершения подобного преступления. Кроме того, совершить аналогичное преступление это лицо может и не занимаясь такой деятельностью. Вероятно, целью такого вида наказания является установление периода своего рода «адаптации» после отбывания лишения свободы за столь специфическое преступление, которая должна исключать контекст повышенного риска совершения аналогичного преступления. Поэтому к определению срока рассматриваемого вида наказания правоприменитель в каждом конкретном случае должен подходить максимально взвешенно. Возможно, в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ следует обозначить обстоятельства, анализ которых позволит назначить необходимый срок такого наказания. Указание в санкции на возможность назначения этого вида наказания на срок до 20 лет не означает, что в каждом случае оно будет назначено в максимально возможном размере. Кстати, УК Таджикистана за квалифицированные составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера предусматривает помимо лишения свободы на срок от 7 до 12 лет еще и пожизненное лишение права занимать определенные должности и (или) заниматься определенной деятельностью[1]. Однако целесообразным для достижения исправления осужденного видится все-таки установление конкретных сроков для лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, так как возможность вернуться к привычной деятельности может стать сдерживающим фактором от совершения новых подобных преступлений.

[1] Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. URL: http://ncz.tj/content/уголовный-кодекс-республики-таджикистан (дата обращения: 13.09.2023).

В настоящее время санкции, предусмотренные частями 1 и 2 статей 131 и 132 УК РФ, не предусматривают обязательного назначения такого вида наказания. Часть 3 ст. 47 УК РФ позволяет лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначать в качестве дополнительного вида наказания и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве наказания за соответствующее преступление, если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Это означает возможность его назначения только при наличии связи совершенного преступления с определенной должностью или деятельностью лица. Именно такое толкование вытекает из содержания п. 8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Если совершенное преступление не будет иметь такой связи, то и рассматриваемый вид дополнительного наказания назначен быть не может. Однако с учетом предполагаемой цели назначения такого наказания, даже если преступление не было связано с должностью или деятельностью в ряде случаев может возникнуть потребность в назначении периода, в течение которого лицу было бы нецелесообразно заниматься определенной деятельностью или занимать определенную должность. Поэтому в частях 1 статей 131 и 132 УК РФ было бы целесообразно предусмотреть такой вид наказания в качестве необязательного.

Ч. 1 ст. 133 УК РФ также не предусматривает этого дополнительного вида наказания, но с учетом специфики самого преступления, которая предполагает использование различных разновидностей (в том числе и служебных) зависимостей потерпевших лиц, было бы также целесообразно предусмотреть.

Вопрос об установлении в санкции дополнительных видов наказания необходимо рассмотреть и в приложении к ограничению свободы. Части 2, 3 и 4 статей 131 и 132 УК РФ предусматривают в качестве дополнительного наказания к лишению свободы ограничение свободы на срок до 2-х лет, причем, части 2 – в качестве необязательного, части 3 и 4 – в качестве обязательного дополнительного наказания, а части 5 статей 131 и 132 УК РФ такого дополнительного вида наказания не предусматривают. Это, конечно, не говорит о том, что санкции частей 5 УК РФ от этого становятся более мягкими по сравнению с санкциями, например, частей 4 статей 131 и 132 УК РФ, но логика законодателя, отказавшегося от этого дополнительного вида наказания не совсем понятна. Если законодатель счел необходимым его предусмотреть для менее опасных деяний, то не ясно, почему не предусмотрел для более опасных. При этом ограничение свободы на срок до 2 лет в качестве необязательного дополнительного

вида наказания предусмотрено частями 3 и 5 ст. 134 УК РФ, но не предусмотрено частями 4 и 6 ст. 134 УК РФ. Части 2 и 4 ст. 135 УК РФ – предусматривают, части 3 и 5 ст. 135 УК РФ – нет.

В связи с применением административного надзора в обязательном порядке к лицам, совершившим преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, некоторыми исследователями указывается на нецелесообразность применения к виновным в преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности ограничения свободы, как дополнительного вида наказания[1]. Следует заметить, что в отличие от ограничения свободы, административный надзор не является видом наказания, поэтому не волне корректно говорить о взаимозаменяемости этих институтов права. Несмотря на ряд различий, которые между ними имеют место[2], они действительно имеют общие черты, позволяющие ставить вопрос о целесообразности назначения и ограничения своды и административного надзора одновременно. Анализ статистических данных показывает, что при назначении наказания по частям 2 статей 131 и 132 УК РФ, ч. 3 ст. 134 УК РФ, ч. 2 ст. 135 УК РФ, где ограничение свободы предусмотрено в качестве необязательного дополнительного вида наказания, оно назначается в незначительном числе случаев.

Ч. 5 ст. 134 и ч. 4 ст. 135 УК РФ также предусматривают такой дополнительный вид наказания в качестве необязательного, но ввиду отсутствия случаев совершения преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 134 УК РФ и незначительного числа случаев совершения преступления, предусмотренного ч.4 ст. 135 УК РФ, практики применения этих санкций нет. Ч. 3,4 ст. 131 и 132 УК РФ предусматривают ограничение свободы в качестве обязательного дополнительного наказания. Как показывает статистика, назначается оно в подавляющем числе случаев. Его неназначение связано только с изъятиями, установленными самим УК РФ. Так, ч. 6. ст. 53 УК РФ не допускает назначение ограничения свободы военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации. А в соответствии со ст. 88 УК РФ ограничение свободы не назначается несовершеннолетним в качестве дополнительного вида наказания. Также положения ст. 64 УК РФ позволяют не применять дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

---

[1] Степанова О.Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018. С. 13.

[2] Астахова А.О. Уголовно-правовые последствия административного надзора и ограничения свободы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2(43). С. 230–232.

Таблица 1

Преступления, совершаемые лицами, ранее совершавшими преступления (в том числе ранее судимыми)[1]

Год	2018		2019		2020		2021		2022	
Показатель	Всего	С огран. свободы	Всего	С огран. свободы	Всего	С огран. свободы	Всего	С огран. свободы	Всего	С огран. свободы
Ч. 2 ст. 131	703	78	589	62	456	61	466	61	488	56
Ч. 3 ст. 131	325	164	296	153	236	132	258	175	247	181
Ч. 4 ст. 131	222	127	197	122	194	124	225	146	299	205
Ч. 2 ст. 132	328	42	275	34	235	32	319	29	262	38
Ч. 3 ст. 132	209	106	212	100	181	90	216	113	243	139
Ч. 4 ст. 132	1195	726	1266	787	1048	678	1386	908	1550	1006
Ч. 3 ст. 134	296	18	275	12	238	13	293	17	325	20
Ч. 2 ст. 135	179	16	189	21	165	15	216	25	315	39

С учетом различий в правовой природе и последствиях назначения, административный арест не может заменить ограничение свободы, так как не направлен на достижение целей ограничения свободы как вида наказания. Например, в соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 от 7 июня 2022 г. «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» если осужденному помимо основного наказания назначено также дополнительное наказание, то судимость погашается только при условии отбытия или исполнения как основного, так и дополнительного наказания либо досрочного освобождения от их отбывания. При этом течение срока погашения судимости начинается со следующего дня после отбытия или исполнения либо со дня досрочного освобождения от отбывания последнего из исполняемых наказаний. Срок, в течение которого за лицом осуществляется административный надзор, не

[1] Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» за 12 месяцев 2022 г., 2021 г., 2020 г., 2019 г., 2018 г. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 03.09.2023).

влияет на течение срока судимости, соответственно, не влияет на условия, при которых лицо может совершить новое преступление при наличии рецидива.

Таким образом, санкции норм главы 18 УК РФ требуют внимания как в части коррекции их конструкций, так и практики применения.

Факов Азамат Мухажидович,
доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России

Общая характеристика системы противодействия финансированию террористической деятельности

Преступность является разновидностью социальных систем и выступает подсистемой относительно метасистемы общества, что позволяет рассматривать в качестве ее структурных элементов отдельные виды преступной деятельности[1].

Террористическая деятельность является подсистемой системы преступности. Существование терроризма как идеологии насилия и практики ее реализации, как системной организованной преступной деятельности, невозможно без надлежащего экономического обеспечения. Финансирование данной деятельности необходимо рассматривать непосредственно как один из ключевых элементов и подсистему такой системы, как террористическая деятельность[2].

Указанное определяет применение системного подхода к изучению и организации деятельности по противодействию финансированию террористической деятельности.

Главная цель противодействия преступности, заключается в создании в обществе условий минимизации преступности до оптимально возможного (соответствующего состоянию развития общества в данный момент) уровня и достигается она посредством реализации системы различных по содержанию и уровню реализации мер [3]. Сложное разнообразие системы мер противодействия преступности определяет разнообразие субъектов и уровней реализации данной деятельности.

Исходя из анализа содержания ст. 2 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»,

---

[1] Гилинский Я.И. О системном подходе к преступности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 5. С. 49–56; Игнатов А.Н. О биосоциальной природе преступности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2016. № 1. С. 63–73; Мкртчян С. Преступность как социальная система и ее повышенная общественная опасность // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 54–5.

[2] Факов А.М. Финансирование террористической деятельности в системе террористической деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 130-134.

[3] Игнатов А.Н. Совершенствование механизма противодействия преступности как составляющей обеспечения национальной безопасности // Власть Закона. 2016. № 4(28). С. 147–156.

можем выделить следующие группы субъектов, деятельность которых направлена (как непосредственно – специализированные субъекты, так и опосредованно) на противодействие финансированию террористической деятельности.

Правоохранительные органы и суд. Поскольку финансирование террористической деятельности является проявлением преступного поведения, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством, в качестве ключевых субъекта противодействия данной деятельности необходимо выделить правоохранительные органы (МВД России, ФСБ России, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Федеральную налоговую службу и иные), полномочия которых охватывают функции предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма.

В целях повышения эффективности взаимодействия органов прокуратуры и иных государственных контрольных и надзорных органов в сфере противодействия финансированию террористической деятельности необходимо устранение ряда недостатков, в первую очередь, организационного характера.

В частности, необходимо усовершенствовать информационный обмен о фактах выявленных нарушений в данной сфере и передаче в полном объеме материалов по ним по подведомственности; исключить неправомерные отказы со стороны контрольно-надзорных органов в предоставлении данной информации, а также ее предоставление с нарушением установленных сроков, что критически влияет на возможность оперативного реагирования на нарушение закона; обеспечить свободный доступ к статистическим данных всех государственных контрольных органов, отражающим результаты их деятельности[1].

Проблема надлежащего межведомственного взаимодействия ФСИН России и Росфинмониторинга проявляется в том, что вне контроля, регламентированного системой ПОД/ФТ, остаются потоки финансовых средств, проходящие через счета осужденных, т.к. не происходит идентификация источника поступающих средств, не подпадают под контроль и причисления, осуществляемые самим осужденным[2].

[1] Ивкова А.В. Проблемы взаимодействия органов прокуратуры с контрольно-надзорными органами при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 3. С. 205–208.

[2] Шамсунов С.Х., Разумова И.В. Вопросы межведомственного взаимодействия в системе противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 4(35). С. 98–99.

Актуальным является также вопрос о необходимости взаимодействия ФСИН России с Росфинмониторинга по поводу предоставления информации об отбывании наказания (изменении режима, условно-досрочном освобождении и пр.) в отношении лиц, осужденных за преступления террористического характера и финансирование террористической деятельности в частности, а также за различные предикатные преступления. Данное взаимодействие необходимо в целях осуществления аналитической работы по выявлению лиц, склонных к возобновлению преступной деятельности такого рода, а также лиц, вовлеченных в нее во время отбывания наказания[1].

Суд, исходя из материально-правовой концепции наказания как уголовно-правового инструмента борьбы с преступностью, выступает одним из субъектов противодействия преступности [2]. Роль суда в противодействии террористической деятельности в целом и такой ее форм, как финансирование в частности, трудно переоценить, что связано с широким спектром превентивных функций, реализуемых судом: назначение наказания, судебный контроль за осуществлением оперативно-розыскной деятельности и предварительным расследованием, реализация гражданско-правовых мер противодействия преступности[3], принятие мер к устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений террористического характера, признание организации террористической и ее ликвидация (запрет ее деятельности) и пр.

Росфинмониторинг и иные органы государственного управления. Одним из ключевых инструментов противодействия финансированию террористической деятельности со стороны органов государственного управления выступает финансовый мониторинг.

Ключевым звеном государственной национальной системы финансового мониторинга и системы противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступных путем, и финансированию терроризма выступает Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Росфинмониторинг является институционально сложной структурой, имеющей статус федерального органа исполнительной власти, находящегося под юрисдикцией Правительства РФ и осуществляющего функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию и координации деятельности иных федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия

---

[1] Сыдыгалиева А.С. Внутригосударственное взаимодействие в сфере противодействия финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов // Modern Science. 2020. № 1-1. С. 189–194.

[2] Наумов А. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура – как институт общего надзора // Российская юстиция. - М.: Юрид. лит., 2002, № 1. С. 24–26.

[3] Игнатов А.Н., Семенова Е.Г. Гражданско-правовые меры в системе мер противодействия преступности // Общество и право. 2018. № 1(63). С. 91–95.

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

В качестве специфического субъекта государственного управления в сфере противодействия финансированию террористической деятельности следует выделить Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Банк России выступает как особый публично-правовой институт, обладающий исключительным правом денежной эмиссии и организации денежного обращения. Он не является органом государственной власти, вместе с тем его полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения. Роль Банка России в противодействии финансированию террористической деятельности определяется его специальной компетенцией и, прежде всего, реализацией функций банковского регулирования и банковского надзора[1].

Кредитные организации и иные финансовые институты. Объем и содержание правосубъектности кредитных организаций и организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, позволяет, как отмечает В.В. Харченко, рассматривать их в качестве субъектов выявления и предупреждения, а также в отдельных случаях пресечения преступных деяний в сфере легализации (отмывания) доходов и финансирования терроризма[2]. Но и сами финансовые организации должны выступать активным субъектом противодействия финансированию террористической деятельности, не допускать вовлечения и использования их в данной преступной деятельности.

Граждане и иные лица. В соответствии с содержанием ст. 2 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», субъектами отношений в данной сфере являются в том числе граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, адвокаты, нотариусы, адвокатские и нотариальные палаты субъектов Российской Федерации, лица, осуществляющее предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических или бухгалтерских услуг, аудиторские организации, индивидуальные аудиторы, саморегулируемые организации аудиторов, а также доверительные собственники (управляющих) иностранной структуры без образования юридического лица, исполнительные органы личного фонда, имеющего статус международного фонда (кроме международного наследственного фонда).

---

[1] Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ от 15 июля 2002 г. № 28 ст. 2790.

[2] Харченко В.В. Административно-правовой механизм противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Ростов-н/Д, 2014. С. 31.

Следует отметить, что актуальной остается проблема взаимодействия в сфере противодействия финансированию террористической деятельности Росфинмониторинга и Федеральной палаты адвокатов России. Дискуссионным на сегодня является вопрос о роли адвокатов и адвокатских палат в системе субъектов противодействия финансированию террористической деятельности и, в частности, вопрос об их обязанности относительно сообщения информации финансового контроля[1]. Проблемы взаимодействия данных субъектов обусловлены тем, что несмотря на то, что адвокаты являются специальным субъектом правоотношений, регулируемых законодательством о ПОД/ФТ, федеральное законодательство, регулирующее адвокатскую деятельность, никаких прямых указаний на ПОД/ФТ и обязанность адвокатов информировать Росфинмониторинг не содержит. Более того данная обязанность диссонирует с правом на адвокатскую тайну.

В качестве одного из специфических субъектов противодействия финансированию террористической деятельности выступают саморегулируемые организации. Роль саморегулируемых организаций в противодействии финансированию террористической деятельности заключается не только в созданию соответствующих нормативных регуляторов, выработке рекомендаций и проведении тренингов по их реализации, но и обеспечении контроля за их соблюдением и ответственности членов данных организаций в случае их нарушения.

В целях совершенствования механизмов взаимодействия субъектов противодействия финансированию террористической деятельности необходимо осуществлять системную деятельность по подготовке кадров в сфере ПОД/ФТ с привлечением имеющегося существенного потенциала профильных ведомственных вузов, а также практических сотрудников. В свою очередь реализация соответствующих образовательных программ требует надлежащего межведомственного взаимодействия.

Таким образом, деятельность таких специализированных и неспециализированных субъектов, как правоохранительные органы и суд, Росфинмониторинг и иные органы государственного управления, кредитные организации и иные финансовые институты, а также граждан и иные лица, наделенных широким спектром разнообразных полномочий и функционирующих на различных организационных уровнях, в комплексном их взаимодействии и составляет систему противодействия финансированию террористической деятельности.

[1] ФПА РФ проведено расширенное совещание, посвященное взаимодействию территориальных адвокатских палат с органами Росфинмониторинга в вопросах противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. 21.03.2023 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2023. № 2. С. 28.

Федченко Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовые и криминологические аспекты защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел

Одним из важных аспектов такой деятельности является правильная квалификация названной категории правонарушений, гражданами в форменном обмундировании органов власти. Именно указанная группа общественно дезориентирующая граждан подрывает функционирование деятельности органов власти и, в целом, управленческих структур [1]. Инициаторы съемок в форменном обмундировании показывающие ненадлежащий образ сотрудника власти, в целом формируют такие негативные качества общественного правосознания, как правовой нигилизм, недоверие к правоохранительным органам, органам государственной власти и местного самоуправления.

Подрывая авторитет власти, что препятствует реализации интересов общества и государства в целом. Особое внимание стоит обратить на подростковый интерес к данной теме, в целом их мнение и выводы о государственной власти зависит от показов информации в СМИ, на интернетных площадках. В связи с этим необходимо искоренить фильмы, сериалы, выпуски развлекательного характера с участием «полицейских» где они неуважительно относятся к профессиональной деятельности действующих сотрудников МВД, государственный служащий должен быть примером для общества, а не поводом для смеха и унижения. В школах нужно уделить особое внимание на информирование школьников поднимая авторитет власти и патриотизм, за счет показа кинофильмов о служебной деятельности сотрудников полиции или о их героизме. Так как в школьном возрасте ребенок формируется, как личность и если он не будет право освещен и объективно воспринимать информацию, то вполне возможен на этом фоне рост преступности. В связи с этим в СССР особо тщательно акцентировали внимание на патриотическое и нравственное воспитание детей и молодежи. В те годы были созданы отряды для занятости молодежи, организовывались и контролировались под руководством школ и других учебных учреждений. Со временем данные кружки упразднили и дальнейшее их существование сошло на нет. И поэтому в данный момент так часто встречается преступная деятельность

[1] О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 21 нояб. 2011 г.) // Российская газета (федер. выпуск). 2011. 8 февр. № 5401.

со стороны подростков. Виной этому является влияние телекоммуникационных технологий на нравственное воспитание детей.

Что касается зарубежных стран, то там все еще практикуется занятость школьников и студентов. Их направляют в общественные учреждения для содействия и помощи сотрудникам больниц, полиции и воспитателям детских садов. По выходным и каникулам организуются походы и посещения музеев, театров. Организовывается помощь пенсионерам и ветеранам. В Американском обществе полицию не только уважают, но и даже боятся. В США у сотрудников полиции много полномочий и развязаны руки, но при этом они поддерживают свой авторитет и статус. За рубежом не приветствуется съемка гражданских людей в форме государственной власти, за данное деяние есть уголовная ответственность, даже ношение ее в общественном месте под запретом. Но на телеэкранах нашей страны все чаще встречаются программы высмеивающие действующую государственную власть в связи с этим подрывается статус сотрудников полиции в целом. Необходимо повысить авторитет государственных структур за счет патриотических роликов, документальных фильмов и героических сведений в СМИ.

Из-за сложившегося негативного отношения к полиции участники и представители общественных движений направили обращение в комитет Госдумы по безопасности и противодействию коррупции опубликовали в СМИ предложения об ограничении в свободной продаже формы сотрудников МВД. По их мнению, за последнее время в стране выросло число преступлений, которые были совершены злоумышленниками с использованием полицейской формы. Так как, форму сотрудника полиции – повседневную, полевую и парадную, – можно легально приобрести в интернет-магазинах или с рук на специализированных сайтах купли-продажи. Именно поэтому предлагается инициировать поправки в законодательство и запретить свободную продажу формы сотрудников МВД на территории России.

При этом авторы обращения знают, что в российском законодательстве уже существует ответственность за незаконное ношение формы сотрудника полиции. Так, за незаконное ношение формы сотрудника правоохранительных органов предусмотрена административная ответственность – штраф до 1,5 тысячи рублей с конфискацией формы.

Статьей 17.12 КоАП РФ устанавливаются меры административного наказания за незаконное ношение форменной одежды со знаками различия, с символикой государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов[1]. Право ношения

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 05.04.2021).

форменной одежды военнослужащими, сотрудниками правоохранительных органов определяется законодательством РФ, регламентирующим порядок прохождения службы в названных органах и организациях[1]. Объективную сторону комментируемого правонарушения составляет появление физического лица в общественном месте (например, в организации, предприятии, учреждении, в общественном транспорте, на улице, парке, сквере, стадионе и т. п.), а про покупку, продажу формы, а тем более о съемке видео роликов развлекательного характера не упоминается вообще, что говорит о явной недоработки законодательства, в связи с этим было бы целесообразно внести новую статью в Уголовный кодекс РФ «о запрете пользования, приобретения форменного обмундировании без служебного удостоверения или без разрешения руководящего состава исполнительной власти» в форменной одежде со знаками различия, с символикой государственной военизированной организации, правоохранительного или контролирующего органа без наличия у данного лица права на ношение формы со знаками различия, с соответствующей символикой. За данное правонарушение грозит наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей с конфискацией форменной одежды, знаков различия, символики государственных военизированных организаций, правоохранительных или контролирующих органов. Относительно непосредственно продажи и покупки такой одежды запретов не установлено т. е. купить можно, но носить нельзя.

Так же председатель совета, адвокат Анатолий Кучерена вынес вопрос о правомерности ношения формы сотрудников полиции во время съемок. Данный вопрос будет поднят на общественном совете при МВД. Ведь действительности было бы правильно запрашивать разрешение у ведомства и объяснять для чего нужна эта форма-для художественных или документальных фильмов.

По его мнению, актерам и остальным, надевающим форменное обмундирование необходимо помнить об ответственности и уважении к сотрудникам МВД, ведь они сами того не желая могут опорочить честь и достоинство государственной власти. Многие подверглись административной ответственности во время митингов Навального, так как выкладывали ролики в Tik-Tok, где срывали с себя шевроны полицейской формы и выдавали себя за сотрудников полиции, которые недовольны действующей властью. Но большинство смотрящих не понимало, что это постановка не является объективной действительностью, тем самым в то время подрывался авторитет не только

[1] Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета (федеральный выпуск). 2011. 7 декабря. № 5651.

законодательной власти, но и исполнительной. Как раз в то время стал четко виден пробел в уголовном законодательстве в части этого урегулирования.

Введение поправок о форменном обмундировании в законодательстве послужит и идентифицирующим признаком действующих или ушедших в отставку сотрудников. Нужно наладить Централизованную выдачу служебной формы, как это было в СССР. В те времена форму приобрести было нельзя, ее выдавали лично сотруднику милиции с его инвентарным номером форменного обмундирования и при переводе в другой отдел милиции форму с номером необходимо было сдавать, аналогично и с увольнением сотрудника. Сшить форму в ателье было невозможно, так как это было противозаконно. Милиционеры в праве были только ушить форму, так как не всегда ее выдавали по размеру.

В связи с невозможностью приобретения форменного обмундирования бывали случаи нападения на сотрудников с целью завладения и дальнейшего пользования формы в своих корыстных и преступных целях. Преступники могли украсть форму с складов, с домов самих сотрудников или нелегально приобрести у тыловиков милиции, но данный факт приобретения встречался достаточно редко, многие просто боялись за свое место в милиции и последующее наказание за противоправное деяние и содействие преступникам.

В СССР так же были четкие ограничения съемок кинофильмов, под запретом были развратные сцены, сцены унижения чести и достоинства сотрудников милиции и других государственных служащих, все киносценарии были утверждены комиссией, и по их разрешению кинофильм выходил в прокат.

Сейчас данных ограничений нет, что служит подрывом статуса полиции. Сняты и выпущены в просмотр фильмы и сериалы унижающие сотрудников, высмеивающие и подрывающие авторитет власти. Допущены сцены с нарушением форменного обмундирования, где китель надет под кроссовки или рубашки на девушках расстегнуты, что является грубым нарушением ношения формы. В отделах полиции никто не позволяет себе носить форму не подобающе сотруднику государственной власти, как это представлено в фильмах, но к сожалению большая часть общества не знает об этом и не задумывается, они предпочитают верить режиссерам данных киносериалов.

Так например, в одном из интервью генеральный директор «первого» канала, Константин Львович Эрнст, сказал «Это такая завуалированная форма проговаривания модели поведения в изменившемся времени и поэтому людям кажется, что они развлекаются, смотря за коллизиями чужого поведения, но на самом деле они получают образцы поведения в конкретной ситуации». Остается не понятным что входит в планы организаторов съемок, информационная война или

заработок за счет фильмов юмористического характера в отношении власти, но в любом случаи это дезориентируют общество и они забывают о героях России, а предпочитают помнить вымышленных незаконно действующих «сотрудников полиции». Одним из ярких примеров Героев России являются: Магомед Нурбагандов, перед убийством боевики принуждали его призвать своих коллег уйти с работы, но он сказал «Работайте, Братья!»

Филипов Роман, был сбит сирийской группировкой, летчик катапультировался, но позже на земле был окружен боевиками, отстреливаясь от нападавших был тяжело ранен, а затем подорвал себя гранатой со словами «Это вам за пацанов!»

Заур Джибилов, ценой собственной жизни инспектор ДПС ГИБДД младший лейтенант, спас жизни своих сослуживцев и не пропустил на территорию республики смертоносное оружие. Благодаря его мужеству удалось избежать террористического акта на территории Северной Осетии. Это лишь малая часть героических историй по которым можно было бы снять патриотические фильмы, но к сожалению режиссерам выгодней придумывать сюжеты комедийного характера, нежели документального.

В связи с эти необходимо ужесточить наказание за данное деяние и воплотить в жизнь комиссию по сценариям кинофильмов, данные видео должны быть под запретом и не касаться власти, так как это было в СССР или сейчас за рубежом.

На данный момент в законодательстве США и Канады несанкционированное ношение форменного обмундирования является уголовным преступлением. Данные правонарушители подлежат аресту и разбирательству в суде. На основании закона к уголовной ответственности могут быть привлечены не только рядовые граждане, но и кинокомпании если их деятельность не была согласована с Пентагоном или Министерством Внутренней безопасности. В данных странах допустимо показывать фильмы с повествованием патриотизма и героизма сотрудников государственной власти, чего к сожалению сведено к минимуму в нашей стране, что является упущением законодательства[1].

Судебная практика показывает, что всего в 2020 году было рассмотрено 112 дел, из которых было подвергнуто наказанию 70. С наложением административного штрафа 85 человек, а с конфискацией формы МВД России 86.

Но в 2021 году статистика данных правонарушений поднялась до 220 дел и это за период с 01.01.2021 по 01.04.2021г. Было изъято 180 и подвержено административному штрафу 191 гражданин. В связи с таким

[1] Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н. Е. Крылова, А. В. Малешина, А. В. Серебренникова; Моск. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, юрид. ф-т. М.: Статут, 2019.

ростом правонарушений вернее было бы закрепить в уголовный кодекс РФ статью с санкцией в отношении данных лиц[1].

Но, по моему мнению, мера воздействия административного кодекса РФ на правонарушителей в этой сфере себя исчерпала, и не сдерживает преступников. Так же и нет никакого влияния со стороны власти на кинорежиссеров, в их деятельности нет ограничений и рамок по сюжетной линии. Интернет площадки мониторятся не достаточно тщательно, а порой и вообще нет. Возникает вопрос о достоверности информации получаемой в интернете, в СМИ и на телеканалах. Обществу необходимо объяснить объективную действительность и посвятить о данных правонарушениях. Не мало важно наладить централизованную продажу служебной формы по удостоверению сотрудников полиции и других структур власти. Или вовсе запретить ее продажу, а осуществлять периодическую выдачу формы в отделах МВД России, учебных учреждениях полиции. Как это было во времена существования милиции. По показаниям статистики в то время данных правонарушений почти не было.

В конце концов зарубежная практика показывает, что это выход с данной ситуации, там этот пробел урегулирован уголовным законодательством.

Да, проблема с формой существует – есть много «ряженых» среди них есть и злоумышленники. В связи с этим необходимо решить поднятый вопрос.

Наиболее логичный выход – закрепить ответственность в УК РФ за продажу и незаконное ношение реально существующей сегодня ведомственной формы так же за съемку видео унижающих честь и достоинство сотрудников полиции[2]. И отдельно рассмотреть открытие отделов по контролю допуска выпусков фильмов, сериалов, роликов в сеть интернет и на телевидение с участием актеров, граждан в форменном обмундировании.

[1] Административное право: учеб. / под общ. ред. А. И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России, 2011.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021).

Хомутов Максим Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Криминологическая характеристика молодежных движений антиобщественной направленности

Общественные организации занимают значимое место в осуществлении как общесоциальной, так и специально-криминологической профилактики правонарушений [1]. В то же время, существуют общественные формирования, имеющие ярко выраженную антиобщественную направленность, которые напротив, продуцируют социальную напряженность, а их формы и методы деятельности граничат с нарушением закона.

Эти движения могут возникать из-за недовольства политикой, экономическими или социокультурными условиями. Своих целей участники могут достигать через активизм, протесты, или даже насилие. Как правило, основными участниками подобных общественных формирований является молодежь[2].

Причины возникновения молодежных движений антиобщественной направленности могут быть разнообразными и зависят от конкретной ситуации. Некоторые из возможных причин включают:

1. Неудовлетворенность. Молодежь может чувствовать себя неудовлетворенной политикой или социальными условиями, такими как высокий уровень безработицы, отсутствие перспектив на будущее, или неравенство.

2. Идеологическая установка. Молодые люди могут быть привлечены к антиобщественным движениям из-за идеологических убеждений, связанных с антиавторитаризмом, радикализмом или другими экстремистскими установками.

3. Несправедливость. Восприятие несправедливости или коррупции в обществе может стимулировать активизм и протестное поведение.

---

[1] Хомутов М.В. Предупреждение преступлений социально ориентированными некоммерческими организациями: дисс. ... канд.юрид. наук. Краснодар, 2021. 233 с.

[2] Гордышев К.Р., Багай В.А. Этапы становления протестного молодежного студенческого движения в россии // В книге: Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Материалы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 3-х частях. Под редакцией Н.Е. Лукьянова. Новосибирск, 2022. С. 163–164.

4. Социальные медиа. Информационные технологии и социальные медиа могут способствовать быстрому распространению идеологий и мобилизации молодежи вокруг антиобщественных идей.

5. Образование и воспитание. Определенные образовательные или воспитательные программы могут способствовать формированию негативного восприятия общества и государства.

Это лишь несколько возможных причин, и каждая ситуация требует индивидуального анализа.

Важно отметить, что антиобщественные движения часто вызывают обеспокоенность в обществе и требуют внимания со стороны правоохранительных органов, политических лидеров и общественности. Такие движения могут создавать потенциальные угрозы для стабильности и безопасности общества, поэтому их деятельность требует серьезного анализа и контрмер.

Сущность антиобщественного характера некоторых молодежных движений может быть определена различными способами, и варьируется в зависимости от конкретной ситуации. В целом, антиобщественные движения противопоставляются установленным социальным нормам, ценностям или институтам общества. Они могут выражать недовольство и протест по отношению к политической системе, экономическим структурам, социокультурным нормам или другим аспектам общества.

Сущность таких движений может быть связана с различными аспектами:

1. Дезинтеграция. Некоторые антиобщественные движения могут пропагандировать дезинтеграцию общественных структур и институтов, отрицая их легитимность и эффективность.

2. Радикализм. Антиобщественные движения могут быть радикальными и стремиться к радикальным изменениям в обществе, часто призывая к насильственным методам достижения своих целей.

3. Протест и активизм. Молодежь может использовать антиобщественные движения для выражения недовольства и протеста по поводу реальных или воображаемых недостатков в обществе.

4. Идеология: Антиобщественные движения могут иметь свою уникальную идеологию, которая отвергает установленные ценности и цели общества.

Сама по себе сущность антиобщественного характера молодежных движений может быть сложной и многогранной, и требует внимательного анализа и понимания контекста.

Признаки антиобщественных движений могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и контекста, однако обычно можно выделить следующие характеристики:

1. Радикализм. Антиобщественные движения часто проявляют радикальные взгляды и стремятся к радикальным изменениям в обществе.

Это может проявляться как в риторике, так и в действиях и методах протеста.

2. Отвержение основных ценностей общества. Антиобщественные движения часто отвергают установленные социальные, политические и культурные ценности общества, предпочитая заменить их на свои, которые могут являться радикальными и экстремистскими[1].

3. Противозаконная деятельность. Антиобщественные движения могут прибегать к противозаконной деятельности, включая насилие, террористические акты, угрозы и шантаж.

4. Разрушительное поведение. Многие антиобщественные движения выражают свое недовольство через разрушительное поведение, например, путем грабежа, поджогов или иных актов вандализма.

5. Экстремистская идеология. Антиобщественные движения могут выдвигать экстремистские идеологии, пропагандирующие насилие, ненависть и дискриминацию по отношению к определенным группам людей.

6. Пропаганда и рекрутинг: Антиобщественные движения могут активно заниматься пропагандой своих идей и рекрутингом новых членов, иногда используя для этого технологии и социальные медиа.

Эти признаки могут помочь идентифицировать антиобщественные движения, но важно помнить, что они не являются исчерпывающими. Некоторые антиобщественные движения могут характеризоваться и несколькими из вышеуказанных признаков – каждый случай требует внимательного изучения и анализа.

Можно выделить несколько типов антиобщественных движений, которые могут различаться по своим целям, методам и идеологиям. Некоторые из них включают следующее:

1. Экстремистские движения. Они включают в себя общественные формирования, пропагандирующие экстремистские и радикальные идеи, часто основанные на ненависти, дискриминации и антигосударственных убеждениях.

2. Террористические группы. Это группы или организации, использующие насилие и угрозы для достижения своих политических или идеологических целей.

3. Антигосударственные движения. Они выражают недовольство политикой, законами и институтами государства, часто пытаясь дестабилизировать общество или уклониться от законов.

4. Экстремистские религиозные движения: Это группы, которые используют религиозные убеждения для оправдания насилия и экстремистской деятельности.

---

[1] Лунин Д.Н. Понятие и виды антиобщественного поведения // Виктимология. 2022. Т. 9. № 1. С. 99–107.

5. Антикорпоративные движения. Они направлены против корпораций и капитализма, выражая недовольство по поводу экономической политики и воздействия бизнеса на общество.

6. Радикальные политические движения. Это группы, пропагандирующие радикальные изменения в политических системах или социальных структурах.

Каждое из этих движений имеет свои уникальные характеристики и особенности, и все они представляют собой вызов для общества и властей.

Противодействие антиобщественным движениям требует комплексного подхода, включающего социальные, политические, образовательные и другие меры. Вот несколько способов противодействия:

1. Диалог и образование. Создание открытого диалога с представителями антиобщественных движений может помочь понять их мотивы и стремления. Образовательные программы, направленные на разъяснение ценностей гражданства, воспитание уважения к законам и институтам общества также могут сыграть важную роль.

2. Социальная поддержка. Предоставление возможностей для участия в конструктивных общественных и политических процессах, а также создание условий для активной гражданской и социальной деятельности может отвлечь молодежь от радикальных и антиобщественных идей.

3. Борьба с неравенством и коррупцией. Улучшение экономических возможностей, борьба с неравенством и коррупцией поможет снизить недовольство и сопротивление в обществе.

4. Сотрудничество с молодежью. Привлечение молодежи к решению социальных и политических проблем, обеспечение доступа к качественному образованию и работе, а также создание механизмов для выражения мнений и идей молодежи могут способствовать уменьшению привлекательности антиобщественных движений.

5. Законодательство и правоохранительные органы. Работа по предотвращению экстремистских деятельностей, контроль за распространением антиобщественных идей и обеспечение соблюдения законов помогут предотвратить негативные последствия существования и деятельности таких движений.

Подводя итог, можно сказать, что антиобщественные движения - это группы или организации, которые выражают недовольство, сопротивление или протест по отношению к установленным социальным, политическим или культурным ценностям и институтам общества. Они могут противостоять установленным нормам, демонстрировать агрессию по отношению к системе или призывать к радикальным изменениям.

Важно помнить, что противодействие антиобщественным движениям должно основываться на уважении к правам человека, свободе выражения мнений и не должно провоцировать дальнейшую радикализацию граждан и социальные конфликты.

Чернышев Дмитрий Борисович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России

Проблемы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 187 и 273 УК РФ

Экономическая безопасность государства на фоне продолжающегося геополитического давления со стороны западных стран приобретает особое значение. Учитывая, что безналичные банковские расчеты являются основным средством совершения финансовых операций, безопасность их совершения требует повышенного внимания, и защиты, в том числе уголовно-правовыми средствами. Любые нарушения при осуществлении безналичных расчетов, помимо имущественного ущерба, влекут снижение уровня доверия граждан и бизнеса к банковской инфраструктуре, а также в компетентности государственных органов, их способности обеспечить нормальные деловые условия для ведения бизнеса.

Общественные отношения, связанные с обеспечение безналичных денежных расчетов, охраняются различными уголовно-правовыми нормами, в частности, к ним можно отнести ст. 272, 173.1, 173.2, 187 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 187 УК РФ, посягает на общественные отношения в сфере обеспечения нормального оборота средств платежей – основного инструмента осуществления безналичных расчетов. Перечень средств платежей является достаточно широким, в настоящем исследовании мы остановимся на одним из них – компьютерных программах, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств.

Исходя из анализа содержания признаков указанного предмета, можно сделать вывод, что под компьютерной программой, предназначенной для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств в контексте ст. 187 УК РФ следует понимать т. н. «вирусные» программы, специально разработанные для совершения неправомерного доступа в денежным средствам, размещенным на расчетном счете. Указанные компьютерные программы позволяют изменять процедуру списания денежных средств со счета, их маршрутизацию, и совершать любые иные действия с денежными средствами, противоречащие установленному банком порядку. Также в предмету преступления могут относиться легальные программы, разработанные для совершения законных операций с безналичными денежными средствами (мобильные банковские приложения, браузерное приложение «Криент-банк» и т. д.).

В качестве примера использования компьютерных программ в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, можно привести приговор Беловского районного суда Кемеровской области, вынесенный 16.01.2020 в отношении К. Судом было установлено, что подсудимый за денежное вознаграждение по просьбе неизвестного лица зарегистрировал на свое имя компанию. При этом никакого участия в деятельности организации К принимать не планировал. Далее подсудимый, действуя по указанию неизвестного, открыл в нескольких банковских учреждениях расчетные счета, которые подключил к системе дистанционного банковского обслуживания «Клиент-банк», и получил специальную компьютерную программу лицензии на установки средств защиты информации «КриптоПРО CSP», предназначенную для авторизации и обеспечения юридической значимости электронных документов при обмене ими между пользователями, посредством использования процедур формирования и проверки электронной подписи. Указанная программа позволяла осуществлять операции с денежными средствами, размещенными на расчетном счете организации. Указанную программу К в дальнейшем передал неизвестному, что повлекло получение третьими неуполномоченными лицами возможности осуществлять операции с безналичными денежными средствами в нарушение установленных законодательством о банковской деятельности правил.

В данном примере компьютерная программа имела легальное происхождение, и действия подсудимого были верно оценены судом как сбыт компьютерной программы, предназначенной для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств. Следует отметить, что указанная программа приобрела такое предназначение в момент ее получения подсудимым, а не в момент ее разработки.

Тем не менее, для осуществления неправомерных операций с безналичными денежными средствами могут применяться в том числе т. н. «вредоносные» компьютерные программы, специально разработанные для совершения неправомерных действий в отношении безналичных денежных средств. В таком случае, при их обороте может возникнуть ситуация конкуренции двух уголовно-правовых норм – ст. 187 УК РФ и ст. 273 УК РФ. Авторы, рассматривающие указанную проблему, предлагают квалифицировать такие действия как совокупность данных преступлений. Мотивом для такой позиции служит то, что объект уголовно-правовой охраны ст. 187 УК РФ не охватывает общественные отношения в сфере компьютерной информации, которым, безусловно, также причиняется вред.

Отчасти соглашаясь с указанной позицией, тем не менее полагаем, что диспозиция ст. 187 УК РФ охватывает лишь ту часть оборота вредоносных компьютерных программ, включающих их создание,

перевозку, хранение и сбыт. При этом использование такой программы нормой не охватывается. Таким образом, квалификация таких действий как единичного преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, либо как совокупности ст. 273 УК РФ должна зависеть от совершенного субъектом действия. Так, в случае совершения лицом комплекса действий, включающих и использование вредоносного программного обеспечения в качестве средства совершения преступления, и хотя бы одного из перечисленных в диспозиции ст. 187 УК РФ, такие действия следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 187 и 273 УК РФ.

Также полагаем, что при квалификации действий, связанных с изготовлением или сбытом вредоносной компьютерной программы, предназначенной для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств, норма, установленная ст. 187 УК РФ является специальной по отношению к ст. 273 УК РФ. На это указывает более высокая санкция (до шести лет лишения свободы по ст. 187 УК РФ в сравнении с четырьмя годами лишения свободы согласно санкции ст. 273 УК РФ). В связи с изложенным, полагаем, что в случае, если субъект только изготовил и сбыл вредоносную компьютерную программу, предназначенную для неправомерного осуществления приема, выдачи и перевода денежных средств, его действия необходимо квалифицировать по ст. 187 УК РФ.

Чуб Инна Сергеевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Современное состояние и тенденции развития преступлений против собственности в России

Для современного российского общества характерны преступления против собственности, в соответствии с данными официальной статистики, они занимают наибольшую часть уголовно наказуемых деяний. Эти деяния включают корыстные, уголовно наказуемые посягательства на чужую собственность, совершаемые путем кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства и др.

Преступления против собственности определяют лидирующее место в структуре всей преступности, в 2022 году их удельный вес составил 59,46%[1]. Данные преступления всегда имеют преобладающий характер в структуре преступности России, определяя ее количественную сторону и наносящие колоссальный ущерб государству и обществу, тем самым оказывая негативное влияние на социальные отношения в обществе. Такая распространенность преступлений против собственности характеризует общий портрет современной преступности, таким образом определяет общее состояние и тенденции развития преступности, а значит, в целом и всю криминальную ситуацию в стране.

Следует учитывать то, что официальная статистика не отражает истинного объема совершаемых преступлений данной группы. Это связано с тем, что корыстные преступления против собственности характеризуются высоким уровнем латентности. Однако уровень латентности заметно варьируется в зависимости от характера совершаемого преступления, например для краж составляет порядка 40-50%, что связано с тем, что в значительном числе данных преступлений причиняемый ущерб для потерпевшего не является существенным, в связи с чем потерпевший не желает участвовать в бюрократизированном уголовном процессе. Латентность мошенничеств заметно выше и может достигать 85-90%, что связано со спецификой механизма совершения преступлений, многие потерпевшие не в полной мере понимают противоправный характер совершенных действий, сами явились инициаторами отношений, повлекших преступлений, в том числе сами

[1] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ дата обращения 20.08.2023 г.)

участвуя в противоправных действиях[1]. При анализе количественных и качественных показателей преступлений против собственности, а также при построении профилактической работы в этой сфере, необходимо учитывать особенности латентности отдельных видов преступлений.

В главе 21 Уголовного кодекса РФ расположены преступления против собственности. При проведении данного исследования мы проанализируем качественные и количественные показатели преступлений против собственности, на примере таких составов: кража, грабеж, разбой и мошенничество. Рассмотрим количественные показатели зарегестрированных преступлений против собственности на территории РФ в период с 2016-2022 гг. (табл. 1)[2].

Таблица 1

Динамика зарегестрированных преступлений против собственности на территории России в период с 2016–2022 гг.

Годы	Всего преступлений против собственности	Темпы прироста (снижения) в % к предыдущему году	Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в %
2016	1 232 421	-11,8	57,0
2017	1 161 241	-5,8	56,4
2018	1 113 367	-4,1	55,9
2019	1 172 290	5,3	57,9
2020	1 220 806	4,1	59,7
2021	1 195 838	-2,0	59,6
2022	1 169 495	-2,2	59,4

Из приведенных данных видно, что динамика данной категории преступлений носила нестабильный волнообразный характер, однако в целом за последние семь лет их количество сократилось всего на 5,1%. Удельный вес данной группы преступлений варьировался в пределах 55,9–59,7%. Максимальное снижение регистрируемости было зафиксировано в 2016 году, количество зарегистрированных преступлений составило 1232421 (-11,8 %).

Министр внутренних дел на расширенном заседании коллегии МВД России отметил, что принятые руководством страны меры по поддержке экономики и социальной сферы наряду с деятельностью субъектов по профилактике оказали определенное позитивное влияние на состояние оперативной обстановки в стране. Продолжилось последовательное

[1] Кудрявцев А.В., Анин А.Г. Отдельные аспекты современного состояния и криминологической характеристики корыстной преступности против собственности // Аграрное и земельное право. 2022. № 1(105). С. 105–106.

[2] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 21.08.2023).

сокращение разбоев, грабежей. За последние 10 лет число корыстно-насильственных составов, а также краж из квартир и хищений транспорта снизилось более чем в три раза[1]. Но несмотря на положительную динамику, имеются и негативные тенденции развития данного вида преступности. В связи с чем, чем необходимо более подробно проанализировать качественные и количественные показатели преступлений против собственности.

Самым распространенным преступлением в общем массиве являются кражи, их можно разделить на: квартирные, с проникновением в жилище; уличные; неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон); на транспорте; карманные и др. Динамика краж в целом соответствует динамике всей преступности, однако несколько отличается степенью выраженности.

Количество таких деяний за последние семь лет сократилось на 19,91%, однако следует отметить, что статистические показатели краж в исследуемый период носили нестабильный волнообразный характер. Удельный вес данных преступлений в структуре всей преступности за анализируемый семилетний период варьировался в пределах 35,4–40,3%. Однако, удельный все краж в общем числе преступлений против собственности значительно выше, чем в целом по преступности (70,6–59,6%). В табл. 2. мы наблюдаем, что кражи занимают лидирующее положение среди преступлений против собственности. Рассмотрим количественные показатели зарегестрированных преступлений по ст. 158 УК РФ на территории РФ в период с 2016-2022 гг. (табл. 2)[2].

[1] Расширенное заседание коллегии МВД России 2023 г. Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70744 (дата обращения: 22.06.2023).

[2] Официальный сайт МВД России. URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 21.08.2023).

Таблица 2

Динамика зарегестрированных краж на территории России в период с 2016–2022 гг.

Годы	Всего преступлений по ст. 158 УК РФ «Кража»	Темпы прироста (снижения) в % к предыдущему году	Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в %	Удельный вес в общем числе преступлений против собственности в %
2016	871 084	–14,5	40,3	70,6
2017	788 531	–5,8	38,3	67,9
2018	756 395	–4,1	38	67,9
2019	774 159	2,3	38,2	66,0
2020	751 243	-3,0	36,7	61,5
2021	733 075	- 2,4	36,5	61,3
2022	697 567	-4,8	35,4	59,6

Рассматривая тенденции развития данного вида преступления, важно отметить, что имеется вялотекущая тенденция к сокращению краж в структуре преступности. Так, например, с 2016 по 2022 г. этот показатель снизился на 4%. Максимальное снижение регистрируемости было зафиксировано в 2022 году, количество зарегистрированных краж составило 697567. На снижение количественных показателей краж также повлияло декриминализация некоторых посягательств на собственность, в частности введение в 2016 г. в КоАП РФ ст. 7.27 «Мелкое хищение»[1]. Данную закономерность можно объяснить тем, что для современной преступности характерно появление новых способов и видов корыстных преступлений с использованием информационных технологий и применения искусственного интеллекта.

Рассмотрим количественные показатели зарегестрированных квалифицированных видов краж на территории РФ в период с 2016–2022 гг. (табл. 3)[2].

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СПС «Гарант».

[2] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 20.08.2023).

Таблица 3

Динамика зарегестрированных различных квалифицированных видов краж на территории России в период с 2016–2022 гг.

Годы	С незаконным проникновением в жилище	С незаконным проникновением в квартиру	С причинением значительного ущерба гражданину	Из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем
2016	85 916 (–9,5)	68 783 (–11,2)	362 977 (–13,4)	44 206 (–8,7)
2017	77 177 (–10,2)	62 007 (–9,9)	321 271 (–11,5)	43 239 (–2,2)
2018	65 115 (–15,6)	52 090 (–16,0)	298 906 (–7,0)	41 021 (–5,1)
2019	56 965 (–12,5)	45 325 (–13,0)	279 993 (–6,3)	37 743 (–8,0)
2020	44373 (-22,1)	35 067 (-22,6)	234 645 (-16,2)	25 558 (-32,3)
2021	36 210 (-18,4)	29 403 (-16,2)	235 590 (0,4)	24 526 (-4,0)
2022	34 120 (-5,8)	27 195 (-7,5)	240 400 (2,0)	23 086 (-5,9)

Безусловным лидером в рейтинге краж являются кражи с причинением значительного ущерба гражданину, в 2022 году их удельный вес составил 34,4%. Далее следуют кражи с незаконным проникновение в жилище (удельный вес в 2022 году – 4,89%), затем квартирные кражи (удельный вес в 2022 году – 3,89%) и замыкают этот рейтинг кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (удельный вес в 2022 году – 3,3%). За последние семь лет мы наблюдаем значительное снижение общего количества всех зарегистрированных квалифицированных видов краж в России. Такая тенденция обосновывается повышением уровня общественной безопасности в нашем государстве, например развитием программы «Безопасный город» и появлением большого количества камер в общественных местах.

Среди преступлений против собственности выделяются грабежи и разбои. В криминологической литературе грабежи и разбои относят как к корыстным, так и к корыстно-насильственным преступлениям, т. к. по мотиву это преступления корыстные, по способу совершения – насильственные. Рассмотрим количественные показатели зарегестрированных преступлений по ст.161 УК РФ на территории РФ в период с 2016–2022 гг. (табл. 4)[1].

[1] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 20.08.2023).

Таблица 4

Динамика зарегестрированных грабежей на территории России в период с 2016-2022 гг.

Годы	Всего преступлений по ст. 161 УК РФ «Грабеж»	Темпы прироста (снижения) в % к предыдущему году	Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в %	Удельный вес в общем числе преступлений против собственности в %
2016	61 524	-15,4	2,84	4,9
2017	56 855	- 7,6	2,76	4,8
2018	50 111	- 11,9	2,51	4,5
2019	45 815	- 8,6	2,26	3,9
2020	38 392	- 16,2	1,87	3,1
2021	31 456	- 18,1	1,56	2,6
2022	29 209	- 7,1	1,48	2,4

Динамика грабежей на территории России в исследуемый период имеет четкую тенденцию к снижению данных показателей, за последние семь лет количество таких деяний сократилось на 52,5%. Удельный вес данных преступлений в структуре всей преступности за анализируемый семилетний период варьировался в пределах 1,48–2,84%. Удельный все грабежей в общем числе преступлений против собственности значительно выше, чем в целом по преступности (2,4–4,9%). Максимальное снижение регистрируемости было зафиксировано в 2021 году, количество зарегистрированных грабежей составило 31456 (- 18,1 %).

Далее проанализируем количественные показатели зарегестрированных преступлений по ст.162 УК РФ на территории РФ в период с 2016–2022 гг. (табл. 5)[1].

[1] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 22.08.2023).

Таблица 5

Динамика зарегестрированных разбоев на территории России в период с 2016-2022 гг.

Годы	Всего преступлений по ст. 162 УК РФ «Разбой»	Темпы прироста (снижения) в % к предыдущему году	Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в %	Удельный вес в общем числе преступлений против собственности в %
2016	11 416	-16,3	0,52	0,92
2017	9104	-20,3	0,44	0,78
2018	7474	-17,9	0,37	0,67
2019	6739	-9,8	0,33	0,57
2020	5280	-21,7	0,28	0,47
2021	4436	-16,0	0,22	0,33
2022	3972	-10,5	0,20	0,33

Динамика разбоев на территории России в исследуемый период имеет четкую тенденцию к снижению данных показателей, за последние семь лет количество таких деяний сократилось на 65,2%. Удельный вес данных преступлений в структуре всей преступности за анализируемый семилетний период варьировался в пределах 0,20–0,52%. Удельный все разбоев в общем числе преступлений против собственности составлял также до 1%. Максимальное снижение регистрируемости было зафиксировано в 2020 году, количество зарегистрированных разбоев составило 5280, снижение составило 21,7%.

Мошенничество в отличие от других видов преступлений против собственности отличает другими качественными и количественными характеристиками. В связи с прогрессивным развитием высокоинтеллектуальных технологий и их широкомасштабным использованием в криминальной среде, мошенничество обладает довольно высоким уровнем латентности. Кроме того, нельзя не учитывать, что мошенничество – это преступление с особым характером латентности, при этом имеющий выраженную виктимологическую составляющую, где на первое место выходит нежелание огласки со стороны потерпевшего, а также недоверие к правоохранительным органам в эффективности изобличения виновных[1].

Этот вид преступности характеризуется высоким профессионализмом преступников. Например в 2022 году только

[1] Вишневецкий К.В., Козаев Н.Ш., Аведян А.А. и др. Преступность в Краснодарском крае: состояние и прогноз / под ред. А.В. Симоненко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С 120.

«телефонные мошенники» похитили более 14 млрд. рублей. Под влиянием телефонных преступников в 2022 году российские граждане пытались оформить кредиты на 200 млрд. рублей, а 83% граждан России хотя б раз сталкивались с попытками кибермошенничества[1]. В настоящее время это одно из самых актуальных корыстных посягательств, отличающиеся высокой степенью общественной опасности.

Мошенничество также отличается многообразием способов совершения. Уголовное законодательство выделяет как простое мошенничество, так и в сфере кредитования, при получении выплат, с использованием платежных карт, в сфере страхования, в сфере компьютерной информации. В настоящее время распространенной схемой является сообщение потенциальным жертвам ложной информации, при этом представляясь банковскими работниками, сотрудниками службы безопасности банка, сотрудниками правоохранительных органов и т. д. Не смотря на принимаемые меры, мошенники, включая свою «смекалку» применяют новые способы обмана граждан, тем самым причиняя огромный ущерб обществу от совершения данных преступлений.

Раскрываемость мошенничеств в настоящее время характеризуется крайне низкими показателями, так например за 2022 год было зарегистрировано 343 085, а раскрыто 70035 преступлений, таким образом раскрываемость составила всего 20,4%. Крайне низкая раскрываемость данных преступлений связана с тем, что мошенники при совершении указанных деяний используют информационные технологии, что значительно затрудняет работу правоохранительных органов. Рассмотрим количественные показатели зарегестрированных преступлений по ст. 159 УК РФ на территории РФ в период с 2016–2022 гг. (табл. 6)[2].

[1] В 2022 году телефонные мошенники похитили более 14 млрд рублей. Официальный сайт Российской газеты URL: https://rg.ru/2023/03/03/v-2022-godu-telefonnye-moshenniki-pohitili-bolee-14-mlrd-rublej.html (дата обращения 01.09.2023 г.)

[2] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения 22.07.2023 г.)

Таблица 6

Динамика зарегестрированных мошенничеств на территории России в период с 2016-2022 гг.

Годы	Всего преступлений по ст. 159-159,6 УК РФ «Мошенничество»	Темпы прироста (снижения) в % к предыдущему году	Удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений в %	Удельный вес в общем числе преступлений против собственности в %
2016	208 926	4,2	9,67	16,9
2017	222 772	6,6	10,8	19,1
2018	215 036	-3,5	10,7	19,3
2019	257 187	19,6	12,7	21,9
2020	335 631	30,5	16,4	27,4
2021	339 606	1,2	16,9	28,3
2022	343 085	1,0	17,4	29,3

Динамика мошенничеств на территории России в исследуемый период носила нестабильный волнообразный характер, однако в целом за последние семь лет количество таких деяний увеличилось на 64,21%. Удельный вес мошенничеств в общем числе преступлений против собственности значительно выше, чем в целом по преступности. Так, он в этот промежуток времени варьировался в пределах 16,9–29,3%. Максимальное увеличение регистрируемости было зафиксировано в 2020 году, количество зарегистрированных мошенничеств составило 335631 (+30,5%). Следует отметить, что в 2022 году было зарегистрировано максимально количество данных преступлений (343085).

Рост мошенничества связан с ухудшением экономической ситуации в стране. При этом произошли качественные изменения в этом виде преступлений, к которым правоохранительные органы не были готовы. Так, в 2022 г. около 75% мошенничеств, зарегистрированных в России, совершались с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (257606 преступлений, темп прироста составил 3,4%)[1]. В настоящее время на просторах сети Интернет крайне часто совершаются дистанционные преступления такие как кражи и мошенничества. Осуществлять контроль в данной сфере правоохранительным органам сложно, в связи с широкой распространенностью этих преступлений.

Анализ результативности деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с корыстной преступностью свидетельствует о том, что

[1] Официальный сайт МВД России URL: www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 20.08.2023).

уровень ее рецидивной составляющей остается стабильно высоким на протяжении длительного времени. При этом даже такие преступления, как кража, грабеж и разбой, в большей или меньшей степени, показывающие положительную динамику снижения регистрируемости, в своей рецидивной составляющей увеличивают абсолютные показатели. Принимаемые обществом и государством меры профилактики повторной преступности, не могут в настоящий момент обеспечить снижение рецидива[1].

Подобное исследование современного состояния и тенденций развития преступлений против собственности в России должно являться основой для планирования мер борьбы с данными проявлениями, т.к., не имея представления о качественных и количественных показателях преступности, говорить об эффективности планируемых и в дальнейшем проводимых профилактических мерах не представляется возможным.

[1] Яковлев В.В., Чуб И.С. Криминологические аспекты оценки специфических признаков личности преступника, совершающего преступления против собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 7. С. 166.

Шарлова Марина Николаевна,
старший преподаватель кафедры
административного права и административной деятельности
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Побои в административном и уголовном законодательстве Российской Федерации

Во всех случаях, когда лицо нанесло побои или совершило иные насильственные действия, не считаясь при этом подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, его действия не образуют состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 116.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ)[1], а могут быть квалифицированы по части второй указанной статьи, либо по статье 6.1.1 (Побои) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[2].

Субъектом преступления, предусмотренного частью первой статьи 116.1 КУ РФ может быть только лицо, подвергнутое административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ.

Помимо вышеизложенного необходимо отметить, что в тех случаях, когда лицо нанесло побои или совершило иные насильственные действия по истечении административного наказания либо уплаты административного штрафа за совершение аналогичного деяния, то в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный частью первой статьи 116.1 УК РФ, поскольку оно более не считается лицом, подвергнутым административному наказанию.

Один год должен пройти именно со дня фактического исполнения лицом указанного постановления либо уплаты соответствующего штрафа, а не по истечении срока исполнения постановления о назначении административного наказания.

Обратим внимание, что статья 116.1 УК РФ закреплена в главе, посвященной преступлениям против жизни и здоровья. Несмотря на это, ни жизнь, ни здоровье не являются объектом преступлений, предусмотренных указанной статьей. Скорее, рассматриваемые преступления посягают на неприкосновенность личности, в частности, на физическую неприкосновенность, что вытекает непосредственно из содержания диспозиций обеих частей статьи 116.1 УК РФ.

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СПС «Гарант».

Некоторые районные суды в своих решениях также отмечают, что рассматриваемые преступления посягают на неприкосновенность личности, в частности, на общественные отношения, обеспечивающие право человека на физическую (телесную) неприкосновенность.

Необходимо понимать, что под побоями понимаются насильственные действия, которые выражаются в неоднократном нанесении ударов по телу человека. Изучение материалов судебной практики показало, что такие удары могут наносится: рукой (кулаком, ладонью, локтем), ногой, головой (лбом), а также любым предметом (чайником, черенком от лопаты, тарелкой, тапками, тростью, граблями, кружкой, поленом, табуреткой, камнем, обухом топора, шваброй, палкой, ремнем, крышкой от кастрюли и т. д.)

К иным насильственным действиям, можно отнести любые насильственные действия, которые не охватываются понятием побоев, но также оказывают воздействие на тело человека. Анализ материалов судебной практики показал, что они могут выражаться в частности, в однократном нанесении удара, любым из способов, которым наносятся побои, а также толчке, царапании кожи, выкручивании частей ела, укусе, уколах какими-либо предметами (ножом, вилкой), таскании (за волосы, ухо), сдавливании (шеи, рук, других частей тела), вырывании волос.

О том, что используемое в диспозиции обеих частей статьи 116.1 УК РФ словосочетание «причинение физической боли» относится не только к иным насильственным действиям, но и к побоям, свидетельствуют, результаты анализа судебной практики. При квалификации деяния суды отмечают в приговорах наличие последствий в виде причинения физической боли.

Необходимо отметить, что в случае отсутствия в результате нанесения побоев последствий в виде причинения физической боли, указанные деяния не образуют состава преступлений, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ.

Таким образом, для квалификации деяния по статье 116.1 УК РФ нанесение побоев или совершение иных насильственных действий должно причинить физическую боль потерпевшему, но не повлечь последствий, указанных в статье 115 УК РФ.

Выражая аналогичную позицию, суды апелляционной инстанции в своих решениях отмечают, что при квалификации деяния по статье 116.1 УК РФ необходимо установить не характер и степень вреда, причиненного здоровью потерпевшего, а его отсутствие.

Отсутствие в результате нанесения побоев или совершения иных насильственных действий, последствий в виде телесных повреждений на квалификацию деяния не влияет.

В случае если лицо своими действиями осуществило как нанесение побоев, так и совершило иные насильственные действия, то при

квалификации деяния органы дознания и суды указывают, как правило, оба таких действия.

Преступления, предусмотренные статьей 116.1 УК РФ, всегда совершаются умышленно. Умысел при этом направлен на причинение лицу физической боли и, как правило является прямым, что однако не исключает возможности совершения указанных преступлений с косвенным умыслом.

В диспозиции рассматриваемой статьи указано о судимости за преступление, совершенное с применением насилия, а не угрозой его применения.

Исходя из этого, а также в связи с тем, что преступление, предусмотренное частью второй статьи 116.1 УК РФ осуществляется именно путем физического насилия, наличие у лица, нанесшего побои или совершившего иные насильственные действия, судимости за преступление, совершенное с угрозой применения насилия, то есть путем психического воздействия на человека, не образует состава рассматриваемого преступления.

Таким образом, можно сделать вывод, что к преступлениям, которые могут быть совершены с применением насилия, относятся любые преступления, объективная сторона которых предполагает возможность их совершения с применением насилия.

Обстоятельствами, способствующими совершению правонарушений, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ, являются как правило, злоупотребление спиртными напитками, невыполнение контролирующими органами и должностными лицами своих обязанностей, в том числе, ненадлежащее выполнение обязанностей по охране прав несовершеннолетних детей.

К причинам, способствующим нанесению побоев или совершению иных насильственных действий, можно отнести: правовой нигилизм; незанятость; низкий уровень материального благосостояния; семейное неблагополучие.

Шевченко Анна Валерьевна,
старший оперуполномоченный по особо важным делам
Управления экономической безопасности
и противодействия коррупции МВД по Республике Крым

Проблемы оценки состояния детоубийств

Оценка преступности представляет собой процесс анализа ее качественно-количественных показателей и способствует эффективному криминологическому прогнозированию. Как отметил С.В. Бородин, важнейшей предпосылкой реального криминологического прогнозирования выступает оценка состояния преступности[1].

Криминологическая наука выработала подход к познанию такого сложного явления как преступность путем оценки его качественно-количественных показателей. Вместе с тем, в ряде случаев процесс познания тех или иных видов преступлений имеет свои особенности и проблемные вопросы. А.А. Уляшов по данному поводу отметил, что правовая статистика не всегда содержит полную и достоверную информацию[2].

Применительно к детоубийствам следует отметить следующее. Осуществление качественно-количественного анализа детоубийств возможно, в первую очередь, исходя из данных государственной уголовной статистики. Единый учет преступлений обеспечивает системность и общность в вопросе отражения данных о состоянии преступности в формах государственного статистического наблюдения, а также способствует обмену данными между субъектами исполнительной и судебной власти.

Вместе с тем следует помнить, что результат отражения сведений о преступлениях в документах первичного статистического учета зависит от субъектов учета – должностных лиц. Круг субъектов учета преступлений определен приказом. К ним отнесены: орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор[3].

Для обеспечения формирования государственных и ведомственных статистических показателей (статистического учета) используются следующие статистические карточки (или документы первичного учета): на выявленное преступление (форма № 1); о результатах расследования

---

[1] Бородин С.В. Борьба с преступностью; теоретическая модель. М., 1990. С. 100–109.

[2] Уляшов А.А. Проблемы обеспечения достоверности и полноты криминологических показателей в правовой статистике // Молодой ученый. 2016. № 29(133). С. 290–294.

[3] Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Минэкономразвития РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

преступления (форма № 1.1); на лицо, совершившее преступление (форма № 2); о движении уголовного дела (форма № 3); о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности (форма № 4); о потерпевшем (форма № 5); о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции (форма № 6); приложение к статистической карточке формы № 6 на преступление по делу частного обвинения[1].

Следует отметить, что на сегодняшний день при заполнении реквизитов статистических документов предусмотрена возможность отражения следующей криминологически значимой информации (дополнительных характеристик преступления): вида экономической деятельности, детализация места совершения преступления (объект), национальности субъектов учета, сведений о гражданстве, детализированных сведений о предмете посягательства (вид валюты), сведений о социальном положении потерпевших и лиц, совершивших преступления, в т. ч. о занимаемой должности; организационно-правовые формы субъектов хозяйственной деятельности; о способе совершения преступления; иных дополнительных характеристик преступления (сфера совершения преступления, связь преступления с иными сферами жизнедеятельности), о связи с освоением бюджетных средств; о сопряженности с иными преступными деяниями: разбой, вымогательство, бандитизм, захват заложника, похищение человека, изнасилование, совершение иных действий сексуального характера, заранее не обещанное укрывательство, совершение преступления супругом или близким родственником; о наличии у субъекта преступления специального статуса: должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции; характеристики потерпевшего: лицо, находящееся в беспомощном состоянии, беременная женщина, несовершеннолетнее лицо, в т. ч. женского пола, лицо, имеющее связь с преступником в виду служебного положения или выполнения общественного долга; сведений о форме вины, о наличии социальной связи между преступником и потерпевшим (друзья, коллеги, супруг, супруга, дети, родители, иные кровные родственники, усыновители, усыновленные, иные члены семьи, близкие родственники, сожители, сексуальные партнеры, бывшие супруги, сожители, друзья, сексуальные партнеры, иные преступники известные жертве, иные преступники, неизвестные жертве). Данные показатели содержатся в соответствующих справочниках, разрабатываемых ГИАЦ МВД России.

Распространенной практикой является заполнение основных реквизитов в статистических карточках формы 1 на выявленное преступление без учета дополнительных. Нередки случаи, когда при заполнении форм первичного статистического учета указывается служба, выявившая преступление, в том числе с отметкой о выявлении по

[1] См. 3

оперативным данным, предмет преступного посягательства, место совершения преступления и причиненный ущерб, а иные сведения игнорируются. Аналогичная ситуация наблюдается в отношении заполнения остальных карточек статистического учета.

Данное обстоятельства свидетельствует о несовершенстве и недостаточной эффективности существующих форм контроля за деятельностью по учету преступлений, которые должны способствовать правильности структуры документа и необходимых реквизитов, полноте заполнения строк, определению правильности указанных кодов, их соответствию необходимым показателям, выявлению несовместимых сочетаний, соотношению полученных итоговых данных с предварительно учтенными суммами контрольных данных по строкам и графам[1]. На практике же обеспечивается контроль за соблюдением полноты заполнения статистических карточек в части заполнения обязательных реквизитов, правильности примененных кодов и соответствие их логическим показателям программы. Указанное в свою очередь приводит к указанию лишь обязательных реквизитов в документах первичного статистического учета без учета дополнительных характеристик, в результате чего целый пласт криминологически значимых признаков остается вне поля зрения правоохранителей и исследователей в области уголовного права и криминологии.

Следующей формой учета статистических данных является форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС, содержащая сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений[2]. Статистика по детоубийствам в чистом виде в указанной форме учета отсутствует. Сведения о данном виде преступлений содержатся в массиве деяний, предусмотренных ст. 105, 106, 107 УК РФ и отображают общее состояние преступности (преступления и покушения). Очевидно, что количественные показатели отдельно по посягательствам матерью на жизнь новорожденного, убийствам малолетних и несовершеннолетних лиц, исходя из анализа сведений, отраженных в форме статистической отчетности 4-ЕГС, определить невозможно.

Также следует отметить, что среди данных уголовной статистики по ч. 2 ст. 105 УК РФ невозможно вычленить пункт «в», который содержит указание на убийство малолетнего или иного лица, заведомо для

---

[1] Методические пособие Главного организационно-аналитического Управления правовой статистики «Работа прокурора по проверке полноты и достоверности статистических данных при реализации органами прокуратуры функции ведения государственного единого статистического учета». URL: http://chuvprok.gov.ru/documents/statistic/informmater/12.doc (дата обращения: 13.09.2023).

[2] Приказ Генпрокуратуры России от 17.01.2020 № 30 (ред. от 31.01.2023) «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» // СПС «Гарант».

виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека [1] . Очевидно, что и наличие в формах статистического учета сведений по п. «в» ч. 2 ст.105 УК РФ не отобразит реального состояния убийств малолетних. Для этого необходимо введение в формы статистической отчетности дополнительных показателей, соответствующих формулировке квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ.

А.Н. Игнатов, исследуя проблемы ведомственной статистики, отметил, что недостатки ведомственной системы учета преступности, прежде всего, органов внутренних дел, в значительной мере обусловлены несовершенством самих форм статистической отчетности и методики учета преступности. Соответствующие недостатки не позволяют надлежащим образом вести учет тех или иных проявлений преступности, анализировать криминологическую информацию и отображать адекватную криминогенную «картину». Это указывает на необходимость кардинального изменения как самого подхода относительно учета преступности, так и разработки принципиально нового инструментария его осуществления и анализа соответствующей информации[2].

В 2021 году в систему единого учета преступлений введена форма федеральной статистической отчетности №5-ЕГС, содержащая сведения о потерпевших и преступлениях, совершенных в отношении них[3]. Вместе с тем, данная форма учета подобно 4-ЕГС не содержит сведений о состоянии детоубийств в чистом виде. Информация о количественном показателе содержится в массиве деяний, предусмотренных ст. 105-107 УК РФ. Соответственно, сведения в отношении квалифицирующих признаков по ч. 2 ст. 105 УК РФ в данной форме учета также не отображаются. Указанная ситуация позволяет сделать предположение о намеренном укрытии реального состояния детоубийств путем сокрытия данных о количественных показателях в общем массиве статистических данных. С учетом существующей в системе МВД тенденции по снижению уровня преступности по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, подобный способ сокрытия реальных показателей преступности может иметь место. Как отметил по данному поводу А.Н. Игнатов, к сожалению, одной из основных составляющих в аналитической работе осталась манипуляция со статистическими показателями. Данные показатели совсем не воспроизводят реальное состояние противодействия

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.996 № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

[2] Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (част 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4. С. 48–59.

[3] Приказ генеральной прокуратуры РФ от 01.06.2021 № 295 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 5-ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении их преступлениях» // СПС «Гарант».

преступности, а показывают лишь движение учетных документов об обнаруженных и раскрытых преступлениях, в которых достаточно четко прослеживается определенная воля и желание руководителей правоохранительных органов[1].

В связи с тем, что формы статистического учета являются мало информативными с точки зрения изучения количественно-качественных показателей детоубийств, важную роль в процессе исследования имеет изучение материалов уголовных дел указанной категории. Такое исследование позволяет идентифицировать ряд следующих криминологически значимых показателей: количественный состав преступников, характеристика общественно опасного деяния (единичный или повторяющийся акт), наличие сторонних лиц при совершении преступления, применение к жертве физического или психического насилия до совершения преступления, наличие связи между жертвой и преступником (родственники, друзья, знакомые); сведения о месте и времени совершения преступления, о мерах, направленных на подготовку к совершению преступления, способ совершения преступления (активные действия, выражающиеся в различных актах поведения или же бездействие); применение физической силы и орудий совершения преступления; наличие у преступника психотравмирующей ситуации и т. д.

Вместе с тем, изучение материалов уголовных дел не позволяет установить уровень и динамику преступности, т. е. ее количественные характеристики. Что же касается качественных характеристик, следует отметить, что не во всех материалах уголовных дел в полной мере отражаются показатели, имеющие значение. Такой существенный показатель, как мотив преступления довольно часто сложно идентифицировать в виду того, что в материалах дела (обвинительное заключение, приговор суда) акцент на него не делается, тогда как из показаний сторон мотив четко прослеживается. Очевидно, что в данном случае вопросы, связанные с отображением в материалах уголовного дела всех обстоятельств и качественных характеристик, напрямую зависят от лица, производящего расследование.

Таким образом, единый учет преступлений, детоубийств в частности, необходим для анализа и оценки состояния преступности, в т. ч. насильственной преступности в отношении несовершеннолетних. Вместе с тем, статистическому анализу и оценке состояния детоубийств на современном этапе препятствуют недостатки в деятельности, обеспечивающей постановку преступлений на централизованный учет, в части некорректного заполнения документов первичного статистического

[1] Игнатов А.Н. О «статистических» проблемах исследования насильственной преступности // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Издательский Дом «Юг», 2018. С. 119–123.

учета; неэффективность ведомственного контроля за учетом преступлений; недостатки форм статистической отчетности, не позволяющих идентифицировать отдельные составы преступлений, квалифицирующие признаки и сведения о потерпевших из общего массива; недостатки в деятельности должностных лиц уголовной юстиции в части неполного отображения в материалах уголовных дел качественных характеристик детоубийств.

С учетом изложенного, несмотря на важность проблемы защиты жизни человека, особенно ребенка, посягательства на жизнь которого обладают повышенной степенью общественной опасности по сравнению со взрослым, задачи статистического учета в отношении детоубийств не достигаются. Указанное, в свою очередь, приводит к невозможности выработки эффективных мер превентивного характера, что требует внимания со стороны государства.

Шишова Оксана Павловна,
генеральный директор ООО
«Научно-исследовательский центр
проектирования и историко-культурных экспертиз»

Культурное наследие как объект преступных посягательств

Культурное наследие является важнейшим элементом культуры, ее материальной и нематериальной частью, созданной прошедшими поколениями, и фактором формирования и развития духовной, нравственной, интеллектуальной и творческой личности. Сбережение и почитание, т. е. признание ценности и проявление уважения к культурному наследию является обязательным условием осознания национальной идентичности, самоуважения и гордости за историческое прошлое и настоящее своей страны.

Действующее уголовное законодательство не выделяет культурное наследие в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. В то же время УК РФ содержит ряд норм, направленных на защиту культурного наследия от различного рода посягательств [1]. Учитывая значимость культурного наследия для общества, четкое определение культурного наследия позволяет установить конкретный круг объектов и связанных с ними общественных отношений, подлежащих охране со стороны государства, в т. ч. и уголовно-правовыми средствами.

В соответствии со ст. 3 Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» наиболее общие категорией, характеризующей объекты культуры является категория «культурные ценности», под которыми следует понимать «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [2]. Таким образом к категории культурных ценностей следует относить объекты духовного и материального мира, имеющие ценность для мировой культуры, так и культуры конкретного общества (народа, национальной группы).

---

[1] Болотова Е.Д. Уголовная ответственность за посягательство на объекты культурного наследия, взятые под охрану государством: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. М., 2022. С. 13.

[2] Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Российская газета от 17 ноября 1992 г. № 248.

В свою очередь объекты культуры, созданные в прошлом, составляют категорию «культурного наследия». В соответствии с указанной нормой культурное наследие народов Российской Федерации определяется как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию»[1]. Несмотря на то, что имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты данный закон относит к категории культурных ценностей, а при определении понятия культурного наследия памятники и историко-культурные территории и объекты выносятся как самостоятельные объекты за объем понятия «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом», культурное наследие составляют объекты духовного и материального мира, имеющие ценность для культуры, созданные в прошлом.

Следует отметить, что нормативно-правое регулирование в сфере сохранения духовного и материального культурного наследия получило свое отражение в различных законодательных актах.

Отношения, связанные с духовными культурными ценностями выступают предметом правого регулирования Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», принятого в целях реализации конституционного права каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям и конституционной обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия. Данный закон содержит понятие «нематериальное этнокультурное достояние Российской Федерации (нематериальное этнокультурное достояние)» под которым понимается «нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения»[2].

В соответствии со ст. 5 данного ФЗ к объектам нематериального культурного наследия следует относить: 1) устное творчество, устные

[1] Закон РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Российская газета от 17 ноября 1992 г. № 248.

[2] Федеральный закон от 20 октября 2022 г. N 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СЗ РФ, 24 октября 2022 г. № 43. Ст. 7265.

традиции и формы их выражения на русском языке, языках и диалектах народов Российской Федерации; 2) формы традиционного исполнительского искусства (словесного, вокального, инструментального, хореографического); 3) традиции, выраженные в обрядах, празднествах, обычаях, игрищах и других формах народной культуры; 4) знания, выраженные в объективной форме, технологии, навыки и формы их представления, связанные с укладами жизни и традиционными ремеслами, реализующиеся в исторически сложившихся сюжетах и образах и стилистике их воплощения, существующих на определенной территории; 5) иные объекты нематериального этнокультурного достояния[1].

Следует отметить, что непосредственно объекты нематериального культурного наследия не являются объектом уголовно-правой охраны. Уголовный закон охраняет данные объекты опосредованно, устанавливая уголовную ответственность за преступления против собственности, общественной нравственности и пр.

Относительно охраны материальных объектов культурного наследия, т. е. объектов материального мира, имеющих ценность для культуры, созданных в прошлом, отметим следующее.

Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» имеет своей целью сохранение культурного наследия многонационального народа Российской Федерации и направлен как на развитие международного культурного сотрудничества, так и предотвращение незаконных вывоза и ввоза культурных ценностей, содействие возвращению незаконно вывезенных и незаконно ввезенных культурных ценностей. Следует отметить, что положения данного закона распространяются на в т. ч. на государственные органы, осуществляющие функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина (правоохранительные органы) и должностных лиц данных органов[2].

В соответствии со ст. 5 данного закона культурные ценности определены как «движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение», в свою очередь культурные ценности, имеющие особое значение, определены как «культурные ценности, отнесенные в соответствии с критериями, установленными Правительством Российской Федерации, к культурным ценностям, имеющим особое историческое,

[1] Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // СЗ РФ, 24 октября 2022 г. № 43. Ст. 7265.

[2] Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета от 15 мая 1993 г. № 92.

художественное, научное или культурное значение»[1]. Таким образом, культурные ценности как предмет незаконных вывоза и ввоза следует рассматривать как движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение. То есть данный закон направлен в т. ч. на охрану движимых объектов материального культурного наследия.

Уголовный закон предусматривает ответственность за различные посягательства на движимые объекты материального культурного наследия. В частности УК РФ предусматривает ответственность за:

1) преступления, предметом которых выступают предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ст. 164 УК РФ, ст. 243.3 УК РФ);

2) преступления, предметом которых выступают культурные ценности (ст. 190 УК РФ, ст. 226.1 УК РФ, ч. 1 ст. 243 УК РФ, ст. 243.3 УК РФ, ч. 1 ст. 356 УК РФ, ст. 356.1 УК РФ).

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия) относятся «объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры»[2]. При этом в соответствии с данным законом объекты культурного наследия подразделяются на такие виды, как: 1) памятники; 2) ансамбли; 3) достопримечательные места.

Таким образом, к материальным объектам культурного наследия, помимо движимых объектов, относится довольно широкий круг объектов: от зданий, сооружений и иных объектов недвижимого имущества до наскальных изображений, остатков древних каналов и судов, а также захоронений, произведений монументального искусства, фрагментов исторических планировок и застроек поселений, произведений

[1] Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета от 15 мая 1993 г. № 92.

[2] Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023).

ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства и культурных и природных ландшафтов.

Уголовный закон предусматривает ответственность за различные преступления, посягающие на объекты материального культурного наследия, в т. ч. преступления, предметом которых выступают:

1) объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) (ст. 243 УК РФ, ст. 243.1 УК РФ);

2) природные комплексы, объекты, взятые под охрану государства (ч. 1 ст. 243 УК РФ);

3) историко-культурные заповедники, а также музеи-заповедники (ч. 2 ст. 243 УК РФ);

4) объекты археологического наследия (ч. 2 ст. 243 УК РФ);

5) археологические предметы, в т. ч. залегающие на поверхности земли, в земле, под водой (ст. 243.2 УК РФ);

6) воинские захоронения (ст. 243.4 УК РФ);

7) мемориальные сооружения (памятники, стелы, обелиски и др.) или объекты (мемориальные музеи, памятные знаки на местах боевых действий и др.) (ст. 243.4 УК РФ).

Таким образом, не смотря на все разнообразие и разнородность объектов, относимых законодательством к культурному наследию, интегрирующими характеристиками данных объектов наряду с культурной ценностью выступает их историческая природа (возникновение в результате исторических событий). В качестве объекта преступных посягательств выступает не все культурное наследие, а только его материальная составляющая. Конкретные материальные объекты культурного наследия являются предметом разнообразных преступлений. Уголовно-правовой охране подлежат следующие виды объектов культурного наследия: 1) движимые объекты материального культурного наследия (предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность; иные культурные ценности); 2) недвижимые объекты материального культурного наследия (объекты культурного наследия (памятники истории и культуры); 3) иные объекты материального культурного наследия.

Яковлев Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Роль криминологических прогнозов в деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений против собственности

Криминологическое прогнозирование развития преступности, связанной с посягательствами на право собственности, как и преступности в целом, в деятельности органов внутренних дел предшествует составлению перспективного плана по противодействию преступности. Прогнозируется и сам процесс выполнения плана, ожидаемые результаты. Криминологическое планирование представляет собой элемент социального управления, выражающийся в определении субъектов и объектов предупреждения преступности, поиске наиболее эффективных средств и методов противодействия криминальной среде[1]. Приведенное положение в полной мере, на наш взгляд, отражает актуальность криминологических прогнозов для профилактики преступности, осуществляемой органами внутренних дел. Наряду с глубоким и всесторонним изучением причинного комплекса криминального поведения прогностическая деятельность является залогом успешного выполнения мероприятий по борьбе с преступностью.

Предупреждение преступности в целом и профилактика отдельных ее видов представляют собой сложную систему мер, направленных на оздоровление общественных отношений во многих сферах общественной жизни. Поэтому криминологические прогнозы могут быть использованы на различных уровнях и различных направлениях предупредительной деятельности. В каждом конкретном случае может использоваться значительный объем информации, касающейся тенденций развития преступности, перспектив изменения причин и условий криминального поведения, особенностей структуры личности преступника, совершающего конкретные преступления, наконец – ожидаемые результаты применения тех или иных мер профилактики тоже занимают одно из центральных мест в рассматриваемой работе. Опираясь на данное положение мы приходим к выводу, что использование прогнозов в профилактике преступности против собственности имеет сложный системных характер. Оно строится из множества обособленных приемов и способов применения прогнозной информации в различных направлениях функционирования субъектов профилактики.

[1] Шалагин А.Е., Шарапова А.Д. Криминологическое прогнозирование и планирование в деятельности органов внутренних дел // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 2. С.128.

Начнем с наиболее общих вопросов уменьшения неопределенности в представлениях о будущем состоянии корыстной преступности. Криминологические прогнозы, прежде всего, используются в целях определения стратегии и тактики борьбы с преступностью против собственности. Так, формирование уголовной политики в сфере охраны права собственности, выработка основных направлений борьбы с корыстной преступностью являются результатом долгосрочных прогнозов. По нашему мнению, данное направление обладает наиболее высоким уровнем сложности, так как вероятность прогнозов в первую очередь зависит от промежутка времени, на который осуществляется предсказание. Чем он длительнее, тем больше возможности вмешательства в развитие ситуации явлений и процессов, сложно поддающихся предвидению специалистов. Эти не ожидаемые заранее факторы могут существенно изменить обстановку не только в сторону ухудшения криминогенной ситуации, но и наоборот – значительно облегчить функционирование субъектов профилактики. Однако в описываемом случае чаще всего возможно только откорректировать имеющиеся уже планы предупредительной деятельности, полностью их изменять нецелесообразно исходя из экономических и организационно-управленческих предпосылок реализации государственной политики в той или иной сфере.

Роль органов внутренних дел в обеспечении прогнозной информацией для долгосрочного планирования предупредительной деятельности достаточно ограничена из-за специфики выполняемых указанным ведомством задач по охране законных прав и интересов общества, государства, отдельных граждан от противоправных посягательств. Ведущие позиции здесь занимают такие субъекты, как высшие органы государственной власти, ее законодательные и исполнительные ветви, определяющие стратегию борьбы с преступностью против собственности. МВД России в основном осуществляют информационное обеспечение, то есть предоставляют по необходимости требуемую прогнозную информацию. Данную точку зрения поддерживает большинство представителей практических органов внутренних дел, ставших участниками социологического опроса экспертов – специалистов в различных направлениях деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Основной объем работы по использованию криминологических прогнозов в предупреждении преступности против собственности выполняется органами внутренних дел на специально-криминологическом уровне, в непосредственном воздействии на причинный комплекс преступлений, посягающих на право собственности. Рост масштабов, сложности и динамизма правоохранительной практики в сфере противодействия преступности против собственности требуют на

современном этапе принципиального совершенствования действующей системы информационно-аналитического обеспечения[1].

Основной задачей упомянутого направления работы является сбор, обработка и анализ информации, необходимой для принятия обоснованных управленческих решений на всех уровнях организации органов внутренних дел. Речь идет о сведениях, касающихся практически каждого элемента криминологического изучения преступности. Структура информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступности против собственности выглядит, по нашему мнению, следующим образом.

1. Субъекты информационно-аналитического обеспечения: подразделения, непосредственно осуществляющие сбор, обработку и анализ информации, необходимой для прогнозирования, планирования и осуществления мероприятий по противодействию посягательствам против собственности. К ним следует отнести непосредственно аналитические подразделения, в первую очередь – штабные, которые осуществляют рассматриваемый вид деятельности как свою прямую функцию; оперативные подразделения, осуществляющие выявление, предотвращение, раскрытие посягательств на право собственности, т. е. непосредственно включенные в предупреждение преступлений; следственные подразделения при органах внутренних дел, расследующие преступления против собственности и выявляющие широкий круг обстоятельств, необходимых для прогнозной деятельности. К рассматриваемым субъектам многие исследователи и специалисты-практики относят также подразделения документальных проверок – формирования федерального и регионального масштаба, призванных осуществлять ведомственный контроль за качеством выполнения своих функций органами дознания, оперативной деятельности, охраны общественного порядка и т. д. Получаемая ими информация крайне важна для оценки состояния и планирования работы по повышению результативности деятельности подразделений ОВД. К субъектам информационно-аналитической работы мы можем отнести также местные органы исполнительной власти, в которых имеются соответствующие формирования по взаимодействию с правоохранительными структурами. Важность их информации заключается в том, что она приходит как бы «извне», основывается на системной оценке социальных явлений и процессов, происходящих в обществе и может восполнить отдельные пробелы в информационном поле, возможные по причине выхода сферы действия за рамки правоохранения.

[1] Исаев И.Х. Структура аналитического обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 155–156.

Информационно-аналитическое обеспечение стратегических задач оперативно-служебной деятельности ОВД заключается в сборе оперативно-значимой информации в масштабах территории оперативного обслуживания, стратегическом анализе и прогнозировании развития криминогенной и криминальной обстановки, составлении перечня угроз безопасности региона, выработке общих рекомендаций для руководства территориальных органов[1].

В качестве примера мы можем привести аналитику социально-экономического, политического, морально-психологического характера, тесно связанную, в первую очередь, с причинным комплексом корыстной преступности, важным для прогнозирования и планирования правоохранительных мероприятий.

2. Непосредственная информация о современном состоянии, тенденциях развития и прогнозах изменений в криминогенной ситуации, необходимая для выполнения одной или нескольких функций управления органами внутренних дел. На ней мы также уже неоднократно останавливались, раскрывая особенности системы прогнозирования преступности. Главное, что необходимо помнить, обсуждая вопросы построения указанной информации – ее системность, логическая завершенность, оперативность и научная обоснованность. Только соблюдение этих признаков позволит эффективно реализовывать криминологические прогнозы в процессе противодействия преступлениям против собственности.

3. Техническое обеспечение информационно-аналитической работы. Речь идет о необходимых технических средствах, обеспечивающих изучаемый процесс в современных условиях широкого использования информационно-коммуникационных технологий в различных сферах функционирования государства. Данное обстоятельство позволяет существенно ускорить процедуру сбора и обработки необходимой для прогнозирования и планирования противодействия преступности информации, обеспечить широкий доступ заинтересованных субъектов к интересующим их базам данных по различным аспектам оценки современного состояния, структуры, динамики и тенденциям развития преступности в целом и отдельных ее видов, на территории всей Российской Федерации и конкретных регионов. Помимо непосредственно аппаратных средств в последнее время осуществляются попытки внедрения в правоохранительную деятельность программных продуктов, имеющих цель освободить сотрудников информационно-аналитической сферы от рутинной работы по вычислению требуемых величин.

[1] Андреев Н.А., Коробов В.Б. Стратегическое управление в правоохранительной сфере. М., 2010. С. 97.

4. Методы и процедуры сбора, обработки и анализа прогнозной информации. Данный элемент обеспечивает организационно-управленческую сторону аналитической деятельности, представляет собой инструментарий, включающий в себя не только приемы и способы получения необходимой информации, но и закрепляющий последовательность действий специалистов, выполняющих указанные выше задачи. Безусловно, методология криминологического исследования параметров преступности и более сложные операции, такие, как прогнозирование и планирование, требует соответствующего научного обоснования и предварительной подготовки на основе имеющегося уже опыта правоохранительной деятельности. Поэтому одним из приоритетных направлений этой работы является тесное взаимодействие практических подразделений с научно-исследовательскими центрами ведомственного характера, занимающимися проблемами оптимизации информационно-аналитического обеспечения правоохранительной деятельности. Ярким примером такого сотрудничества являются различного рода научно-практические исследования, выполняемые в интересах указанных практических подразделений на базе образовательных, научно-исследовательских учреждений и лабораторий системы МВД России. Результатами таких исследований являются методические рекомендации, справочники, аналитические обзоры, инструкции и иные образцы научной продукции, содержащие в себе необходимую практическим работникам информацию, позволяющую осуществлять эффективное планирование профилактических мероприятий, осуществлять их на практике и давать объективную оценку результативности принимаемых мер.

Еще одним направлением деятельности ряда подразделений органов внутренних дел, где должны широко использоваться результаты криминологического прогнозирования, выступает индивидуальная профилактика преступлений против собственности. Ее отличительной чертой является максимальная конкретизация причин и условий совершения преступления, отличительных черт структуры личности потенциального преступника, а также объективно существующих обстоятельств, составляющих ситуацию возможного правонарушения. По сути дела речь идет о механизме конкретного уголовно наказуемого деяния, профилактируемого субъектами противодействия корыстной преступности.

Основными задачами индивидуального криминологического прогнозирования, позволяющего формировать эффективные планы профилактики и реализовывать их в объективной реальности, являются:

1. Выявление конкретных лиц, склонных к антиобщественному (преступному) поведению. Составление прогнозов в отношении конкретных лиц является непосредственным делом служб и подразделений

правоохранительных органов, которые занимаются индивидуальной профилактикой преступлений, особенно в отношении лиц, совершивших в прошлом правонарушения или преступления. Прежде всего, к ним следует отнести подразделения участковых уполномоченных полиции и инспекторов по делам несовершеннолетних, которые на территориальном уровне осуществляют изучение граждан, попадающих в поле зрения правоохранительных органов по причине конфликта с законом. Оценивая условия жизни таких лиц и их личностные характеристики, указанные сотрудники прогнозируют возможные варианты их поведения в той или иной ситуации и принимают решения о необходимости постановки на учет и осуществления индивидуального воздействия.

Представители оперативных подразделений сталкиваются с рассматриваемым контингентом, чаще всего, на более поздних этапах формирования механизма индивидуального преступного поведения и в лучшем случае способны выполнить меры по предотвращению либо пресечению преступного поведения. Это свидетельствует о более высоком уровне готовности девианта к преступному поведению. В этом случае, по нашему мнению, наиболее продуктивным будет прогнозирование возможности повторного преступного поведения, т. е. рецидива преступлений.

Иные подразделения органов внутренних дел, например – патрульно-постовой службы или безопасности дорожного движения, используют в своей деятельности прогнозную информацию, больше относящуюся к объективным обстоятельствам построения профилактических мероприятий. Она может касаться определенных территорий, социальных групп, времени суток и конкретных дат, свидетельствующих о повышенной степени вероятности нарушения установлений уголовного законодательства. В своей индивидуально-профилактической работе эти сотрудники ориентируются на указанные обстоятельства, такие, например, как даты проведения важных культурно-спортивных мероприятий, многодневные выходные и праздничные периоды, сезонная загруженность автомагистралей и т. д.

2. Выяснение закономерностей и особенностей поведения лиц, входящих в группу риска, в будущем. Практическое значение прогнозирования индивидуального преступного поведения состоит в том, чтобы выделить из указанных лиц таких, от которых можно ожидать совершение преступления, и применением различных профилактических мер не допустить этого. Исходное положение заключается в том, что преступное поведение, как правило, не является необъяснимой случайностью, а в подавляющем большинстве случаев отражает устойчивые свойства данной личности и характерные особенности внешней среды. В процессе осуществления прогнозной деятельности и непосредственной профилактической работы сотрудники подразделений

органов внутренних дел должны привлекать иных субъектов профилактики, располагающих определенным потенциалом в той или иной сфере социальной жизни. К ним следует отнести органы местного самоуправления, общественные организации, профессиональные коллективы, специалистов в области психологии, педагогики, медицины и др. Комплексный подход к реализации прогнозной информации в деле построения многосторонней профилактики индивидуального преступного поведения дает наиболее значимые результаты. Об этом особо отмечают в своих оценках проблемы практически все опрошенные сотрудники территориальных подразделений органов внутренних дел. В частности, они указывают в качестве одной из существенных проблем отсутствие должного контакта сотрудников полиции с иным субъектами профилактики преступлений против собственности.

3. Создание условий для эффективного профилактического воздействия на конкретного индивида. Степень вероятности преступного поведения со стороны отдельных лиц определяется интенсивностью антиобщественной ориентации личности и жизненной ситуации, в которой находится эта личность. Преобразование антисоциальных качеств индивида и общественных условий его деятельности в конкретный вариант преступного поведения происходит на протяжении определенного периода времени, поэтому в данном случае нельзя говорить о какой-то фатальной обреченности лица или о врожденной преступной наклонности. Следовательно, индивидуальный криминологический прогноз имеет определенные временные рамки[1]. В данном случае считаем необходимым отметить такой важный принцип осуществления предупреждения преступности против собственности, как своевременность использования прогнозной информации в криминологическом планировании и осуществлении конкретных мероприятий. Его выполнение в полной мере возможно только при условии наличия достаточной информации и профессиональной подготовленности сотрудника, являющегося субъектом профилактической работы.

Подводя итог рассмотрению возможностей использования криминологического прогнозирования в предупреждении преступлений против собственности отметим, что указанные виды деятельности тесно взаимосвязаны друг с другом и представляют собой логически обоснованную последовательность действий, целью которых является нейтрализация причинного комплекса посягательств на право собственности – наиболее эффективный способ противодействия изучаемому виду преступности.

[1] Афиногенов В.А. Криминологическое прогнозирование и его роль в профилактике преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С.64.

Результаты криминологического прогнозирования широко применяются практически на всех уровнях планирования профилактической работы и применения средств и методов профилактики корыстной преступности. Органы внутренних дел как субъект предупреждения преступлений против собственности активно функционируют на специально-криминологическом уровне, реализуя методики нейтрализации причинного комплекса корыстного криминального поведения как вида преступности и на индивидуальном, осуществляя непосредственное воздействие на конкретных граждан, попадающих в группу риска. Что касается общесоциального предупреждения, то в нем подразделения МВД России обеспечивают в основном информационное обеспечение предупредительной деятельности, предоставляя иным субъектам сведения прогнозного характера для повышения эффективности формируемой стратегии борьбы с посягательствами на право собственности.

Одним из перспективных направлений совершенствования работы по профилактике корыстной преступности в настоящий момент является укрепление взаимодействия между органами внутренних дел и иными субъектами предупреждения рассматриваемого вида преступлений, залогом которого является, по нашему мнению, широкий доступ заинтересованных органов, учреждений, должностных лиц и прогнозной информации.

Блохин Ярослав Анатольевич,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
по кафедре криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Классификация преступлений, совершаемых мигрантами

В связи имеющими сегодня место геополитическими процессами и непрерывным возношением очагов нестабильности и военными конфликтами во всем мире, критическим состоянием системы мировой безопасности, проблема миграции является одной из наиболее актуальных. В свою очередь с миграцией, прежде всего ее вынужденными формами, связан ряд социальных явлений и процессов, в том числе и преступность. При этом, криминогенность миграционных процессов определяется, в первую очередь, их взаимосвязью с преступностью (преступным поведением) мигрантов.

Уже не первое десятилетие учеными отмечается корреляция роста количества мигрантов прибывших в нашу страну и увеличения числа совершаемых ими на территории России противоправных деяний. При этом сложно судить о точном количестве преступлений совершаемых незаконными мигрантами в России[1].

Разносторонность и разноплановость проблемы преступности мигрантов определяет необходимость использования при ее криминологическом исследовании такого метода, как классификация.

Как любая система знаний, так и практическая деятельность человека нуждаются в внутреннем структурно-логическом упорядочении. Классификация является одним из эффективных научных методов исследования объективного мира. Необходимость в осуществлении классификации прямо пропорциональна сложности объекта исследования. Классификация, как отмечал С.В. Познышев, является первым и чрезвычайно важным шагом при исследовании, любой обширной и разнообразной группы явлений. Как исследовательский прием, классификация имеет двоякое значение для научного исследователя: с внешней стороны, это прием, который вносит в исследование систему и порядок, а с внутренней стороны, это прием, обуславливающий полноту и правильность выводов исследования[2].

---

[1] Иллюк А.А. Криминологические аспекты противодействия преступности незаконных мигрантов в Российской Федерации с учетом международных миграционных процессов: опыт и проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 3.

[2] Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904. С. 5.

Классификация позволяет группировать предметы и явления (объект исследования) в зависимости от различных целей познавательной деятельности, рассматривая их как целостность, имеющую общие свойства, специфические функции и подчиненную единым закономерностям. Теоретико-прикладное значение классификации определяется тем, что не только позволяет установить свойства объекта исследования, определяемые его целями, но и сформировать новое научное знание о данном объекте как таковом. Таким образом, роль классификации в решении теоретических и практических задач определяется познанием сущности классифицируемых объектов, систематизацией объектов исследования, а также систематизацией знаний о классифицируемых объектах.

Согласно правилам логики, для осуществления классификации необходимо, прежде всего, определить существенные критерии (основу) распределения объектов на группы. В качестве критерия классификации может выступать наиболее существенный, общий для объектов количественный или качественный признак, позволяющий обеспечивать устойчивость классификации в целом и каждого ее звена в общей системе распределения множества объектов.

Критерий классификации позволяет выделять такие ее виды, как естественную и искусственную. В основе естественной классификации лежит существенный признак, определяющий природу изучаемых предметов и явлений. В основе искусственной классификации лежит признак свободно взятый и имеющий значение с практической точки зрения для целей осуществляемого исследования. Искусственные классификации имеют важное значение для криминологического анализа преступности, для разработки профилактических мер, направленных на ее предотвращение [1] . Сложность феномена преступности как объекта исследования определяет необходимость осуществления классификации преступлений по комплексным основаниям. При непротиворечивости критериев комплексная классификация дает наиболее полное системное представление об объекте исследования. Полученное и упорядоченное в результате классификации научное знание о уголовно-правовой сущности и криминологических особенностях преступлений различных видов позволяет разработать и эффективно реализовывать комплекс мер противодействия им.

Особенности преступности мигрантов определяются тем, что являясь частью преступности в целом, данный вид преступности имеет существенные специфические характеристики, определяемые особенностями субъекта преступного поведения. Выделение отдельных

[1] Загородников Н.И. Классификация преступлений и ее значение для деятельности органов внутренних дел. М.: Моск. Высш. шк. милиции МВД СССР, 1983. С. 16.

видов преступности в соответствии с критерием субъекта преступной деятельности является устоявшимся, методологически обоснованным подходом. Личность преступника занимает центральное место в механизме преступного поведения, определяет его специфику, включая способ совершения, сферу преступной деятельности и прочие особенности [1]. Указанное определяет необходимость выделения в качестве критериев классификации рассматриваемого вида преступлений ряда признаков, характеризующих личность преступника.

Специфика личности преступника, определяемая статусом мигранта, определяет необходимость классификации преступлений в зависимости от социально-демографических, морально-психологических и уголовно-правовых признаков, образующих личность преступника[2].

В соответствии с социально-демографическими признаками преступника, необходимо выделять виды преступлений, совершаемых мигрантами, в зависимости от: пола, возраста, национальности (этнической принадлежности), уровня образования, профессии, трудовой деятельности, семейного положения, уровня достатка, наличия постоянного места жительства, гражданства страны исхода (ближнее зарубежье, страны Европы, дальнее зарубежье), форм миграции (добровольная, вынужденная, насильственное переселение, транзит) и социально-правового статуса (легальный, нелегальный) и т. д.

С учетом морально-психологических признаков преступника, необходимо выделять виды преступлений, совершаемых мигрантами, в зависимости от: установок, интересов, ценностных ориентаций преступника, в т. ч. относительно языка, культуры, традиций и норм страны пребывания; мотивов миграции (экономические, политические, религиозные, воссоединение семьи, мотивы безопасности и пр.); потребностей и избираемых способов их удовлетворения; наличия психических аномалий, направленности и уровня криминальной деформации личности и т. д.

Отдельного внимания заслуживает классификация преступлений, совершаемых мигрантами, в соответствии с критерием мотивации преступного поведения. Мотив преступления не только характеризует личность преступника, но и определяет специфику механизма преступного поведения. В качестве специфических мотивов преступного поведения

---

[1] Игнатов А.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2015. № 4. 93–98.

[2] Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 1. С. 319–326.

мигрантов, можно выделить такие, как: корысть, сексуальная депривация, экстремистские мотивы и пр.

В зависимости от механизма формирования и реализации мотива преступного поведения мигрантов необходимо выделить следующие группы преступлений: преступления с внезапно возникшим умыслом (так называемые, спонтанные преступления); ситуативные преступления (в механизме совершения которых значительна роль конкретной жизненной ситуации); заранее запланированные преступления. Отдельную группу преступлений, специфика которых определяется морально-психологической характеристикой личности преступника, являются неосторожные преступления, совершаемые мигрантами.

В соответствии с уголовно-правовыми признаками преступника, необходимо выделять виды преступлений, совершаемых мигрантами, в зависимости от: характера (направленности и степени тяжести) совершаемых преступлений, форма вины, групповых форм преступной деятельности, характера и уровня рецидива, связь с криминалом (криминальными структурами) страны исхода, особенностей допреступного и посткриминального (признание вины, деятельное раскаяние и др.) поведения, состояние опьянения в момент совершения преступления, характер и тяжесть причиненного вреда и пр.

С уголовно-правовой точки зрения преступления совершаемые мигрантами необходимо классифицировать, прежде всего, в соответствии с объектом преступного посягательства.

В соответствие с данным критерием преступность мигрантов имеет свою специфическую структуру, определяемую совершением мигрантами, прежде всего, преступлений против собственности и против личности насильственной направленности, притуплений против половой свободы и неприкосновенности, а также преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. При этом имеет место тенденция роста вовлеченности мигрантов в экстремистскую и террористическую деятельность.

Также теоретико-прикладное значение имеет классификация преступлений, совершаемых мигрантами, в зависимости от способа совершения: с применением насилия (в том числе с использованием оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ), с использованием информационно-коммуникационных технологий и пр.

Рассматривая единоличную или групповые формы (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация) преступной деятельности мигрантов, надо учитывать, что нередко преступность мигрантов связана с организованной преступностью, как в части организации незаконной миграции, так и касательно участия мигрантов в организованных формах преступной деятельности, в т. ч. в преступных сообществах, организованных по этническому (национальному,

землячества) признаку. При организованных формах преступной деятельности мигрантов также следует учитывать возможный международный и транснациональных характер такого рода преступных объединений.

По количеству эпизодов детоубийства можно выделить следующие группы преступлений, совершаемых мигрантами: 1) единичные преступления; 2) многоэпизодные преступления; 3) серийные преступления.

Криминологически значимым критерием классификации преступлений, совершаемых мигрантами является уровень их латентности (низкий, средний, высокий). Необходимо учитывать, что специфический статус мигранта, особенно нелегального, детерминирует специфические факторы латентности преступлений, совершаемых как мигрантами, так и в отношении них [1]. Установление уровня латентности различных видов преступлений, совершаемых мигрантами, позволяет иметь объективное представление об уровне преступности мигрантов и определить приоритеты в предупредительной деятельности.

В соответствии с критерием масштаба преступной деятельности необходимо выделить преступления, совершаемые мигрантами: в пределах ореола пребывания (диаспоры, анклава); в пределах населенного пункта пребывания; в пределах региона пребывания; в пределах страны пребывания; транснациональная преступная деятельность.

В зависимости от сферы совершения, рассматриваемые преступления подразделяются на следующие виды: семейно-бытовые; уличные; в производственной сфере; криминальный промысел и др.

Учитывая характер преступлений мигрантов, определяемый совершением преимущественно корыстно-насильственных и насильственных преступлений, одними из критериев классификации данных преступлений должны выступать характеристики жертвы.

При этом ключевым критерием данной группы является социальна принадлежность жертвы, определяемая относительно статуса мигранта: мигрант из числа лиц, принадлежащих к диаспоре, анклаву; иные мигранты; местное население. Дальнейшую классификацию жертв целесообразно осуществлять в соответствии с общепринятыми (устоявшимися) социально-демографическими, морально-психологическими и виктимологическими (характер и степень виктимности и пр.) характеристиками жертв преступлений.

Полученное и упорядоченное в результате осуществленной на основании указанных критериев классификации научное знание о

[1] Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.Н. Игнатова. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2012. С. 151–156.

уголовно-правовой сущности и криминологических особенностях преступлений, совершаемых мигрантами, позволяет разработать и эффективно реализовывать комплекс мер противодействия им.

Бондарева Анастасия Анатольевна,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Современные формы воздействия на несовершеннолетнего, направленные на побуждение его к совершению самоубийства

Результаты раскрытия и расследования отдельных видов преступлений за последние пять лет демонстрируют устойчивое сохранение уровня преступлений, квалифицируемых по статьям 110, 110.1 и 110.2 УК РФ. В 2017 году зарегистрировано 333 подобных преступлений, в 2018 году – 383, в 2019 году – 313, в 2020 году – 388, в 2021 – 417, а в 2022 – 327 преступлений соответственно[1]. Проведенный анализ результатов рассмотрения сообщений о фактах побуждения несовершеннолетних к совершению суицида, совершения несовершеннолетними действий суицидального характера, а также результатов расследования уголовных дел, возбужденных по факту побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства, позволяет констатировать, что в трех из четырех случаев жертвами преступных посягательств, квалифицируемых по статьям 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, становятся несовершеннолетние. Процент раскрываемости таких преступлений крайне низкий и не превышает 8%. Предполагается, что одной из причин низкой раскрываемости данной категории преступлений является отсутствие должного представления у сотрудников следственных подразделений о криминалистически значимых признаках таких преступлений. Одним из ключевых признаков выступает способ совершения преступления.

Способы реализации преступных проявлений закономерно обуславливаются как субъективными, так и объективными факторами, имея тенденцию к своей повторяемости в зависимости от определенных условий совершения преступления. Таковые обстоятельства не могут остаться в стороне в рамках разработки как криминалистической, так и криминологической характеристики любого из преступлений, в том числе не будут исключением и преступления, направленные на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства. Здесь уместным будет упомянуть суждение одного из известных ученых, с которым солидарны многие исследователи, и которое уже устоялось в многочисленных научных работах: «... способ совершения и сокрытия преступления, точнее – знание о нем, определяют путь познания истины по делу, т. е. метод

[1] Статистические данные ГИАЦ МВД России: формы статистической отчетности 491 «1-ЕГС», 493 «3-ЕГС» и 445 «5-ЕГС» за период с 2017 по 2022 года.

раскрытия и расследования»[1]. При рассмотрении исследуемой категории преступлений говорить о способах их совершения целесообразно только через определение формы воздействия на жертву противоправных действий.

В настоящее время законодатель определил следующие виды преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства:

доведение несовершеннолетнего до самоубийства или до покушения на самоубийство (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ);

склонение несовершеннолетнего к совершению самоубийства или содействие совершению несовершеннолетним самоубийства (п. «а» ч. 3, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ);

организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Углубленный анализ диспозиций данный норм позволяет прийти к выводу, что общественно опасные деяния, ответственность за которые предусмотрена п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, п. «а» ч. 3, ч. 5 ст. 110.1 УК РФ и ст. 110.2 УК РФ имеют общий объект преступного воздействия – лицо, не достигшее совершеннолетия, а также направленность преступного умысла – побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства. Их отличительной чертой будет только лишь форма воздействия на несовершеннолетнего. Таким образом, разрабатывая рекомендации по расследованию и противодействию преступлениям, направленным на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства, целесообразно говорить о наличии трех различных форм воздействия, каждой из которых присущи свои отличительные черты. Также следует отметить, что, как показывает практика расследования таких преступлений, нередко в отношении несовершеннолетнего используется сразу несколько форм преступного воздействия. Рассмотрим более детально каждую из форм:

1. Доведение несовершеннолетнего до совершения самоубийства или покушения на него. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова слово «доводить» предполагает осуществление каких-либо действий до наступления определенного состояния[2]. Предполагаемым состоянием в нашем случае выступает факт совершения несовершеннолетним самоубийства или покушения на него. Исследование сложившейся судебно-следственной практики, а также точек зрения правоведов, позволяет судить, что доведение до самоубийства предполагает такое

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2001. С. 805.

[2] См.: Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/790358?ysclid=lepqyiixw5399129241 (дата доступа: 01.03.2023).

воздействие на сознание жертвы, под влиянием которого у жертвы формируется представление о возникновении гнетущей для нее обстановки, выходом из которой она видит совершение акта суицида[1]. При этом мысль о необходимости совершения самоубийства ему не навязывается, несовершеннолетний самостоятельно приходит к ней под воздействием гнетущей его обстановки, созданной психотравмирующей ситуации.

Следует отметить, что законодатель ограничил объективную сторону совершения доведения до самоубийства или покушения на него. Так психотравмирующая ситуация возникает в результате совершения в отношении несовершеннолетнего противоправных действий, выраженных в виде угроз, жестокого обращения с ним или систематического унижения его человеческого достоинства. В научной литературе данные способы побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства соотносят с насильственной формой воздействия на несовершеннолетнего[2], которая может проявляться как в физическом (побои, истязания и пр.) воздействии, так и воздействии на психику несовершеннолетнего (высказывание угроз, систематические оскорбления, издевательства, публичные позорящие высказывания и прочие проявления унижения человеческого достоинства).

Следует отметить, что такая форма побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства как «доведение» предполагает обязательное наступление результата преступных действий – совершения несовершеннолетним самоубийства или покушения на самоубийство, что также вытекает из семантики используемого законодателем термина[3]. Вместе с тем такой результат может как быть самой целью действий преступника, так и стать закономерным итогом осуществляемых им действий в отношении несовершеннолетнего. В одном из своих исследований С.В. Филиппова указывает на возможность совершения данной формы побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства как умышленно, так и по неосторожности. Аналогичную позицию обосновывают и ряд других исследователей[4],

---

[1] См. напр.: Филиппова С.В. Разграничение склонения к совершению самоубийства и доведения до него (статьи 110.1 и 110 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 180–186.

[2] См.: Круковский В.Е. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств / В.Е. Круковский, И.Н. Мосечкин // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196–215.

[3] См.: Лопатин В.В. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 156.

[4] См., напр.: Буряковская Е.В. Доведение до самоубийства: квалификация по субъективным признакам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1. С. 89-94; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. – Москва: Проспект, 2018. С. 385.

однако судебная практика по данному вопросу все еще неоднозначна, в отдельных случаях суды руководствуются решением Президиума Московского городского суда от 4 апреля 2002 года[1], согласно которому доведение до самоубийства предполагает только умышленную форму вины. Полагаем, что данное судебное решение не должно являться шаблоном и использоваться в качестве судебного прецедента во всех без исключения случаях, каждая отдельно взятая ситуация должна подлежать детальному исследованию.

2. Склонение несовершеннолетнего к совершению самоубийства. В отличие от доведения, склонение к совершению самоубийства «предполагает осуществление действий, с очевидностью направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство» [2]. Семантический анализ смысловой конструкции «склонение» в контексте статьи 110.1 УК РФ предполагает понимание под «склонением» действий, направленных на «убеждение в необходимости какого-нибудь поступка, решения»[3], в данном случае – совершения самоубийства. Таким образом, данная форма побуждения к совершению самоубийства предполагает возникновения желания, идеи, намерения у несовершеннолетнего совершить самоубийство в результате целенаправленного на то воздействия подозреваемого, который информирует его о необходимости, возможности или целесообразности совершения суицида. Сама идея совершения самоубийства прививается несовершеннолетнему со стороны подозреваемого. Тем самым, как верно отметила С.В. Филиппова, «под склонением к самоубийству понимается исключительно процесс воздействия, но не его результат»[4], так как наступление последствий в виде факта совершения самоубийства является квалифицирующим признаком склонения к его совершению.

При склонении к совершению самоубийства используются способы воздействия, не связанные с причинением физического насилия или угроз

---

[1] Постановление президиума Московского городского суда от 04.04.2002. URL: www.resheniya-sudov.ru/2007/51585/ (дата доступа: 01.03.2023).

[2] Филиппова С.В. Разграничение склонения к совершению самоубийства и доведения до него (статьи 110.1 и 110 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №9. С. 184.

[3] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир И образование, 2015. 1375 с. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28910 (дата доступа: 03.03.2023).

[4] Филиппова С.В. Разграничение склонения к совершению самоубийства и доведения до него (статьи 110.1 и 110 УК РФ) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 181.

его применения[1]. В качестве таких способов воздействия законодатель называет уговор, предложение, призыв, подкуп и обман, отмечая при этом, что перечень способов склонения является открытым и может быть расширен. Следует отметить, что лицо, склоняющее к совершению самоубийства, действует исключительно с прямым умыслом, предполагая наступление последствий своих действий в виде совершения несовершеннолетним самоубийства, желая при этом их наступления.

3. Содействие несовершеннолетнему в совершении самоубийства. Значение слова «содействие» выражается в «оказании помощи, поддержки в чем-либо»[2]. Данная форма побуждения к совершению самоубийства отличается от склонения тем, что при содействии у несовершеннолетнего уже сформировалось желание на совершение самоубийства, а действия преступника в таком случае заключаются в оказании ему помощи на пути реализации такового желания. В части 2 статьи 110.1 УК РФ законодатель приводит перечень способов побуждения к совершению самоубийства, относимых к содействию: дача советов, указаний; предоставление информации, средств или орудий совершения самоубийства; устранение препятствий к совершению самоубийства; обещание скрыть средства или орудия совершения самоубийства. Приведенный перечень способов является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит, однако он полностью охватывает все возможные действия, которые могут быть совершены преступником при изъявлении желания оказания помощи лицу, решившему совершить самоубийство.

В практике раскрытия и расследования преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетних к совершению самоубийства встречается совмещение в действиях одного лица нескольких форм побуждения. Так, например, одно и то же лицо может изначально склонить несовершеннолетнего к совершению самоубийства, после чего содействовать его совершению.

Выделение форм и способов побуждения несовершеннолетнего к совершению самоубийства лежит в основе формирования как криминалистического, так и криминологического представления о данной категории преступлений, а также формирования на их основе рекомендации по противодействию и предупреждению такого деструктивного явления в обществе.

---

[1] Артамонова М.А. Склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 25-26.

[2] Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата доступа: 03.03.2023).

Бриллиантова Валерия Алексеевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Сравнительно-правовой анализ применения законодательства России и зарубежных стран при привлечении к уголовной ответственности за банкротство

«Банкротство» как явление появилось в России еще в дореволюционное время. Однако законодательное закрепление и уголовно-правовое регулирование получило относительно недавно. В свою очередь, большинство зарубежных стран имеют многолетний теоретический и практический опыт в привлечении к уголовной ответственности за криминальные банкротства, что позволяет сформировать базу для сравнительно-правового анализа существующих подходов и норм.

Сравнительно-правовой анализ законодательства различных стран включает в себя следующие аспекты: определение преступлений в сфере банкротства и уголовных санкций за их совершение, организация судебного процесса, международное сотрудничество, а также повышение эффективности применения правовых норм. Целью данного исследования является определение положительного опыта уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере банкротства зарубежных стран и возможности его применения в отечественном законодательстве, а также расширение знаний, способствующее получению новых идей и перспектив в данной области.

В настоящее время сфера банкротства регулируется не только гражданскими, но и уголовно-правовыми нормами, что является основным предметом данного исследования. Сравнительно-правовой анализ применения законодательства зарубежный стран при привлечении к уголовной ответственности за криминальное банкротство позволяет выявить различия и сходства между правовыми системами и подходами по данному вопросу, что способствует заимствованию положительного опыта в Российское законодательство.

На сегодняшний день Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст.196 УК РФ) и фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ). Групповым объектом вышеуказанных преступлений по данным статьям являются финансовые интересы кредиторов, которым причиняется ущерб в результате противоправной деятельности при банкротстве (несостоятельности) должника, а также порядок признания

должника банкротом, установленный Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Сравнение уголовно-правового регулирования в сфере банкротства следует проводить среди законодательства дружественных стран Российской Федерации. В первую очередь, рассмотрим страны, с которыми Россия входит в единое экономическое пространство – страны СНГ.

При рассмотрении Уголовных кодексов таких стран, как Армения, Таджикистан и Азербайджан, можно отметить следующие сходства с УК РФ: количество и название статей, регулирующих отношения в сфере банкротства, название главы «Преступления в сфере экономической деятельности», в которую они помещены, а также название раздела «Преступления в сфере экономики». Это объясняется тем, что большинство норм Уголовных кодексов стран СНГ основаны на положениях Уголовного кодекса стран СНГ и опираются на УК РФ.

В свою очередь, Уголовный кодекс Республики Беларусь имеет существенные различия в сфере регулирования банкротства. Законодатель поместил статьи о банкротстве в главу «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности». Ст. 238 УК Республики Беларусь «Ложная экономическая несостоятельность (банкротство) не имеет аналогичной диспозиции в УК РФ, так как под ней понимается «Подача индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в суд, рассматривающий экономические дела, заявления должника о своей экономической несостоятельности (банкротстве), иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, в целях признания этого должника экономически несостоятельным (банкротом) (ложная экономическая несостоятельность (банкротство)), повлекшая причинение ущерба в крупном размере»[1]. Данный вариант статьи достаточно широко раскрывает признаки ложной экономической несостоятельности, чего нельзя сказать о ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство», которая в силу некорректности и сжатости понятий создает проблемы для сотрудников правоохранительных органов при ее применении. Вопрос о введении диспозиции ст. 238 УК Республики Беларусь в УК РФ является актуальным и требует дальнейшего исследования.

Большой интерес представляет ст. 239 УК Республики Беларусь «Сокрытие экономической несостоятельности (банкротства)», под которым понимается «Сокрытие неплатежеспособности индивидуального предпринимателя или юридического лица, имеющей или приобретающей

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=2141;-52#pos=2141;-52 (дата обращения: 15.10.2023).

устойчивый характер, совершенное этим индивидуальным предпринимателем или должностным лицом, учредителем (участником) либо собственником имущества этого юридического лица путем представления сведений, не соответствующих действительности, подделки документов, искажения бухгалтерской отчетности или иным способом, повлекшее причинение ущерба кредитору (кредиторам) в крупном размере»[1]. В данном случае отличие ст. 239 УК Республики Беларусь от ст.195 УК РФ в том, что отечественный законодатель признает ответственность за эти же действия, но при «наличии признаков банкротства»[2]. В свою очередь, сам факт сокрытия неплатежеспособности в РФ регулируется гражданскими правоотношениями. Считаем, что следует обратить внимание на данную норму, так как понятие «признаки банкротства» в Российском законодательстве имеет несколько вариаций и является спорным для судебной практики. Следует обратить внимание и на санкцию за нарушение нормы статьи 239 УК Республики Беларусь «…лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью…» [3]. В связи с тем, что Президент РФ призвал сократить давление на бизнес и пересмотреть составы по экономическим преступлениям[4], внедрение данной санкции в статьи УК РФ по банкротским преступлениям будет целесообразным, так как она носит предупредительный характер и является более лояльной по отношению к другим санкциям.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что Уголовный кодекс Республики Беларусь является важным объектом исследования при проведении сравнительно-правового анализа законодательства зарубежных стран при привлечении к уголовной ответственности в сфере банкротства, так как имеет значительные отличия. Главное основательное свойство УК Республики Беларусь – это полное разъяснение содержания диспозиций статей, корректность и информативность формулировок, определенность понятий, а также использование альтернативных санкций. Вопрос о заимствовании положительного опыта в отечественное законодательство является актуальным и требует дальнейшего глубокого исследования.

Не менее интересным опытом может поделиться уголовное законодательство дружественной страны Аргентины. Примечательной является ст. 178 УК Аргентины, в которой указан ряд субъектов, которым

---

[1] Там же.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

[3] Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=2141;-52#pos=2141;-52 (дата обращения 15.10.2023).

[4] Портал «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/06/17/927240-putin-biznesu-svobodu

также назначается наказание, если они способствовали умышленному доведению предприятия до банкротства, среди них выделяют не только руководителей и арбитражных управляющих как принято в судебной практике РФ, но и директоров, администраторов, бухгалтеров, счетоводов, а также членам контрольного и наблюдательного совета предприятия.[1] Данное заимствование в УК РФ было бы целесообразным, в силу своей превентивности, так как зачастую для реализации сложной схемы по доведению организации до банкротства вовлекаются работники, которые так или иначе связаны с документооборотом и бухгалтерией. В связи с тем, что данные лица в основном действуют под давлением либо по неосведомленности, объективной санкцией за указанные действия будет штраф.

Ст. 180 УК Аргентины предусматривает ответственность кредитора, который в результате сговора с должником получил определенную выгоду от заключения договора. Данные меры не имеют аналогий в УК РФ и судебной практике, как правило, кредиторы не привлекаются к ответственности при рассмотрении уголовных дел о банкротстве. Включение данных субъектов в УК РФ способствовало бы снижению преступлений данными лицами в будущем.

Необходимо отметить, что требование, согласно которому обязанность виновного возместить ущерб "превалирует над всеми остальными обязанностями, возникающими после совершения преступления" (ст. 30) [2] . Отечественному законодателю необходимо обратить внимание на этот момент, так как по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» за последние три года размер возмещения ущерба по экономическим преступлениям является низким и не превышает 40%.

Анализ УК Аргентины позволил выявить ряд положительных аспектов, которые можно рассматривать применительно к Российскому законодательству: расширение количества субъектов преступления по делам о банкротстве, приоритет обязанности возмещения ущерба.

Далее рассмотрим Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – КНР). Законодатель выделяет всего 1 статью на умышленное банкротство предприятия. При этом в качестве субъекта определяет лишь руководителя и не раскрывает объективную сторону преступления. Тем же сходством по сжатости уголовных статей обладает уголовное законодательство Турции. УК Турции включает 2 статьи, регулирующих преступления в сфере банкротства, которые законодатель помещает в главу «Мошенничество и банкротство». При этом, выделяются

[1] Уголовный кодекс Аргентины URL: https://constitutions.ru/?p=5847 (дата обращения: 15.10.2023).

[2] Кибальник А.Г. Основные положения уголовного права Аргентины // Общество и право. 2010. № 4. С. 110–114.

следующие виды банкротства: умышленное и виновное. В УК Турции данные понятия не раскрываются.

Рассмотренное уголовное законодательство КНР и Турции в области банкротства не представляет каких-либо положительных аспектов, которые можно было бы использовать отечественному законодателю.

Важно отметить, что нормы каждого уголовного кодекса предназначены для уголовно-правового регулирования преступлений в сфере банкротства в конкретной стране и отражают ее особенности, ценности и правовую систему. Однако это не снижает эффективности проведения сравнительно-правового анализа. Использование зарубежного опыта позволяет идентифицировать результативные подходы к решению определенных правовых проблем и вызовов, внедрить передовые методы и решения, которые уже были испытаны и успешно применены в других странах, а также достичь соглашений в решении международных вопросов.

Таким образом, проведение сравнительно-правового анализа применения законодательства России и зарубежных стран при привлечении к уголовной ответственности за банкротство является необходимой мерой для изучения и в дальнейшем возможного внедрения положительного опыта в отечественное законодательство. Обозначенные в исследовании вопросы носят актуальный характер. Возможное использование положений УК таких стран, как Республика Беларусь и Аргентина, позволит сократить имеющиеся «пробелы» в Российском законодательстве, повысить информативность и определенность правовых норм, внедрить альтернативные подходы в вопросах теории и практики, а также усилить меры предупреждения преступлений в сфере банкротства.

Гаглоев Леван Зазаевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Вооруженные нападения на образовательные организации как объект криминологического исследования

Предупреждение правонарушений в образовательных организациях всегда представляло важнейшее направление обеспечения антикриминальной практики [1]. Нарастающие угрозы в области безопасности и террористической защищенности общеобразовательных и профессиональных образовательных учреждений вызывают обеспокоенность в обществе, формируя в социуме атмосферу общественного беспокойства, внушая гражданам страх, панику, неуверенность в собственном будущем, обращают внимание руководства страны, стимулируя разработку и внедрение правоохранительных мер. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным не единожды определялась необходимость совершенствования террористической защищенности образовательных организаций, предлагались комплексные меры обеспечения безопасности в данной области, указывалась необходимость разработки системы своевременного выявления лиц, склонных к совершению вооруженных нападений[2]. Участвуя в заседаниях, посвященных вопросам обеспечения безопасности Н.П. Патрушев, поднимал вопрос о необходимости совершенствования системы обеспечения защищенности в учебных заведениях[3].

Вместе с тем, успехи антикриминальной практики в данной области туманны. Неопределенными остаются вопросы своевременного выявления лиц, от которых можно ожидать совершения вооруженного нападения, не ясны направления организации и осуществления профилактики указанных преступлений, недейственны формы профилактического воздействия на лиц, проявляющих антиобщественное поведение. Результативность правоохранительной практики в данной области зависит от наличия комплексной криминологической информации, отталкиваясь от которой

[1] Грибанов Е.В. Преступность несовершеннолетних в контексте культуральной криминологии: монография. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. 156 с.

[2] Путин заявил о неполном выполнении его поручений о безопасности в школах. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/609d22149a794784c0ca6cab (дата обращения: 09.09.2022).

[3] Николай Патрушев призвал не ослаблять внимания к вопросам безопасности в школах. https://tass.ru/obschestvo/6454221 (дата обращения: 12.09.2022).

следует разрабатывать антикриминальные меры и планомерно внедрять их в правоохранительную деятельность[1].

В криминологической теории вопросы предупреждения вооруженных преступлений детально отражаются в трудах А.И. Алексеева, Ю.М. Антоняна, А.И. Бородулина, А.Я. Гришко, А.И. Гурова, Т.И. Джелали, Л.М. Землянухиной, Н.Г. Кадникова, В.А. Казаковой, С.И. Кириллова, Л.Н. Кирюхиной, В.С. Комиссарова, Д.А. Корецкого, С.Я. Лебедева, В.В. Лунеева, С.А. Невского, В.С. Овчинского, В.Е. Эминова и других.

Отдельные аспекты предупреждения правонарушений в образовательных организациях освящены в диссертационных исследованиях Д.Б. Дрыженко «Профилактика преступлений несовершеннолетних: Уголовно-правовой и криминологический аспекты» (г. Челябинск, 2004), Д.З. Зиядова «Теоретические и прикладные проблемы преступности среди учащихся общеобразовательных учреждений: региональный аспект» (г. Москва, 2006), Е.Д. Гаврилюк «Предупреждение преступлений и правонарушений, совершаемых осужденными в воспитательных колониях», С.Н. Михайловой «Социально-криминологическая роль городских общеобразовательных школ в раннем предупреждении преступности несовершеннолетних» (г. Томск, 2007).

Наряду с указанными исследованиями имеются единичные труды, посвященные современным тенденциям вооруженных нападений на образовательные организации, обращенные к анализу причинного комплекса и механизма совершения преступлений, характеризующие личность преступника и разрабатывающие меры предупреждения таких посягательств.

Проведенный источниковедческий анализ указанной криминологической литературы демонстрирует имеющийся теоретический задел для разработки вопросов противодействия вооруженным нападениям на образовательные учреждения. Вместе с тем, указанные криминологические исследования не в полной мере отражают содержание современных закономерностей и тенденций вооруженных нападений на образовательные организации, минуя идеологические и субкультуральные детерминанты, подпитывающие указанные преступления, не учитывают современные информационные технологии воздействия на сознание и поведение граждан, наделяющие личность криминогенными качествами, проводятся без учета современной методологии.

Совокупность имеющихся в правоохранительной практике трудностей ее обеспечения и отсутствие криминологической информации о тенденциях и закономерностях вооруженных нападений на образовательные учреждения обуславливают потребность в разработке

[1] Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1. С. 121–127.

комплексной системы знаний о процессах детерминации вооруженных нападений на образовательные организации и их предупреждении.

Организация и проведение комплексного криминологического исследования в данной области, в первую очередь, должны включать анализ, обобщение и систематизацию имеющейся в отечественной и, преимущественно, зарубежной литературе информации о предшествующем культивированию вооруженных нападений на образовательные организации событии – массовому убийству в школе «Колумбайн» [1]. Указанное событие вызвало общемировой социальный резонанс, подробности совершения вооруженного нападения активно освещались в средствах массовой информации и обсуждались в пространстве информационно-телекоммуникационных сетей, образовались фан-клубы и сообщества, культивирующие подобные преступления, сформировалась самостоятельная форма проявления криминальной идеологии, распространяемой в сети Интернет.

В настоящее время преступное движение «Колумбайн» приобрело трансграничный характер благодаря использованию информационно-телекоммуникационных технологий. Оно проникает в особые сегменты киберпространства, практически не контролируемые правоохранительными органами (Dark Net), пробирается в межличностную коммуникацию пользователей в социальных сетях и мессенджерах, способствует вовлечению граждан в криминально-ориентированное преступное движение «Колумбайн», подталкивая их к совершению вооруженных нападений на образовательные организации.

Проанализировав генезис и содержание преступного движения «Колумбайн», определив ее характерные признаки и сущностные компоненты, выявив взаимосвязь с вооруженными нападениями на образовательные организации, следует переходить к криминологической оценке исследуемого феномена. Здесь следует вести речь об определении причинного комплекса вооруженных нападений на образовательные организации, выявлении современных криминогенных факторов обуславливающих подобные преступления, установлении условий, способствующих совершению вооруженных нападений в учреждениях системы образования. Далее необходимо уделить внимание характеристике личности преступника: выявить факторы, оказывающие влияние на формирование криминогенных свойств личности, определить типологию преступника, совершающего вооруженные нападения на образовательные учреждения, проследить процесс криминализации личности.

[1] See: Mass murder at the Columbine school. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Mass murder at Columbine High School. (accessed 10.09.2022).

Отталкиваясь от сложившейся судебной практики в области вооруженных нападений на образовательные организации важно проанализировать приговоры суда, выделив из них значимую криминологическую информацию о механизме преступного поведения: формировании мотивации, подготовке и исполнении решения о совершении преступления.

Анализ полученной в результате проведения вышеуказанных исследовательских операций позволит получить значимую криминологическую информацию, которая ляжет в основу комплексного исследования вопросов предупреждения вооруженных нападений на образовательные организации и позволит сформировать меры предупреждения соответствующих преступлений.

Сформулированные теоретические и методологические основания криминологического исследования в области предупреждения вооруженных нападений на образовательные организации будут способствовать консолидации криминологической информации в единую систему знаний, основываясь на которой следует формулировать меры противодействия указанному криминальному феномену.

Ганжа Максим Владиславович,
адъюнкт кафедры
криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
Ростовского юридического института МВД России

Применение нейронных сетей в новых подходах к превенции преступлений

Подходит к концу первая четверть 21 века. Человечество добилось огромных успехов науке и технике. Как следствие стали развиваться информационные технологии, последним достижением которых является нейронная сеть. Данная технология обладает огромным потенциалом во всех сферах человеческой жизни и может принести как благо, так и вред. Необходимо скрупулезно и грамотно подходить к вопросу использования нейронных сетей в различных сферах человеческой деятельности, просчитывать последствия и действовать на перспективу. Таким образом, необходимо предпринимать попытки предвидеть наступление различных неблагоприятных последствий, которые в дальнейшем можно будет квалифицировать как отдельный вид преступления. Также, это необходимо для того, чтобы разработать методику предупреждения совершения общественно опасных деяний новых категорий, то есть тех, которые еще не признанными преступлениями. Нельзя забывать и о правильной квалификации преступных деяний, ведь от этого зависит мера наказания, которая будет избрана судом в соответствии с уголовным кодексом Российской Федерации, где санкция должна опираться на принцип соразмерности наказания[1].

Необходимо следить за тенденциями. На сегодняшний день продажа оружия, наркотиков, организация и планирование совершения преступлений, поиск и вербовка соучастников осуществляется через сеть интернет. В основном используются различные мессенджеры и социальные сети. Они стали популярны у преступников и террористов, так как предоставляют возможность коммуницировать, используя огромную базу контактов, с учетом таких преимуществ, как мгновенная скорость передачи информации, а также глобальность сети. Стоит отметить, что немаловажным фактором является конфиденциальность – одно из тех благ, что в данном случае приносит вред. В целях защиты личных данных все переписки тщательно шифруются оконечным способом (метод двух

[1] Овчинников А.И. Искусственный интеллект в правоприменительной деятельности: возможности, пределы и перспективы // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией И. Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. М.: Академия управления МВД России, 2020. С. 573–582.

ключей). Это значит, что сотрудники правопорядка не смогут прочитать сообщения, пересылаемые как добропорядочными гражданами, так и преступниками, которые могут оказывать угрозу национальной безопасности. В России у граждан есть право на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни, регламентированное ст. 23 Конституции РФ[1]. В этой же статье указывается и то, что данное право можно ограничить по судебному решению. Это говорит нам о том, что при появлении информации о совершении лицом преступления или же о подготовке к его совершению, сотрудники правоохранительных органов могут ограничить его в правах, в том чисел конституционных, в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства. В таком случае владельцы интернет площадок и различных платформ обязаны предоставить доступ правоохранительным органам ко всем необходимым данным, в том числе конфиденциального характера. Однако, такого права не может появится даже у уполномоченных лиц без наличия основания и решения суда. Это некий механизм защиты от человеческого фактора. Обладание данными конфиденциального характера порождает у лиц, обладающих такой информацией возможность корыстного ее использования, например, шантаж и продажа информации о частной жизни[2].

Закрепление права на неприкосновенность частной жизни является результатом многолетнего развития правовой системы, общества в целом и личности. Само наличие такого права подчеркивает уровень развития государства в рамках исторического аспекта, а степень его реализации – уровень правовой культуры и демократии. Следовательно, реализация права на неприкосновенность частной жизни является важным индикатором, указывающим на наличие или отсутствие проблем, связанных с уважением прав и свобод человека и гражданина в том или ином государстве.

Намного эффективнее бороться с преступностью на стадии подготовки к совершению преступления. Это позволяет избежать нарушения прав граждан, сохранить их имущество, а самое главное – сберечь их здоровье и жизнь. Однако, когда речь заходит о преступлениях террористического характера, то количество жертв преступлений может достигать нескольких десятков, а порой и сотен жизней. Только

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы Всероссийской научной конференции памяти И.Ф. Герасимова (Екатеринбург, 31 января 2020 года) / под ред. Д.В. Бахтеева. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2020. 194 с.

превентивные меры могут помочь избежать трагедии, ведь ни один социальный или государственный механизм восстанавливающий справедливость не сможет вернуть человеческую жизнь.

Современное цифровое пространство, включающее в себя социальные сети, мессенджеры, форумы и иные площадки могут послужить средством для совершения преступлений различной тяжести. В данном случае мы рассматриваем именно личный обмен сообщениями, а не открытые обсуждения, так как специфика предупреждения преступлений будет отличаться.

В личной переписке можно спланировать совершение любого преступления, начиная от единичной кражи и заканчивая цепочкой террористических актов; организовать преступную группировку, проработать посткриминальное поведение. Другими словами, преступник получает полную свободу действий в условиях цифровой реальности. В данной ситуации необходимо установить наличие возможности влиять на сложившиеся обстоятельства, в которых преступники, пользуясь 23 статьей Конституции Российской Федерации планируют преступную деятельность посредством сети интернет.

Стоит отметить, что использование человека как субъекта решения подобной проблемы некорректно и неэффективно, так как:

1. Конфиденциальная информация вызывает интерес даже у тех лиц, которые не обладают к ней доступом (в соответствии со статистикой совершения преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации)[1]. Следовательно, развиваясь по пути предоставления права на ознакомление с личными переписками сотрудникам правоохранительных органов без судебного решения (по собственному усмотрению), возникает большой риск использования подобных полномочий в корыстных целях.

2. Даже если предположить, что государственные органы могут осуществлять мониторинг «вручную», его эффективность будет стремиться к нулю, ввиду невозможности охвата практически безграничного объема информации, который необходимо обрабатывать. Экстенсивный путь решения вопроса не подходит, так как с увеличением числа сотрудников, прямо пропорционально возрастают и риски разглашения конфиденциальной информации.

Эффективно решить эту задачу в случае, когда субъектом деятельности остается человек – невозможно, так как любая его превентивная деятельность в данном направлении ограничивается тайной переписки. Таким образом, в качестве субъекта такой деятельности,

[1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 15.08.2023).

который будет лишен человеческих недостатков можно использовать искусственный интеллект.

Применение нейронных сетей позволит максимально эффективно реализовать превентивный потенциал, связанный с пресечением еще не совершенных преступлений на стадии подготовки и планирования, а помимо этого позволит максимально нивелировать риски, связанные с человеческим фактором, что является критический важным аспектом в данной ситуации. Применить его можно следующим образом: искусственный интеллект будет в фоновом режиме сканировать сообщения и определять потенциальных преступников по содержанию диалога. Возможна достаточно тонкая настройка по различным параметрам. Необходимо создать нейронную сеть непосредственно в самом мессенджере или социальной сети. Все данные, которые ИИ будет анализировать должны быть зашифрованы, как и результаты самого анализа. В случаях, обнаружения нейронной сетью угрозы она будет уведомлять об этом правоохранительные органы, при этом не предоставляя саму переписку. Ее возможно будет получить и расшифровать только после получения судебного решения. Данные о подозрительной переписке будут поводом для проведения оперативных мероприятий, которые в последующем и смогут предоставить основание для получения судебного решения. Данная система является обучаемой и в последующем, когда она зарекомендует себя высоким процентом точности и достоверности, информация, приобретенная от нее будет сама по себе являться бесспорным основанием для получения судебного решения. Динамическое изменение ключей шифрования поможет избежать несанкционированного внедрения в систему[1]. Конечно, предпочтительнее использовать систему оконечного шифрования.

Использование искусственного интеллекта позволит максимально быстро и эффективно обрабатывать огромные объемы данных, а также моментально выявлять диалоги, в которых содержится преступный умысел, несущий угрозу национальной безопасности. При этом не будут нарушаться конституционные права граждан, т.к. никакие третьи лица не получают доступ к содержанию личных сообщений и информации о частной жизни, следовательно, злоумышленники не смогут этим воспользоваться.

Таким образом нам удалось увидеть, как последние достижения науки и техники в виде нейронных сетей могут помочь сделать огромный шаг в развитии сферы превенции преступлений различного характера, в том числе и террористического, а также в обеспечении национальной безопасности страны в целом. Реализация таких механизмов требует

[1] Лабинский А.Ю., Подружкина Т.А. Особенности использования генетических алгоритмов и нейронных сетей // Природные и техногенные риски (физико-математические и прикладные аспекты). 2015. № 4. С. 56–61.

серьезного подхода со стороны специалистов различного уровня. Помимо этого, необходимо правильно отрегулировать формы и виды взаимодействия государства и организаций, оказывающих цифровые услуги в ранее оговоренном формате. Самым главным аспектом, связанным с внедрением подобных технологий для борьбы с преступностью, остается степень развития правосознания общества и его готовности к применению подобных технических и правовых решений для жизни каждого из нас.

Диянич Виктор Юрьевич,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Оперативно-розыскная характеристика краж денежных средств с банковских счетов: понятие и содержание

Процессы цифровизации современной экономики, сопровождающиеся ростом использования электронных средств платежей, одновременно обусловили стремительное повышение числа краж с банковских счетов граждан и организаций.

Актуализация потребности борьбы с данным видом преступной активности привели к появлению в уголовном законе соответствующего квалифицированного состава кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики и решения проблемных вопросов квалификации преступлений, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, было издано соответствующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Между тем, статистические данные МВД России свидетельствуют о крайне неблагополучной динамике преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так в 2019 г. было зарегистрировано 294409 такого рода преступлений, в 2020 г. – 510396, в 2021 г. – 517722, в 2022 г. – 522065. Приведенная статистика свидетельствует, что для эффективной реализации механизма уголовно-правовой защиты сферы использования электронных средств платежей, необходимо активное привлечение методик оперативно-розыскной деятельности.

Современный уровень развития теории оперативно-розыскной деятельности предполагает глубокий анализ криминологических, уголовно-правовых, социокультурных и иных характеристик определенного вида преступлений в целях выработки оптимальных форм и методов оперативно-розыскного сопровождения деятельности по их расследованию. В этой связи интерес представляет такая широко используемая в оперативно-розыскной доктрине категория как «оперативно-розыскная характеристика».

Следует отметить, что в современной оперативно-розыскной науке имеет место дискуссия относительно определения понятия «оперативно-розыскная характеристика». Ключевым камнем преткновения выступает вопрос о структуре и содержании данной категории. Учитывая весь спектр мнений, сложившихся в научной среде, в рамках данного исследования мы предлагаем рассматривать оперативно-розыскной характеристику в

качестве информационной базы о той или иной сфере преступной активности, позволяющей выбирать соответствующие ей формы и методы оперативно-розыскного противодействия.

Опираясь на методологические подходы, изложенные в работах П.И. Иванова, А.М. Кустова, С.А. Пироженкова, А.С. Шитова, полагаем возможным включить в содержание оперативно-розыскной характеристики краж денежных средств с банковских счетов, следующие элементы:

специфику объекта и предмета данного рода посягательств;

знания о типичных способах совершения данного рода краж, их месте, времени, целях и мотивах преступников;

факторы, детерминирующие данные преступления;

информацию о типичных признаках лиц, которые могут представлять интерес с точки зрения оперативно-розыскного обеспечения раскрытия данных преступлений;

методику проведения оперативно-тактических комбинаций и отдельных мероприятий по выявлению такого рода краж и установлению лиц, причастных к ним;

особенности документального оформления оперативной информации по данного рода преступлениям;

знания о современных технических средствах оперативно-розыскного противодействия таким кражам, стоящим на вооружении правоохранительных органов;

опыт правоприменительной деятельности в данной сфере.

Кроме того, в современной оперативно-розыскной доктрине распространен подход, способствующий быстрому и эффективному выявлению преступных структур, основанный на типизированных представлениях, о лицах, вовлеченных в криминальную активность. В большинстве случаев преступники, совершающие преступления в области оборота электронных денежных средств, имеют определенные знания в сфере компьютерной техники и программного обеспечения. Некоторые из них имеют специальные знания и навыки в программном обеспечении и изготовлении поддельных платежных карт и скиммеров. Преступники, как правило, тщательно изучают особенности использования электронных денежных средств и технологии безопасности банковских организаций.

Анализ оперативно-розыскной и правоприменительной практики в сфере выявления, раскрытия и расследования краж с использованием информационных технологий, позволяет выделить типичный портрет лица, совершающего данные преступления. Субъектами таких преступлений могут быть: 1) сотрудники организаций, в том числе руководители, бухгалтеры, системные администраторы; 2) бывшие сотрудники организации; 3) иные лица.

Характер и индивидуальные особенности поведения лиц, вовлеченных в совершение краж с использованием современных информационных технологий, имеют определенные специфические признаки:

1) такие преступники обычно технически грамотны и занимаются точными науками. В отдельных случаях их интересы включают абстрактные виды искусства и нетрадиционные религиозные учения, увлекаются фантастикой и фэнтези. Как правило, они хорошо владеют английским языком, по крайней мере, на уровне чтения;

2) по характеру такие люди свободолюбивы и эгоцентричны;

3) данные лица предпочитают «ночной» образ жизни, когда телефонные линии менее нагружены и доступная цена на платные информационные сети;

4) они часто не женаты и не имеют семьи, проводя большую часть своего времени за компьютером;

5) такие лица зачастую неопрятны в быту, не обращают внимание на обустройство своего жилья и его содержание;

6) длительное взаимодействие с компьютерной техникой, которая может давать только точные ответы, приводит к тому, что они начинают общаться с людьми в сходной формальной манере.

Однако, не все участники такого рода преступных групп обладают широкими знаниями в сфере информационных технологий, например, кражу платежных карт могут совершать обычные карманники, ворующие из квартир, работники гостиниц, а также проститутки. В отдельных случаях к совершению такого рода хищений могут быть причастны лица с психическими отклонениями, связанными с разного рода компьютерными фобиями.

Выбор конкретного способа совершения исследуемого нами вида преступлений может зависеть от наличия определенных знаний и навыков. Способы краж, использующие информационные технологии, это целенаправленные действия, которые включают в себя подготовку, совершение и сокрытие преступления. Методы подготовки для таких краж могут включать уничтожение, блокирование или модификацию компьютерной информации. Также может применяться несанкционированный доступ к компьютерной информации или использование программ, которые заведомо предназначены для несанкционированного получения частной информации. Нарушение правил доступа к информационным сетям или аппаратная модификация устройств для неправомерного использования конфиденциальной информации также являются методами подготовки такого рода преступлений. Эти способы обычно взаимосвязаны друг с другом при совершении преступления.

Таким образом, оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с кражами денежных средств с банковских счетов представляет собой научно обоснованную комплексную систему знаний об особенностях преступлений, совершаемых в указанной сфере, лиц, причастных к их совершению, а также других взаимосвязанных фактов и явлений, представляющих оперативный интерес, с помощью, которой осуществляется теоретическая разработка и применение на практике рекомендаций по организации и тактике оперативно-разыскной деятельности в рассматриваемой сфере.

Капустин Ярослав Максимович,
слушатель Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

К вопросу об отдельных видах преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил

На сегодняшний день санитарно-эпидемиологическая обстановка в мире, вопросы ее поддержания и обеспечения, представляют собой достаточно острую и требующего повышенного внимания проблему. Так, события, которые коснулись мировое сообщество в 2020 году, связанные с появлением и распространением новой коронавирусной инфекцией, заставили руководство практически всех демократических государств пересмотреть свои взгляды и подходы к обеспечению благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки внутри государств, внести большое количество изменений в национальное законодательство и как следствие и международное законодательство, что, несомненно, нашло свое отражение и в законодательстве Российской Федерации.

В частности, в Российской Федерации, помимо принятия комплекса ограничительных мер, направленных на минимизацию совместного нахождения людей в помещениях и общественных листах, и тем самым предупреждения распространения коронавирусной инфекции, внесены изменения и в административное и уголовное законодательство, которые ужесточили ответственность за совершение правонарушений и преступлений в сфере нарушения санитарно-эпидемиологических правил, в том числе направленных на соблюдение гражданами установленных государством запретов в части нахождения в общественных местах без необходимости, а также иных ограничений, которые в своей совокупности были направлены на точное и неукоснительное соблюдение санитарно-эпидемиологических правил по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции.

Такие изменения коснулись и ст. 236 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), санкция которой ужесточилась и указанное преступление стало относиться к категории тяжких.

Таким образом, принятые законодателем изменения в уголовном законодательстве, регламентирующем уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, с одной стороны были обоснованы и вызваны действующей в тот период времени санитарно-эпидемиологической обстановкой, с другой стороны – принятые изменения сразу же создали трудности в правоприменительной практике, так как она складывалась неоднозначно.

В настоящее время, учитывая то, что в 2023 году по объективным причинам борьба с коронавирусной инфекцией не имеет такого большого

размаха, как это было в 2020 году, а также то, что в настоящее время уже можно говорить о сложившейся правоприменительной практике, актуальность обобщения данных сведений и выработки методики расследования преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил с учетом новшеств в уголовном законодательстве, явно присутствует.

В частности, рассмотрим конкретные видоизменения, которым подверглась ст. 236 УК РФ под воздействием уголовной политики России, направленной на ужесточение мер в связи с недопущением распространения коронавирусной инфекции. Так, в связи с внесением изменений в УК РФ в 2020 году, диспозиция ст. 236 УК РФ была дополнена таким объективным признаком «создание угрозы наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей», что несомненно вызвало большие дискуссии на этот счет среди представителей научного сообщества и правоприменителей. В связи с чем полагаем целесообразным подвергнуть анализу одну из ключевых вышеуказанных позиций.

С одной стороны ученые-теоретики находят принятые изменения положительными и необходимыми в связи со сложившейся на тот период времени санитарно-эпидемиологической обстановкой. Именно необходимость в дифференцированном подходе правоприменителя к вопросам привлечения к ответственности за нарушение законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения вызвала настоящие изменения[1].

С другой стороны, нельзя не отметить ту группу исследователей, которые указывают на четко прослеживаемое корреспондирование уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 236 УК РФ в новой редакции, с признаками административного нарушения, которые предусмотрены ст. 6.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[2].

Высказываясь в поддержку сторонников необходимости дополнения ст. 236 УК РФ рассматриваемым нами признаком необходимо отметить, что данные изменения вызваны в том числе необходимостью реализации предупредительной функции, которая в том числе нашла свое отражение в более детальной регламентации нарушения санитарно-

[1] Сошникова И.В., Руколеев В.А. Уголовная ответственность за создание угрозы массового заболевания или отравления людей: теоретические и практические вопросы состоятельности вводимых на фоне новой короновирусной инфекции (2019-nCoV) изменений в статью 236 Уголовного кодекса РФ // Философия права. 2020. № 3. С. 110.

[2] Багуцкий Н.В., Дадаева Ю.В. Проблемы разграничения норм уголовного и административного права Российской Федерации, регулирующих меры по противодействию распространению коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7. С. 216.

эпидемиологических правил и ужесточении уголовной ответственности за совершения такого рода преступлений. Направление государственной политики в указанном ключе выработано в том числе на основании Указа Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года», в котором уделено особое внимание на обеспечение национальной безопасности посредством снижения как инфекционных заболеваний среди граждан, которые также носят характер массовых, так и в целом повышение качества их жизни посредством предостережения от таковых.

Кроме того, следует заметить, что инфекционные заболевания, представляющие опасность для окружающих, всегда вызывали особую озабоченность у государства и общества в связи с неконтролируемостью механизма видообразования социально опасных инфекций (возникновением все новых видов таких болезней), а также с быстрым распространением их среди населения.

Более того, в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесений изменений в статью 236 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» отмечается, что «в средствах массовой информации появляются сведения о несоблюдении данных правил многими жителями нашей страны – подобная информация общедоступна в связи с массовым пользованием цифровыми сервисами. Сложившаяся ситуация говорит о недостаточной мотивации людей в вопросе обеспечения безопасности как своей, так и окружающих. Несоблюдение санитарно-эпидемиологических правил чревато усложнением борьбы с распространением инфекции, носящей характер пандемии, что является недопустимым»[1].

Таким образом, с учетом сложившейся обстановки и повышенной опасности распространения социально значимых заболеваний криминализацию нарушения санитарно-эпидемиологических правил, повлекшего создание угрозы массового заболевания или отравления людей, следует признать своевременной.

Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с нарушением санитарно-эпидемиологических правил, в частности, предусмотренного ст. 236 УК РФ, имеет ряд обязательных для установления и доказывания элементов, которые в первую очередь касаются того, каким именно образом было допущено нарушения вышеуказанных правил, а также какие по итогу их нарушения наступили последствия, создали ли они угрозу массового отравления и болезни граждан, либо повлекли иные, более тяжкие последствия. При этом не

[1] Проект федерального закона № 929651-7 «О внесений изменений в статью 236 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/929651-7 (дата обращения: 09.10.2023).

стоит забывать о том, что вышеуказанные преступления носят характер преступлений с двойной формой вины, что проявляется в умышленном нарушении санитарно-эпидемиологических правил, однако неосторожном отношении к последствиям, которые вызваны нарушением санитарно-эпидемиологических правил. В связи с чем вывод о наличии в действиях виновного лица именно признаков состава преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, необходимо делать исключительно при исследованной в полном объеме совокупности факторов и обстоятельств.

Каранова Дарья Андреевна,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Классификация преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий

Современное общество характеризуется повсеместным влиянием тотальной информатизации на многочисленные общественные процессы. Однако этот процесс генерирует новые риски и угрозы. Одной из таких угроз является адаптация информационных технологий к криминальной среде. Наиболее ярко это проявляется в появлении новых общественно опасных деяний, связанных с применением информационных технологий, а также в модернизации способов совершения традиционных преступлений.

Сегодня огромные возможности информационных технологий, неограниченность потоков информации в сети Интернет, доступность ресурсов для пользователей создают благоприятные условия для совершения посредством информационно-коммуникационных технологий не только преступлений в сфере компьютерной информации, но и любых других противоправных деяний. Так, в последние годы появляются негативные тенденции, связанные причинением вреда личности посредством информационно-коммуникационных технологий. В 2017 году на законодательном уровне были приняты изменения о внесении в отдельные нормы квалифицирующего признака, предусматривающего возможность совершения указанных в диспозиции действий посредством информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети Интернет. Принятые изменения также актуализируют проблему, связанную с возможностью совершения преступлений дистанционным способом.

Преступления против личности представляют систему противоправных деяний, причиняющих вред непосредственно человеку, посягающих на его жизнь и здоровье, неприкосновенность, права и свободы. На сегодняшний день в условиях тотальной информатизации ряд преступлений против личности совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий, т. е. с использованием комплекса операционных процессов поиска, сбора, обработки, накопления, передачи информации, обеспечивающих взаимодействие между пользователями и возможность управления данным процессом с целью достижения преступного результата.

Стоит отметить, что на сегодняшний день отсутствует общепринятое представление о признаках вышеуказанных преступлений и их

систематизация по значимым для криминологии и уголовно-правовой науки критериям. Классификация преступлений призвана упорядочить знания об объекте исследования путем изучения и систематизации всего многообразия специфических свойств преступлений. Значимость классификации конкретных преступлений позволяет уточнить уровень знаний о данных деяниях, обеспечивая решение задач теории и практики. Можно рассматривать множество критериев для систематизации преступлений против личности. Однако наибольший интерес представляет классификация деяний против личности по степени важности охраняемых уголовным законом объектов.

К первой группе преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, следует отнести преступления, посягающие на жизнь и здоровье. К примеру, к таким преступлениям можно отнести использование технических средств для воздействия на медицинское оборудование жизнеобеспечения (подключение к аппаратам ИВЛ, кардиостимуляторам и т. д.)[1]. В том числе к данным преступлениям относятся доведение до самоубийства – ст. 110 УК РФ, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства – ст. 110.1 УК РФ, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства – ст. 110.2 УК РФ. Наиболее известными случаями являются распространение и влияние «групп смерти», целью которых является деструктивное воздействие на подростков.

Ко второй группе следует отнести преступления, против свободы, чести и достоинства личности. К преступлениям, которые могут быть совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий, можно отнести распространение заведомо ложных сведений – ст. 128.1 УК РФ. На сегодняшний день информационное пространство нередко выступает средой распространения ложной и порочащей честь и достоинство информации, в том числе неограниченные возможности информационных технологий, а также определенные свойства способствуют эффективности реализации данного деяния.

Третью группу составляют деяния, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу личности. К данной группе относятся понуждение к действиям сексуального характера – ст. 133 УК РФ, развратные действия – ст. 135 УК РФ. В последние годы для совершения данных деяний также характерно использование рассматриваемого способа, о чем свидетельствуют материалы, представленные Следственным комитетом.

[1] Лелетова М.В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий как способ совершения насильственных преступлений против личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2(48). С. 51–56.

Четвертую группу представляет преступления, посягающие на конституционные права и свободу человека и гражданина. К деяниям, совершаемым рассматриваемым способом следует отнести, в частности, нарушение неприкосновенности частной жизни – ст. 137 УК РФ, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений – ст. 138 УК РФ. Данные деяние могут быть совершены, к примеру, путем получение незаконного доступа к личной информации пользователя в социальных сетях.

Преступления против личности, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, целесообразно классифицировать в зависимости от дифференциации способа совершения преступления. В данном аспекте рассматриваемые деяния можно разделить на три группы:

первая группа предусматривает деяния, совершение которых напрямую связано с применением информационно-коммуникационных технологий, т. е. достижение преступного результата возможно только при использовании технических продуктов. В данном случае мы говорим о том, что информационно-коммуникационные технологии являлись абсолютным и исключительными способом совершения преступления. На сегодняшний день к таким деяниями можно отнести любые формы деструктивного воздействия на психическое здоровье пользователей информационного пространства;

ко второй группе следует отнести деяния, для которых информационно-коммуникационные технология являются одним из средств достижения преступного результата. Данную группу на сегодняшний день представляют преступления, предусмотренные ст. 110 – 110.2, 128.1, 133 УК РФ: доведение до самоубийства, склонение к его совершению, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, клевета, понуждение к действиям сексуального характера. Распространению данных видов преступлений способствует развитие антисоциального негативного явления – кибербуллинга. Рассматривая данное явление, следует отметить, что оно обладает многими признаками преступлений, однако на сегодняшний день в законодательстве отсутствуют конкретные способы регулирования данных отношений. Кибербуллинг является начальным этапом совершения вышеуказанных преступлений. Он представляет собой форму агрессии, систематическое жестокое обращение к жертве, проявляющееся в высказывании угроз, оскорблений, распространении ложных и порочащих честь и достоинство личности сведений. На сегодняшний день существует множество форм кибербуллинга: флейминг – распространение агрессивных, оскорбительных сообщений непосредственно адресату или группе лиц; онлайн-домогательство – систематические, повторяющиеся оскорбительные сообщения конкретному пользователю; кибersталкинг –

преследование жертвы в рамках онлайн-пространства, сопровождающееся угрозами причинения вреда жизни и здоровью; диссинг (клевета) – распространение недостоверной оскорбительной информации о других пользователях; секстинг – распространение материалов сексуального характера[1];

третью группу представляют деяния, для которых применение информационно-коммуникационные технологий необходимо для приготовления или организации преступления: для поиска жертв преступления и информации о них, поиска орудия совершения преступления, соучастников, средств транспортировки и передачи предмета преступления, а также способов сокрытия следов и др.

Виктимологическая характеристика преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, указывает на разнообразие жертв таких посягательств.

Рассматривая проблемы цифровой виктимизации, связанной с влиянием использования информационно-когнитивных технологий, А.Н. Игнатов и В.С. Соловьев подчеркивают, что такое влияние на массовом уровне заключается «в применении информационно-когнитивных технологий к неограниченному неперсонифицированному кругу лиц либо для их виктимизации (например, для склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства, вовлечения их в деятельность, представляющую опасность для жизни и пр.), либо же в целях выделения соответствующих «групп риска» и поиска конкретных объектов реализации персонифицированного виктимогенного информационно-когнитивного воздействия, т. е. тех лиц, на которых массовое информационно-когнитивное воздействие оказало наибольший виктимогенный эффект»[2].

Относительно классификации преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, осуществляемой по критерию жертвы преступления, следует учитывать, что они могут совершаться как в отношении несовершеннолетних, так и лиц молодежного возраста и иных лиц. Однако, чаще всего жертвами преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий выступают несовершеннолетние, которые являются наиболее уязвимой социальной группой. В первую очередь это обусловлено потребностями в использовании продуктов технического прогресса, в том

[1] Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 273–292.

[2] Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1(51). С. 59–66.

числе с возрастающим количеством времени, проводимом подростками в информационном пространстве.

Соответственно, целесообразно провести более детальную дифференциацию жертв, рассматривая именно категорию несовершеннолетних. Среди несовершеннолетних представители женского пола чаще всего становятся жертвами преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности[1]. Тогда как представители мужского пола чаще становятся жертвами деструктивного воздействия. Преимущественно жертвами преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются несовершеннолетние, обладающие определенными свойствами: склонные к депрессивному поведению, предпочитающие онлайн-знакомства и виртуальное общение реальному межличностному, распространяющие сведения об увлечениях и интересах на страницах социальных сетей, увлекающиеся онлайн-играми, имеющие особенности физического или психического состояния. Жертвами также являются дети, подвергающиеся физическому насилию в реальной жизни, как правило, образ «жертвы» они перенимают и в виртуальном пространстве. Кроме того, жертвами данных деяний могут стать представители различных групп, отличающиеся от общей массы особенностями расовой и национальной принадлежности, материальным статусом, уровнем интеллекта, системой ценностно-нравственных ориентиров, установок и целей, интересами и способами проведения досуга и др.

Не менее важным для криминологической науки является дифференциация преступной мотивации. Мотивы рассматриваемых преступлений могут быть сгруппированы следующим образом: удовлетворение личных потребностей, потребность в самоутверждении и самореализации, совершение преступления из чувства мести, ревности и хулиганских побуждений, стремление избавиться от психологической травмы. К примеру, для преступлений, посягающих на неприкосновенность частной жизни, распространение ложных сведений, характерными является, желание самоутвердиться, совершение преступления из хулиганских побуждений, ревность или месть, направленная получение превосходства над лицом или группой лиц, являющихся источником тревоги и переживания субъекта. Рассматриваемые преступления могут характеризоваться корыстной направленностью, к примеру, в случае, когда действия осуществляются с целью получения вознаграждения.

Подводя итог, можно сделать вывод, что развитие современных технологий, несмотря на многочисленные положительные тенденции, влекут за собой значительные изменения облика преступности.

[1] Путинцева А.В. Особенности жертв кибербуллинга // E-Scio. 2019. № 9. С. 676–682.

А.Н. Игнатов подчеркивает, что «сегодня уже невозможно игнорировать проблему интенсивной трансформации насилия, вечно сопровождающего человечество на пути его цивилизационного развития, из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного). Это неизбежно происходит в силу технологизации и информатизации, а в частности виртуализации нашей жизни». В настоящее время увеличивается число случаев совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе и преступлений против личности. При этом одной из глобальных проблем является отсутствие эффективных методов борьбы с данным явлением. Рассмотренные критерии классификации позволяют более детально изучить особенности данных деяний, что, несомненно, будет оказывать влияние на дальнейшее развитие теории и практики защиты личности от преступных посягательств в условиях развития информационной среды и технологий.

Литовченко Анна Игоревна,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Инструменты противодействия обороту детской порнографии в странах – участниках СНГ

С ростом доступности и разнообразия цифровой информации в сети Интернет возрастает обеспокоенность общества и государства ввиду того, что некоторые аспекты такого контента имеют порнографический характер и связаны с эксплуатацией несовершеннолетних. Это, в свою очередь, приводит к более решительным мерам, касающимся правового регулирования запрета «детской» порнографии в странах СНГ, включая Узбекистан, Кыргызстан, и Беларусь. Действия, которые принимаются в разных странах, отражают альтернативные социально-правовые взгляды на то, как они могут повлиять на запрет производства, распространения и потребления порнографии с изображениями несовершеннолетних.

Развитие современных информационных систем в данном контексте нельзя рассматривать только как потенциальную угрозу охраняемым законом интересам. Они также могут создавать более эффективные возможности для сохранения «нравственных ценностей», например, путем выявления, ограничения в распространении и блокировки порнографического контента правоохранительными органами. Однако даже введение данных мер для защиты морально-нравственных норм все еще не способно в полной мере помешать обращению детской порнографии, как на материальных носителях, так и в сети Интернет.

Всемирная паутина стала в наши дни пространством для постоянного времяпрепровождения несовершеннолетних, она также выступает как наиболее простой способ поиска потенциальных детей-жертв для участия в создании порнографических материалов[1]. Можно добавить, что негативное влияние на подрастающее поколение возникает не только от их непосредственного вовлечение в создание порнографии, но и от ее просмотра, закладывающего неверные установки о неприкосновенности.

Наибольшее внимание в сфере защиты нравственного развития на международной арене отводится несовершеннолетним, в связи с чем совершенствование основных положений Международной конвенции «О пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими»

[1] Poremska M. Child pornography on the Internet in Central Europe // Masaryk UniversityJournal of Law and Technology, (2008). № 1, P. 105–117.

1923 г.[1] произошло в 1989 г. с принятием ООН Конвенции о правах ребенка[2].

Ввиду растущей доступности детской порнографии на пороге нового тысячелетия, в дополнение к ним был разработан Факультативный протокол, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (далее – Факультативный протокол 2000 г.)[3]. Именно данный акт установил легальную дефиницию понятия «детская порнография», определив в числе ее обязательных признаков изображение сексуальных действий реального или смоделированного характера с участием несовершеннолетнего или детализированное изображение половых органов несовершеннолетнего с главной целью получения сексуального удовлетворения. Протоколом также была определена необходимость криминализации ее производства, распределения, распространения, импорта, экспорта, предложения, продажи или хранения в странах-участниках.

Содержание названных категорий неоднократно подвергалось критике в российской и зарубежной литературе[4], однако так и не было пересмотрено за прошедшие годы.

При этом отметим, что на региональном уровне наиболее эффективного регулирования данных вопросов достигнуто на уровне СНГ. В Модельном законе СНГ о противодействии торговле людьми[5] по сравнению с Факультативным протоколом 2000 г., значительно расширен перечень признаков детской порнографии, например через введение конструкции о реалистичных изображениях.

Ст. 3 данного источника закрепляет ее определение, как материала или предмета, содержащего любые изображения или описания ребенка или

---

[1] Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (Заключена в г. Женеве 12.09.1923 г., ратифицирована СССР 08.07.1935 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (Нью-Йорк, 25.05.2000) // ЭПС «Система Гарант».

[4] Коновалов Н.Н. Ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в международном, зарубежном и российском уголовном праве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 2. С. 17; Buck, Trevor. An Evaluation of the Optional Protocol on the Rights of the Child on the Sale of Children, Child Prostitution and Child Pornography. URL: https://www.researchgate.net/publication/256070956 (дата обращения: 11.09.2023).

[5] Модельный закон о противодействии торговле людьми: принят Постановлением 30-11 на 30-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в г. Санкт-Петербурге 3 апр. 2008 г. // СПС «КонсультантПлюс».

совершеннолетнего лица, имитирующего ребенка, совершающего или имитирующего действия сексуального характера или принимающего участие в совершении таких действий или в их имитации, либо реалистичные изображения (в том числе созданные с использованием анимации и электронной техники) образа ребенка, совершающего или участвующего в совершении действий сексуального характера, а равно любое изображение или описание половых органов ребенка в сексуальных целях.

Целью Модельного закона была унификация правовых норм государств-членов в обсуждаемой сфере, вследствие чего, данный акт и содержащееся в нем понятие определили тенденцию к совершенствованию внутреннего законодательства стран СНГ для противодействия обороту порнографии с изображениями несовершеннолетних. Указанная цель, однако, достигается различными средствами, которые определяют инструменты противодействия детской порнографии. Некоторые из них заслуживают внимания.

В ряде стран бывшего СССР оборот порнографических материалов и предметов с изображениями несовершеннолетних традиционно рассматривается как явление, противоречащее общественной нравственности, в связи с чем устанавливаются меры противодействия.

Так, ст. 130 УК Республики Узбекистан в 2023 г. была изменена[1], в частности криминализовано изготовление порнографической продукции с описанием или изображением несовершеннолетнего без цели распространения, рекламирования, демонстрации. Данное положение не находит отражения в современном УК РФ[2], что на наш взгляд является упущением и вызывает осуждение среди исследователей[3].

В Беларуси Министерство внутренних дел инициировало установление ответственности, но уже не только за изготовление, но и приобретение, хранение или просмотр детской порнографии в

[1] О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей: Закон Республики Узбекистан от 11.04.2023 г. № ЗРУ-829. URL: https://lex.uz/ru/docs/6430278 (дата обращения: 12.09.2023).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Арчакова В.А., Кузнецова А.А. К вопросу о преступлениях, связанных с изготовлением и оборотом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Юридические науки: актуальные вопросы науки и практики: сборник статей IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, Наука и Просвещение, 30 января 2022 г.) / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза, 2022. С. 51.

УК Республики Беларусь [1]. По мнению представителей ведомства, указанные нововведения будут направлены на профилактику совершения подобных совершений благодаря эффективной работе[2]. Введение данного уголовно-правового запрета могло бы стать действенной мерой профилактического характера в отношении склонных к совершению преступлений лиц, а также позволит сократить рынок дистрибьюции порнографии под угрозой наказания.

Стоит отметить также использование белорусскими правоохранителями специальных программных систем для обнаружения на территории страны пользователей сети Интернет, с ip-адресов которых идет активный трафик скачивания и загрузки из файлообменных сетей детской порнографии. Данные меры позволяют не только идентифицировать конкретных лиц, причастных к преступлениям против нравственности, но и организовать блокировку Интернет-ресурсов с запрещенной информацией на территории республики.

Типовые положения законов о рекламе и средствах массовой информации в Казахстане запрещают использование рекламы для пропаганды порнографии[3], а также выход в эфир радио- и телепрограмм и демонстрацию кино- и видеопродукции порнографического и специального сексуально-эротического характера [4], при этом они подкрепляются и более разработанными нормами о противодействии указанному контенту. На постоянной основе в Казахстане проводится государственный мониторинг сети Интернет для выявления, своевременного реагирования и блокировки порнографических материалов и ресурсов их содержащих, с помощью утверждаемых «Дорожных карт по усилению защиты прав ребенка»[5].

Интересен опыт и Кыргызской Республики, где для создания безопасной информационной среды и сохранения здоровья несовершеннолетних предприняты не только уголовно-правовые меры, направленные на противодействие обороту детской порнографии, но и

---

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 13.09.2023).

[2] Общими усилиями предотвратить насилие над детьми // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: https://www.mvd.gov.by/ru/news/10619 (дата обращения: 13.09.2023).

[3] О рекламе: Закон Республики Казахстан от 19 декабря 2003 года № 508-II (ред. от 10.09.2023) // ИС «Параграф».

[4] О средствах массовой информации: Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-I (ред. от 01.05.2023) // ИС «Параграф».

[5] Ежегодный обзор о ситуации с правами человека в Республике Казахстан // Министерство юстиции Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/uploads/2022/9/12/97dffcf184945d7c14377ac9e7fbb882_original.1469423.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

усилена роль государства в качестве гаранта безопасности прав и интересов лиц, не достигших совершеннолетия, от угроз нормального сбалансированного развития.

Изменения, касающиеся оборота информационной продукции, запрещенной для детей, в этом году были внесены в Закон «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике»[1]. Такой в том числе признана информация, содержащая изображения или описания порнографического характера, в соответствии с нормой закона причиняющая вред здоровью и развитию детей.

Обоснование данного пересмотра связано с проявлением проблем после ознакомления с порнографией у людей в возрасте до 16 лет (аддиктивное поведение, отсутствие разделения порнографического мира иллюзий и реальности, предпочтение крайним формам порнографии и т. д.). Потребление порнографического контента, особенно с участием несовершеннолетних, можно рассматривать как фактор риска девиантного развития, в том числе влекущего совершение преступлений против половой неприкосновенности и свободы.

Основными мерами по предупреждению оборота запрещенной для детей продукции, в том числе в сети Интернет, в законе названы:

применение операторами связи для доступа детей к информации технических, программно-аппаратных средств защиты от сведений, причиняющих вред их здоровью или развитию;

допуск к распространению печатной продукции, иной полиграфической продукции, запрещенной для детей, только в запечатанных упаковках или без содержания на обложке (первой и последней полосе газеты) информации, причиняющую вред здоровью или развитию;

запрет к распространению в образовательных организациях, детских медицинских, санаторно-курортных, физкультурно-спортивных организациях, организациях культуры, организациях отдыха и оздоровления детей или на расстоянии менее чем двести метров от границ территорий указанных организаций запрещенной информации.

Введение указанных правовых норм, вероятно позволит в будущем зафиксировать противодействие явлению детской порнографии на этапе государственного административного регулирования без применения

[1] О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию в Кыргызской Республике: закон от 21 июля 2015 года № 185 (ред. от 09.08.2023) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики.

уголовного закона, и улучшить ситуацию по предотвращению преступлений.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что в контексте рассматриваемой темы основываясь на опыте других государств, Россия должна пойти по пути обеспечения безопасности, а не только прямой криминализации деяний. Развитие институтов защиты несовершеннолетних от вредоносной информации, улучшение технологий поиска детской порнографии в информационно-телекоммуникационных сетях, наращивание экспертного потенциала позволят добиться результативности противодействия порно-преступности, в том числе с помощью многостороннего сотрудничества стран-членов СНГ, через совместную модернизацию законодательства и организационных основ борьбы с криминальными угрозами.

Лукошина Полина Андреевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Теоретико-правовые основы финансирования экстремистской и террористической деятельности

Ключевым элементом при осуществлении террористической и экстремистской деятельности сбор и предоставление материальных и денежных средств, а также оказание финансовых услуг, без которых осуществление данной деятельности не представляется возможным. Под экстремизмом необходимо понимать приверженность к крайним формам разрешения конфликтов, возникающие в процессе общественной жизни (социальные, политические, культурные, религиозные, национальные), поэтому он допускает необходимость применения различных методов насильственного характера, в том числе и проявления терроризма. Терроризм выступает частью экстремистской деятельности и как следствие, изучение дынных феноменов необходимо осуществлять в одной плоскости. В силу того, что экстремизм и терроризм представляет собой два взаимосвязанных явления, то и финансирование такой деятельности необходимо рассматривать как единый феномен криминологического познания.

На международном уровне одним из основополагающих документов является Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 года, нацеленная на принятие необходимых внутренних мер, направленных на противодействие финансированию террористической деятельности. Далее, 9 декабря 1996 года была принята Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, которая послужила основой для выработки государствами-участниками мер, направленных на противодействие данному явлению.

Согласно рассматриваемой конвенции, любое лицо совершает преступление, связанное с финансированием террористической деятельности, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное

повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения[1].

Указанное определение позволяет сказать, что финансирование экстремистской и террористической деятельности заключается в сборе средств в целях совершения преступления террористического характера, причинения имущественного, физического ущерба гражданам, а также в целях склонения государственных органов к выполнению определенных действий.

Рассмотренная Резолюция послужила толчком для развития национального законодательства в области финансирования экстремистской и террористической деятельности. Так, понятие финансирование терроризма получило отражение в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Согласно ст. 3 настоящего закона, финансирование терроризма это предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений[2].

Практически схожее определение понятию финансирования террористической деятельности закреплено в уголовном законодательстве. В соответствие с Примечанием к ст. 205.1 УК РФ, финансирование терроризма это предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для

[1] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.).

[2] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»

обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений[1].

Согласно ст. 282.3 УК РФ, под финансированием экстремизма необходимо понимать предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации[2].

Исходя из рассматриваемых законодательных определений изучаемого явления, можно резюмировать, что финансирование экстремистской и террористической деятельности являются однородной группой преступлений, которые образуют единый криминологический феномен. Несмотря на различия уголовно-правовых норм, механизм совершения данного преступления однотипен и заключается в сборе и предоставления средств для целей финансовой поддержки экстремистских и террористических организаций.

Следует отметить, что финансирование экстремисткой и террористической деятельности рассматривается как единый феномен и в законодательстве зарубежных стран. Так, согласно ст. 258 УК Республики Казахстан под финансированием экстремистской и террористической деятельности следует понимать «предоставление или сбор денег и (или) иного имущества, права на имущество или выгод имущественного характера, а также дарение, мена, пожертвования, благотворительная помощь, оказание информационных и иного рода услуг либо оказание финансовых услуг физическому лицу либо группе лиц, либо юридическому лицу, совершенные лицом, заведомо осознававшим террористический или экстремистский характер их деятельности…» [3]. Так, по мнению С.А. Буткевич, объедение двух составов преступления в одной статье обусловлено корреляционной зависимостью феноменов терроризма и экстремизма[4].

Исходя из рассмотренных положений отечественных и международных нормативно-правовых норм, необходимо выделить ряд

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Сбор законодательства РФ. 1996 № 25. Ст. 2954.

[2] Там же.

[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. и доп. от 26.03.2023).

[4] Буткевич С.А. Финансирование терроризма: понятийный аппарат и направления противодействия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3. С. 30–35.

признаков, присущие финансированию экстремистской и террористической деятельности:

Во-первых, следует учитывать тот факт, что финансированием экстремистской и террористической деятельности могут признаваться лишь те деяния, которые непосредственно направлены на финансирование преступлений экстремистской направленности и террористического характера (Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», Перечень № 20 и Перечень № 22), а также оказание финансовой и материальной поддержки в адрес террористических и экстремистских организаций (Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими; Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»);

Во-вторых, содержание финансирования экстремистской и террористической деятельности вырежется в сборе активов, которые могут быть представлены в форме наличных и безналичных денежных средств, цифровой виртуальной валюте, а также сбор материальные средства, оказание финансовых услуг;

В-третьих, получение денежные и финансовые средства предназначены для осуществления террористическими и экстремистскими организациями своей повседневной деятельности;

В-четвертых, механизм осуществления данного преступления однотипен, вне зависимости от того, финансируется террористическая или экстремистская деятельность;

В-пятых, финансирование данной деятельности заключается в приискании, получении, сохранении для последующего использования в целях подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

Финансирование экстремистской и террористической деятельности, являясь сложным криминологический феномен, обладает также определенными характеристиками. Во-первых, необходимо учитывать, что финансирование террористической и экстремистской деятельности может осуществляться посредством традиционных методов (прямое поступление денежных и материальных средств в качестве пожертвований на нужды террористических и экстремистских организаций), а также с помощью современных средств коммуникации (различных мессенджеров, социальных сетей и т. д.); привлечение денежных средств с

использованием электронных кошельков и платежных систем; использование цифровой валюты; организация легальной предпринимательской и благотворительной деятельности. Во-вторых, к финансированию экстремизма и терроризма могут привлекаться лица, которые могут быть осведомлены о целях организации сбора средств, так и лица, вовлеченные в данную деятельность обманным путем (маскировка финансирования под видом благотворительной деятельности). В-третьих, финансирование экстремистской и террористической деятельности – явления, обладающие высокой степенью латентности. Современные технологии, которые внедряются в данную преступную деятельность, позволяют участникам оставаться анонимными и маскировать перемещение финансовых активов под видом легальной деятельности. В результате этого, у правоохранительных органов возникают трудности с выявлением и обнаружением следов данных преступлений.

Исходя из рассмотренных признаков, полагаем, что финансирование экстремисткой и террористической деятельности представляет собой деятельность, которая заключается приискании, получении, сохранении и накоплении активов, которые могут быть представлены в форме наличных и безналичных денежных средств, цифровой виртуальной валюты, а также сбор материальные средства, оказание финансовых услуг в целях обеспечения деятельности экстремистских и террористических организаций, а также в целях совершения хотя бы одного из преступления экстремистской направленности и террористического характера.

Мордовина Анастасия Валерьевна,
слушатель факультета заочного обучения
Санкт-Петербургского университета МВД России

Проблемы наказания за неоказание помощи больному

Защита прав человека и гражданства в области охраны здоровья и оказания медицинской помощи была объявлена одной из важнейших задач защиты российского государства. Этот вывод подтверждается формулировкой правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации в постановлении № 49 от 2020-12-25 гг., В котором Конституция определяет здоровье и жизнь человека как «высшую выгоду, в которой многие другие преимущества и ценности теряют свое значение»[1].

Статья 41 Конституции Российской Федерации. Согласно его статье, каждый человек имеет право на охрану здоровья. Каждый гражданин Российской Федерации имеет право на получение медицинской помощи в порядке, установленном законом. Медицинская помощь во всех медицинских учреждениях, кроме частных, оказывается за счет государственного бюджета. Это означает, что медицинские услуги гражданам предоставляются бесплатно в соответствии с базовой программой обязательного медицинского страхования[2].

Сегодня в России действует ряд законов, защищающих здоровье населения, но на практике они требуют более детального регулирования медицинской отрасли. Поэтому, если нормы федерального законодательства не позволяют разрешать споры и в тоже время совершаются серьезные правонарушения, применяются карательные меры.

Лицо, ответственное за свои действия в соответствии с настоящей статьей, не должно иметь намерения причинить вред здоровью пациента. Это означает, что причиненный ущерб должен быть причинен по неосторожности, небрежности или небрежности. В противном случае, если есть намерение, уголовная ответственность в соответствии с другими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации[3].

---

[1] Мамонтов Д.Ю. Проблемы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за неоказание помощи больному // Вестн. СевКавГТИ. 2014. № 16. С. 171–175.

[2] Внукова В.А. Пирожков И.В. Уголовная ответственность за профессиональные преступления, совершаемые медицинскими работниками // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: Материалы V Международного молодежного форума 12. мая 2017 года. Белгород, 2017. С. 72–79.

[3] Кочкина Н. Н., Красильникова М. Д., Шишкин С. В. Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения: препринт WP8/2015/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 56 с.

Примером полного бездействия или непосредственно отказа в предоставлении помощи отражен в апелляционном постановлении Московского городского суда от 27.06.209 №10-9172/2019. Сопровождаемый родственником пациент самостоятельно обратился в одну из городских клинических больниц. В приемном отделении они обратились к врачу, высказав жалобы на резкое ухудшение самочувствия (острый коронарный синдром). Дежурный врач в оказании медицинской помощи отказал и рекомендовал обратиться в поликлинику. После состоявшегося разговора пациент по рекомендации врача приемного отделения сразу отправился в поликлинику, прибыв в которую тут же скончался. Судебно-медицинской экспертизой в отношении умершего не было обнаружено каких-либо выраженных патологий, исключающих возможность благоприятного исхода для пациента при своевременном проведении ему интенсивной терапии. Суд также не согласился с доводами обвиняемого врача приемного отделения о том, что медицинская помощь должна оказываться при наличии четко сформулированных медицинских жалоб, требующих конкретной неотложной медицинской помощи, а жалобы, содержащие оценку самочувствия как «плохого», «ослабли ноги», не заслуживают внимания и не возлагают на врача обязанности оказать помощь. Отказавший в медицинской помощи врач был признан виновным в неоказании помощи больному, повлекшей смерть пациента[1].

Также уголовная ответственность может наступить при оказании помощи, которая не сопровождалась необходимыми действиями. Лицо, оказывающее помощь должны выполнить нужные меры для сохранения жизни больного.

Но существуют ли уважительные причины неоказания помощи? Безусловно, существуют. Такими причинами могут являться обстоятельства непреодолимой силы, стихийные бедствия, наличие угрозы жизни, неисправность медицинской техники, состояние медицинского работника. Чтобы перечисленное являлось уважительной причиной нужно подтверждение. Например, извещение о ДТП, лист нетрудоспособности и т. д.

Почему требование об оказании легкой помощи должно толковаться так узко в российском праве? Было предложено много причин - некоторые концептуальные, некоторые юридические, некоторые моральные, некоторые практические. Мы не предлагаем рассматривать их все в этой статье, ограничимся двумя вопросами, которые, скорее всего, заинтересуют философов.

[1] Симонян Р.З. Юридические аспекты врачебных ошибок и их правовые последствия // The scientificheritage. 2020. № 57(4). С. 22–24.

В нашей моральной традиции глубоко укоренилось различие между совершением и бездействием. Традиционно это различие использовалось для расширения границ ответственности за пределы совершения в сферу недеяний. Нас могут привлечь к ответственности не только за то, что мы сделали, но и за то, что осталось несделанным[1].

Неоказание помощи больному, когда на то нет уважительных причин, лицом, которое должно ее оказывать в соответствии с законом или специальным правилом, что повлекло за собой вред средней тяжести, - наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев.

Аналогичное указанному выше деяние, если в результате последовала смерть больного по неосторожности или был причинен тяжелый вред здоровью, - наказывается принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без них. в виде лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без них.

В основном преступления, направленные против жизни и здоровья, являются следствием противоправных действий преступника, например-убийство (ст. 105 УК РФ) и т. д. Но на практике есть ряд случаев причинения вреда здоровью, а также смерти, в результате оставления в опасности, т. е. неоказания помощи больному, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии.

Преступление заключается в бездействии: оставлении больного в опасности. Основания для необходимости оказания помощи потерпевшему[2]:

– виновник был обязан позаботиться о нем. Наличие такого обязательства предполагается еще до начала опасности по закону или договору;

– виновник сам подверг опасности жизнь больного с помощью незаконного и несправедливого поведения, как виновного, так и невиновного.

Согласно ст. 124 УК РФ субъектом преступления могут быть только медицинские работники (врач, фельдшер, медсестра, акушерка, акушерка и т. д.), а также лица, обязанные оказывать первичную медицинскую помощь

[1] Симонян Р.З. Юридические аспекты врачебных ошибок и их правовые последствия // The scientificheritage. 2020. № 57-4. С. 22-24.

[2] Там же.

в соответствии с законом или специальным постановлением. Недопустимость отказа в медицинской помощи является основой охраны здоровья людей, предусмотренным п. 7 ст. 4 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Статья 11 вышеуказанного закона предусматривает, что случаи отказа в медицинской помощи не допускаются в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи и взимания платы за ее оказание медицинской организацией, участвующей в программе, и медицинским персоналом этой медицинской организации.

При изучении основных правил характера отказа в оказании медицинской помощи пациентам медицинскими работниками в соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности, если они совершили другие преступления (применение норм соответствующих норм), а также совершение соответствующих преступлений (применение норм уголовного кодекса, правил конкуренции), необходимо учитывать, что эти вопросы связаны со всеми конкретными обстоятельствами дела, квалификацией и способностями правонарушителя, его специальными знаниями в этой области, которые должны быть решены с учетом правил и положений которые действуют в этой области. Знание и понимание общепринятых правил поведения в условиях промышленного или бытового риска. Однако юридическое значение заключается не только в определенном объеме информации, но и в отсутствии или неиспользовании знаний и навыков, которыми могут и должны обладать медицинские работники, а также в оказании медицинской помощи жертвам.

Необходимо сопоставить фактическое состояние качества медицинских услуг, оказываемых в соответствии с официальными требованиями, предписаниями, правилами, стандартами и условиями договора. Медицинские работники должны соблюдать все правовые условия оказания медицинских услуг, в том числе уважать права пациентов и предоставлять им возможность осуществлять предоставленные права [2, с. 2].32-34]. Кроме того, лицо, оказывающее медицинскую помощь, не всегда является врачом. Таким образом, другие медицинские работники, обладающие необходимыми знаниями и навыками, могут оказывать медицинскую помощь по просьбе других людей (а иногда и по необходимости).

Таким образом, в настоящее время статья 124 Уголовного кодекса Российской Федерации. Можно сделать вывод, что по-прежнему остается много вопросов и проблем, связанных с, казалось бы, конкретным преступлением, как это предусмотрено в статье II Закона об административных правонарушениях. Прежде всего, следует отметить, что

в моем анализе тема этого преступления ясна, но положения статьи сформулированы таким образом, что их будет очень трудно определить на практике. Ты этого заслуживаешь. Чтобы закрыть эти пробелы, необходимо, например, определить, при каких обстоятельствах кто несет ответственность за отказ помочь пациенту. Здесь мы подразумеваем на законодательном уровне указание на то, что субъектом этого преступления является конкретное должностное лицо, ответственное за оказание медицинской помощи в рамках своей профессиональной деятельности, или просто лицо, имеющее соответствующую подготовку и навыки и имеющее возможность оказать медицинскую помощь кому-либо, кто в ней нуждается его.

Олейник Ольга Сергеевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Классификация некоммерческих организаций и иных объединений граждан, посягающих на личность и права граждан

Количество объединений, в той или иной степени посягающих на личность и права граждан, не поддается объективной оценке. Они разнообразны по своим целям и методам функционирования. Для их упорядоченности, необходимо применить классификацию. Одно из главных условий любой классификации – выбор правильного критерия (основания), с помощью которого у категорий остаются все сущностные признаки основного явления, но и появляются другие, отличающие их от последующих[1].

На данный момент в науке отсутствуют, какие-либо подходы касаемо разработки классификации некоммерческих организаций и иных объединений граждан, посягающих на личность и права граждан. Отсутствие в криминологической науке классификации некоммерческих организаций и иных объединений граждан, посягающих на личность и права граждан, не позволяет в полном объеме познать их деятельность, что в определенной степени влияет на решение теоретических и прикладных задач.

В связи с этим, предложена авторская классификация, согласно которой некоммерческие организации и иные объединения граждан, посягающие на личность и права граждан, подразделяются по конкретным критериям на определенные виды.

В зависимости от степени формализованности:

формальные – объединения, которые официально зарегистрированы в качестве юридического лица и реализуют противоправную деятельность в форме некоммерческой организации (благотворительная общественная организация «Преображение России»);

неформальные – объединения, которые формируются на основе общих интересов и осуществляют противоправную деятельность без образования юридического лица (религиозная группа «Ашрам Шамбалы»).

В зависимости от территориального характера противоправной деятельности:

местные – объединения, которые осуществляют противоправную деятельность в пределах территории одного муниципального образования (религиозная группа «Горний Иерусалим»);

---

[1] Понкин И.В., Редькина А.И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 3. С. 253.

межрегиональные – объединения, осуществляющие свою деятельность на территории ряда регионов государства (некоммерческая организация «Фонд Григория Грабового — внедрение и распространение Учения Григория Грабового «О спасении и гармоничном развитии»»);

федеральные – объединения, осуществляющие свою деятельность на всей территории государства (некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» (экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации));

международные – объединения, осуществляющие свою деятельность на территории ряда государств (религиозная организация «Свидетели Иеговы» (экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации)).

В зависимости от механизма возникновения:

первичные – объединения, которые изначально созданные для осуществления противоправной деятельности (некоммерческая организация «Оренбургский городской общественный благотворительный фонд самосовершенствования»);

последующие – объединения, которые возникли в ходе преобразования ранее существовавших в объединения незаконного рода (общественная организация «Б.К.Н.Л. «ПОРТОС»).

В зависимости от внутренней структуры:

простые – объединения, которые состоят из единоличного руководителя или коллегиального органа управления, а также участников (религиозная группа «Бога Кузи»);

сложные – объединения, которые состоят из единоличного руководителя или коллегиального органа управления, структурных подразделений, выполняющих вспомогательные функции (вовлечение, финансирование, обучение), участников, которые могут быть разделены на категории (религиозная группа «Орда»).

В зависимости от размера:

малые объединения (до 1 000 человек) (религиозная группа «Благородный орден Дьявола» (экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации));

средние объединения (от 1 000 до 100 000 человек) (религиозная группа «Ашрам Шамбалы»);

крупные объединения (более 100 000 человек) (религиозная организация «Свидетели Иеговы» (экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации)).

В зависимости от принципа объединения участников:

добровольные – объединения, в которые вступают по собственному выбору, возможен свободный выход (религиозная организация «Церковь последнего завета»);

принудительные – объединения, в которые вовлекаются участники с использованием физического или психологического воздействия, последующее удержание против их воли, невозможен свободный выход (реабилитационный центр «Спасение»).

В зависимости от характера осуществляемой деятельности:

противоправные – объединения, в которых совершаются действия, не подлежащие уголовно-правовой оценке (например, побуждение граждан к отказу от получения основного общего образования или исполнения трудовых обязанностей, к выходу на несанкционированный митинг) (некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» (экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации));

преступные – объединения, в которых совершаются действия, подлежащие уголовно-правовой оценке в качестве самостоятельного состава преступления (например, причинение тяжкого вреда здоровью участникам, хищение чужого имущества) (религиозная группа «Бога Кузи»).

В зависимости от направления преступной деятельности объединения:

объединения, посягающие на жизнь и здоровье (общественное объединение «Троерусский народ»);

объединения, посягающие на свободу (реабилитационный центр «Спасение»);

объединения, посягающие на половую неприкосновенность и половую свободу (общественное объединение «Школа самосовершенствования»);

объединения, посягающие на собственность (религиозная группа «Бога Кузи»);

объединения, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность (религиозная группа «Ашрам Шамбалы»);

объединения, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства (некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» (экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации)).

Представленные виды некоммерческих организаций и иных объединений граждан, посягающих на личность и права граждан, могут переходить из одной формы деятельности в другую, а также сочетать несколько видов. Предложенная классификация не претендует на завершенность и однозначность и может быть принята только в виде отправного пункта для дальнейших исследований.

Пушкова Надежда Владимировна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Субъективные факторы детерминации вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность

Исследование детерминации вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность имеет особую значимость, поскольку помогает определить закономерности и предпосылки, а также механизм данного вида преступной деятельности, и, как следствие, выработать научно-обоснованные рекомендации по его предупреждению.

Изучение причин и условий преступности традиционно осуществляется в соответствии с принципом детерминизма, сущностью которого выступает исходное положение о том, что одно явление (группа явлений) обязательно определяется (детерминируется) другим явлением (группой явлений), что невозможно без объективно существующего и сложнейшего многообразия связей (всеобщности связей)[1].

Классификацию детерминантов преступности целесообразно осуществить по природе их возникновения, в соответствии с чем традиционно выделяют объективные (внешние) и субъективные (внутренние) факторы детерминации преступности.

Влияние внешних (объективных) факторов в детерминации преступления безусловно значительно, но не является безоговорочно определяющим. В связи с этим при исследовании детерминации вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность целесообразно рассмотрение также групп субъективных факторов – виктимных и виктимогенных [2] факторов, связанных с личностью несовершеннолетней жертвы вовлечения и факторов, связанных с личностью субъекта, вовлекающего несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность.

Рассмотрим субъективные детерминанты вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность первой группы.

---

[1] См.: Соловьев В.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией (по материалам центрального федерального округа): дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2013. С. 92; Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Г.А. Аванесов и др.]; под ред. Г.А. Аванесова. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 575 с.

[2] Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкий; под ред. С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 110; Игнатов А.Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. 2015. № 4. С. 145–149.

Под виктимностью понимается неспособность лица, в данном случае подростка, противостоять вовлечению в совершение антиобщественных или противоправных действий в силу нравственно-психологических, социально-демографических особенностей либо внешних обстоятельств[1].

Одними из ключевых психофизиологических особенностей несовершеннолетних, детерминирующих их вовлечение в экстремистскую деятельность, являются: эмоциональная неустойчивость, отсутствие критического мышления как результат недостатка жизненного опыта, впечатлительность, конформизм, отсутствие доверия к родителям, закрытость и трудная адаптация к изменениям и пр.

Несовершеннолетние, для которых характерны поиск идентичности и принадлежности к какой-либо группе, стремясь восполнить недостаток общения, понимания и поддержки, становятся «легкой жертвой» вовлечения в экстремистскую деятельность. Данная проблема усугубляется тем, что рассматриваемые процессы криминализации несовершеннолетних имеют довольно скрытый характер. Воздействие на личность с использованием потенциала сети «Интернет» является сегодня наиболее широко распространенным и малоизученным способом манипулирования сознанием несовершеннолетних и вовлечения их в преступную деятельность[2]. Президент РФ В.В. Путин на заседании коллегии ФСБ России в 2023 году отметил, что должна быть продолжена работа по выявлению и пресечению действий тех, кто использует интернет и социальные сети для пропаганды идеологии терроризма и экстремизма, кто пытается вовлечь в террористические группировки граждан, и наиболее уязвимая категория здесь – это молодежь[3].

Посредством социальных сетей (как популярных мессенджеров WhatsApp или «Вконтакте», так и тематических каналов в Threema или Telegram и др.), а также браузеров, которые позволяют скрыть личность пользователя в сети «Интернет» (например, TOP (The Onion Project) – программное обеспечение с открытым исходным кодом для обеспечения анонимной связи) вовлекающие лица осуществляют поиск несовершеннолетних, наиболее подверженных влиянию «авторитетов», чувствующих себя одиноко, склонных к ненависти к представителям

[1] Шевченко Г.В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 59.

[2] Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82–89; Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1 (51). С. 59–66; Гаджималикова З.Х. Способы вовлечения в террористическую деятельность // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 180.

[3] Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/70597 (дата обращения: 04.09.2023).

государственных и правоохранительных органов, родителям или ровесникам, и начинают с ними общение, вначале на отвлеченные темы. После того, как вовлекающее лицо постепенно становится несовершеннолетнему «другом», во всем его поддерживает и понимает, начинает говорить с ним о смысле жизни, добре и зле, несправедливости, мести, ценностях, высшей идее и т. д., постепенно внушая экстремистские настроения.

Такие субъективные факторы, как неустойчивость психики, отсутствие критического мышления, внушаемость и пр. определяют возможность манипулирования сознанием несовершеннолетнего с целью формирования асоциальных интересов и стремлений, ценностных ориентаций, а в последующем и формирования у него установок на реализацию конкретных форм преступного поведения.

Кроме того, неудовлетворенность своим социальным статусом, расхождения между ожиданиями несовершеннолетнего и фактическими возможностями, завышенные требования, порожденные в т. ч. пропагандой «богатого» и беспечного образа жизни, при невозможности материально обеспечить желаемый образ и уровень жизни, приводят к стрессу, апатии, чувству одиночества и беспокойства, неуверенности в будущем, повышенной обидчивости и тревожности.

Несовершеннолетние, у которых не совпадают желания с их возможностями, склонны к противодействию социальному контролю со стороны родителей, школы, общества и государства, повышенному уровню конфликтности, упрямству и противоречивости эмоциональных переживаний. Такая фрустрация приводит к стремлению к самовыражению, что, в свою очередь, выступает своего рода «катализатором» девиантного поведения несовершеннолетнего. В условиях господства потребительских устремлений в жизненной динамике современной цивилизации и морально-правового нигилизма, низкого уровня духовности и культуры населения, несовершеннолетний сознательно или непроизвольно, эмоционально или рационально идентифицирует себя с жертвой ситуации, чем и оправдывает свое девиантное поведение [1]. Как следствие, несовершеннолетний может встретить в социальных сетях контент, призывающий, например, к осуществлению экстремистской деятельности, порождая ненависть или вражду к какой-либо социальной группе – к власти, материально обеспеченным людям, «неверным» и так далее, чувствуя мнимые поддержку, понимание и заботу.

В результате воздействия указанных субъективных факторов формируются различные мотивы виктимного (относительно вовлечения их

[1] См.: Игнатов А.Н. Свобода виктимности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3(40). С. 79–85.

в экстремистскую деятельность) поведения несовершеннолетних, как мотивы утверждения и самоутверждения, месть родителям/иным законным представителям за жестокое или безразличное отношение; корыстный мотив; ненависть и пр.

Так, 11.11.2022 Ленинским районным судом г. Махачкалы Республики Дагестан осужден гражданин РФ, ФИО10, за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Осужденный умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде враждебных действий по отношению к группе лиц «немусульмане», и желая их наступления, используя информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», с целью воздействия на сознание и волю неограниченного круга лиц, разместил в разделе «Stories» на личной странице в социальной сети «Instagram» (с марта 2022 года признана экстремистской и запрещена на территории РФ) видеоматериал экстремистского толка[1].

Необходимо отметить, что социальное и семейное неблагополучие являются лишь факторами, способствующими проявлению соответствующих субъективных характеристик несовершеннолетних, склонных к вовлечению в экстремистскую деятельность. Так, несовершеннолетние, проживающие в семьях с высоким материальным статусом, нередко стремятся к самоутверждению и утверждению, достижению авторитета в референтной группе посредством противопоставления себя обществу, жаждой приключений, интересом к происходящему вокруг и непониманию обстановки. Ими манипулируют лица, стремящиеся использовать несовершеннолетних в преступных целях (например, привлекать к участию в протестных акциях, беспорядках, распространении экстремистской идеологии)[2]. У несовершеннолетних, движимых любопытством и жаждой игры, происходит смещение фокуса внимания в сторону развлечений и сиюминутных удовольствий; они начинают чувствовать свою «исключительность». В качестве мотивов виктимного поведения несовершеннолетних в данном случае могут выступать стремление к наслаждению и корыстный мотив.

Изучение личностных особенностей несовершеннолетних, вовлеченных в экстремистскую деятельность, должно служить прежде всего основой виктимологической профилактики такого вовлечения, однако для реализации субъективной предрасположенности необходим

[1] Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 11 ноября 2022 года по делу № 1-713/2022.

[2] Щеголева А.Н. Особенности виктимности несовершеннолетних и пути ее снижения // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 190–196.

другой решающий фактор – действия преступника, вовлекающего несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность.

Механизм вовлечения отличает тесное взаимодействие, своеобразный «обмен причинностью» между взрослым вовлекателем и несовершеннолетней жертвой[1].

Таким образом, как отмечалось ранее, вторую группу детерминантов вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность составляют субъективные факторы, связанные с особенностями личности «вовлекателя».

Одним из основополагающих субъективных факторов, детерминирующих вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, является наличие устойчивых экстремистских взглядов, криминальных установок и преступных ценностных ориентаций[2] у лица, вовлекающего несовершеннолетнего. Как отмечает Ю.М. Антонян, на путь экстремизма часто становятся люди со специфической личностной предрасположенностью[3].

Исследуя мотивацию экстремизма Ю.Г. Касперович отмечает, что мотивы переплетаются друг с другом, и могут не осознаваться экстремистом, или осознаваться частично. В литературе выделяют следующие основные мотивы вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность[4]:

1. Идеологический мотив, обусловленный стремлением преобразовать мир на основе субъективного понимания справедливости, ненавистью к Российской Федерации и представителям государственных органов. В литературе также выделяют различные подтексты идеологического мотива – религиозный, политический, социальный, социокультурный и другие. Зачастую, такое распространение экстремистской идеологии рассматривается не столько, как способ достижения цели, сколько как «миссия».

2. Мотив изменения мира, перекликающийся с идеологическим, является результатом осознания лицом несовершенства и

---

[1] Шевченко Г.В. Виктимологическая профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 12-13.

[2] Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование): дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2014. С. 90.

[3] Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М., 2013. С. 162.

[4] Гамидов А.М. Условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в терроризм // Системные технологии. 2013. № 6. С. 29; Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование): дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2014. С. 93; Касперович Ю.Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2(49).

несправедливости жизни. Вовлекающее лицо стремится преобразовать мир, в том числе посредством несовершеннолетних лиц, опираясь на то, что несовершеннолетние – будущее общества. По мнению Ю.Г. Касперович, такой мотив характерен пассионариям, то есть активным, полным энтузиазма предприимчивым людям, которые могут «повести за собой»[1].

3. Меркантильный (корыстный), основанный на потребности лица, вовлекающего несовершеннолетнего, в получении материальной выгоды, например, от представителей иностранных экстремистских преступных сообществ. В данном случае вовлечение несовершеннолетних в ряды экстремистских объединений представляет собой своеобразный «оплачиваемый труд».

4. Властный мотив. Лицом, вовлекающим несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность, движет желание контроля и власти над людьми, подавления их, занятия доминирующей позиции в какой-либо группе, руководства ее членами, а в случае с несовершеннолетними лицами сделать это гораздо проще. Властный мотив тесно связан с мотивом самоутверждения.

5. Мотив самоутверждения. Вовлекая несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, вовлекающее лицо доказывает (сам себе и другим), что он способен убедить, повести за собой, принудить (иногда силой и угрозами) к определенным действиям. Данный мотив характерен любому виду экстремистского поведения.

6. Мотив игры и «героизма». Лицо, уходящее от действительности, бессознательно желая привнести в свою жизнь риск, яркость и значимость, а также удовлетворяя потребность в риске, стремится доставить людям (по его мнению) добро и справедливость, в том числе силой и немалыми жертвами, и вовлечение несовершеннолетних в такую экстремистскую деятельность является одной из них.

7. Мотив мести. В данном случае лица, вовлекающие несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, желают тем самым отомстить за причиненный вред – им самим, их друзьям, родственникам, согражданам, единоверцам и т. д. Таким образом, вовлекающие лица могут мстить «через» вовлекаемых несовершеннолетних их родителям (бессознательно мстив, тем самым, своим, за жестокое или безразличное отношение), представителям одинаковой с ними религии, их согражданам и т. д., то есть «враждебной» категории людей через ее несовершеннолетних представителей.

Кроме того, необходимо отдельно выделить мотив избегания уголовного преследования и уголовной ответственности. Очевидно, что

[1] Касперович Ю.Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2. С. 81.

лицо, вовлекающее несовершеннолетнего в преступную, в данном случае экстремистскую, деятельность, преследует цель обезличивания и сохранения анонимности своих действий, желая тем самым избежать уголовного преследования и уголовной ответственности.

В ряде случаев «вовлекатели» отличаются такими нравственно-психологическими свойствами, как ожесточенность, озлобленность, аморальность, асоциальность, распущенность, эгоизм, агрессивность, жадность, нежелание взять на себя ответственность за свою жизнь и свое поведение, и распад нравственных принципов. Такие люди не могут и не хотят осознавать общественную опасность деяния, ими движут низменные желания и стремления, ненависть. Причиной может выступать трудная жизненная ситуация (например, жестокое отношение родителей/иных законных представителей в раннем возрасте, потеря близких родственников и др.), вследствие которой человек потерял смысл жизни, стремится отомстить и найти справедливость.

Однако следует учитывать, что нередко лица, вовлекающие несовершеннолетних в преступную, в т. ч. экстремистскую, деятельность, обладают хорошими организаторскими способностями, умением объединить вокруг себя людей, убедить в истинности и «правильности» криминальных идей, внушить их исключительность. Особенно это касается лиц, вовлекающих несовершеннолетних в идеологически мотивированную экстремистскую деятельность.

Таким образом, к субъективным детерминантам вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, следует отнести две группы взаимосвязанных и взаимодействующих факторов: во-первых, виктимных и виктимогенных факторов, связанных с личностью несовершеннолетней жертвы вовлечения, во-вторых, факторов, связанных с личностью субъекта, вовлекающего несовершеннолетнего в экстремистскую деятельность. Исследование данных факторов и их взаимосвязей и процесса взаимодействия позволяет установить особенности механизма данного вида преступной деятельности и выработать эффективные меры противодействия.

Семак Виктория Григорьевна,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Особенности личности преступников, совершающих хищения в сфере дорожного строительства

На сегодняшний день сфера дорожного строительства в Российской Федерации является одним из стратегических направлений развития страны. Финансовые ресурсы, задействованные в данной сфере деятельности, увеличиваются ежегодно. Об этом свидетельствуют показатели финансирования, выделяемого на развитие Федерального дорожного агентства [1]. Масштаб строительства автомобильных дорог России охватывает всю ее территорию. Политика страны направлена на создание удобной, многофункциональной, доступной дорожной сети, что позволит связать все регионы страны и будет способствовать комфортному, ускоренному передвижению людей, а также благоприятно скажется на развитии экономического сектора.

Высокое финансирование сферы дорожного строительства привлекает криминалитет. Хищения занимают особое место среди преступлений, совершаемых в рассматриваемой области. В отрасли дорожного строительства крепко закрепились организованные группы, которые для достижения преступных целей активно используют уже отработанные «схемы» совершения хищений.

В связи с вышесказанным, актуальным является вопрос изучения личности преступников, совершающих хищения в сфере дорожного строительства. Знание об особенностях субъектов преступления занимает одно из центральных мест предмета науки криминалистики и криминологии. В науке криминалистике личность преступника рассматривается как структурный элемент криминалистической характеристики преступления, составляющие сведения которого позволяют устанавливать взаимосвязь с остальными элементами, что способствует повышению качества расследования общественно-опасных деяний. В науке криминологии особенности субъектного состава преступления изучаются при выработке мер предупреждения и противодействия преступности. Таким образом, профилактика преступности, а также борьба с ней невозможна без изучения особенностей личности виновного.

[1] Итоговый доклад о результатах деятельности Федерального дорожного агентства за 2023 г. URL: https://rosavtodor.gov.ru/about/kollegiya-rosavtodora/itogovye-zasedaniya-kollegii/2023-god/612821 (дата доступа: 19.10.2023).

На сегодняшний день хищения в сфере дорожного строительства наиболее часто совершаются путем мошеннических действий. В связи с тем, что дорожное строительство представляет собой сложный процесс, включающий в себя подготовку проектно-сметной документации, этап возведения объекта, его приемку и иные этапы, в нем задействованы лица, имеющие специальную подготовку. В рассматриваемой ситуации речь идет об образовании и стаже работы. В большинстве случаев в строительстве автомобильных дорог принимают участие лица, имеющие высшее и среднее профессиональное образование, позволяющее в должной мере выполнять свои рабочие функции. Как правило, субъекты преступления имеют инженерскую, юридическую, экономическую квалификацию. Стоит отметить, что не только наличие диплома об образовании является обязательным критерием. Данная сфера требует от специалистов опыта работы в указанном направлении. Таким образом, преступникам присущи профессиональные знания и навыки в сфере дорожного строительства.

Для хищений в сфере дорожного строительства характерен организованный характер. Преступления рассматриваемого вида в одиночку совершаются крайне редко. Это связано с тем, что преимущественную долю преступлений составляют не простые действия по изъятию/обращению имущества в процессе строительства, а сложные и детально продуманные преступные деяния. Для их реализации требуется привлечение нескольких лиц.

К примеру, в ситуации, когда руководитель подрядной организации планирует совершить хищение путем производства строительных работ с нарушением технологического процесса (например, уменьшение толщины слоя дорожного полотна), то ему для этого нужны пособники. В рассматриваемом случае ими могут выступить:

начальник участка, который в силу должностных обязанностей может организовать выполнение работ на участке строительства и предпринимать действия, направленные на укладку асфальтобетонного покрытия и асфальтобетонной смеси;

руководитель отдела контроля и качества (строительный контроль), который в силу функциональных обязанностей связан с составлением протокола испытаний асфальтобетонной смеси и асфальтобетонного покрытия;

инженер-лаборант, ответственный за проведение лабораторных испытаний и иные лица.

Из приведенного примера следует, что для совершения хищений в сфере дорожного строительства требуется привлечение «специалистов» в области строительства автомобильных дорог, которые, в силу функциональных обязанностей, могут способствовать достижению преступной цели и сокрытию следов преступления. Наиболее часто

преступники объединяются в небольшие группы, состоящие из 2-5 человек.

Вопрос половых характеристик лиц, совершающих корыстные преступления в сфере строительства, был затронут А.К. Безбогиным в диссертационном исследовании. Он отметил, что отличительной чертой преступников данных преступлений является высокий процент участия, по сравнению с другими преступлениями, женского состава. Женщины могут быть объединены родственными связями, совместной работой или привлекаться для выполнения разовых функций[1]. Мы согласны с точкой зрения А.К. Безбогина и считаем, что направление дорожного строительства не является исключением. Действительно, в процессе строительства автомобильных дорог задействованы и лица женского пола, которые могут занимать различные должности (руководитель отдела контроля и качества, инженер-лаборант, бухгалтер и т. д.).

Дорожное строительство представляет собой одно из направлений отрасли строительства в целом. Для создания автомобильных дорог привлекаются лица, имеющие необходимую квалификацию. Речь идет о руководителях, возглавляющих организации застройщика, подрядчика и субподрядчика, самих строительных рабочих, а также других специалистах, сопровождающих процесс дорожного строительства.

Лица, совершающие хищения в сфере дорожного строительства, могут входить в одну из следующих должностных категорий:

1) лица из числа руководителей организаций – заказчиков;

2) лица из числа руководителей организаций – подрядчиков;

3) лица из числа руководителей организаций – субподрядчиков;

4) лица, ответственные за составление проектно-сметной документации;

5) лица, ответственные за составление исполнительной документации;

6) лица, ответственные за составление бухгалтерской документации;

7) сотрудники администрации;

8) строительные рабочие;

9) иные лица, относящиеся к строительству.

Исследование возрастных характеристик лиц, совершающих хищения в сфере дорожного строительства, позволило установить, что субъектами преступлений рассматриваемой категории наиболее часто становятся лица старше 30 лет. Это обусловлено накопленным к этому возрасту опытом работы в сфере строительства автомобильных дорог, а также полученными знаниями специфики деятельности в рассматриваемой отрасли.

[1] Безбогин А.К. Организация первоначального этапа расследования хищений в строительстве: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 169 с.

Одной из характеристик лиц, совершающих хищения в сфере дорожного строительства, является их авторитетность, предопределенная занимаемой должностью. Руководители организаций заказчика, подрядчика или субподрядчика, отделов внутри этих организаций в силу функциональных обязанностей могут оказывать определенное влияние на подчиненных. К примеру, руководитель подрядной организации дает указание начальнику участка предпринять действия по укладке асфальтобетонного покрытия меньшей толщины, он в свою очередь организовывает выполнение строителями работ в уменьшенном объеме, которые, в силу авторитета руководства, исполняют поручения.

Еще одной неотъемлемой чертой личности субъекта, совершившего хищение в сфере дорожного строительства, является наличие налаженных контактов с сотрудниками контролирующих и надзорных органов, которые осуществляют своего рода «покровительство». Это может быть выражено в отсутствии внезапных проверок, формальном их проведением и других попустительствах.

Таким образом, изучение особенностей личности преступников, совершающих хищения в сфере дорожного строительства, является важным для науки и деятельности по профилактике преступности, а также борьбы с ней. На основе вышесказанного, мы приходим к выводу о том, что лицам, совершающим хищения в сфере дорожного строительства, присущ организованный преступный характер, высокий уровень знаний в сфере строительства автомобильных дорог, авторитет и наличие связей в вышестоящих органах.

Серова Диана Вадимовна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О некоторых проблемных аспектах криминологического исследования насилия в семейно-бытовой сфере

Защита семьи и детства является одной из приоритетных задач политики любого социально ориентированного государства. Согласно Концепции государственной семейной политики до 2025 года создание условий для семейного благополучия – одна из первостепенных целей Российской Федерации, которая обусловлена стоящими перед обществом задачами социально-экономического и демографического развития страны[1].

Ряд изменений и поправок, внесенных в 2020 году в Конституцию Российской Федерации, фактически подтвердил важность реализации семейной политики по созданию условий сохранности семьи[2]. Работа органов публичной власти подтверждает заинтересованность и потребность всего общества в защите института семьи от противоправных посягательств, разработке мер по противодействию преступлениям в сфере семейно-бытовых отношений.

Несмотря на прогрессивные изменения в законодательстве, активно принимаемые государственными и правоохранительными органами меры по профилактике преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, насилие в семье продолжает существовать и наносить вред не только конкретной отдельно взятой личности, но и всему государству в целом, в связи с чем данная проблема остается актуальной и важной для современного российского общества.

Тема внутрисемейного насилия на протяжении многих лет занимает умы многих современных отечественных и зарубежных ученых. Значительный вклад в криминологическое и уголовно-правовое исследование данной проблемы внесли Ю.М. Антонян, Н.И. Ветров, А.И. Долгова, В.Н. Кудрявцев, Э.Ф. Побегайло, Д.А. Шестаков, Г.Г. Мошак, А.Н. Ильяшенко, А.А. Исаков, Л.А. Колпакова, Ф.А. Меликов, Д.Р. Усманова, А.Н. Фатеев, В.И. Шахов, К.А. Мясникова, В.С. Харламов, А.В. Лунева, Ю.Е. Пудовочкин, Н.В. Машинская, М.В. Данилевская, М.Г. Маликова, В.А. Коцюба, С.Т. Ахмедова, Ю.В. Зырянова,

[1] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-р.

[2] Часть 4 статьи 67.1, пункт ж.1) части 1 статьи 72, пункт в) части 1 статьи 114 Конституции РФ (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года).

Н.А. Гришко, С.Т. Ахмедова, К.В. Самойленко, Ю.В. Зырянова, О. Н. Ивасюк и др. Признавая высокую научную и практическую ценность этих трудов, необходимо отметить, что изучение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений остается актуальным для российского общества, поскольку преступность имеет свойство видоизменяться со временем, приобретать новые характеристики и насилие в сфере семейно-бытовых отношений – не исключение.

Трудности, возникающие при сборе и оценке статистических данных об уровне преступности данного вида, являются одним из проблемных аспектов изучения насилия в сфере семейно-бытовых отношений.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистки на территории Российской Федерации за 2017-2021 год зарегистрировано 166499 преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, в том числе в 2019 – 32616, в 2020 – 33708, в 2021 – 32790[1]. Можно сделать вывод о том, что число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи, на протяжении нескольких лет остается примерно на одном уровне.

Однако, несмотря на приведенные данные, статистика преступлений в сфере семейно-бытовых отношений остается крайне неоднозначной. Некоторые общественные организации продолжают проводить свои исследования в данном направлении и предоставлять данные, не соответствующие официальной статистике правоохранительных органов и федеральной службы государственной статистики. Так, консорциум женских неправительственных объединений провел собственное исследование статистики домашнего насилия и выявил, что в период пандемии «COVID-19» 70% от общего числа убитых женщин погибли от рук мужей.[2] В то же время МВД РФ отрицает информацию о росте преступлений в сфере семейно-бытовых отношений в связи с карантинными мерами, а напротив заявляет о снижении роста случаев насилия в сфере семейно-бытовых отношений: «Утверждения представителей некоторых общественных организаций о росте семейно-бытовых преступлений в период действия ограничительных мер не нашли объективного подтверждения. В апреле 2020 года зарегистрировано на 9% меньше, чем в апреле 2019 года, посягательств в сфере семейно-бытовых отношений, в том числе на 14,6% меньше фактов умышленного

[1] 7.25. Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенные в отношении члена семьи из них: супруга сына, дочери. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807 (дата обращения: 29.10.2023).

[2] «Он говорил ей, что у него нет терпения»: во время пандемии более 70% убитых женщин погибли от домашнего насилия». URL: https://wcons.net/novosti/on-govoril-ej-chto-u-nego-net-terpenija-vo-vremja-pandemii-bolee-70-ubityh-zhenshhin-pogibli-ot-domashnego-nasilija/ (дата обращения: 29.10.2023).

причинения тяжкого вреда здоровью, на 17,1% – средней тяжести и на 3,3% – легкого вреда здоровью»[1].

Существенные противоречия в статистических данных об уровне семейного насилия в Российской Федерации вызывают рост недовольства и протестную активность граждан, недоверие к правоохранительным органам. Усугубляет существующую ситуацию латентный характер данной категории преступлений, что оказывает значительное влияние на составление полной объективной картины об уровне насилия в сфере семейно-бытовых отношений. Подобная ситуация требует подробного исследования и мониторинга качественных и количественных показателей преступлений в сфере семейно-бытовых отношений.

Следующим проблемным аспектом изучения насилия в сфере семейно-бытовых отношений и мер, направленных на противодействие ему, является недостаточная теоретическая изученность социальных последствий данного вида преступлений и неразвитость путей по их минимизации.

Нестабильная ситуация в государстве, определенная накаленность социальной обстановки, внешнеэкономический кризис и санкционное давление, активные миграционные процессы оказывают непосредственное влияние на внутрисемейные отношения, являются детерминирующими факторами насилия в сфере семейно-бытовых отношений. В Концепции государственной семейной политики до 2025 года отмечается, что «трудности, которые испытывает семья, в том числе связанные с экономическими проблемами, нередко приводят к внутрисемейным конфликтам, в результате которых могут оказаться нарушенными права и законные интересы детей. Важным элементом в преодолении таких ситуаций является предоставление социальных услуг и реализация мер, направленных на профилактику семейного неблагополучия»[2].

Однако деструктивные проявления в семье в свою очередь оказывают неизгладимое влияние на экономику, демографию страны, уровень преступности в целом, что значительно затрудняет полноценное и разностороннее развитие государства. Следовательно, при всестороннем и углубленном исследовании насилия в сфере семейно-бытовых отношений, разработке мер по предупреждению преступлений данной категории должны быть изучены социальные последствия данного явления, предложены пути их минимизации.

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2020 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/20176492 (дата обращения: 29.10.2023).

[2] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года № 1618-р.

В настоящее время только одно исследованное, проведенное О.Н. Ивасюк в 2007 году, посвящено изучению проблем социальных последствий преступности в сфере семейно-бытовых отношений и путей их минимизации, что подтверждает потребность в актуализации теоретических знаний в данном направлении.

Отсутствие единой законодательно закрепленной системы противодействия преступлениям в сфере семейно-бытовых отношений также является одним из проблемных аспектов криминологического исследования насилия в сфере семейно-бытовых отношений и путей его преодоления. Без четкого законодательного регулирования правоохранительные органы, социальные службы и общественные организации сталкиваются с рядом проблем и противоречий. Например, с такими, как: недостаточность механизмов защиты и сопровождения жертв насилия в сфере семейно-бытовых отношений, непроработанность системы взаимодействия государственных и негосударственных организаций с правоохранительными органами, отсутствие согласованности в их действиях и др. Противодействие насилию в сфере семейно-бытовых отношений требует совместных усилий государства, общественных организаций, правоохранительных органов и гражданского общества. Только активно сотрудничая, общество может минимизировать уровень насилия в сфере семейно-бытовых отношений.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что, в настоящее время изучение насилия в сфере семейно-бытовых отношений является актуальной проблемой юридической науки, требующей комплексного и всестороннего научного криминологического исследования.

Смольницкая Анастасия Андреевна,
слушатель факультет по подготовке специалистов
для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

Безопасность несовершеннолетних в сети Интернет: криминальные угрозы и меры их минимизации

Современные технологии и доступность Интернета предоставляют несовершеннолетним огромные возможности для обучения, развлечений и социального взаимодействия. Однако, с этими возможностями также связаны опасности, которые могут негативно влиять на безопасность и благополучие детей и подростков. Это обуславливает необходимость теоретического осмысления, имеющихся угроз безопасности несовершеннолетних и формирования научно – обоснованных мер противодействия.

Правовое обеспечение безопасности и защиты несовершеннолетних в сети Интернет регулируется Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ [1]. Он устанавливает правила доступа детей к информации, которая может причинить вред их здоровью и развитию, определяет ответственность за нарушение правил, предусматривает порядок блокировки сайтов с запрещенной информацией и регламентирует требования к организациям, предоставляющим услуги доступа к сети Интернет.

Согласно статистическим данным в 8-9-летнем возрасте дети все чаще выходят в сеть самостоятельно. Более четверти детей проводят в сети от 7 до 14 часов в неделю, или около 1-2 часов в день. В то же время каждый пятый ребенок находится в Интернете более 21 часа в неделю. Большинство детей выходят в сеть бесконтрольно. Более 80% российских подростков имеют профиль в социальных сетях, и у каждого шестого из них более 100 друзей. Больше половины пользователей сети в возрасте до 14 лет просматривают сайты с нежелательным контентом: посещают порносайты (39%); наблюдают сцены насилия (19%); увлекаются азартными играми (16%); интересуются наркотическими веществами и алкоголем (14%); посещают экстремистские и националистические ресурсы (11%). Подростки от 12 до 17 лет являются основной группой

[1] Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" от 29.12.2010 № 436-ФЗ (последняя редакция) // СПС «Гарант».

риска для развития интернет-зависимости в силу своих возрастных особенностей[1].

Учитывая имеющиеся материалы исследований в области информационной безопасности детей и подростков, можно конкретизировать наиболее популярные криминалистические угрозы.

На основе проведенного контент-анализа ресурсов сети Интернет и в частности отдельных социальных сетей были выделены основные угрозы, которым подвергаются несовершеннолетние, используя Интернет.

1. Травля в Интернете (кибербуллинг). Кибербуллинг – представляет собой форму электронного психологического насилия или запугивания, которая происходит в онлайн-среде (интернет, социальные сети, мессенджеры и т. д.). Реализуется в форме травли, оскорблений, издевательств и др. Происходит как в открытом доступе, так и в закрытых сообществах. Может привести к чувствам страха, тревоги, депрессии, социальной изоляции, снижению самооценки и даже мыслям и действиям о самоубийстве, тем самым представляет собой серьезные последствия для психологического и эмоционального здоровья несовершеннолетних.

По данным Лиги безопасного Интернета 72% подростков сталкивались с травлей в той или иной форме; 29% подростков воспринимают кибербуллинг как норму[2].

Рассмотрим формы проявления кибербулинга несовершеннолетних в сети Интернет:

– Оскорбления и унижения – различные высказывания, унижающие честь и достоинство несовершеннолетних, оскорбления, распространение ложных слухов или унизительных комментариев;

– Имитация и подражание - создание фейковых аккаунтов либо подражание личности несовершеннолетнего в целях издевательства, насмешки или нанесения ущерба его репутации;

– Распространение негативного контента - публикация или распространение компрометирующих фотографий, видео или информации о несовершеннолетнем без его согласия;

– Изоляция и исключение - целенаправленное исключение несовершеннолетнего из онлайн-сообществ, игнорирование или отказ общаться с ним;

– Угрозы и шантаж - отправка сообщений, содержащих различные угрозы, требования или шантаж с целью манипулирования несовершеннолетним.

---

[1] «Дети Интернета». Исследования и статистика по результатам социологических исследований. URL: https://vk.com/@472968513-deti-interneta (дата обращения: 12.09.2023).

[2] Лига безопасного Интернета. URL: https://ligainternet.ru/ (дата обращения: 12.09.2023).

2. Вербовка и отбор несовершеннолетних в криминально - ориентированные сообщества. Вербовка несовершеннолетних представляет собой процесс их вовлечения в определенную организацию, группу или сообщество, которые содержат противоправный контент, с целью выполнения ими определенных задач или принятию определенной идеологии[1].

Социальные сети являются самым эффективным и широким по охвату инструментом, с помощью которого злоумышленники могут вербовать несовершеннолетних в разные преступные организации.

К криминально – ориентированным относятся группы, пропагандирующие экстремистскую и нацистскую идеологию (движение «Колумбайн»); пропагандирующие опасные увлечения (зацепинг, группы с пропагандой наркотиков, трэш-стримеры, шок-контент и др.); пропагандирующие причинение вреда себе или окружающим (селфхарм, пиплхейт, депрессивно-суицидальные группы); пропагандирующие нетрадиционные духовно-нравственные ценности (оккультизм, сатанизм, чайлдфри, феминизм, нетрадиционные сексуальные отношения, смена пола, гендерная идентичность, зоофилия); аниме-сообщества.

Процесс вербовки и отбора несовершеннолетних может осуществляться по различным направлениям:

– Через социальные сети («Вконтакте», «Телеграмм»). Злоумышленники осуществляют поиск несовершеннолетних, отправляют личные сообщения, комментируют их публикации или создают фейковые аккаунты, чтобы установить контакт и привлечь их в свое сообщество.

– Через онлайн-игры и чаты. Вербующие притворяются сверстниками или предлагают различные привилегии, чтобы привлечь внимание и доверие несовершеннолетних. Так же они могут предлагать свою помощь, советы или обещания, чтобы заполучить доверие и установить контакт.

– Онлайн-рекрутеры. Некоторые сообщества имеют специализированных рекрутеров, которые активно ищут несовершеннолетних в сети Интернет, используя различные методы и техники для нахождения и привлечения в свои группы потенциальных кандидатов.

– Вирусные видео и материалы (видеохостинги*)* - создают и распространяют вирусные видео, изображения или материалы, где содержится опасный, деструктивный и неприемлемый для несовершеннолетних контент. Зачастую дети получают к этому контенту доступ, несмотря на возрастные ограничения и опасное содержание таких

[1] Квашис В.Е., Ильницкий А.С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2. С. 26–31.

видео. Они могут быть связаны с определенной идеологией, призывами к экстремизму или насилию.

3. Пропаганда порнографии и вовлечение несовершеннолетних в изготовление детской порнографии и занятие проституцией. Незнакомцы в сети всегда представляют источник опасности для несовершеннолетних. Они распространяют сексуально откровенные материалы и могут путем уговора добиться от несовершеннолетнего поделиться с ними его интимными фотографиями. Впоследствии они могут использовать фотографии подростка для шантажа и угроз, чтобы встретиться лично или заставить ребенка присылать еще больше своих фотографий и видео.

По данным Лаборатории Касперского 22% детей жалели о том, что выкладывали в Интернет; 29% детей получают заявки от незнакомых взрослых; 10% детей отмечали, что взрослые пользователи в Интернете присылали им странные сообщения[1].

Вовлечение детей в производство детской порнографии и занятие проституцией является одним из наиболее ужасных проявлений эксплуатации детей. Это может происходить как через принуждение и насилие, так и через обман и манипуляции. Несовершеннолетние, которые оказываются в такой ситуации, могут испытывать физическое и психологическое насилие, а также страдать от долгосрочных последствий, таких как травмы, нарушения поведения и психические расстройства.

Отдельно остро стоит проблема с рисованной порнографией, распространяемой в детской среде. Особенно это касается таких направлений как аниме и фурри, которые содержат информацию порнографического характера: аниме жанры (яой, юри, гуро и др); фурри сообщества, содержащие материалы направления йифф; материалы, пропагандирующие ЛГБТ, смену пола, зоофилию; сайт «Фикбук» (на данный момент стал одним из крупнейших сайтов по распространению литературы с пропагандой извращений); порно-контент, порно-группы, порно-сайты (один из крупнейших распространителей порно – сервис Яндекс.видео).

Рассмотрев указанные криминальные угрозы в сети Интернет, можно сказать, о том, что они представляют собой серьезную проблему безопасности несовершеннолетних.

Подводя итог сказанному, отметим наиболее значимые выводы и предложения:

1. Для минимизации криминогенного потенциала представленных угроз считаем необходимым создать государственную структуру, которая будет самостоятельно осуществлять поиск, выявление и анализ опасного и деструктивного контента. Ни одно ведомство не имеет такой функции или

[1] Официальный сайт «Лаборатории Касперского». URL: https://www.kaspersky.ru (дата обращения: 12.09.2023).

обязанности. Все происходит только по жалобам волонтеров. Роскомнадзор не занимается самостоятельным выявлением и поиском опасного контента, у него до сих пор нет такой функции, и по закону он работает только по запросам других ведомств. Поэтому для работы с Интернет-средой должно быть создано отдельное ведомство, поскольку Роскомнадзор явно не справляется с этой задачей.

2. Создать официальный открытый реестр деструктивного контента в интернете для защиты несовершеннолетних, который бы представлял собой общую этическую платформу, которая бы разъясняла, что у нас в стране приемлемо из контента, а что неприемлемо. При создании данного реестра привлечь профессиональные сообщества людей, которые владеют специальными знаниями, технологиями в целях осуществления ими общественного контроля и выявления деструктивного контента, оказывающего негативное влияние на несовершеннолетних.

3. Ввести в школьную программу образовательного процесса предмет «Цифровой этикет». Школа является одним из основных субъектов воспитания и развития несовершеннолетних, поэтому в связи с большим распространением киберугроз в современное время возникает необходимость обучения детей и подростков правилам поведения и обеспечения безопасности в цифровом пространстве.

Таким образом, нельзя отрицать тот факт, что обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет является одной из наиболее важных задач государства. В Интернете дети могут столкнуться с различными опасностями, такими как контент для взрослых, насилие, кибербуллинг, мошенничество и другие. Поэтому для обеспечения безопасности и защиты несовершеннолетних в онлайн-среде необходимо использовать комплексный подход предупреждения угроз, представляющих опасность для детей и подростков в сети Интернет. Такой подход предполагает привлечение общественных и образовательных организаций, использование средств массовой коммуникации, создание информационных баннеров и видеороликов, организацию образовательной активности для детей и подростков, лекции и мастер-классы по цифровой безопасности и об инструментах для борьбы с интернет-угрозами для родителей и учителей; сотрудничать с другими организациями и специалистами в области кибербезопасности.

Тимченко Павел Андреевич,
адъюнкт факультета подготовки
научных и научно-педагогических кадров
Академии Управления МВД России

Проблемы назначения судебных экспертиз на этапе проверки сообщения о преступлении

Говоря о проблемах, возникающих при назначении и проведении судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, а также придания заключению эксперта доказательственную форму необходимо отметить, что применение уголовно-процессуального законодательства в этой сфере является предметом непрекращающихся дискуссий, как среди юристов, так и среди ученых.

Судебная экспертиза по своей сути использует научно-технический прогресс для объективного исследования и доказывания обстоятельств совершенного преступления. Однако единого мнения о правовой природе, роли и правилах криминалистической экспертизы в уголовном судопроизводстве не сформировано.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. термин «экспертиза» не употреблялся. Эта деятельность описывалась как приглашение лиц, сведущих в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком – либо занятии. В качестве сведущих лиц могли быть приглашены фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой – либо службе получившими особенный опыт в определенной сфере жизнедеятельности[1].

В свою очередь в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. ввел понятие «эксперт» и «экспертиза», однако всецелого раскрытия указанных понятий в законе отсутствовало. Имелись лишь упоминание в качестве доказательств «заключения экспертов», описывались основания для вызова экспертов, а также краткие права и обязанности экспертов в ходе производства по уголовным делам[2].

И лишь в уголовно – процессуальном кодексе РСФСР 1960 года было официально закреплено положение о том, что экспертиза назначается при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве в случае возникновения необходимости специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла. При этом экспертом выступало лицо, производящее экспертизу в рамках уголовного дела.

---

[1] Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть вторая. Спб., 1866.

[2] Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об уголовно – процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно – процессуальным кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922 № 20 – 21 ст. ст. 67 - 69

Профессор М.С. Строгович определяет эксперта как сведущее лицо, специалиста в определенной области знания, привлекаемого к участию в расследовании или в судебном разбирательстве для освещения того или иного вопроса, требующего специальных познаний, а заключение эксперта как доказательство, которое следствие и суд получают в результате произведенного сведущим лицом исследования различных объектов на основе специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла[1].

До принятия Федерального закона от 04.03.2013 г. № 23 –ФЗ производство судебных экспертиз хотя такая потребность существовала в том числе по делам о незаконном обороте оружия, наркотических веществ и другие[2]. Указанным Федерального закона в статью 144 Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) были внесены изменения, позволяющие дознавателю, органу дознания, следователю и руководителю следственного органа назначать судебную экспертизу при проверке сообщения о преступлении[3] однако полноценного законодательного регулирования указанные изменения так и не получили.

Б.Я. Гаврилов, указывает на то, что правовые последствия использования результатов исследований при производстве по уголовным делам, по своей сути, остались прежними, поскольку в соответствии с ч. 1^2 статьи 144 УПК РФ если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению[4].

С указанной позицией невозможно не согласиться, так как по своей сути в настоящий момент правоприменитель, осуществляя назначение и производство судебной экспертизы, на стадии проверки сообщения о преступлении, производит действия, опасаясь и предвидя правовые последствия в виде признания заключения эксперта незаконным и (или) необоснованным. Ведь, как правило, ходатайства о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, при должной

---

[1] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография // 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2018. – С 174

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Российская Газета. 2013. 05 марта

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 29.04.2023).

[4] Гаврилов Б.Я. О некоторых проблемах использования специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 8–14.

юридической поддержке, обязательно возникнут, что по сути своей заставляет сотрудников правоохранительных органов делать «двойную работу», а это уже влечет за собой потерю времени, затягивание производства по уголовному делу и нецелесообразное расходование средств Федерального бюджета.

С.А. Шейфер, выражая свою позицию, касаемо принятия ФЗ № 23 считает эти нововведения не только изменяющими смысл стадии возбуждения уголовного дела, ориентируя органы расследования на достоверное (а не на вероятное, как было раньше) установление состава преступления (не ограничиваясь установлением признаков преступления), но и практически смещают центр тяжести доказывания с предварительного расследования на стадию возбуждения уголовного дела[1].

Рассматривая указанную позицию, следует все же добавить, что вышеуказанный Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23 –ФЗ своим введением позволил правоприменителю получить возможность всесторонне и объективнее проводить предусмотренную статьями 144 – 145 УПК РФ проверку сообщения о преступлении, что отражается прежде всего на уровне и качестве проводимых расследований по преступлениям экономической направленности (к примеру производство судебной бухгалтерской экспертизы), а также дорожно – транспортным преступлениям (к примеру производство судебной – автотехнической и судебно – медицинской экспертиз).

Однако следует учитывать и тот факт, что неразрешенная проблема назначения и производства судебных экспертиз на этапе проверки сообщения о преступлении влечет за собой в будущем затягивание общих сроков расследования преступлений, что является попустительством к нарушению прав граждан на доступ к правосудию, представленному им статьей 46 Конституции Российской Федерации[2].

Примером может послужить Определение Конституционного суда Российской Федерации № 2098-О от 22 сентября 2022 года, в котором рассматривается жалоба гражданина Песоцкого И.О. на нарушение его конституционных прав ч.ч. 3 и 4 ст. 195, ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 206 УПК РФ, а именно в процессе которой оспаривается конституционность вышеуказанных положений УПК РФ, в части назначения и производства судебных экспертиз, а именно Песоцким И.О. приводятся доводы о нарушении его прав при производстве проверки сообщения о преступлении, в котором он выступал в качестве заявителя и

[1] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография // 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА М, 2018. С 174.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Гарант».

при этом должным образом не был ознакомлен с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта[1].

Изучив указанное определение мы приходим к выводу о том, что в настоящий момент законодательство уголовно – процессуального комплекса в части регламентации обеспечения прав и законных интересов участников на стадии проверки сообщений о преступлении имеет довольно глубокие пробелы.

Вопросы законодательного регулирования при назначении и производстве судебных экспертиз на этапе проверки сообщения о преступлении может повлечь за собой необъективное толкование и неверное определение буквы закона, что может вызвать за собой компрометацию добросовестности расследования преступлений, в связи с чем законодателю необходимо обратить свое внимание на вышеуказанные проблемы.

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 22 сентября 2022 г. № 2098-О. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision639969.pdf (дата обращения: 29.04.2023).

Умярова Регина Рушановна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России

Правила производства предварительного судебного контроля за гласными и конфиденциальными следственными действиями

Рассмотрение особенностей предварительного судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ, дает нам основание в методологических и практических целях разделить следственные действия на две подгруппы. Критерий дифференциации в данном случае поставлен в зависимость от возможности участия подозреваемого/обвиняемого, защитника и иных заинтересованных лиц в судебном заседании для обоснования своей позиции: конфиденциальные (закрытые) и гласные (очевидные)[1].

Есть целый ряд следственных действий, которые изначально носят тайный конфиденциальный характер, о планировании производства которых a priori не могут быть уведомлены заинтересованные лица, поскольку впоследствии сам факт их реализации потеряет всякое доказательное значение, как и итоговый результат. Будучи заблаговременно извещенными, участники уголовного судопроизводства и иные заинтересованные лица смогут предпринять определенные действий (уничтожить, спрятать вещественные доказательства по делу, необходимые документы и т. п.), которые могут помешать эффективному производству следственного действия или нивелировать доказательственное значение итоговых его результатов.

Гласный характер по смыслу ч. 1-4 ст. 165 УПК РФ имеет только процессуальное действие по реализации, утилизации, уничтожению вещественных доказательств (вопрос разрешается на состязательной основе). В законе прямо говорится о том, что в судебном заседании имеет право присутствовать и сторона защиты, и сторона обвинения. Неявка сторон по неуважительной причине не представляет препятствий для рассмотрения ходатайства судьей. Обязательным является уведомление заинтересованных участников уголовного судопроизводства о времени, дате и месте проведения судебного заседания. Однако предметом нашего исследования являются только следственные действия.

К гласным мы относим:

[1] Умярова Р.Р. Отдельные аспекты осуществления судебного контроля за следственными действиями // Актуальные вопросы юриспруденции: материалы IX Международной студенческой научно-практической конференции. Душанбе: РТСУ, 2022. С.43–47.

осмотр жилища при отсутствии (письменного, добровольного) согласия хотя бы одного проживающего в нем лица (ст. 176-177 УПК РФ);

осмотр в отношении адвоката (ст. 450^1 УПК РФ);

эксгумация трупа при отсутствии согласия родственников (ст. 178 УПК РФ);

помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства стационарной судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ).

К конфиденциальным следственным действиям, контролируемым судом в порядке ч. 1-4 ст. 165 УПК РФ, относятся следующие:

обыск в жилище (ст. 182 УПК РФ);

обыск в отношении адвоката (ст. 450^1 УПК РФ);

личный обыск, за исключением ситуаций, предусмотренных ст. 93 УПК РФ (ст. 184 УПК РФ);

выемка в жилище/ ...заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи/ ...предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую ФЗ тайну/ ...предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях (ст. 183 УПК РФ);

выемка в отношении адвоката (ст. 450^1 УПК РФ);

наложение ареста на корреспонденцию, ее осмотр и выемка в отделениях связи (ст. 185 УПК РФ);

контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ);

получение информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186^1 УПК РФ).

Проанализировав нормы законодательства, постановления Пленума Верховного Суда РФ мы последовательно выстроили общий порядок производства предварительно судебного контроля, выделяя особенности гласных и конфиденциальных следственных действий:

1. Подготовка следователем, дознавателем постановления о возбуждении перед судом ходатайства о производстве конкретного (гласного/ конфиденциального) следственного действия. Данный документ имеет стандартное трехчленное строение. Вводная часть содержит его наименование, время и место составления, кем и по какому делу оно вынесено. Описательно-мотивировочная, как основная часть, включает краткое содержание фабулы уголовного дела, мотивированное обоснование производства испрашиваемого следственного действия, ссылка на нормы УПК РФ; резолютивная часть постановления состоит из решения должностного лица возбудить перед судом ходатайство о производстве данного следственного действия, место его производство и какие результаты в ходе его осуществления он хочет достигнуть. Указывает наименования суда, к которому обращено ходатайство. Подписывается документ лицом, его вынесшим.

2. Подготовка должностным лицом соответствующих документов в обоснование производства необходимого следственного действия (копии постановлений: о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, о продлении срока предварительного расследования, о возобновлении производства по уголовному делу, о привлечении в качестве подозреваемого/обвиняемого; копии протоколов отдельных следственных действий (которые указывают на необходимость производства желаемого следственного действия); иные материалы, подтверждающие наличие оснований для его производства). Все необходимые копии должны быть соответствующим образом заверены.

3. Получение следователем/ дознавателем согласия руководителя следственного органа или прокурора, соответственно, на внесение ходатайства о производстве истребуемого следственного действия в суд. Соответствующие данные о руководителе следственного органа (наименование органа прокуратуры, классный чин, данные прокурора), давшего согласие на возбуждение ходатайства перед судом о производстве следственного действия, и его резолюция фиксируются в верхней части постановления.

Применительно к этому элементу процессуальной формы судебного контроля возникает вопрос, у кого должен получать разрешение на внесение ходатайства в суд (ч. 1-4 ст. 165 УПК РФ) руководитель следственного органа, если он принял уголовное дело к своему производству. В Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 указано, что при вынесении перед судом ходатайства о производстве следственного действия самостоятельно руководителем следственного органа (в чьем производстве находится уголовное дело), согласия вышестоящего руководителя не требуется. Кажется, что такой подход является рациональным (так как сокращаются сроки получения судебного решения), однако это противоречит общему правилу получения согласия на передачу ходатайства в суд. Положения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, не соответствуют законодательным установкам, предусмотренным в УПК РФ (ч.1 ст.165, ч.2 ст.39 УПК РФ). Верховный Суд РФ при самостоятельном возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа или принятии им уголовного дела к своему производству наделяет данный субъект и процессуальными полномочиями следователя, и административными – руководителя, что противоречит ч.2 ст.39 УПК РФ.

Поэтому считаем, что принятие руководителем следственного органа на себя функций следователя – не должно освобождать его от получения исследуемого согласия вышестоящего руководителя следственного органа. В соответствии с чем, на наш взгляд, необходимо редактировать положение пункта 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 и отразить его в следующем формате «В тех случаях, когда ходатайство о

производстве следственного действия возбуждено перед судом непосредственно руководителем следственного органа, принявшим уголовное дело к своему производству, требуется получение согласия руководителя вышестоящего следственного органа на направление ходатайства в суд».

4. Внесение ходатайства следователем в районный суд по месту производства предварительного следствия, либо по месту реализации следственных действий (по собственному выбору, что подтверждается позицией Конституционного Суда[1]).

5. Принятие ходатайства и его регистрация в суде с указанием времени его получения. Срок рассмотрения ходатайства судом – 24 часа с момента получения. В случае несоответствия ходатайства и материалов требованиям УПК РФ, препятствующим его рассмотрению – судья возвращает постановление должностному лицу, вынесшему данный документ, с мотивированным указанием на допущенные нарушения требованиям УПК РФ. При несоответствии правилам подсудности – судья выносит постановление об отказе в его принятии со ссылкой на данное основание[2].

6. Судье необходимо заблаговременно уведомить о дате и времени судебного заседания для рассмотрения ходатайства следователя/ дознавателя и прокурора. При рассмотрении ходатайства о помещении обвиняемого, не содержащегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар (п.16 ч.4 ст.47 УПК РФ) суд обязан уведомить его о месте, дате и времени судебного заседания. Относительно иных гласных следственных действий законодатель не предусмотрел обязанность суда по уведомлению заинтересованных лиц, что является одной из серьезных проблем судебного контроля. Хотя сторона защиты так же имеет право участвовать при рассмотрении ходатайств о производстве гласных следственных действий. При своевременном извещении неявка лиц не является препятствием для проведения судебного заседания. Поэтому, по нашему мнению, законодателю необходимо внести изменения в действующие нормативные акты для урегулирования судебной практики.

При рассмотрении судом ходатайства о производстве негласного следственного действия заинтересованные лица, соответственно, не должны быть уведомлены и в принципе знать о таком судебном заседании. Конституционный Суд РФ, верно оценив ситуацию, также подтверждает

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2671-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // СПС «КонсультантПлюс».

данную позицию и отмечает, что: «Рассмотрение судом вопросов, связанных с проведением в стадии предварительного расследования следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, еще не является судебным разбирательством по существу уголовного дела, в связи с чем требования открытости, гласности и состязательности сторон в этом производстве могут быть реализованы не в полной мере. В противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл»[1].

7. Постановление о возбуждении ходатайства о производстве гласного следственного действия рассматривается в открытом судебном заседании единолично судьей при участии заинтересованных лиц.

Подготовительная часть состоит из объявления судьей сущности ходатайства, разъяснения прав и обязанностей сторон, присутствующих на заседании, предоставление возможностей ознакомления с поступившими следственными материалами. Далее субъект, возбудивший ходатайство (при его участии), приводит обоснования необходимости производства рассматриваемого следственного действия, ссылаясь на предоставленные материалы. Судья исследует ходатайство на предмет законности и обоснованности. Он проверяет соблюдение требований УПК РФ, наличие фактических оснований для осуществления гласного следственного действия, изучает предоставленные материалы. Кроме того, судья акцентирует внимание на подсудность внесенного ходатайства, в чьем производстве находится дело, контролирует наличие согласия руководителя следственного органа или прокурора. В случае расследования уголовного дела следственной группой или группой дознавателей – кем предоставлено постановление (данное полномочие возложено только на руководителя группы). Далее судья заслушивает позиции всех участников судебного заседания, мнение прокурора, проводятся прении сторон, после чего удаляется в совещательную комнату для вынесения судебного постановления.

Постановление о возбуждении ходатайства о производстве конфиденциального следственного действия рассматривается в закрытом судебном заседании единолично судьей при участии следователя/ дознавателя и прокурора (по их желанию).

Первоначально судья объявляет о сущности ходатайства, разъясняет права и обязанности участвующей стороне обвинения. Прокурор, следователь/ дознаватель, возбудивший ходатайство (при его участии),

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 № 124-О // СПС «КонсультантПлюс».

обосновывает необходимость производства конкретного следственного действия, ссылаясь на представленные материалы по делу. Судья исследует ходатайство на предмет законности и обоснованности. Он проверяет соблюдение требований УПК РФ, наличие фактических оснований для осуществления конфиденциального следственного действия, изучает предоставленные материалы. После заслушивания мнения прокурора судья удаляется в совещательную комнату для вынесения постановления.

8. По итогам анализа ходатайства, представленных материалов и позиций участников судебного заседания судья выносит одно из следующих решений:

постановление о разрешении производства испрашиваемого следственного действия;

постановление об отказе в производстве следственного действия (с указанием причин отказа).

Постановление суда должно соответствовать требованиям законности, обоснованности и содержать мотивированное решение по сути запроса (обозначив повод ходатайства, доводы и возражения сторон, доказательства, на которых основывается решение суда, результат рассмотрения ходатайства и извещение заинтересованных лиц) [1]. Изготавливается указанный документ минимум в четырех экземплярах: для материалов судебно-контрольного производства, для материалов уголовного дела, для заинтересованных участников уголовного процесса и для надзорного производства прокурора. Решение суда вступает в законную силу немедленно после его провозглашения. В данном случае мы имеем дело с легальной процессуальной фикцией, при которой законодатель, с одной стороны, допускает обжалование такого судейского решения (гл. 45^1 УПК РФ); с другой – указывает, что они вступают в законную силу и исполняются немедленно. Мы вынуждены согласиться с законодателем, потому что обычный процесс обжалования в данном случае может привести к потере целесообразности производства испрашиваемого следственного действия.

Тем самым, мы подробно описали всю последовательность осуществления предварительного судебного контроля и выявили проблему, связанную с уведомлением заинтересованных лиц о месте, дате и времени судебного заседания при рассмотрении ходатайств следователя/ дознавателя на производство гласных следственных действий, требующих судебного контроля в соответствии со ст.165 УПК РФ.

[1] Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 255 с.

Усмонов Иброхим Сироджиддинович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Общественная опасность деяния и его элементы

О важности действий (бездействий) для правовой оценки поведения человека в свое время довольно четко высказался К. Маркс, который писал: «Помимо своих действий, я не существую для закона, не являюсь объектом его действия. Мои действия - это единственная область, где я непосредственно сталкиваюсь с законом, поскольку действие – это то единственное, для чего я требую права своего существования, права бытия в действительности, и в силу чего я, тем самым, подпадаю под власть действующего права»[1]. С таким подходом нельзя не согласиться.

Мы можем лишь добавить, что сама сущность общественной опасности деяния, предполагает социально-правовую оценку действий (бездействий) деятеля, что является дополнительным аргументом для отнесения действий (бездействий) деятеля к элементу структуры общественной опасности деяния как материального источника этой опасности. Что же касается характеристик самого понятия «действие (бездействие)», то в литературе по этому поводу нет серьезных расхождений, и поэтому затронем лишь ряд аспектов (помимо отмеченных выше).

Действие в уголовном праве как правило рассматривается как форма внешнего волевого поведения человека (действие или бездействие), представляя собой некое физическое телодвижение, направленное на выполнение определенной цели, либо совокупность телодвижений, которые объединяются единой целью, связанной с причинением вреда охраняемым законом общественным отношения[2]. Как отмечает А.Н. Трайнин, «действие» и «бездействие» по самому смыслу данных слов означают не просто мускульное движение или его отсутствие, а поступок, то есть нечто такое, в чем принимают участие сознание и воля[3]. Р.О. Вереша считает, что действие в уголовном праве есть юридически значимый поведенческий акт[4]. Некоторые авторы, полагают, что в это понятие следует также включать иные воздействия, используемые для достижения указанной цели, в частности, работа механизмов, влияние природных явлений и т. д. Ряд исследователей полагают, что понятием

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 15.

[2] Курс уголовного права. Общ. часть. Т. 1 / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 226.

[3] Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому головному праву. М., 1951. С. 183.

[4] Вереша Р.О. Уголовное право Украины. Киев, 2008. С. 49.

«действия» охватывается и телодвижения малолетних и иных лиц, не подлежащих уголовной ответственности, которые использует виновный для достижения преступной цели[1].

Как отмечается в литературе, общественно опасное деяние, будучи разновидностью поступков индивидов, должно обладать прежде всего всеми признаками в психологическом плане, а точнее здесь выделяется социально значимая оценка действий человека; физиологическую их основу составляет активное телодвижение или торможение активности, воздержание от активных действий при бездействии (в совокупности психофизиологическая вербальная активность лежит в основе таких деяний, как угроза убийством и т. д.), а физическая активность есть не что иное как механическое воздействие на предмет посягательства (возможно сочетание вербального и механического воздействия, например, при хулиганстве) [2] . Соответственно бездействие – это пассивная форма поведения человека, которая заключается в уклонении его от выполнения определенных телодвижений, которые данный субъект обязан был и имел для этого возможность совершить. Деяние всегда есть результат интеллектуально-волевого проявления любого человека, и соответственно указанные выше элементы, которые в литературе добавляются в понятие «действие», не меняют сути нашей позиции, поскольку эти элементы являются вторичными (вспомогательными) к главной составляющей любого действия, а именно интеллектуально-волевой составляющей, то есть, здесь мы основываемся на точке зрения В.Н. Кудрявцева: в уголовно-правовом смысле «действие человека ограничивается исключительно сознательным телодвижением» [3] . Соответственно бессознательное телодвижение не может рассматриваться как действие; так, толкнуть человека при неловком движении – это не значит совершить действие; если же ударить по плечу – это значит совершить действие, но не совершить деяния, а в вот ударить кулаком по лицу – это значит совершить действие, являющееся деянием.

Что касается последствий деяния, то в литературе на этот счет мнения довольно сильно разнятся. Так, А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков полагают, что преступные последствия есть преступный результат любого общественно опасного деяния. С другой стороны, некоторые авторы полагают, что под последствием преступления следует понимать социально вредное изменение охраняемых законом отношений, однако не любое, а причиненное неосторожным поведением субъекта, либо

---

[1] Уголовное право Рос. Федерации. Общ. часть. Практикум / под ред. А.С. Михлина. М., 2004. С. 114.

[2] Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая социальная и юридическая психология. Краткий энцикл. словарь. М., 1997. С. 59.

[3] Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1960. С. 78.

наступившее от произведенного данным субъектом преступного результата[1]. Вместе с тем, имеется и доминирующая позиция, которой мы и придерживаемся, суть которой заключается в том, что общественно опасные последствия представляют собой такие изменения объекта уголовно-правовой охраны, которые имеют объективно вредный характер и которые возникают в результате общественно опасного действия (бездействия»)».

При этом мы считаем, что общественно опасное действие (бездействие) с неизбежностью влечет за собой общественно опасные последствия – если таких последствий нет, то нет, собственно, и общественно опасного деяния. Мы полагаем в этой связи, что выделять общественно опасные последствия как самостоятельный элемент действий (бездействий) нецелесообразно, соответственно общественно опасные последствия не могут быть включены и в структуру общественной опасности.

Одновременно мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о включении в структуру общественной опасности: а) характера общественной опасности и б) степени общественной опасности. Оба эти понятия («характер общественной опасности» и «степень общественной опасности») и вытекающие из них смежные понятия достаточно активно используется законодателем в Общей части УК РФ (ст. 6, 15, 20, 21, 22, 37, 38, 39, 47, 60, 63, 68, 73, 81). Однако законодательного толкования данных понятий не имеется, а доктринальное толкование имеет достаточно большой разброс мнений, и во многом противоречиво, что требует уточнения данных аспектов, характеризующих общественную опасность деяний.

Наиболее сильно это проявляется, если иметь в виду характер общественной опасности. Так, одни авторы полагают, что таковой определяется посредством правового отражения меры опасности вида посягательства [2], другие авторы характер общественной опасности «привязывают» к той главе уголовного закона, где содержится оцениваемый состав преступления [3], третьи определяют характер общественной опасности исходя из принадлежности оцениваемого преступления к группе преступлений того или иного вида (хищения чужого имущества, причинение вреда здоровью и т. д.)[4]. По мнению О.А. Михаля и Н.А. Черемновой, основным признаком характера общественной опасности (вредности) являются качественные, объективно существующие изменения в общественных отношениях, то есть осуществление

[1] Назаренко Г.В. Уголовное право. Общая часть. М.: «Ось-89», 2008. С. 39.

[2] Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 123.

[3] Карпец И.И. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 253.

[4] Бушуев И.А. Исправительные работы. М., 1968. С. 77.

преступного посягательства на объект уголовно-правовой охраны, соответственно характер общественной вредности – это качественное отражение общественной вредности; признаком характера общественной вредности, помимо ценности объекта посягательства, является также форма вины. Н.Ф. Кузнецова полагала, что характер общественной опасности определяет ее качественное состояние[1].

А.В. Арендаренко в этой связи приводит такой пример: вандализм отличается от хулиганства по характеру общественной опасности[2]. Довольно распространенной является точка зрения, согласно которой характер общественной опасности деяния (качественная характеристика) определяется соответствующим родовым и видовым объектами посягательства, и в зависимости от характера общественной опасности деяния указанные в Особенной части УК РФ преступления подразделяются на главы и разделы[3], то есть характер общественности позволяет дифференцировать объекты преступных посягательств.

Говоря о степени общественной опасности. Н.Ф. Кузнецова отмечала, что степень общественной опасности заключает в себе «количество опасности преступления для общества»[4]. Упомянутый выше А.В. Арендаренко, отмечает, что два конкретных акта вандализма, которые совершаются различными лицами при различных обстоятельствах, друг от друга отличаются как раз по степени общественной опасности, и это при назначении наказания должен учесть суд[5]. Ю.А. Демидов предлагает степень общественной опасности определять через показатель ценности объекта уголовно-правовой охраны – «степень ценности объекта при прочих равных условиях определяет степень общественной опасности посягательства на него, и чем ценнее объект, тем более опасным при прочих равных условиях является преступное посягательство на него»[6]. Такая позиция является доминирующей.

Но есть и другие мнения – в частности, к признакам степени общественной опасности относят тяжесть последствий и способ совершения преступлений[7]. С последним трудно согласиться, поскольку способ совершения преступления можно полагать и признаком характера общественной опасности деяния.

---

[1] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 69.

[2] Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в системе уголовного права Российской Федерации // Адвокат. 2007. № 5. С. 18.

[3] Антонов Ю.И. и др. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: судебно и научное толкование / Под ред. проф. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2014. С. 37.

[4] Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 69.

[5] Арендаренко А.В. Указ. работа. С. 18.

[6] Демидов Ю.А. Указ. работа. С. 74.

[7] Михаль О.А., Черемнова Н.А. Указ. работа. С. 66.

Нельзя в этом контексте не затронуть некоторые положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[1], где Верховный Суд РФ ведет речь о характере и степени общественной опасности преступления, то есть уже о совершенном преступном посягательстве, в то время как предмет нашего анализа – характер и степень не преступления, а общественно опасного деяния, которое рассматривается к контексте правового регулирования, а не в контексте правоприменительной практики. Соответственно те признаки, которые даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в отношении «преступления», причем уже совершенного, не могут в полной мере относиться к общественной опасности деяния как элемента правовой конструкции (модели) преступления.

В связи с тем, что данное обстоятельство, не всегда учитывается, имеют место противоречивые суждения в доктринальном толковании рассматриваемой проблематики. Так, В.Е. Батюкова пишет о том, что степень общественной опасности уголовно наказуемого хулиганства и соответствующего административного проступка определяется именно характером действий, которые совершает виновны[2]. Здесь явно неоправданно смешиваются термины «степень» и «характер» общественной опасности деяния. По мнению Ю.И. Попугаева, размер административных наказаний и аналогичных им уголовных наказаний следует дифференцировать с учетом степени общественной опасности деяний[3]. А.К. Зебницкая пишет о том, что уголовно-правовая политика, предопределяя принципы и содержание уголовного законодательства, дает основания для «ранжировании преступных деяний по степени общественной опасности»[4]. По поводу данных суждений возникает вопрос: а как же тогда быть с «характером» общественной опасности? А.Э. Жалинский полагает, что лишь совокупность показателей (как нормативных, так и не предусмотренных нормой) должна указывать правоприменителю как на характер, так и на степень общественной опасности деяния[5]. Но конкретизации такой совокупности показателей не

---

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // «КонсультантПлюс».

[2] Батюкова В.Е. Общественная опасность хулиганских действий: проблемы реализации уголовного законодательства // Новый юридический журнал. 2014. № 1. С. 151.

[3] Попугаев Ю.И. О необходимости дифференциации размеров административных и аналогичных уголовных наказаний с учетом степени общественной опасности деяний // Административное право и процесс. 2014. № 2. С. 43–46.

[4] Зебницкая А.К. Уголовная политика современной России и международные стандарты // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 29.

[5] Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 372.

приводится. По мнению К.К. Головнева, при определенных обстоятельствах возможно «понизить характер общественной опасности противоправных деяний» [1] (возможно, здесь оговорка, и автор хотел сказать о снижении не «характера», а «степени», но тем не менее фраза именно такая).

В целом, следует заметить, что понятия «характер» и «степень» общественной опасности нередко используются как взаимозаменяемые, причем далеко не всегда уточняется, о чем идет речь – об общественной опасности «деяния» или «преступления». При этом доминирующим является следующий подход. Характер общественной опасности зависит прежде всего от значимости объекта посягательства и представляет собой качественную характеристику. Например, посягательства на собственность с применением насилия (разбой) по характеру опасности более значимы, чем, например, без применения насилия (кража). В первом случае имеет место посягательство на здоровье потерпевшего и его собственность, то есть на две группы общественных отношений, а не на одну собственность, как при краже. Степень же общественной опасности находится в зависимости от многих факторов и является количественной характеристикой, на которую влияют характер и величина ущерба, форма вины, способы, стадия совершения преступления и т. п.[2] (о недостаточной четкости такого подхода свидетельствует и смешение терминов – «характер деяния», «характер ущерба» и др.).

В результате в теории уголовного права, как справедливо отмечает Ю.И. Кулешов, возникают серьезные проблемы по вопросу построения санкций, например, расхождения в санкциях однородных преступлений, неоправданно большие различия в санкциях за смежные составы преступлений, завышенные или, наоборот, заниженные санкции за деяния, не соответствующие их истинному характеру и степени опасности, взаимная рассогласованность санкций между собой. Между тем требование адекватности предполагает непосредственную взаимозависимость качественного и количественного критериев общественной опасности деяния, их соответствия пределам наказуемости и соответственно необходимо оценивать «подлинную степень общественной опасности конкретного вида деяния и закреплять ее в санкции уголовно-правовой нормы»[3].

Из спектра этих проблем мы локализует только один аспект, связанный с методологией уголовно-правовой оценки общественной

---

[1] Головнев К.К. О некоторых особенностях назначения наказания несовершеннолетним // Судья. 2014. № 6. С.19–23.

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. проф. В.М. Лебедева. М., 2013. С. 46.

[3] Ляпунов Ю. Российское уголовное законодательство: резервы совершенствования // Уголовное право. 2002. № 2. С. 49.

опасности деяния. Как представляется, действующая методология («характер и степень общественной опасности») не в полной мере обеспечивает адекватную оценку деяния. Мы полагаем, что признаков для оценки общественной опасности деяния должно быть немного, учитывая, как мы показали, имеющееся смешение этих терминов при их использовании как в теории уголовного права, так и в судебной практике. Так, в приведенном выше примере (разбой и кража) при описании характера общественной опасности речь все равно сводится к количественному критерию (при разбое посягательство на 2 объекта, а при краже на 1 объект). При описании степени общественной опасности количественный критерий по определению выходит на первый план.

В этой связи Р.Р. Галиакбаров предлагает ввести такое понятие, как «уровень общественной опасности», что позволяет избежать путаницы с терминами «характер» и «степень» общественной опасности, при этом уровень общественной опасности следует обозначать на этапе, предшествующем криминализации деяния, то есть, когда определяется вопрос о том, каким общественно опасным деяниям, случающимся в обществе, следует противодействовать средствами уголовного закона[1]. Однако такое предложение, как представляется, пойдет вразрез с уже установившейся терминологией и соответствующими понятиями. Мы полагаем, что, учитывая, что «общественно опасное деяние» является структурным элементом «преступления», нецелесообразно для каждого из этих понятий устанавливать одинаковое наполнение характера и степени общественной опасности, а поскольку понятие «преступление» шире понятия «общественно опасное деяние», то, соответственно для «преступления» мы допускаем сложившееся в практике (но не однозначное – данный аспект мы не рассматриваем) использование оценки в виде «характера общественной опасности преступления», куда также по привычной практике могут включаться отмеченные выше критерии «характера» (объект посягательства, способ совершения и др.).

Вместе с тем для «деяния» его уголовно-правовая оценка в виде «характера общественной опасности деяния» представляется излишней, поскольку «деяние», будучи объективированным результатом «действия (бездействия)», в уголовно-правовом смысле более нейтральное понятие. Кроме того, не менее важным аргументом мы полагаем то обстоятельство, что «характер» деяния находит свое отражение в «степени» его общественной опасности. Например, тот же разбой по принятой уголовно-правовой оценке «характера деяния» посягает на два объекта уголовно-правовой охраны (собственность + здоровье), в связи с чем он более опасен, чем кража (посягательство на один объект) – но этот «характер» уже учитывается в «степени общественной опасности деяния», то есть в

[1] Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 2005. С. 83.

санкции за данное деяние, где разбой наказывается значительно строже, чем кража, а все уголовно-правовые санкции имеют количественную составляющую, и тогда возникает вопрос о том, зачем говорить о «характере», если то, что описывается «характером», уже заложено в «степень»? Таким образом, понятие «характер общественно опасного деяния» представляется излишним.

Таким образом, в структуру общественной опасности деяния как уголовно-правовой категории предлагается включать два элемента: а) действие (бездействие) как материальный источник общественной опасности деяния; б) степень общественной опасности деяния как ее количественную оценку.

Хагур Юрий Аскерович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности личности преступника, совершившего самоуправство

Криминологическая картина конкретного вида преступности неразрывным образом связана с характеристикой личности соответствующего преступника. Во многом именно личность преступника является узловым аспектом, исходной отправной точкой для выработки мер предупреждения преступлений определенного вида. Человек – деятель, руками и поступками которого совершается преступление, что позволяет признать за ним ведущую роль в развитии механизма преступного деяния. При этом признаки личности преступника отличаются в зависимости от видов преступности. Совершенно очевидно, что, например, личность насильственного преступника кардинально отличается от личности коррупционера. Выявление особенностей личности преступника применительно к конкретному виду преступления выступает предпосылкой для разработки адекватных мер противодействия. Безусловно имеется собственная специфика в обозначенном ракурсе при совершении преступления в виде самоуправства, которое отличается рядом уникальных признаков, например, это преступление, по сути, не имеет смежных деяний.

В юридической литературе личность преступника определяется как «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата»[1].

Как видно, личности преступника присущи проявления ряда наклонностей, во многом обусловливающих криминальное поведение. И именно данные моменты образуют личность преступника, поскольку она складывается исключительно из тех характеристик, которые находятся в причинно-следственной взаимосвязи с последующим совершением преступления.

[1] Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. С. 16.

Говоря о конкретных группах характеристик личности преступника, традиционно выделяются социально-демографические, социально-психологические и нравственно-психологические признаки[1].

Применительно к преступлению в виде самоуправства выделяются следующие особенности личности преступника. Что касается социально-демографических признаков, то при самоуправстве они находят следующее выражение. В подавляющем большинстве случаев (88%) виновными в совершении самоуправства признавались лица мужского пола. Объясняется это во многом тем, что самоуправство зачастую связано с экономической, хозяйственной деятельностью, в которую традиционно в большей степени вовлечены мужчины. Кроме того, отчетливой особенностью самоуправства является то обстоятельство, что это осознанный обход установленного законом порядка разрешения гражданско-правового конфликта. То есть это явно выраженное правонарушающее поведение, которое в большей степени присуще лицам мужского пола, нежели женщинам.

Возрастная характеристика преступника, совершившего самоуправство, сводится к тому, что преобладающая доля таких преступников приходится на возрастную когорту 30–39 летних (74%). В этом возрасте люди зачастую характеризуются не просто высокой экономической и социальной активностью, что, например, присуще и для возрастной категории 20–29 лет, но и определенным уровнем достигнутых успехов. В данном возрасте молодые люди становятся собственниками дорогостоящего движимого и недвижимого имущества. То есть, условно их можно обозначить как возрастную категорию, уже достигшую относительного благосостояния, но при этом абсолютно неготовую отказаться от материального воплощения своих успехов. В таком возрасте молодые люди готовы отступить от требований закона в целях скорейшего разрешения возникшего гражданско-правового конфликта.

Примечательно, что квалифицированный вид самоуправства, отличающийся фактом применения насилия для достижения соответствующих преступных целей, более присущ лицам в возрасте 30–34 лет (67%), чем лицам 35–39 лет. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, такая особенность предопределена большей склонностью к насилию молодого поколения, чем лиц постарше.

Образовательный уровень лиц, совершивших самоуправство, как правило, отличается преобладанием высшего образования. Результаты изученных нами материалов уголовных дел демонстрируют, что 70% соответствующих преступников имели высшее образование. Как представляется, этот фактор коррелирует с уровнем вовлеченности

[1] См.: Терехов А.Ю. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступление, предусмотренное ст. 200^3 УК РФ // Российский судья. 2022. № 5. С. 32–36.

субъектов в экономическую, хозяйственную деятельность. При этом анализируемые преступники часто являются не рядовыми работниками, а лицами, достигшими определенного положения по карьерной лестнице или же эффективными предпринимателями.

Также в плоскости образовательного уровня лиц, виновных в совершении самоуправства, обращает на себя внимание тот факт, что насильственное самоуправство присуще больше лицам со средним или средне-специальным образованием. Полагаем, что это общее для многих других насильственных преступлений качество. К насильственному способу разрешения социального конфликта чаще прибегают менее образованные лица.

Рассмотрение вопросов наличия судимости у преступников, совершивших самоуправство, показывает, что она присутствовала у 28% лиц. Такой относительно высокий уровень подчеркивает тот факт, что ранее такие лица уже совершали преступления и другие противоправные поступки, почему они и не гнушаются сравнительно незначительными отступлениями от требований закона, считают их приемлемым способом разрешения социального конфликта.

В свою очередь изучение категории лиц, не имевших судимость при совершении самоуправства, демонстрирует, что многие из них полагали возможным избежание уголовной ответственности по причине относительно низкого уровня общественной опасности самоуправства, затрагиванием в результате такого преступления лишь интересов конфликтующих сторон.

Одновременно в части судимости имеются другие данные по насильственным случаям самоуправства. Эти преступления характеризуются большим процентом их совершения лицами, имеющими судимость (44%). В этом контексте также является приемлемым, на наш взгляд, правило, согласно которому для насильственных преступлений характерна высокая доля рецидива.

Анализ трудовой занятости преступников, совершивших самоуправство, свидетельствует, что в подавляющем большинстве это трудоустроенные лица, в том числе предприниматели (85%). Лица, совершающие изучаемое преступление, характеризуются достаточно высоким уровнем достатка, они являются собственниками имущества, которое активно вовлекается в экономический оборот и в последующем становится предметом гражданско-правовых споров, перерастаемых в правовой конфликт уголовно-правового характера.

Незанятые, безработные лица, совершающие самоуправства обычно выступают посредниками между спорящими и конфликтующими сторонами, не имеющими личного непосредственного интереса в разрешении сложившихся между сторонами противоречий.

Рассмотрение семейного положения лиц, виновных в совершении самоуправства демонстрирует, что большинство таких преступников состояли в браке (70%). Как правило, это довольно благополучные люди, имеющие семьи. Это лица с активной жизненной позицией, весьма вовлечены в позитивные социальные процессы, воспитывают детей, характеризуются по месту жительства весьма положительно.

Преступники, совершающие самоуправство, как правило, не имеют значимых психических отклонений и не являются потребителями наркотических, сильнодействующих или психотропных средств. Изученные материалы показали, что психические отклонения имели не более 5% осужденных за самоуправство. Их вовлеченность в потребление наркотиков и иных запрещенных веществ также отличается очень низким уровнем – 4%.

Говоря о нравственно-психологических особенностях преступников, совершивших самоуправство, то они могут быть охарактеризованы следующими аспектами. Во-первых, это высокий уровень правового нигилизма, нежелания решения гражданско-правовых конфликтов законными средствами и строго в юридической плоскости. Нередко такие лица имели негативный опыт обращения к правосудию, когда вследствие волокиты и длительности разрешения гражданско-правовых споров они не заканчивались успехом для заявителя, как минимум в части фактического исполнения судебных решений. Неверие в эффективность правосудия характерно для многих лиц, виновных в совершении самоуправства.

Во-вторых, преступники, совершившие самоуправство, характеризуются стремлением к быстрому разрешению конфликтов. В противовес законному способу, самоуправство фактически приводило виновных к очень быстрому и нужному для них эффекту.

Изложенные характеристики личности виновного в совершении самоуправства, выступают предпосылками для выработки мер предупреждения данных преступлений. Однако это не единственное направление практического использования сведений о личности преступника. Фактические данные о личности конкретного преступника обладают не только криминологическим значением, но и учитываются при назначении наказания.

Как пишет А.С. Горелик, «данные о личности, не отразившиеся в содеянном, оказывают настолько сильное влияние на размер наказания, что этот размер более соответствует личности, а не содеянному. Положительные свойства личности могут привести к назначению не только минимального наказания, но и к его назначению ниже низшего предела, условному осуждению, отсрочке исполнения приговора и т. д.

Отрицательные свойства личности могут повлечь назначение наказания более строгого, чем то, которое соответствовало бы содеянному»[1].

Таким образом, основываясь на результатах проведенного нами исследования материалов уголовных дел можно сделать следующие выводы, что для преступления в виде самоуправства указанные аспекты являются особенно значимыми. Криминологический портрет лица, совершившего самоуправство, зачастую представлен весьма положительными характеристиками лица, вносящего значительный позитивный вклад в социальные процессы. Это эффективный работник, успешный управленец, предприниматель, семьянин. И строгое наказание подобных субъектов не отвечает целям уголовного правосудия. В свою очередь, преступники, отличающиеся по многим параметрам от типичного субъекта самоуправства, в том числе, совершившие его насильственную разновидность, подвергаются более строгому наказанию.

[1] Горелик А.С. Взаимоотношение обстоятельств, влияющих на размер наказания // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвуз. сб. науч. трудов. Красноярск, 1986. С. 140–150.

Ханджян Климент Арменакович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Уголовная политика в игорной сфере

Уголовное право часто используется для решения социальных проблем, особенно в сфере профилактики преступности, незаконные организация и проведение азартных игр не является исключением. В России политика в области игорного бизнеса основывается на личном опыте, что привело к появлению многочисленных подпольных казино, психологическим расстройствам и негативному нравственному развитию граждан [1]. Напротив же, чтобы предвидеть развитие преступности, необходимо сосредоточить усилия по разработке уголовного законодательства, учитывающего всю динамику социальной жизни.

Игорная сфера является синтетическим вопросом, зависящим от законодательства и вектора развития конкретной страны или региона. В разных государствах подходы в уголовной политике к игорной деятельности могут отличаться. Некоторые стремятся легализовать и регулировать данную индустрию, чтобы получать доходы от налогов и контролировать исполнение законов в этой сфере. Другие страны запрещают или ограничивают игорный бизнес исходя из моральных, религиозных или общественных соображений. В России на протяжении всей истории регулирование этой сферы неоднократно менялось и в настоящее время ориентировано на сохранение и развитие азартных игр исключительно в предназначенных для этого специальных зонах[2].

В доктрине уголовного права трактовка уголовной политики разнообразна. Сформировалось два основных подхода: первый – уголовная политика – это способ воздействия на преступность уголовно-правовыми средствами; второй – это весь спектр воздействия на преступность, который нередко отождествлялся с политикой, направленной на борьбу с преступностью всеми возможными способами [3]. В содержании

[1] Усынин В. В. Игорный бизнес в России: проблемы правового регулирования // Пролог. 2014. № 1. С. 64.

[2] Мосечкин И.Н. Борьба с незаконной игорной деятельностью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. Киров: Вятский государственный университет, 2018. С. 3.

[3] Епифанова Е.В. О составляющих элементах доктрины уголовной политики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3(34). С. 346.

доктринальной концепции уголовной политики должны быть определены базовые цели, задачи, основные направления и пути их достижения[1].

Придерживаясь данной позиции, необходимо рассматривать уголовную политику в игорной сфере через призму ее функциональных компонентов, а именно цель, задачи, основные направления и механизмы реализации.

Основная цель уголовной политики в игорной сфере – это создание системы мер воздействия, направленных на эффективное государственное регулирование игорного бизнеса посредством уголовных, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных средств, обеспечивающих безопасную и законную игровую среду, защиту прав игроков и предотвращение преступной деятельности в этой области.

Задачами уголовной политики в игорной сфере являются:

1. Предотвращение незаконной деятельности, такой как незаконные организация и проведение азартных игр, мошенничество, отмывание денег и другие преступления, связанные с игорной индустрией.

2. Защита интересов игроков, что включает в себя борьбу с неправомерным использованием личных данных, а также финансовым обманом, связанным с невыплатами выигрышей и отмыванием денежных средств через их учетные записи.

3. Борьба с проблемным азартным поведением, направленная на предотвращение и смягчение негативных социальных последствий, связанных с психическими расстройствами, и предоставление помощи и поддержки тем, кто нуждается в лечении и реабилитации.

4. Безопасность и общественная стабильность. Уголовная политика в игорной сфере должна быть направлена на обеспечение и поддержание социального и экономического благосостояния населения[2].

Правоприменительная практика, статистика, направленность научных исследований в рассматриваемой сфере позволяют сформулировать определенные направления уголовной политики, которые заслуживают отдельного внимания. Среди них:

борьба с незаконными организациями и проведениями азартных игр в подпольных казино клубах, барах и других игорных притонах, имеющих организованный преступный характер[3];

---

[1] Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 262–265.

[2] Чупрова А.Ю. Проблемы уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2006. № 1. С. 19–21.

[3] Севостьянов Р.А., Просвирин Е.В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 48.

борьба с онлайн-казино, использующих информационно-телекоммуникационные сети как способ ухода от уголовной ответственности;

борьба с отмывание денежных средств через Интернет-платформы онлайн-казино;

борьба с мошенничеством в игорной сфере;

борьба с вовлечением несовершеннолетних в занятие азартными играми, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей;

борьба с рекламированием онлайн-казино;

борьба с разработкой, настройкой, обслуживанием игрового программного обеспечения, позволяющего незаконно организовать и проводить азартные игры.

Поскольку игорная сфера является многогранной отраслью, которая регулируется различными правовыми средствами, включая административные, гражданские, налоговые, уголовные, криминологические и другие инструменты, то и общая политика противодействия преступлениям в данной деятельности целесообразно строить на комплексном подходе. В связи с этим и механизм реализации уголовной политики носит межотраслевой характер, который включает в себя:

дальнейшую разработку законодательства об игорной деятельности, рекламе, с целью устранения противоречия в отдельных правилах и требованиях для организации и проведения азартных игр, связанными с ограничение доступа для несовершеннолетних лиц, борьбой с отмыванием денежных средств, рекламой азартных игр, букмекерских контор;

создание и поддержание специального отдельного регулятивного органа, основываясь на зарубежном опыте, ответственного за контроль и надзор за игорной сферой[1];

совершенствование законодательства в области противодействия использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» для совершения преступлений в игорной сфере;

сотрудничество государств в области обмена информацией, координации действий и борьбы с транснациональной незаконной игорной деятельностью;

внедрение и применение технологий, таких как блокчейн, смарт-контракты и искусственный интеллект, а также система глубокой

[1] Нечаев А.Д. Уголовная политика России в сфере игорного бизнеса // Сравнительно-правовые аспекты организации и ведения игорного бизнеса по законодательству Республики Беларусь и зарубежных государств: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Барановичи, 14 марта 2018 года / Ответственные редакторы М.Б. Кострова, М.В. Андрияшко. – Барановичи: Башкирский государственный университет, 2018. С. 74.

фильтрации IP-адресов, доменных имен, для повышения прозрачности, безопасности и контроля в игорной сфере. Такие инновации могут помочь в борьбе с мошенничеством, отмыванием денег и обеспечении справедливости азартных игр;

разработка методики расследования онлайн-казино;

введение системы мониторинга финансовых операций, связанных с азартными играми, замораживание и конфискация активов, полученных от незаконной деятельности, а также сотрудничество с банками и платежными системами для пресечения финансирования игровых операций;

предоставление социальной поддержки и помощи лицам, страдающим зависимостью от азартных игр;

содействие в разработке и предложению альтернативных развлекательных и досуговых видов активности, чтобы уменьшить привлекательность игорной сферы;

использование медиа и общественных платформ для повышения осведомленности об опасностях азартных игр, последствиях проблемного азартного поведения и необходимости соблюдения законов и правил игорной индустрии.

Для реализации уголовной политики в игорной сфере требуется эффективное расследование преступлений. При этом правоохранительные органы должны иметь достаточные ресурсы для выявления и пресечения данных преступных действий. Важным аспектом реализации уголовной политики также является обмен информацией и координация действий между различными органами правопорядка, включая полицию, специализированные службы, налоговые органы и другие компетентные учреждения. Кроме того, в силу трансграничной природы многих преступлений в игорной сфере необходимы также совместные действия с зарубежными органами предварительного расследования по их выявлению, пресечению и раскрытию. Более того, предложенные меры реализации уголовной политики в игорной сфере затрагивают как международный, так и государственный и межрегиональный уровни, что в очередной раз свидетельствует о разноплановости и распространенности такого социального явления как азартные игры.

Таким образом, комплексный подход в уголовной политике, направленный на общую согласованность действий со стороны правоохранительных, законодательных органов, государственных учреждений и общественности, может существенно улучшить эффективность борьбы с преступлениями в игорной сфере и создать более безопасное игровое пространство для всех участников.

Хасанов Рахимджон Давлатович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Перспективные направления противодействия террористической угрозе в Республике Таджикистан и отдельные проблемы их реализации

В настоящее время феномен экстремизма и его крайнее проявление – террористическая деятельность – выступают в качестве одной из главных угроз международной безопасности. Одним из регионов, где указанная проблема обладает высокой степенью интенсивности, является Центральная Азия. Акты экстремизма и терроризма здесь осуществляются, в основном, под прикрытием национальных, социальных, религиозных и других радикальных политических идей, опирающихся на экономические, социальные, политические и духовные противоречия, существующие в современном обществе[1].

Республика Таджикистан, как одно из государств Центральной Азии, в своей новейшей истории самостоятельного развития не раз сталкивалась с проявлениями экстремизма и терроризма, инспирированными не только внутренними оппозиционными силами, стремящимися захватить власть любыми способами, но и финансируемыми внешними недружественными движениями и радикальными течениями. Не прекращаются подобные посягательства на национальную безопасность и в текущий момент. Анализ их характера, организации и криминальных технологий, применяемых экстремистами, показывает, что с каждым годом преступления террористического характера и экстремистской направленности становятся все более тщательно организованными и жестокими, их исполнители используют самую современную технику, оружие, средства связи и прочие достижения научно-технического прогресса.

Политические и религиозные радикалы, а иногда и просто криминальные элементы, взявшие на вооружение методы террора для достижения своих целей, пытаются организовать в различных районах страны разветвленную нелегальную антигосударственную сеть, оборудовать конспиративные места складирования оружия и взрывчатых веществ, организовать функционирование структур технического и финансового обеспечения террористической деятельности.

Учитывая то обстоятельство, что государства рассматриваемого региона в процессе обеспечения национальной безопасности сталкиваются

[1] Медведев Н., Боташева А. Борьба с терроризмом на Северном Кавказе: проблемы и приоритеты // Власть. 2009. № 7. С. 20.

с аналогичными проблемами, во многом обусловленными транснациональным характером современного терроризма, необходимо особо отметить, что противодействие вызовам и угрозам экстремизма и терроризма, являясь одной из первостепенных задач Республики Узбекистан, безусловно, требует консолидации усилий стран региона и всего международного сообщества.

Исследователи проблематики борьбы с терроризмом в Центральной Азии отмечают, что его важной особенностью является структурированный характер и высокая степень организации деятельности радикальных групп. Многочисленные террористические организации, число которых в мире достигает 500, подтверждает серьезность угрозы, исходящей от активности этого феномена не только для сегодняшнего дня, но и в будущем. Их организованность и эффективность, отмеченные нами ранее, обеспечиваются поддержкой многих государственных структур в отдельных странах и даже государств-спонсоров терроризма. Специалисты настаивают на том, что в это число в основном входят индустриально развитые западные и арабские нефтедобывающие страны. Совершенно очевидно, что явление терроризма становится особенно опасным, если оно создается и поддерживается государственными режимами диктаторского, националистического, сепаратистского типа. Считается, что базы подготовки террористов существуют, по меньшей мере, в десятке стран, таких, как Иран, Ирак, Ливия, Сомали, Сирия, Судан и др.[1]

Группировки террористического толка в Республике Таджикистан появились в 1992 году, когда терроризм стал способом политической борьбы и инструментом ликвидации идеологических противников, неугодных государственных деятелей, лидеров того или иного общественного движения. В повышении интенсивности радикальных проявлений в Таджикистане огромную роль сыграли эмиссары из недружественных стран, заинтересованных в уничтожении светской власти и установлении исламского режима по аналогии с Афганистаном. В результате государственная власть была ослаблена, лишена возможности эффективно контролировать ни границы, ни территорию страны. Это позволяло различным радикальным группам почти беспрепятственно создавать в стране и прилегающих территориях свои базы и лагеря, что усиливало напряженность как в самом Таджикистане, так и в соседних республиках[2].

В 1997 году противоборствующим сторонам удалось добиться согласия по основным вопросам дальнейшего развития государства, что

[1] Кудратов К.А. Особенности и перспективы борьбы с терроризмом в Республике Таджикистан // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 4. С. 139–147.

[2] Васильев Л.Е. Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М., 2009. С. 99.

запустило процесс стабилизации обстановки и укрепления центральной власти. Особое внимание было уделено разработке и совершенствованию законодательной базы, обеспечивающей повышение эффективности противодействия экстремизму и терроризму. Данная деятельность основывается на Конституции страны, Уголовном кодексе республики, Законах «О борьбе с терроризмом» (2021г.), «О борьбе с экстремизмом» (2003г.), «О милиции». Опираясь на положения указанных нормативных правовых актов субъекты системы противодействия террористическим проявлениям Таджикистана применяют комплекс разноплановых мер по выявлению, пресечению, предупреждению и недопущению подобных фактов, а также по минимизации последствий таковых. Между тем, стремительно изменяющиеся социально-экономические, политические, правовые условия развития мирового сообщества, трансформация транснациональной преступности требуют адекватного и своевременного реагирования в сфере законодательного обеспечения правоохранительной деятельности. В связи с этим весьма актуальными видятся специализированные источники, существующие практически в любом государстве и регулирующие более подробно вопросы противодействия экстремизму и терроризму.

Указом Президента РТ от 28 марта 2006 г. была утверждена «Единая концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом»[1]. Данный документ устанавливает приоритетные задачи общества и государства в рассматриваемой сфере. К ним отнесены обеспечение защиты страны, ее граждан и других лиц, находящихся на ее территории от угроз терроризма и экстремизма. Особо отмечается усиление роли государства, которое выступает в роли гаранта безопасности личности и общества. Отдельно упоминаются законодательные меры в деле применения международных правовых норм по пресечению финансирования терроризма и экстремизма, что является весьма актуальным для Республики Таджикистан в силу ее географического положения. Именно на это делается упор в освещении факторов террористической угрозы, так как государство на протяжении длительного времени остается объектом посягательств со стороны международного терроризма и экстремизма. В качестве примера можно привести сложную военно-политическую ситуацию в Афганистане. Несмотря на серьезные изменения, произошедшие в этой стране после ухода военного контингента США, на ее территории продолжает действовать ряд религиозно-экстремистских центров и организаций, лагерей террористической и диверсионной подготовки. Таджикистан постоянно испытывает серьезное криминогенное давление по причине не

[1] Единая Концепция Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 г. № 1717. Душанбе, 2006. 4 с.

прекращающейся нелегальной миграции, контрабанды наркотиков, оружия, сопровождающихся нарушениями государственной границы. На ухудшение ситуации в сфере безопасности оказывает влияние деятельность множества террористических и экстремистских организаций, находящихся не только на территории Центральной Азии. Они реализуют свои цели, опираясь на экстремистскую интерпретацию исламской религии и любыми способами пытаются насаждать ее постулаты среди населения Таджикистана. На конец 2022 года таких организаций и движений в стране официально насчитывалось 18[1].

Таким образом, оценивая содержание рассмотренной концепции, мы можем выделить приоритетные направления деятельности субъектов противодействия экстремизму в Республике Таджикистан. К ним следует отнести оздоровление социально-экономической, политической, идеологической, культурно-нравственной обстановки; совершенствование законодательной базы борьбы с этим крайне опасным транснациональным явлением; повышение эффективности методов, применяемых субъектами борьбы с проявлениями радикализма и их профессионализма; нейтрализация негативного влияния зарубежных недружественных формирований и сообществ; международное сотрудничество в рассматриваемой сфере.

В контексте рассматриваемой проблемы важную роль в борьбе с террористическими угрозами играет взаимодействие отдельных государств на уровне Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ), которому Республика Таджикистан придает особое значение в обеспечении своих национальных интересов, определяя свою деятельность в рамках организации как нацеленную на создание эффективных механизмов противодействия угрозам современного мира, в том числе – террористической угрозе. По мнению значительного количества экспертов в рассматриваемой области именно противодействие международному терроризму и экстремизму при создании ОДКБ рассматривалось как одна из определяющих причин консолидации стран-учстников. При этом, не смотря на все существующие проблемы и конструктивную критику в адрес организации, в настоящий момент именно она наиболее эффективно выполняет функции обеспечения стабильности и безопасности, а также повышения потенциала по реагированию на существующие вызовы и угрозы в регионе[2].

Обратим внимание на наиболее значимые проблемы, с которыми в последнее время сталкивается ОДКБ в деле обеспечения защищенности

[1] URL: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20221105 (дата обращения: 14.08.2023).

[2] См., напр.: Шерали Ризоен. Таджикистан и ОДКБ: вызовы и перспективы региональной безопасности. URL: https://www.caa-network.org/archives/24630 (дата обращения: 29.08.2023).

государств Центральной Азии от упомянутых выше опасностей. Соглашаясь с мнением специалистов, выделим в качестве наиболее угрожающей тенденцию эскалации вооруженных конфликтов, как между отдельными государствами, так и внутригосударственного характера. Не прекращающийся длительное время конфликт в Нагорном Карабахе, специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины, пограничные инциденты между Таджикистаном и Кыргызстаном, попытка государственного переворота в Казахстане. Анализ действий организации на фоне указанных событий у ряда политиков вызывает сомнения в целесообразности рассматриваемого формирования. С точки зрения предназначения ОДКБ она должна обеспечивать коллективную безопасность от внешних угроз, а внутренние проблемы не имеют к ней отношения. Вместе с тем наиболее интенсивные действия организации были осуществлены в процессе быстрой и результативной нейтрализации именно внутреннего конфликта в Казахстане. Возможно, данная формально противоречивая ситуация вызвала ряд заявлений представителей государственной власти о том, что члены ОДКБ не должны использовать Организацию для решения внутренних политических проблем. Однако, по нашему мнению, силы и средства коллективного реагирования на деструктивные процессы, происходящие в отдельном государстве, должны быть применены при обращении этого государства за помощью в первую очередь из соображений безопасности всего сообщества. Неконтролируемое развитие криминогенных факторов в конечном итоге может привести к долговременному внутреннему конфликту с весьма тяжкими последствиями, которые, в конечном итоге, не могут не отразиться на безопасности не только сопредельных государств, но и на регионе в целом.

Отдельной проблемой в сфере обеспечения защищенности от террористической угрозы является приграничный конфликт между Таджикистаном и Кыргызстаном 2021–2022 года, вылившийся в вооруженное противостояние[1]. Данный вопрос связан с выполнением ранее достигнутых договоренностей и конфликтующие стороны располагают всеми возможностями для контроля над ситуацией. В противном случае к ней могут подключиться и другие игроки, в том числе – представляющие недружественные страны и деструктивные движения, заинтересованные в раздувании конфликта в своих корыстных интересах.

Вернемся к вопросам законодательного регулирования противодействия террористической угрозе на территории Республики Таджикистан. Помимо упомянутой выше Концепции по противодействию терроризму и экстремизму, которая содержит наиболее общие положения

[1] Новый конфликт на границе: что делят Таджикистан Киргизия. URL: https://www.gazeta.ru/army/2022/01/27/ 14467249.shtml (дата обращения: 12.07.2023).

указанной деятельности, имеются более конкретизированные источники. В частности, такие, как Национальная стратегия противодействия экстремизму и терроризму разработанная при поддержке ОБСЕ и опубликованная в конце 2016 г.[1] Указанная стратегия реализовывалась на протяжении 2016-2020 гг. и была направлена на борьбу с радикализацией и насилием как через национальные, так и местные правительственные каналы[2]. Реализация детализированных в необходимой степени пошаговых мероприятий, выполняемых на основании положений стратегии, помогла добиться значительных успехов в деле стабилизации общества и устранения ряда факторов террогенного характера. Отдельные недостатки и недоработки Стратегии устраняются в процессе реализации Плана действий по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы[3].

Не менее важным документом, на наш взгляд, является Национальная Концепция противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018-2025 годы[4]. Его важность, по нашему мнению, заключается в обеспечении комплексного воздействия на совокупность тесно взаимосвязанных между собой факторов развития криминогенной ситуации, в данном случае – легализация криминальных доходов, наркотрафик, торговля оружием, эксплуатация рабского труда и т. д.

Особого внимания и поддержки заслуживает позиция Республики Таджикистан относительно текущей ситуации на таджикско-афганской границе. Заметное влияние на внешнюю политику государства в этом плане оказывает хорошее понимание протекающих процессов в Афганистане и опыт гражданской войны, в результате чего Душанбе остается единственным соседним государством Афганистана, который не

---

[1] Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы. Приложение 1 к указу Президента Республики Таджикистан от 12 ноября 2016 года, № 776. URL: https://prevention.kg/wpcontent/uploads/2020/10/ (дата обращения: 22.08.2023).

[2] Билан А.К., Гришина Н.Р., Радзион А.О. Проблема терроризма в Таджикистане // Постсоветские исследования.2021. Т.4. № 5. С.445.

[3] Указ Президента Республики Таджикистан от 1 июня 2021 года, № 187 «О стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы» URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590 (дата обращения: 22.08.2023).

[4] Указ Президента Республики Таджикистан от 5 марта 2018 года, № 1033 «О Национальной концепции противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения на 2018-2025 годы». URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=131089 (дата обращения: 22.08.2023).

проводил переговоры с Талибаном, не отправлял своих представителей в Кабул и не принимал их представителей в на официальном уровне.

В указанных условиях Республике Таджикистан к настоящему моменту удалось, по нашему мнению, консолидировать население вокруг социальной концепции развития государственности и стабилизировать криминогенную ситуацию, в том числе – в сере противодействия радикальным проявлениям. Проводя всесторонне взвешенный, миролюбивый, прагматичный и последовательный внешнеполитический курс, страна открыта для сотрудничества в области противодействия общим угрозам экстремизма и терроризма со всеми государствами на равноправной и взаимовыгодной основе.

Руководство Республики Таджикистан выражает уверенность в том, что осуществляемая политика должна исходить из принципов суверенного равенства государств, объединенных общими интересами в сфере обеспечения безопасности от террористической угрозы; неприменения силы или угрозы силой в решении конфликтных ситуаций, как в отношении внутренних социально-политических движений, так и в адрес зарубежных формирований; строгого соблюдения неприкосновенности границ и взаимного уважения суверенитета; мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств. В последнее время исключительно важными положениями в зарождающемся многополярном мире становятся положения о неделимости безопасности, отсутствии двойных стандартов во взаимоотношениях с партнерами; недопустимости укрепления собственной безопасности за счет безопасности других государств, добросовестного выполнения международных обязательств, уважения общепризнанных принципов и норм международного права.

Шарафиева Гульнара Ильгизовна,
адъюнкт кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России

Детерминанты кражи безналичных денежных средств

Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» часть 3 статьи 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) дополнена квалифицирующим признаком «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ)».

С 2018 по 2022 годы число краж, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий неуклонно росло. В 2018 году совершено 32668 краж с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, в 2019 – 98 798, в 2020 – 173 416, в 2021 – 156 792, в 2022 – 113 565[1]. Согласно статистическим данным, в 2022 году прирост рассматриваемых преступлений приостановился, однако количество преступлений по-прежнему остается на высоком уровне.

Одной из ключевых проблем криминологической науки, имеющей важное теоретическое и практическое значение, была и остается задача изучения причин и условий преступности как в целом, так и отдельных ее видов. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, причины и условия преступности представляют собой единую систему, целостное образование[2]. Поэтому в настоящем исследовании они будут рассмотрены в единстве как система социально-негативных процессов, детерминирующих преступность.

Исследование детерминантов совершения кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств позволит объяснить существование и сохранение высокого уровня указанного преступления.

Детерминанты кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств совпадают с общими причинами и условиями преступлений против собственности. Наряду с ними есть причины и условия присущие только этому виду преступлений.

1. Развитие информационно-телекоммуникационных технологий и использование их в повседневной жизни. Безналичные расчеты, массовое внедрение платежных карт, использование NFC технологий для

[1] Статистическая отчетность ФКУ МВД РФ «ГИАЦ» (Сведения о преступлениях, совершенных в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации – форма 1–ВТ за 2019-2022 гг.). URL: http://10.5.0.16/csi/modules (дата обращения: 01.02.2023).

[2] Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. Спб.: Изд. «Юридичиский центр Пресс», 2003. С. 786.

бесконтактной оплаты, развитие дистанционного банковского обслуживания, появление электронных платежных сервисов – все это дало возможность совершать кражи безналичных денежных средств граждан. По данным ЦБ РФ в 2022 году число банковских карт в России за 2022 год выросло на рекордные 18% и достигло 389,6 млн. Объем безналичных операций физических и юридических лиц вырос в 1,4 раза по сравнению с 2021 годом и достиг 78,1%, продолжился рост доли безналичной оплаты товаров и услуг в розничном обороте[1].

2. Виктимное поведение со стороны потерпевшего. Небрежное отношение к платежным картам, отсутствие знаний о мерах, которые необходимо предпринимать при краже, потере платежной карты в местах общественного пользования, низкая финансовая грамотность населения, несоблюдение правил цифровой гигиены в онлайн-среде и при использовании гаджетов приводит к тому, что люди становятся жертвами краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

3. Организационно-технические. Внедряются технологии, с недостатками в защите и контроле над этими технологиями, которыми активно начинает пользоваться преступная среда. Несмотря на то, что количество и объем безналичных операций в стране стабильно увеличиваются, существуют недостатки системы обеспечения безопасности безналичных расчетов.

4. Отставание правоохранительных органов от киберпреступности. Формы и методы работы, техническое обеспечение правоохранительных органов существенно отстают от киберпреступников, также слабо налажена связь с кредитно-финансовыми учреждениями, все это негативно влияет на раскрытие и расследование краж безналичных денежных средств.

5. Психологические. В числе детерминантов кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств на психологическом уровне можно назвать следующие.

Быстрый результат. Мгновенное получение имущественной выгоды является обстоятельством, способствующим к совершению рассматриваемого преступления. Возможность оплатить покупки похищенной или найденной платежной картой, безналичными денежными средствами, поступившими на счет в результате преступных действий, позволяет мгновенно удовлетворить потребности.

Киберпространственная анонимность. Психологический фактор, связанный с чувствами неуязвимости и безнаказанности у злоумышленников, которые сознательно скрывают свою идентичность, эксплуатируя свой анонимный статус в преступных целях.

[1] Итоги работы Банка России за 2022 год. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/results work/2022/razvitie-sistemy-platezhey-i-raschetov/ (дата обращения: 26.08.2023).

Нельзя не сказать и об общих причинах и условиях, влияющих на преступления против собственности следует отметить следующие:

1. Социально-экономические. Низкий уровень материального обеспечения населения, несомненно, является криминогенно значимым фактором. Вместе с тем, в России наблюдается существенное расслоение между бедными и богатыми, а также фактическое отсутствие среднего класса. В первом полугодии 2023 года, по предварительным данным Федеральной службы государственной статистики, на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 29,8% общего объема денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного населения – 2,0%[1].

Как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, криминогенна прежде всего несбалансированность хозяйственного механизма, пороки и недостатки экономической политики, а равно характер распределительных отношений. Именно эти факторы порождают социальные конфликты, которые в свою очередь, вызывают преступность[2]. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 2022 году 14,3% населения имеет денежные доходы ниже границы бедности. При этом, существует большой разрыв по социально-экономическому обеспечению между отдельными регионами.

В целом, динамика преступности всегда связана с фундаментальными макроэкономическими процессами – инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения, изломами экономического роста и законом Оукена[3]. В последние годы экономика нашей страны находится в фазе экономического спада и рецессии вследствие пандемии коронавирусной инфекции, специальной военной операции, беспрецедентного количества наложенных санкций. Снижение жизненного уровня граждан способствует росту количества лиц, совершающих преступления против собственности.

2. Нравственные. Как отмечает Г.В. Валеева в процессе становления цифрового общества происходит искажение и девальвация традиционных ценностей и нравственных норм, что может привести к утрате моральной идентичности личности человека, дегуманизации общества в целом[4]. Из-за длительного времяпровождения в онлайн-пространстве, большого потока

---

[1] Социально-экономическое положение России (январь-июль 2023 года): Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2023.pdf (дата обращения: 22.08.2023).

[2] Антонян Ю.М. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 74.

[3] Ольков С.Г. Связь преступности с инфляцией, безработицей, ставкой налогообложения и экономическим ростом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3-1 С. 192–200.

[4] Валеева Г. В. Девальвация традиционных ценностей и нравственных норм как проблема цифрового общества //Social and economic development and quality of life: history and modern times: materials of the XII international scientific conference on March 15–16, 2022. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2022. 21 p.

информации, ускорении многих процессов у общества наблюдается огрубление нравов, снижение нравственности. У молодых людей формируется отрицательное или равнодушное отношение к правовым нормам, т. е. правовой нигилизм.

3. Правовые. В настоящее время наблюдается наличие противоречий и пробелов в законодательстве по преступлениям в сфере экономики, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Многие термины, необходимые и используемые при раскрытии и расследовании преступлений против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий требуют четкого законодательного определения. Также требуется адекватное законодательное решение по защите предметов, несуществующих в материальном мире, однако подвергаемых хищениям. Существует необходимость внедрения новых более совершенствованных методик расследования преступлений совершаемых при помощи информационно-телекоммуникационных технологий.

Несовершенно и профильное законодательство, существуют лишь единичные нормативно-правовые акты, регулирующие отдельные направления в развитии цифровых технологий и ряд сложных проблем в данной сфере остается нерешенным.

Таким образом, выявленные детерминанты кражи безналичных денежных средств, могут помочь в разработке необходимых мер для обеспечения необходимой безопасности в данной сфере общественных отношений и эффективному противодействию кражам, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Шевчук-Горобец Кирилл Юрьевич,
курсант факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Маслак Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук,
начальник факультета подготовки специалистов по противодействию
преступлениям в сфере информационных технологий
Краснодарского университета МВД России

Антикриминальная пропаганда и ее осуществление сотрудниками полиции

В условиях развития современного общества преступность формирует серьезные вызовы и угрозы, возникающие перед государством. Разнообразные социокультурные, экономические, научно-технологические преобразования способствуют активной трансформации преступности к современным реалиям, создают возможности для преступников, предоставляют новые средства совершения преступлений. Указанное актуализирует потребность в наступательном противодействии таким криминальным процессам.

Противодействие преступности в Российской Федерации представляет собой многогранную деятельность субъектов антикриминальной практики, направленную на выявление, устранение причин и условий различных криминальных проявлений. Одним из эффективных средств противодействия преступлениям, состоящим в арсенале у субъектов антикриминальной практики, является антикриминальная пропаганда [1]. Она позволяет обеспечить граждан актуальной информацией о законах и нормах, правилах обеспечения личной имущественной и (или) неимущественной безопасности, порядке действий по обращению в правоохранительные органы. Указанная форма профилактического воздействия находит свое нормативное отражение в ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и именуется как «правовое просвещение и правовое информирование». Вместе с тем, в практической деятельности субъекты антикриминальной практики нередко сталкиваются с проблемами реализации данной формы профилактического воздействия. Отсюда, необходимо определить ряд

[1] Грибанов Е.В. Теоретические основы антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2023. № 2. С. 9–14.

особенностей в организации и проведении мероприятий по антикриминальной пропаганде.

Эффективность осуществления субъектами противодействия преступности мероприятий по антикриминальной пропаганде достигается исключительно при четком уяснении субъектами ее осуществления особенностей производства подобных материалов и методов их распространения. Согласно статье 5 Федеральный закон № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъектами в данном случае будут выступать[1]:

федеральные органы исполнительной власти;

органы прокуратуры Российской Федерации;

следственные органы Следственного комитета Российской Федерации;

органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

органы местного самоуправления.

Среди указанных субъектов предупреждения преступлений, ведущее место по праву занимают органы внутренних дел, что обусловлено серьезным массивом возложенных на сотрудников полиции обязанностей по предупреждению преступлений. В глазах общества сотрудник органов внутренних дел – идеальный пример соблюдения законности и правопорядка, который руководствуется множеством положительных принципов в своей деятельности. Именно поэтому антикриминальная пропаганда, осуществляемая сотрудниками полиции может достигать положительных результатов. Вместе с тем, имеется и ряд проблем, возникающих при ее реализации. Для их решения сотрудникам полиции следует иметь четкое представление о формах антикриминальной пропаганды, преимущественными из которых являются:

1. Информационная работа с гражданами – правовое информирование общественности. Эффективная информационная работа помогает укрепить доверие общества к правоохранительным органам, повысить осведомленность граждан о своих правах и обязанностях, а также способствует повышению эффективности правопорядка, укреплению доверия к правовой системе, повышению правосознания, налаживанию взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов и населением, а также оптимизации гражданской активности в области обеспечения безопасности. Наибольший эффект в данном случае будут иметь взаимодействие со СМИ в части предоставления информации о совершенных правонарушениях и борьбы с ними, участие в публичных кампаниях по повышению безопасности населения в части

[1] Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

предупреждения преступности, а также образовательных мероприятиях, проведения лекций, научных конференций, семинаров и тренингов.

2. Профилактическая работа, направленная на предотвращение правонарушений и поддержание безопасности населения. Сотрудники полиции должны поддерживать открытый диалог с гражданами. Это включает в себя встречи, общение на улицах и участие в общественных мероприятиях. Также не стоит забывать и молодежи, так как она имеет особое значение. Сотрудники полиции помимо проведения лекций и семинаров могут работать с молодежными организациями и способствовать вовлечению молодежи в общественные мероприятия, направленные на развитие конструктивных способностей молодых людей.

Также сотрудники правоохранительных органов могут повысить эффективность деятельности в сфере антикриминальной пропаганды, работая совместно с общественными организациями, образовательными учреждениями и другими институтами гражданского общества. Это будет способствовать сознательному соблюдению законов и укреплению правопорядка.

В дополнение формам реализации мероприятий по антикриминальной пропаганде, важно отметить высокое значение качества производимого профилактического контента. Анализ правоприменительной деятельности и изучение научной литературы позволили определить, что качество современного профилактического контента, распространяемого в процессе осуществления мероприятий по антикриминальной пропаганде, нередко оставляет желать лучшего [1]. Вместе с тем, имеется практика подготовки и распространения высококачественного профилактического контента. Как правило такой информационный продукт имеет следующие формы выражения:

1. Информационные, профилактические видеоролики[2]. При помощи создания и распространения подобных материалов раскрываются актуальные проблемы населения во взаимодействии их в правовом поле, актуальные уловки преступников, типичные ситуации и т.п, а также различные советы по решению подобных ситуаций;

2. Информационные инфографики, презентации [3]. С помощью данных материалов происходит грамотное информирование общественности, целью которых является понятное и быстрое донесение какой-либо правовой информации;

---

[1] Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет с использованием технологий антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2022. № 1. С. 33–39.

[2] Ссылка на электронный ресурс социальной сети Вконтакте. URL: https://vk.com/video/playlist/-220486588_1 (дата обращения: 10.09.2023).

[3] Ссылка на электронный ресурс социальной сети Вконтакте. URL: https://vk.com/mvd?w=wall-26323016_64128 (дата обращения: 10.09.2023).

3. Буклеты и флаеры. С помощью данной формы распространения пропаганды происходит донесение значимой информации до общества, граждане могут быть проинформированы о проведении общественных кампаний, а также наиболее актуальных видах преступлений, которым они могут быть подвержены;

Данный список материалов для проведения мероприятий по антикриминальной пропаганде не является исчерпывающим, однако именно представленные формы выражения профилактического контента вызывают максимальную заинтересованность у аудитории.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на существующие эффективные методы, данная область требует постоянного развития и адаптации к изменяющимся условиям и преступным схемам. Преступники постоянно совершенствуют свои методы, а их активность охватывает новые сферы, включая виртуальное пространство и технологии, открывающие широкие возможности для нарушителей закона. Указанные тенденции требуют от криминологической науки и правоохранительной практики серьезного повышения оборотов в наступательной политики противодействия преступности, которые могут быть реализованы посредством мероприятий в области антикриминальной пропаганды.

Шуров Александр Александрович,
аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юго-западного государственного университета

Субъективные факторы детерминации заведомо ложного доноса

Проблема детерминации преступного поведения является одной из ключевых в науке криминологии, поскольку ее решение способствует познанию сущности преступного поведения и определению объектов превентивного воздействия, что позволяет минимизировать преступность. Исследование детерминации преступности, таким образом, имеет существенное теоретическое и практическое значение[1].

Детерминационный комплекс преступности необходимо рассматривать с позиции системного взаимодействия совокупности всех факторов, определяющих ее существование. Рассматривая особенности детерминации заведомо ложного доноса, необходимо учитывать, прежде всего, субъективные факторы детерминации, характерные для данного вида преступного поведения.

Учитывая особенности заведомо ложного доноса, как вида преступного поведения и криминальной практики, в качестве одного из ключевых факторов детерминации следует выделить низкий уровень правосознания и правовой нигилизм, характерные для значительной части населения страны.

На формирование правопонимания и правовой культуры личности существенно влияет ряд факторов, среди которых ведущее место занимают внутренние убеждения личности, побуждающие ее к правомерному поведению, т. е. соблюдению правовых норм на основе общественной морали. Здесь прослеживается тесная взаимосвязь таких детерминант правового поведения, как внутренние убеждения лица, совершающего действия в рамках тех или иных правоотношений, и влияние на поведение субъекта права со стороны государства.

Низкий уровень морали, несформированность правового сознания, разочарование в справедливости общественных процессов предопределяют критичное отношение к обязательности соблюдения правовых норм и детерминируют такое явление, как правовой нигилизм.

В общем понимании нигилизм (от лат. «nihil» – ничто) – это отрицание устоявшихся общественных норм, идеалов, принципов, законов, авторитетов, традиций и т. д. Философский словарь определяет нигилизм

[1] Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. С. 145–147.

как позицию полного отрицания, не связанного ни с какими положительными идеалами[1].

Правовой нигилизм – это деформированное состояние правосознания личности, группы, общества, которое характеризуется сознательным игнорированием требований закона и отрицанием ценности права[2]. Правовой нигилизм является одним из деструктивных социальных феноменов, который в условиях глобальных преобразований, разбалансированности системы ценностей и идеалов быстро восполняет все сферы жизнедеятельности общества, имеет разрушительный потенциал и детерминирует ряд негативных явлений и процессов, в том числе преступность[3].

Правовой нигилизм – продукт определенных социальных условий жизни конкретного общества. Корни правового нигилизма и его воспроизводства на массовом уровне кроются в историческом прошлом: процессах и последствиях исторического формирования и функционирования репрессивного законодательства и несовершенного правосудия; декларативности конституции при господстве административно-командных методов управления; корректировках правовой системы прошлого, кризиса законности и дефектов правотворчества в переходный период; несовершенства и незавершенности реформ правоохранительной и судебной системы[4]. Несовершенство законов и механизмов их реализации в сочетании с личностными качествами формирует у отдельных индивидов пренебрежительное отношение к действующей системе права и вообще к принципу приоритета правовой регламентации общественных отношений, непонимание сущности права как фактора предупреждения негативных последствий, вызванных ничем не ограниченной свободой действий.

Правовой нигилизм может проявляться как в непризнании ценности права в целом, так и конкретных его проявлениях, действующего законодательства, существующего правопорядка. Наиболее распространенным является выборочный правовой нигилизм, проявляющийся в неприятии и игнорировании каких-либо конкретных правовых норм, законов или отдельных отраслей права.

Выборочный правовой нигилизм непосредственно связан с уровнем правового сознания и правовой культуры отдельных индивидов и

---

[1] Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и Ф.П. Юдина. М.: Изд-во «Политическая литература», 1968. С. 246.

[2] Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М., 2007.

[3] Катцина С.В. К вопросу о правовом нигилизме // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2011. № 1.

[4] Горохов П.А. Проблема основания правового нигилизма. Гносеологический аспект: дис. … канд. филос. наук. Оренбург, 1998. С. 122.

населения в целом, недостаточный уровень развития которых в различных жизненных ситуациях создает у индивида иллюзорный выбор: действовать в соответствии с правовыми предписаниями, игнорируя их или вовсе реализовать свои интересы противоправным способом.

Учитывая, что в соответствии со сложившейся судебно-следственной практикой привлечение лица к уголовной ответственности за заведомо ложный донос возможно лишь «при условии, что сообщение о преступлении (заявление о возбуждении уголовного дела) поступило от лица, которое было в установленном порядке предупреждено об уголовной ответственности по ст. 306 УК РФ [1] », роль правого нигилизма в детерминации данного преступления весьма значительна.

Лицо, уведомленное об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, сознательно игнорирует данное правовое предписание и умышленно совершает преступление, зачастую при этом обвиняя другое лицо в совершении преступления. Осознание противоправности деяния и его вредоносности не только для системы правосудия и правоохранительных органов, но и прав и свобод граждан, нивелируется субъективным восприятием эффективности заведомо ложного доноса как инструмента и средства достижения собственных целей.

Следует учитывать, что формированию и проявлению правового нигилизма способствует не только дефекты правотворчества, несовершенство и противоречивость правового регулирования общественных отношений, но дефекты правоприменительной практики, в т. ч. имеющие место в деятельности правоохранительных органов.

Нигилистическое восприятие содержания ст. 306 УК РФ, при собственноручном письменном подтверждении ознакомления с ним, и неизбежности ответственности за нарушение данной нормы, может быть детерминировано имеющимся в сознании части населения убеждением в отсутствии у правоохранительных органов желания, заинтересованности и возможностей выявления факта совершенного преступления (ложности сообщаемых в доносе сведений) и привлечения виновных к ответственности.

Данное убеждение формируется как на основе личного опыта, так и опыта иных лиц, распространяемого и тиражируемого различными средствами коммуникации, по взаимодействию с правоохранительными органами. Широко известны случаи, когда при обращении граждан имеют место отказы в принятии заявления или фиксирования обращения, необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела, а возбужденные дела нередко остаются нераскрытыми, в том числе по причине отсутствия

[1] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 // СПС «Гарант».

необходимой квалификации или надлежащего стремления к его раскрытию со стороны сотрудников правоохранительных органов[1].

В результате у отдельных граждан формируется установка относительно неэффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступлений. Данный стереотип переносится и на собственное преступное поведение, тем более при совершении такого незначительного, с точки зрения субъективного восприятия самого виновного лица, деяния, как заведомо ложный донос.

Наличие у лица опыта противоправной деятельности является, с одной стороны, проявлением правового нигилизма, а с другой стороны - фактором, усиливающим данную личностную деформацию. Ситуация еще более усугубляется в случае наличия личного опыта безнаказанной противоправной, в т. ч. преступной деятельности.

Рассматривая субъективные факторы детерминации заведомо ложного доноса, необходимо учитывать характеристики личности лиц, использующих ложь, как средство достижения личных целей.

Ложь и манипуляции нередко выступают социально психологическими компонентами, детерминирующими наряду с «Я концепцией», полом, гендером и другими субъективными характеристиками процесс «самопредъявления». То есть ложь является средством предъявления «Я информации». Таким образом, использование психически здоровым человеком стратегий самопрезентации, основанных на лжи и рассчитанных на длительное поддержание определенного образа, требует от него высокой степени осознанности, больших усилий и соответствующих способностей, навыков[2].

Использование лжи имеет обратный эффект, во многих случаях ложь негативно сказывается на самом лице ее использующем и на развитии его личности: от ухудшения физического и психического самочувствия и здоровья, обусловленного подавленным эмоциональным состоянием, формирования неадекватного восприятия реальности, до потери своей репутации, деформации системы межличностных отношений и их потери, возникновения внутриличностного конфликта и запуска программы самоуничтожения. Такого рода негативные изменения личности детерминируют рецидив преступлений, связанных с использованием ложных сведений, как способа совершения преступления.

Установлено, что основными субъективными причинами лжи выступают: 1) защита от смущения или стыда, 2) стремление к личной

---

[1] Морозова Е.В. Субъективные причины следственных ошибок на этапе предварительного расследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2. С. 50–53.

[2] Шкуратова И.П. Самопредъявление личности в общении: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 129–130.

выгоде, 3) избежание наказания, 4) стремление помогать другим, 5) стремление поддерживать отношения[1].

Отдельное внимание следует уделить такому субъективном фактору детерминации заведомо ложного доноса, как нахождение лица в момент совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Алкогольное опьянения является фактором, провоцирующим проявление на индивидуальном уровне правового нигилизма и воздействия иных факторов детерминации исследуемого вида преступного поведения.

Влияние алкоголя на поведение человека определяется снятием под его воздействием тормозящей функции коры головного мозга, стимулированием агрессивности через воздействие на нейромедиаторы и выбросом большого количества гормонов в кровь. Под действием алкоголя не только снижается самокритичность и самоконтроль поведения, но и обостряются психосоматические заболевания, развиваются психопатические черты личности[2]. Указанное в целом касается также действия наркотических, психотропных, сильнодействующих и новых потенциально опасных психоактивных веществ. Состояние алкогольного опьянения определяет ситуативность совершения преступления и выбор его жертвы в большинстве случаев совершения заведомо ложного доноса.

Рассматривая субъективные факторы детерминации заведомо ложного доноса, необходимо учитывать, что их проявлению во многом способствует фактор социальной напряженности, играющий существенную роль в детерминации девиантного поведения членов общества.

Несмотря на то, что социальная напряженность, указывая на проблемные места, способствует поддержанию равновесия в социальной системе и ее развитию, главной ее характеристикой является деструктивность как негативное состояние социума[3]. Социальная напряженность провоцирует психическую готовность к осуществлению противоправного поведения со стороны лиц, склонных к такому поведению, прежде всего, лиц, имеющих опыт совершения

---

[1] Фрай О. Детекция лжи и обмана. М.: Олма–Пресс, 2015; Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2016. С. 23–24.

[2] Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 14; Игнатов А.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. 2015. № 4. 93–98.

[3] Игнатов А.Н., Торопов С.А. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 188–195.

правонарушений и преступного поведения в прошлом. В условиях социальной напряженности у нестабильных личностей (с аномалиями психики, выраженными акцентуациями личности и пр.) обостряется ощущение опасности от реальных или мнимых угроз и различного рода препятствий реализации их потребностей. Заведомо ложный донос в данном случае может выступать подсознательной реакцией на нестабильную или агрессивную социальную обстановку и служит средством защиты от реальных и мнимых угроз.

Таким образом, учитывая особенности заведомо ложного доноса как вида преступного поведения и криминальной практики, в качестве ключевого фактора детерминации следует выделить низкий уровень правосознания и правовой нигилизм, характерные для значительной части населения страны. Факторами, провоцирующими проявление на индивидуальном уровне правового нигилизма и воздействия иных факторов детерминации исследуемого вида преступного поведения, являются наличие личного опыта противоправной, в т. ч. преступной, деятельности, особенно безнаказанной, а также состояние алкогольного опьянения. Заведомо ложный донос может выступать подсознательной реакцией на нестабильную или агрессивную социальную обстановку и служит средством защиты от реальных и мнимых угроз.

Эшонов Далер Амруллохужаевич,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Преступления, посягающие на безопасность государства в законодательстве России в дореволюционный период

Институт уголовной ответственности за преступления против безопасности государства занимает одно из важнейших мест в системе уголовного законодательства каждого государства, в частности и Российской Федерации. С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 года №63-ФЗ глава 29, посвященная вышеназванным преступлениям, по настоящее время претерпела серьезные изменения, как качественного, так и количественного характера.

Обращаясь к истории российского права, можно заметить, что рассматриваемый институт в разные эпохи становления и развития российской государственности имел неоднозначную динамику, число противогосударственных преступлений то увеличивалось, то уменьшалось. Кроме того, наряду с количеством, менялась и сущность преступлений указанной категории. В соответствующую эпоху нормы, закрепленные в главе 29 действующего уголовного законодательства России, имели присущие к тому времени названия и содержания. Характеризовалось это, прежде всего, действующим режимом правления государством.

Если обратиться к Судебнику 1497 года, в который впервые были кодифицированы все законы государства, содержал в себе такие преступления против государства как «крамола» и «подым». Сущность крамолы первоначально понималась как переход от одного князя другому, но впоследствии приобрело значение измены власти и посягательство на жизнь Великого князя[1]. Что касается подыма, то по поводу его значения в научной литературе имеются разные позиции. Более близкую нам трактовку подыма дает О.И. Чистяков, определяя «подымщика» как лица, поднимающего бунт или возмущение[2].

Дальнейшее развитие государственных преступлений происходит сначала в Судебнике 1550 года, а затем в Соборном уложении 1649 года, где перечень норм, регулирующих преступления против государства расширяется. В нем наблюдалась некоторая систематизация преступлений по объектам посягательства. Так государственные преступления были отделены от других видов преступлений, что характеризировало укрепление интересов государственной власти.

[1] URL: https://isfic.info/ugkurs2/naumov83.htm (дата обращения: 02.10.2023).
[2] URL: https://studfile.net/preview/6331966 (дата обращения: 12.10.2023).

Соборное уложение, все больше укрепляя власть государя, криминализировала любые деяния против главы государства (князя) и его семьи. В нее были включены такие преступления как измена, бунт и заговор. Однако составы, указанных преступлений, были конкретизированы в Воинском артикуле Петра I 1715 года. В ней дается достаточно полное описание состава измены, а таким преступлениям как бунт и возмущение выделяется целая глава.

Новой ступенью в развитии уголовного законодательства той эпохи стала Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, где рассматриваемой категории преступлений был посвящен третий раздел «О преступлениях государственных». Этот раздел включал в себе две главы: первая глава – «О преступлениях против Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского дома», вторая глава – «О бунте против Власти Верховной и о государственной измене», которая, в свою очередь, подразделялась на два отделения: первое отделение – «О бунте против Верховной Власти» и второе отделение – «О государственной измене и преступлениях против народного права».

Данный раздел предусматривал самые строгие меры в отношении каких-либо деяний против личности Императора, Членов Императорского дома и Верховной власти, для привлечения к ответственности было достаточно лишь наличие определенного умысла. Об этом свидетельствуют, размещенные в указанном разделе такие преступления, как, предусмотренные статьей 241 «всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здравия и чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть Его с престола, лишить свободы и Власти Верховной, или же ограничить права оной, или учинить Священной Особе Его какое-либо насилие», статьей 245, устанавливающая наказание как за «составление и распространение письменных или печатных сочинений или изображений с целью возбудить неуважение к Верховной Власти или же к личным качествам Государя, или к управлению Его государством», так и за «хранение таких сочинений и изображений», а также статьей 250, которая предусматривала наказание лишь за наличие умысла на организацию и совершение бунта. За совершение преступлений данного раздела в основном предусматривалась смертная казнь.

Стоит отметить, что были законодательно закреплены нормы, запрещающие передачу всякой наносящей вред интересам и безопасности российского государства информации, иностранному правительству или иностранному агенту, не находящейся в статусе войны с Россией, в любом виде и любыми возможными путями (ст. 256–258 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года).

История преступлений против безопасности государства в рассматриваемый период завершается новым Уголовным уложением

1903 года, который целиком так и не вступил в силу, за исключением глав, регламентирующих государственные преступления.

Указанное Уложение конструктивно отличалось от своего предшественника. В нем отсутствовала техника разделение на разделы, сохранились лишь главы с некоторыми корректировками их названий (глава III «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» и глава IV «О государственной измене»). Отказ от разделения на разделы повлекло за собой формальное отсутствие понятия «государственные преступления», хотя составы преступлений, вошедшие в главы действующего Уложения, в основном, имели схожий характер с прежними нормами с небольшими изменениями некоторых составов.

Рассматриваемая категория преступлений была дополнена нормой, напрямую запрещающей насильственное посягательство на отторжение от России какой-либо ее части (ст. 100 Уголовного уложения 1903 года). Такая формулировка состава преступления в предшествующих уголовных законодательствах отсутствовала. Также были криминализированы деяния, оскорбляющие память усопших Царей, предшествовавших Царствующему Императору, совершенные публично либо путем распространения печатных произведений, писем либо изображений (ст. 107).

Таким образом, анализируя все вышесказанное и Уголовный кодекс Российской Федерации в первоначальной редакции и дополнения, которые вносились в него в последующие годы в сфере преступлений, посягающих на безопасность государства, можно прийти к выводу о том, что при принятии Уголовного кодекса России в 1996 году не в полном объеме учитывался исторический опыт. Об этом свидетельствуют дополнения, внесенные в Уголовный кодекс в последующие годы в рассматриваемой сфере, например, закрепление таких норм, как: публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ); нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.2 УК РФ); публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (280.4), которые были отражены в уголовных законодательствах России дореволюционного периода, конечно не в ныне существующих формулировках, а в соответствующих реалиям того периода, но содержащих аналогичное смысловое значение.

В то же время мы понимаем, что уголовно-правовой механизм регулирования общественных отношений в определенный период их развития требует принятия современных мер по охране интересов государства и общества, но, в свою очередь, исторический анализ, рассматриваемого института, показывает, что нормы, охраняющие суверенитет страны, должны быть отражены в уголовном законодательстве независимо от того, на каком этапе развития она находится.

Юрченко Юрий Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о правовой природе «Z» и «V» при совершении правонарушений, предусмотренных статьей 20.3.3 КоАП РФ и статьей 280^3 УК РФ

С 24 февраля 2022 года по настоящее время нашим государством проводится специальная военная операция. В связи с данными обстоятельствами отечественному законодательству требовались нововведения, так 24 марта 2022 года в Российской Федерации была установлена административная и уголовная ответственность за информационное противодействие использованию силовых структур государства (ст. $20^{3.3}$ КоАП РФ, ст. 207^3 и 280^3 УК РФ).[1]

Среди населения страны данные законодательные нововведения были восприняты неоднозначно, а в частности, как ограничение права на свободу слова. Вместе с тем следует отметить, что военная цензура в соответствии с п. 15 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 №1-ФКЗ «О военном положении» [2] осуществляется на определенной территории РФ, где введено военное положение и такие ограничения в условиях информационной войны, а также прокси-войны, сопровождающие специальную военную операцию (далее – СВО), были бы недостаточными для защиты личности и общества от вредоносной, фейковой информации, а также обеспечения безопасности государства в рассматриваемой сфере.

В этой связи законодатель в целях своевременного реагирования на неправомерные действия, как мы уже указали, предусмотрел в КоАП и УК РФ нормы, предусматривающие ответственность за информационное противодействие использованию силовых структур государства, независимо от того было ли введено военное положение на всей территории РФ или ее отдельного региона.

Верно подмечено, что подобные меры несут в себе мощный сдерживающий фактор от необдуманных действий и показывают всю серьезность нынешней ситуации для нашей страны, а как известно суровые времена требуют серьезных решений. И в настоящий момент эти

[1] Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1389.

[2] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ (в ред. от 29.05.2023) «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

положения уголовного законодательства необходимы для защиты гражданского общества, правопорядка и национальной безопасности России[1].

Введение указанных норм в отечественное законодательство осуществлялось оперативно в целях обеспечения общественной безопасности и поддержания общественного порядка, а также для защиты основ конституционного строя и обеспечения безопасности нашего государства в целом.

Однако в настоящее время в правоприменительной практике возникают некоторые проблемные вопросы, связанные с реализацией указанных норм.

В частности, неоднозначное толкование вызывает вопрос о правовой природе букв «Z» и «V». Как известно буквы» и «V» наносятся на военной технике, используемой Вооруженным силами РФ при проведении СВО, данная символика также изображается на форменном обмундировании военнослужащих МО РФ, добровольных воинских формирований и др. В целях наглядного отображения своей личной гражданской позиции по отношению к действиям, осуществляемым государством при проведении специальной военной операции граждане активно отображают данные знаки на личных автотранспортных средствах, фасадах своих домовладений и пр. Кроме того указанные символы также отображаются на общественном транспорте, в кинотеатрах в период рекламных роликов перед просмотром фильма также на весь экран демонстрируется буква «Z».

Все это излишне подтверждает, что рассматриваемые буквы имеют немаловажное значение для всего населения страны в целом. В настоящее время отображение букв» и «V» демонстрирует поддержку принимаемых государством решений при проведении специальной военной операции.

В этой связи возникает вопрос, какова официальная позиции Министерства обороны РФ по поводу букв «Z» и «V»? На данный вопрос 28.04.2022 г. заместитель начальника Главного военно-политического управления Вооруженных сил РФ С. Гусев в уведомлении, направленному депутату Московской городской думы Е.В. Ступину, ответил, что данные знаки не являются официальными воинскими символами и не несут

[1] Полтавский Б.С., Чернышева Ю.А. Уголовная ответственность за распространение заведомо ложной информации и дискредитацию Вооруженных Сил РФ: на страже национальной безопасности// Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: Сборник научных трудов 12-й Международной научно-практической конференции. В 3-х томах, Курск, 21–22 февраля 2023 года. Том 3. – Курск: Курский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, 2023. С. 211.

специальной нагрузки. Вместе с тем они узнаваемы и положительно воспринимаются военнослужащими и гражданами РФ, ДНР, ЛНР и др.[1]

Однако, как для правоприменителя, так и для граждан данный вопрос, так и остался открытым. С одной стороны, Министерство обороны РФ не признает данные буквы воинскими символами, с другой стороны «Z» и «V» имеют связь с действиями, осуществляемыми Вооруженными силами РФ и органами государственной власти РФ на территориях, где на данный момент проводится специальная военная операция. И как следствие, данные обстоятельства препятствуют правильной и должной оценке при квалификации правонарушений, ответственность за которые предусмотрено ст. $20^{3.3}$ КоАП РФ и ст. 280^{3} УК РФ. Следует отметить, что сегодня у правоприменителя при правовой оценке таких деяний появляется необходимость назначать лингвистическую или психолого-лингвистическую при использовании букв «Z» и «V» в текстах дискредитирующего характера, а также искусствоведческую экспертизу при непосредственном физическом воздействии на сами буквы.

Тем не менее, некоторые отечественные юристы считают данные буквы символами и отмечают, что «отсутствие официального статуса у перечисленных символов СВО не исключает противоправность совершаемых в отношении них публичных оскорбительных действий, при этом уточняя, что исходя из правоприменительной и судебной практики, следует разделить их на две группы: «Первая связана с оскорбительными действиями непосредственно в отношении этих символов (плевок в изображение букв «V» и «Z», порча или уничтожение средств наглядной агитации, повреждение стекол транспортных средств, на которых нанесены символы, и т. п.). Вторая – использование символов в текстах переписки в соцсетях, фото-и видеоизображениях оскорбительного характера, нанесение оскорбительных надписей «Z= фашизм», «погор» и др.»[2]

Продолжая рассматривать неоднозначное правовое значение «Z» и «V», отметим, что судами общей юрисдикции, так или иначе принимаются решения по административным и уголовным делам, в которых противоправные действия осуществляются в отношении рассматриваемых букв.

---

[1] Минобороны не считает буквы Z и V официальными воинскими символами URL: https://ria.ru/20220519/minoborony-1789452602.html (дата обращения: 07.06.2023).

[2] Сокол А.М. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях: проблемы квалификации // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3(35). С. 136.

Так, 10.03.2022 г. Сургутский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа-Югры постановил признать виновным Рудяк Е.О. совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. $20^{3.3}$ КоАП РФ. В судебном заседании установлено, что Рудяк Е.О. в социальной сети «В контакте» оставил комментарий к публикации об информации о повреждении неизвестным автомашины, на которой имелась буква «Z» следующего содержания: «Еее, чувак, если ты сейчас это читаешь, добра тебе, ты красавчик! Пусть на лоб себе лепят свою недосвастику! Нет войне!!!!». Таким образом, гражданин Рудяк Е.О. понес ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации[1].

Неоднозначную позицию относительно указанных символов свидетельствует другой пример. В определение суда по делу № 5-282/2022 судья отметил, что «при этом протокол об административном правонарушении не содержит указания на то, каким образом совершенные Алакшиным Д.К. действия по отклеиванию логотипа «V» (георгиевская ленточка) относится к действиям, направленным на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации»[2].

Таким образом, в отечественной правоприменительной практике латинские буквы «Z» и «V» являются символами, при этом судами общей юрисдикции они трактуется неоднозначно, в Сургутский городском суде «Z» является буквой, в Хабаровском городском суде «V» назвали логотипом, а официальная позиция Министерства обороны Российской Федерации, приведенная выше, называет «Z» и «V»знаками.

Так, И.Б. Мощанский отмечал, что знак-символ – это чувственно воспринимаемый предмет, безотносительно замещающий другой отличный от него предмет, не имеющий первым какой-либо фактической связи. В этой же работе автором также было подмечено, что воинская символика объективируется в воинских ритуалах, наградах, флагах, гербах, знаках различия в мирное, военное время и в другие периоды[3].

Примером такой символики является Георгиевская лента, вопрос правовой природы которой был решен в декабре 2022 года, Георгиевскую ленту признали воинским символом, установили статус, а также закрепили законодательно внешние признаки данного символа, а именно лента из

---

[1] Дело № 5-2557/2022 Ханты-Мансийский автономный округ - Югра (Тюменская область)10 марта 2022 года. URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 26.10.2023).

[2] Дело № 5-282/ 2022 г. Хабаровск 25 мая 2022 года. URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 26.10.2023).

[3] Мощанский, И. Б. Гносеологические и аксиологические функции воинской символики: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2000. С. 14–15.

чередующихся равноширокихтрех черных и двух оранжевых полос[1]. В данном федеральном законе «О георгиевской ленте» отмечено в каких случаях используется данный символ, зафиксировано перечень субъектов, кому допускается использование Георгиевской ленты, а также в ст. 3 установлено, что за публичное осквернение рассматриваемого символа предусмотрена ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Если говорить о «Z» и «V» как о логотипе, то следует отметить, что термин «логотип» является производным от слова «логос», что означает «слово» или «речь». В настоящее время рассматриваемый термин используется в экономической сфере, в частности – коммерческой. Поэтому, если проанализировать значение термина, то логотип – это оригинальное начертание или сокращенное наименование фирмы, товарной группы, производимой данной фирмой, или одного конкретного товара, выпускаемого ею[2].

Исходя из вышесказанного, трактовать «Z» и «V» как логотипы или воинские символы в части касающейся квалификации и рассмотрении в суде правонарушений, предусмотренных ст. $20^{3.3}$ КоАП РФ и ст. 280^{3} УК РФ, юридически неправильно, так как символ следует считать воинским, если данный статус установлен федеральным законом, а значение термина «логотип» не соответствует значению «Z» и «V».

Как пример, армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) 5 августа 2022 года начала операцию «Рассвет» против палестинской группировки «Исламский джихад» (признанная террористической и запрещенная в РФ организация)[3]. Ввиду этого в сети «Интернет» на различных сайтах были опубликованы фотографии военной техники Израиля, на которой нанесены «Z» и «V». На израильской бронетехнике они имеют функциональное значение: Z означает принадлежность к пятой роте в составе батальона, V — к первой[4].

В случае закрепления буквам «Z» и «V» статуса воинского символа федеральным законом, необходимым будет установить единый образец таких символов, например, по аналогии с Федеральным законом РФ «О Георгиевской ленте» (п. 2 ст. 1), что, в свою очередь, применительно к

---

[1] Федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (Часть I). Ст. 26.

[2] Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы / В.Л. Музыкант. Новосибирск: Интербук, 2006. С.77.

[3] Решение Верховного Суда РФ от 2 июня 2006 г. № ГКПИ06-531 «Поскольку деятельность международных организаций носит террористический характер и они представляют угрозу для безопасности РФ, суд признал данные организации террористическими и запретил их деятельность на территории РФ».

[4] В соцсетях заметили танки Израиля с символами Z и V URL: https:// news.rambler.ru/weapon/49127704-v-sotssetyah-zametili-tanki-izrailya-s-simvolami-z-i-v (дата обращения: 16.10.2023).

буквам «Z» и «V» не только не решит проблем при квалификации подобных правонарушений в правоприменительной практике, но и создаст новые.

Подводя итог, отметим, что устанавливать статус воинского символа Российской Федерации, а также придавать любое другое правовое значение 22-й (V) и 26-й (Z) буквам базового латинского алфавита в настоящее время не представляется возможным.

Действия, совершаемые непосредственно в отношении букв «Z» и(или) «V» могут быть противоправными, например, когда оскверняется Георгиевская лента, которая изображена в виде буквы «Z», такие действия будут квалифицироваться по ч.3 ст. 354^{1} УК РФ. Либо в случае умышленного уничтожение или повреждения чужого имущества (предмета в виде буквы «Z» или «V», с изображением данной буквы и т. д.) лицо должно привлекаться к административной или уголовной ответственности в зависимости от причиненного ущерба (ст. 7.17 КоАП РФ или ст. 167 УК РФ).При этом, если такие действия, например, сопровождаются дискредитирующими российскую армию высказываниями, то противоправный характер несут не действия в отношении рассматриваемых букв, а именно высказывания, наказуемые по ст. $20^{3.3}$ КоАП РФ либо по ст. 280^{3} УК РФ.

Полагаем, что сами действия, в том числе публичные, в отношении букв «Z» и «V» не являются противоправными и наказуемыми по ст. $20^{3.3}$ КоАП РФ и 280^{3} УК РФ, так как буквы «Z» и «V» не имеют правовой природы по указанным выше причинам, ответственность наступает только за действия, которые посягают на другие общественные отношения, охраняемые законодательством РФ.

Научное издание

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции
памяти профессора В. Е. Квашиса
(29 сентября 2023 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1981-9

Подписано в печать 11.12.2023.
Авт. л. 27,8. Заказ 209.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.